

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

М. П. КУЧЕРА

ЗМИЕВЫ ВАЛЫ
Среднего Поднепровья

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1987

В монографии впервые обобщаются материалы археологического изучения длинных Змиевых валов, до недавнего времени остававшихся загадочными. Уточняются местоположение и сохранность валов, их устройство и назначение как укреплений против кочевников. Аргументируется древнерусское происхождение валов, определяется место этих сооружений в оборонительной системе Среднего Поднепровья, рассматриваются внешнеполитические и внутренние факторы, обусловившие их возникновение, выясняется роль Змиевых валов в истории борьбы Древнерусского государства против печенегов и половцев. Приводятся расчеты трудовых затрат и источники материального обеспечения строительства.

Для историков, краеведов, всех, кто интересуется прошлым нашей страны.

Ответственный редактор *И. И. Артеменко*

Рецензенты *С. А. Высоцкий, Н. М. Кравченко*

Редакция литературы по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии и документалистике

ПРЕДИСЛОВИЕ

Змиевы валы сохранились в виде однообразных земляных насыпей, поражающих своей протяженностью. По преданию, их якобы воздвиг Змий — огромное чудовище, которое регулярно нападало и поедало местных жителей. Расправившись со Змием два смельчака, по большинству легенд — кузнецы Кузьма и Демьян. Они укротили Змия и принудили его огромным плугом пропахать межу, за которую он не смел вступать. Грунт, вывернутый из борозды-рва, образовал длинную насыпь — вал. Изнемогая от тяжелого труда и жажды, Змий дотянул плуг до реки (по другим вариантам легенды — до моря), не в меру напился воды и погиб. Так население Среднего Поднепровья избавилось от ненасытного врага.

Змиевы валы до последнего времени оставались загадочными памятниками древней истории, хотя, начиная с середины XIX в., о них писали многие исследователи. В силу своей специфичности, они не привлекали внимания археологов и находились, скорее, в сфере интересов краеведов, которые не могли определить пути подлинно научного их исследования. Отсутствие источниковедческих данных порождало различные гипотезы о времени возникновения Змиевых валов и их строителях.

Раскопки Змиевых валов предпринял в 1974 г. Институт археологии АН УССР. За десять лет изысканий были получены совершенно новые фактические данные, обобщение которых содержится в настоящей работе.

Объектом исследований явились валы, сгруппированные в Лесостепи южнее и юго-западнее Киева, между Днепром и Тетеревом до Роси и ее западных притоков на Правобережье, а также вал вдоль Днепра и нижнего течения Сулы на Левобережье общей протяженностью свыше 950 км.

В ходе работ одновременно решался целый комплекс задач: картографирование валов, выяснение их топографического положения и планировочной системы, определение конструктивных особенностей и возраста, исследование других археологических памятников, взаимосвязанных с валами. Полученные данные позволили ответить на вопрос о времени и обстоятельствах возведения Змиевых валов, их назначении и роли в истории населения Среднего Поднепровья. Решению намеченных задач были подчинены целенаправленные разведки и раскопки с последующей типологической и хронологической систематизацией археологических источников, использованием сравнительно-исторического, статистического и естественнонаучных методов исследования. Критически пересмотрены известные археологические факты, получившие субъективное толкование в научной литературе о Змиевых валах.

В ходе изучения Змиевых валов установлено, что это были довольно сложные оборонительные сооружения из дерева и земли, относящиеся к древнерусскому времени. Их возведение сплошными линиями для защиты от маневренной конницы кочевников требовало огромных материальных затрат и людских ресурсов, четкой организации строительных работ. В кажущейся хаотичности линий валов удалось разгадать единую стратегическую идею и наметить последовательность ее решения, выяснить место и роль валов в оборонительной системе Среднего Поднепровья, увязать эти сооружения с исторической географией Южной Руси и политической обстановкой на степном пограничье.

В работе приводятся данные о местоположении и степени сохранности валов, их устройстве, первоначальных размерах и эффективности как средства защиты. Определяется общая хронология валов в пределах конца X—XII в. Предлагается и более узкая датировка: предположительно выделены валы конца X—начала XI в.; валы, построенные между 1015 и 1032 гг., а также между 1032 и 1036 гг. Защитные линии были направлены прежде всего против печенегов. Наиболее поздний Змиев вал по нижнему и среднему течению Роси датируется не ранее начала XII в., его можно связывать со строительством укреплений по Роси для защиты от половцев.

В этих величественных сооружениях воплощен труд и талант тысяч строителей. Примерные расчеты показывают, что возведение отрезка вала длиной 1 км требовало затраты труда 72 человек в год. Ориентировочно определяется, что строительство ранних валов могло длиться в общей сложности не более 19 лет при ежегодном участии в нем 3500 человек. Источником материальных средств и рабочей силы являлись дань и трудовая повинность.

Строительство Змиевых валов было вынужденной, но необходимой мерой защиты мирного труда населения Среднего Поднепровья, безопасности колыбели древнерусской государственности — Киева, оно отвечало интересам широких слоев жителей, терпевших произвол, грабежи и порабощение со стороны кочевников.

В качестве дополнительных материалов привлечены данные об оборонительных сооружениях иного типа — городищах-крепостях, расположенных как в линии Змиевых валов, так и за пределами их местонахождения. Это позволило воссоздать общую структуру древнерусских оборонительных линий в Среднем Поднепровье, в том числе на этапе функционирования Змиевых валов. Впоследствии, с изменением исторической обстановки, валы уступили место вновь создаваемым крепостям.

Змиевы валы являются неповторимыми памятниками

оборонительного зодчества с характерными, присущими только им признаками. В работе выделены валы XVII—XVIII вв. и земляные укрепления скифского времени, которые в литературе ошибочно считались Змиевыми. Они резко отличаются от Змиевых валов и формой, и устройством, и размерами, и назначением. Освещается и ряд других вопросов, связанных с проблемой изучения Змиевых валов.

Кропотливыми археологическими исследованиями в течение сравнительно короткого отрезка времени удалось раскрыть содержание нового источника по истории Киевской Руси. Опыт изучения Змиевых валов Среднего Поднепровья позволит разгадать тайну подобных длинных земляных валов, известных на Юго-Западе СССР, в Молдавской ССР и соседних странах Юго-Восточной Европы, знания о которых, за редким исключением, продолжают оставаться в плену легенд и гипотез

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение Змиевых валов Среднего Поднепровья, начатое в первой половине XIX в., до недавнего времени ограничивалось описанием и картографированием их остатков. Тем не менее эта далеко не второстепенная задача до конца не решена. Огромная протяженность и труднодоступность валов, пересекающих поля, огороды, пустыри, леса, болота, реки, затрудняли их визуальное обследование, обмеры и составление планов. В основном осматривались сравнительно небольшие участки валов, расположенные ближе к Киеву. В единичных случаях исследователи XIX — начала XX в., пользуясь доступными сведениями, составляли сводные планы, условно проводя на карте линии валов между известными пунктами их нахождения. Достоверность таких планов зависела от полноты и объективности источников информации, полученных из вторых рук. Когда назрела необходимость археологического изучения Змиевых валов, эти сооружения на многих участках уже не сохранились.

Первая краткая информация о Змиевых валах по р. Рось была опубликована в 1844 г. действительным членом Одесского общества истории и древностей Тетбу-де-Мариньи, который, судя по тексту, лично эти валы не осматривал [51, с. 599].

Наиболее ранний план Змиевых валов в междуречье Днепра — Роси — гравюра на меди 1837 г. хранится в ЦНБ АН УССР*. На плане

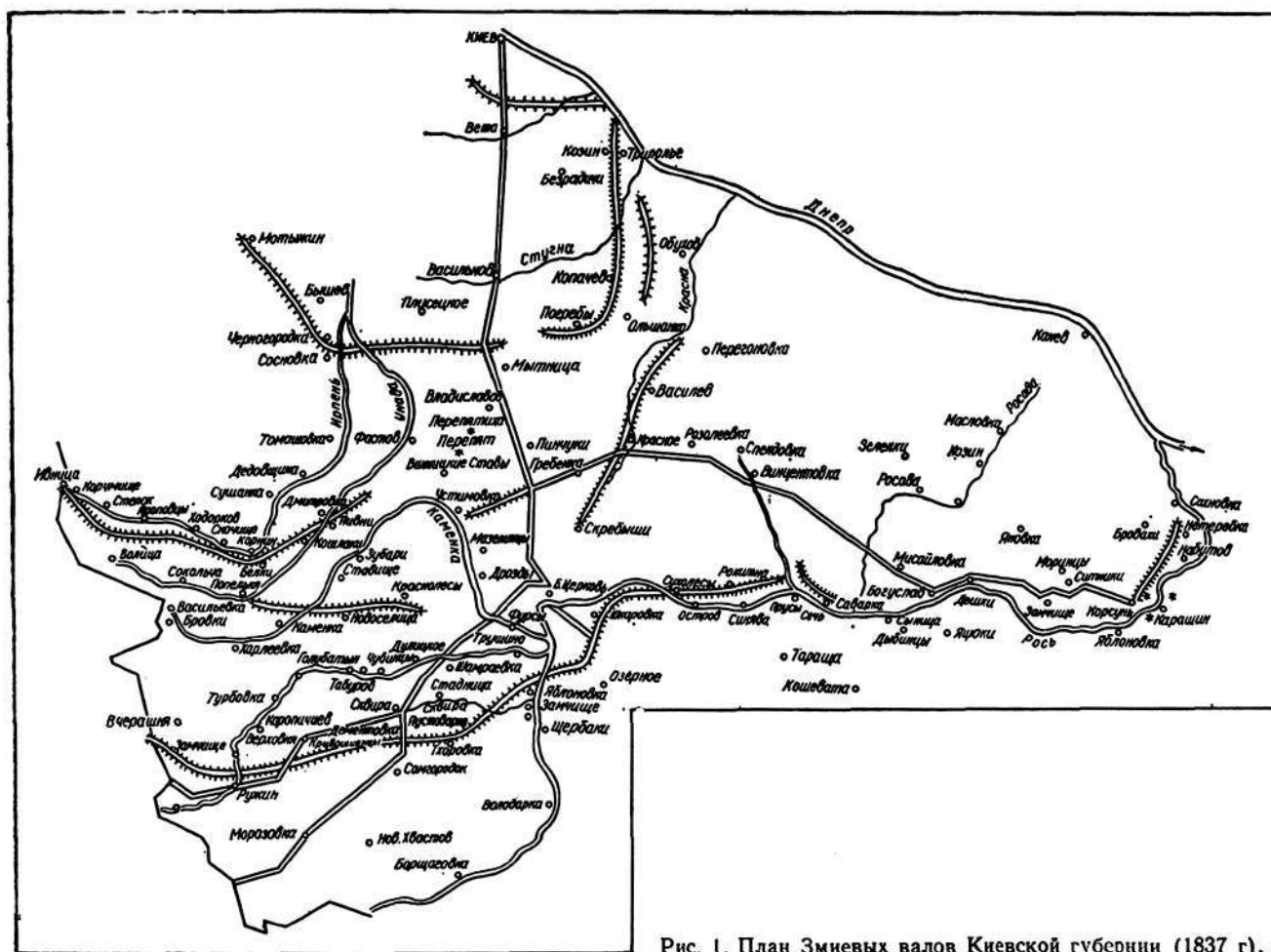
* Отдел картографии, инв. № 10971. Сведения о наличии этого плана сообщены автору Л. Е. Махновцем.

часть известных валов не показана, но валы нанесены в местах, где они уже не сохранились. План схематичен, географически неточен и, очевидно, по этой причине не был опубликован (рис. 1). Автор его неизвестен. В 1848 г. была издана работа И. И. Фундуклея «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии», в которой наряду с другими категориями древностей дается описание местоположения и внешнего облика Змиевых валов. Эти же сведения о валах вошли в работу краеведа М. Грабовского, опубликованную на польском языке в 1850 г. [214].

Сведения о валах Правобережья Среднего Поднепровья содержатся и в работах Л. Похилевича [149; 150], но они, за единичными исключениями, повторяют данные, опубликованные И. И. Фундуклеем.

Интерес к Змиевым валам проявлял известный историк М. А. Максимович. В 1869 г. в письме председателю Московского археологического Общества он изложил результаты своего осмотра Переяславских валов в междуречье Трубежа — Супоя и предлагал снять точный план Переяславских валов [198, с. СХХV; 117, с. 340—342].

В 1873 г. по инициативе Московского археологического Общества Центральным статистическим комитетом были собраны анкетные сведения по ряду губерний об имеющихся на их территории древних сооружениях. Эти данные, дополненные последующими обследованиями некоторых памятников и новыми сообщениями краеведов, были опубликованы по Правобережной Украине в виде «Археологических карт» отдельных губерний. В них по бассейнам рек в пределах уездов вошли и сведения о валах. Данные о Правобережье Среднего Поднепровья содержатся в «Археологической карте Киевской губернии», изданной в 1895 г. В. Б. Антоновичем. К «Карте» прилагается сводный план местоположения всех памятников, в том числе Змиевых валов. К последним были отнесены сооружения различных типов и эпох, недостающие звенья для получения сплошных линий дополнены произвольно (рис. 2). На плане частично отразилось предвзятое мнение о концентричности Змиевых валов Киевщины, ошибочно высказанное еще ранее [9, с. 355].

Змиевы валы Левобережья в конце XIX — начале XX в. изучал археолог В. Г. Ляскоронский. Он провел осмотр памятников и опубликовал краткое их описание со схематическими планами некоторых отрезков [110, с. 456—459; 112; 113; 114, с. 73—82; 115]. При этом В. Г. Ляскоронский отнес к Змиевым валам и часть городищ. Важные сведения о валах Левобережья Среднего Поднепровья, поступававшие в 1896—1898 гг. от местных корреспондентов в Полтавский губернский статистический коми-

тет, опубликовал в начале XX в. историк
Л. В. Падалка [131, с. 35; 132, с. 3—27].

В начале XX в. киевским историком-любителем Л. Добровольским были визуально изучены, подробно описаны и составлены планы двух оборонительных линий в междуречье Днепра — Ирпеня: вал по рекам Вита и Бобрца и валы по левому берегу Стугны и водоразделу между Стугной и Ирпенем [40—44]. Ближайший к Киеву вал по рекам Вита и Бобрца оставался вне поля зрения прежних исследователей, а в све-

дения В. Б. Антоновича о валах междуречья Стугны — Ирпеня Л. Добровольским были внесены существенные дополнения и уточнения. Параллельно с исследованиями Л. Добровольского были опубликованы два плана указанных валов, составленные под руководством подполковника Б. С. Стеллецкого. Они не оригинальны (Б. С. Стеллецкий валы не обследовал), но отличаются от схематических планов Л. Добровольского более квалифицированным графическим исполнением. На первоначальном плане Б. С. Стеллецкий повторил ошибки В. Б. Антоновича [103, с. 21], а во втором варианте исправил их по данным Л. Добровольского [187]. Однако в литературе с легкой руки Н. Д. Полонской в качестве иллюстративного материала закрепился первый план Б. С. Стеллецкого [148, с. 49; 32, с. 442].

Работами Л. Добровольского в «киевском треугольнике» между Днепром, Ирпением и Стугной было закончено длившееся почти целое столетие первичное картографирование Змиевых валов Среднего Поднепровья. Составленные описания и схемы валов, в особенности ныне не существующих, являются ценнейшим историческим источником.

В последующее полувековье Змиевы валы почти не привлекали внимания исследователей, хотя именно в этот период археология получила быстрое развитие и началось массовое изучение валов городищ — оборонительных сооружений древних поселений. Раскопки памятников сугубо фортификационного характера, не предназначавшихся для заселения и лишенных культурного слоя, считались безнадежным и, по крайней мере, длительным, трудоемким и малоперспективным занятием.

В 1946 и 1947 гг. вал по правому берегу нижнего течения Сулы и некоторые отрезки валов по Стугне в 1947 г. обследовал Ф. Б. Копылов [60; 61; 62; 63, с. 309; 104, с. 49].

В историографическом плане важное значение имеет обобщающая статья о Змиевых валах Украины польской исследовательницы Э. Ковальчик, опубликованная в 1969 г. [220]. Она основана на литературных данных, затрагивает широкий круг вопросов, но главное внимание уделяется выяснению местоположения и про-

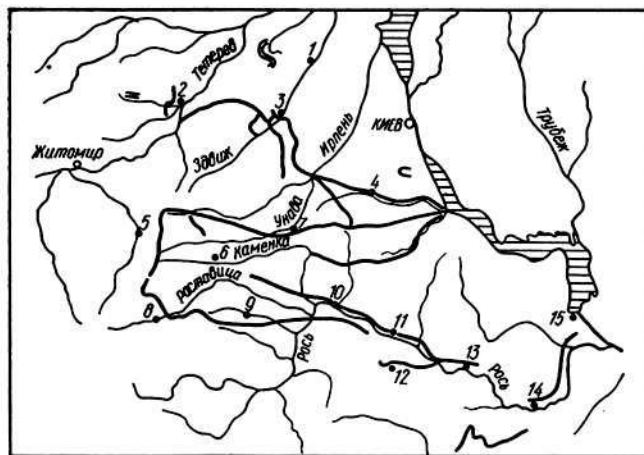
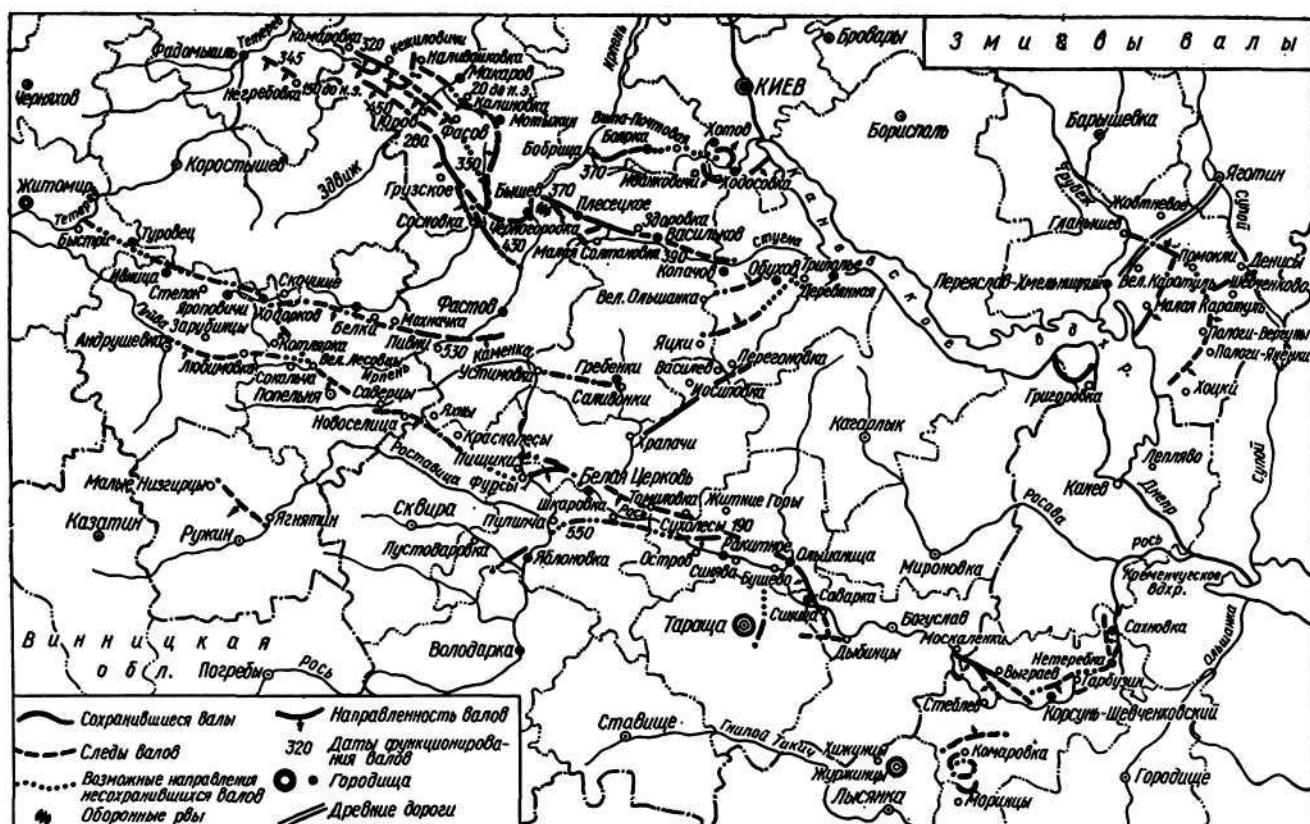

Рис. 2. План Змиевых валов по «Археологической карте Киевской губернии» (1895 г.):

1 — Бородинка; 2 — Радомышль; 3 — Макаров; 4 — Васильков; 5 — Андрушевка; 6 — Попельня; 7 — Фастов; 8 — Ружин; 9 — Сквиря; 10 — Белая Церковь; 11 — Ракитное; 12 — Тараща; 13 — Богуслав; 14 — Корсунь-Шевченковский; 15 — Канев.

тяженности линий валов. С помощью крупномасштабной топографической карты Э. Ковальчик удалось доказать недостоверность схемы валов В. Б. Антоновича в междуречьях Здвижа — Ирпеня — Унавы, но при этом в ряде мест были допущены и неверные реконструкции оборонительных линий.

В конце 60-х годов разведкой Змиевых валов занялся киевский энтузиаст-любитель А. С. Бугай. При поддержке Украинского Общества охраны памятников истории и культуры под его руководством обследованы почти все как сохранившиеся, так и разрушенные, но еще прослеживающиеся на поверхности участки валов в Среднем Поднепровье. Уже в начале исследований [21—25] обнаружились случаи несоответствия картосхемы В. Б. Антоновича и Э. Ковальчик действительному местоположению валов. А. С. Бугай составил новую схему Змиевых валов (рис. 3) [26; 27]. Схема выполнена на любительском уровне — линии валов нанесены приблизительно по местоположению на географической карте населенных пунктов, возле которых они проходят и, конечно, имеет фактические погрешности: в местах пересечения валов и изме-

нения их направлений пропущены продолжения отдельных линий или же за остатки Змиевых валов, по сложившейся традиции, приняты сооружения совершенно иного характера. Тем не менее это первая сводная схема валов Среднего Поднепровья, фиксирующая результаты их непосредственного осмотра на местности. Следует оговорить, что А. С. Бугай проводил исследования в период неудовлетворительной сохранности большинства валов и сбор данных о них требовал больших усилий и тщательных поисков, особенно на распаханных участках. На этом заканчивается длившийся с первой половины XIX в. период посылного для краеведения картографирования валов.

Для решения основной задачи — определения возраста валов — какие-либо конкретные данные до последнего времени отсутствовали. Используя легенду о постройке римским императором Траяном (конец I — начало II в. н. э.) так называемых Траяновых валов в Поднестровье и Подунавье, И. И. Фундуклей относил к римскому времени и возникновение валов Среднего Поднепровья [206, с. 30]. Известны и явно абсурдные утверждения о строительстве среднеднепровских Змиевых и дунайских Траяновых валов киевским Траяном за 500 лет до н. э. [58].

Нельзя оставить без внимания сведения письменных источников. Несколько раз валы Среднего Поднепровья упомянуты летописью: под

1093 г.— два вала южнее низовьев Стугны за Треподем (современное с. Триполье), под 1095 и 1149 гг.— оба Переяславских вала, под 1151 г.— вал южнее среднего течения Стугны к югу от Василева (современный г. Васильков) [142, стб. 211, 217, 379—381, 433—435]. При этом летопись не дает прямого ответа на вопрос о значении валов как искусственных сооружений. Они упоминаются при описании военных действий как против половцев, так и между древнерусскими князьями, но без определения их конкретной роли в этих действиях: войска «придоша вал»; «прошедше вал»; «ставшим межи валом»; «пришедше к валови»; «изидоша стрилци из валу»; «ста межи валом»; «иде за вал»; «пришедше к валови и не проходяче валу» [142, стб. 211, 217, 379, 381, 433, 434].

В летописи под 1223 г. говорится о появлении в южнорусских степях орд Чингиз-хана, которые прошли через половецкие владения и, согласно одному из летописных списков, «придоша близ Руси, идеже зовется вал Половечский» [141, с. 189]. Исходя из этого сообщения, Э. Ковальчик предполагает, что Половечский вал находился где-то на левом берегу Днепра [220, с. 147]. Однако в других летописных списках эти сведения изложены полнее: орды Чингиз-хана оттеснили половцев к Днепру; спасаясь от пришельцев, к Половецкому валу «прибеже» половецкий «князь» Котян [143, стб. 504; 144, с. 152; 145, с. 88; 146, с. 67]. В этом случае упомянутый вал мог находиться и на Правобережье Днепра.

По мнению исследователей, в летописных упоминаниях речь идет о Змиевых валах, которые уже существовали в XI—XII вв. Оставалось неясным главное: когда и в связи с чем они возникли. Одни авторы считали Змиевы валы древнерусскими, воздвигнутыми для защиты Среднего Поднепровья от кочевников, другие относили их к более раннему времени и рассматривали как защитные сооружения более широкого назначения.

Аргументом для сторонников первого мнения послужило свидетельство архиепископа Брунона, проезжавшего в 1008 г. через Киев к печенегам для проповеди христианства. В письме к германскому императору Генриху II Брунон

сообщал, что Владимир Святославич с дружиной два дня сопровождал его по пути к печенегам до границы своего государства, которое он окружил (*circumklausit*) от бродячего (кочевого) врага (*vagum hostem*) очень мощным и очень длинным (*firmissima et longissima*) «ограждением» (*sepe*) [33, с. 12]. К сожалению, в литературе нет единого мнения о значении примененного Бруноном латинского термина «*sepe*». Его переводят и как «засеки, завалы», и как «частокол», и как «изгородь», и как «забор, паркан, деревянное ограждение» [9, с. 367—368; 115, с. 5; 117, с. 342; 129, с. 7; 220, с. 149]. Аналогом описанному Бруноном сооружению, по мнению большинства исследователей, может быть только Змиев вал с деревянной стеной наверху.

М. А. Максимович считал, что Владимир сопровождал Брунона до Малого (южного) Переяславского вала, который в начале XI в. якобы был пограничным на Левобережье Днепра [117, с. 342]. В таком значении рассматривал Переяславские валы и В. Г. Ляскоронский, пытавшийся отождествить их с ограждением, которое упоминается Бруноном [115, с. 24—25]. Это мнение не утвердилось в науке, поскольку и по историческим, и по археологическим данным граница Руси на Левобережье проходила не по Трубежу или Супою, а значительно южнее — по Суле. Согласно В. Б. Антоновичу и Н. Молчановскому, свидетельство Брунона относится к Трипольскому валу в устье Стугны на правом берегу Днепра [9, с. 368; 119, с. 42]. Э. Ковальчик придерживается аналогичного мнения, хотя допускает, что за два дня Владимир и Брунон могли проехать дальше Стугны, отстоящей от Киева на 40 км [220, с. 146].

Л. Добровольский, обследовавший валы по рекам Вита, Бобрица и Стугна, считал, что обе линии вместе с находящимися в них городищами служили для защиты Киева. Сооружение валов он относил к древнерусскому периоду или к «начальной поре существования государственной жизни на Руси» [40, с. 56; 42, с. 49—50; 43, с. 16; 44, с. 179]. Впрочем, свое мнение Л. Добровольский не пытался аргументировать и в некоторых публикациях отмечал отсутствие данных для суждения о времени возникновения валов [41, с. 28—29].

Одним из первых исследователей, усомнившимся в древнерусском происхождении Змиевых валов, был В. Г. Ляскоронский. Свое мнение он мотивировал тем, что Змиевы валы выходят за пределы государственной территории Руси и что древнерусские летописи говорят о них, как уже не функционировавших оборонительных сооружениях [112, с. 202—205]. Непосредственным поводом для пересмотра хронологии валов явились собранные им археологические данные. Доводы В. Г. Ляскоронского казались безупречными и никем не оспаривались, хотя в действительности они непоследовательны и ошибочны.

Еще в 1901 г. валы городищ скифского времени в верхнем течении Сулы у сел Великие Будки и Басовка В. Г. Ляскоронский именовал «Змиевыми» [110, с. 456]. На опубликованном плане только части Басовского городища он неверно нанес внешний вал, якобы уходящий от городища в сторону и названный им «Змиевым» [110, с. 423]. Как показали исследования специалистов, в составе Басовского городища находится не одна, а три мысовые части; наружный вал, прикрывающий эти укрепления с напольной стороны, имел замкнутую конфигурацию и образовывал четвертую часть городища [53, с. 48, рис. 1]. Обследовав огромное Бельское городище на Ворскле с культурным слоем скифского времени, В. Г. Ляскоронский отнес его также к числу Змиевых [112, с. 209].

Вторая ошибка В. Г. Ляскоронского заключалась в том, что он датировал Змиевы валы по находящимся в их линиях так называемым курганам- и городищам-майданам. Воспринимая по традиции эти памятники как сооружения древних эпох, В. Г. Ляскоронский еще не знал об их истинном происхождении. Как было установлено В. А. Городцовым [37] и А. А. Спицыным [184], а впоследствии и А. Федоровским [205], майданы происходят из курганов и небольших городищ, разрушенных в процессе селитроварения в позднее средневековье. В. Г. Ляскоронскому было известно, что в курганах-майданах находят древние погребения (окрашенные в красный цвет целые или разрозненные человеческие скелеты, а также погребения с вещами скифского времени). Аналогичные майданообразные сооружения, образовавшиеся

в результате производства селитры, он обнаружил во внешнем валу упоминавшегося Бельского городища, что дало повод связать хронологически со Змиевыми валами и расположенные в их соседстве курганы-майданы по нижнему течению Сулы, а также в других местах, и высказать мнение о скифском происхождении всех Змиевых валов Южной России [112, с. 207—210].

Учитывая свидетельство Брунона, которое М. А. Максимович и В. Б. Антонович воспринимали как доказательство древнерусского происхождения Змиевых валов, В. Г. Ляскоронский допускал возможность использования Владимиром уже существовавших длинных валов. Для окончательного решения вопроса он считал необходимым провести раскопки валов и находящихся в тесной связи с ними городищ и курганов.

Исследование В. Г. Ляскоронского было единственной, хотя и неудачной, попыткой определить датировку Змиевых валов по археологическим данным. Его выводы, не подвергнутые критическому анализу, имели нежелательные последствия. В связи с этим требуют рассмотрения и другие, явно ошибочные аргументы автора.

В. Г. Ляскоронский отмечает, что в насыпях так называемых Змиевых валов во многих местах находились предметы, относящиеся, по-видимому, к очень отдаленной эпохе [112, с. 205]. Далее он называет два «лично известных» ему местонахождения: в насыпи вала на Терновской толке близ г. Лубны были найдены «кости человеческого скелета, окрашенные в красный цвет», а в «валах» у с. Нижний Иржавец близ Лукомья на Суле — «человеческие кости, окрашенные в красный цвет, куски черепков древнего типа» [112, с. 205]. Однако человеческие кости и обломки глиняной посуды могли попасть в вал при его сооружении из находившихся рядом курганов, если последние использовались для насыпи вала. В таком случае находки в валу не дают никаких оснований для утверждения о древности самого вала. Между тем В. Г. Ляскоронский излагает свою версию не в плане вторичного попадания находок в насыпь вала, а в плане того, что погребения устраивали в уже су-

ществовавшем валу. В ином понимании утверждение о глубокой древности вала абсурдно.

В связи с этим заслуживает внимания степень достоверности фактов, используемых В. Г. Ляскоронским в статье о датировке валов. Характеризуя упомянутый вал на Терновской толоке в более ранней работе *, В. Г. Ляскоронский отмечал в 1901 г.: «Здесь, говорят, находили человеческие скелеты, окрашенные в красный цвет» [110, с. 441]. Как видно, местонахождение древних погребений, о которых В. Г. Ляскоронский пишет в 1907 г., как о «лично известных», определено недостоверно. После того как было найдено объяснение майданам, В. Г. Ляскоронский пытался доказать, что по каким-то причинам Змиевы валы все-таки взаимосвязаны с курганами-майданами. Он публикует схематический план Змиева вала вдоль правого коренного берега Сулы на отрезке между селами Нижний Иржавец и Великая Селецкая. На плане перед валом показаны майданы из разрушенных селитроварением курганов, но о находках в валу В. Г. Ляскоронский уже не упоминает [113, рис. 128]. Очевидно, именно в этих курганах находили «окрашенные в красный цвет» человеческие кости и древние вещи, о которых писал автор ранее, вероятно, по непроверенным рассказам местных жителей.

Несколько позже в обобщающей статье о городищах, курганах, майданах и Змиевых валах в области Днепровского Левобережья В. Г. Ляскоронский уже опускает вопрос о датировке Змиевых валов [114]. А спустя пять лет, занявшись определением местоположения печенегов, к которым направлялся из Киева Брунон, он счел нужным признать, что Переяславские валы сооружены во время княжения Владимира [115, с. 22].

Незнание археологической материальной культуры, кроме импортной древнегреческой посуды на скифских городищах и находок каменных орудий в курганах-майданах, привело к тому, что находящиеся в линии Змиева вала городища по правому берегу нижнего течения Сулы, нарушенные селитроварением в XVII—

XVIII вв., В. Г. Ляскоронский датировал не по культурному слою, а по принадлежности их к майданоподобным сооружениям.

Гипотеза В. Г. Ляскоронского длительное время не имела успеха. В пособии для краеведов один из ведущих археологов старшего поколения А. А. Спицын писал в 1927 г., что «киевские Змиевы валы ... скорее всего русские, времени Владимира» [185, с. 102].

Вопрос о происхождении и характере отдельных валов получил некоторое уточнение в послевоенный период. Проведенное Б. А. Рыбаковым в 1947 г. обследование Большого Переяславского вала и сообщение местных жителей о находке вблизи него наконечников стрел раннежелезного века позволили ему предположительно датировать вал скифским временем [167, с. 22]. Отметим, что такое мнение не было преждевременным. Переяславские валы, образующие в плане полукруг, являются остатками большого городища скифского времени, что было установлено Б. А. Шрамко, который, обследовав на всем протяжении Переяславские валы, отнес их к городищу раннежелезного века [210, с. 42—44; 211, с. 200]. Аналогичный подковообразный вал в уроч. Круглик на р. Вита у с. Ходосовка, обозначенный на всех схемах Змиевых валов, специалисты-скифологи также считают городищем [147, с. 4; 202, с. 3]. К этому же типу памятников относится большое городище, расположенное напротив Переяславских валов у с. Трахтемиров на правом берегу Днепра, которое на плане А. С. Бугая, вслед за В. В. Антоновичем, обозначено как Змиев вал. Принадлежность Трахтемировского вала к городищу скифского времени доказана раскопками [59, с. 108—111].

Среди Змиевых валов Э. Ковальчик упоминает вал на хут. Млынок у с. Веприк Фастовского р-на Киевской обл. [220, с. 163, 165]. Обследованном в 1979 г. установлено, что этот вал длиной около 3 км сохранился в виде разомкнутого овала и относится к тому же типу больших городищ раннескифского времени (VI в. до н. э.). Как и названные выше памятники, в городище входили источники водоснабжения — участок р. Ирпень и устье р. Веприк [80, с. 31].

Еще первые исследователи древних укреплений обратили внимание на своеобразие подоб-

* К настоящему времени этот вал не сохранился.

ных памятников. Л. Похилевич отмечал, что Кругликовский «таинственный вал» ограждает «огромное городище» [150, с. 108]. Л. В. Падалка называл Бельские укрепления городищем, приняв их все же за Змиевы валы скифского времени [132, с. 17, 23, 25]. Л. Добровольский указывал на своеобразие плана Кругликовского, Трахтемировского и Переяславского земляных ограждений, которые он считал разновидностью «древних скопов» [40, с. 58, 59].

Непланомерное изучение и неопределенность в датировке Змиевых валов вынудили исследователей совместить оба противоположных мнения о хронологии валов и даже способствовали попыткам передвинуть их датировку к нижнему хронологическому рубежу. В обобщающем труде по истории материальной культуры Древней Руси Н. Н. Воронин в главе о крепостных сооружениях очень четко изложил состояние изученности Змиевых валов и свое отношение к этой проблеме. Отметив, что в оборонительной системе Киевской земли особого внимания заслуживают Змиевы валы, время сооружения которых вызывает споры, Н. Н. Воронин писал: «...есть все основания относить их к глубокой древности и считать, что Киевская Русь лишь усовершенствовала и усилила их стратегические качества. Однако, по свидетельству Брунона (1008), эти валы сооружены при Владимире Святославиче; Брунон рассказывает, как князь Владимир проводил его до границ своего государства, которое он для безопасности от врагов-кочевников окружил со всех сторон весьма длинной и крепкой оградой... Важнейшими линиями были валы по реке Стугне от Триполья на Васильков, Черногогородку и Бышев (время Владимира) и валы по реке Роси (время Ярослава)» [32, с. 441].

Подобную точку зрения, с частными расхождениями, занимает Э. Ковальчик. По ее мнению, какая-то часть валов могла быть сооружена в конце X—XI в., но в этот период для защиты скорее использовались уже существовавшие валы. Голословно утверждая, что якобы городища, связанные с валами, датируются XII—XIII вв., последнее строительство валов она склонна связывать с Батыевым нашествием [220, с. 157—158].

М. Ю. Брайчевский в 1952 г. высказался против датировки Змиевых валов скифским временем. Он отмечал, что существование таких валов в условиях общинного строя при отсутствии единой централизованной власти и единой военной организации лишено всякого основания. Змиевы валы защищали не Степь, где в скифский период возникло рабовладельческое государство, а Лесостепь [17, с. 30]. В порядке рабочей гипотезы М. Ю. Брайчевский предложил датировать Змиевы валы Среднего Поднепровья периодом черняховской археологической культуры II—V вв. н. э., которую он отождествлял с племенами антов. При этом М. Ю. Брайчевский не отрицал существования валов древнерусского времени (считал антской «ту часть Змиевых валов, которая возникла до Киевской Руси»), однако местоположение этих валов не указывал. Позже М. Ю. Брайчевский уточнил, что к эпохе Киевской Руси могут относиться валы Киевщины, а к черняховской культуре — валы Подолии [19, с. 290—291; 20, с. 59].

П. А. Раппопорт, занимаясь древнерусскими памятниками оборонительного строительства Киевского Поднепровья — городищами, не обнаружил четкой связи их со Змиевыми валами. Объясняется это ограниченностью территории, на которой проводилось обследование памятников, недостаточным знанием Змиевых валов и предубежденным мнением о том, что городища должны были обязательно находиться на концах валов [158, с. 26]. Позднее исследователь под влиянием ранних работ В. Г. Ляскоронского отнес Змиевы валы к скифскому времени [160, с. 170; 162, с. 115; 163, с. 167]. Это мнение казалось более приемлемым, чем гипотеза М. Ю. Брайчевского. Ведь укрепления черняховской культуры с земляными валами вообще неизвестны, а оборонительные сооружения городищ скифского времени представлялись наиболее внушительными. Хотя М. Ю. Брайчевский в 1964 г. вполне определенно изложил мнение о древнерусском происхождении Змиевых валов Среднего Поднепровья, это мнение по-прежнему воспринималось как указание на один из возможных вариантов датировки валов.

Обследуя валы, А. С. Бугай обнаружил в них уголь от сгоревших бревен, возраст которых был

определен радиоуглеродным методом. На основании полученных данных А. С. Бугай датирует валы II в. до н. э.—VII в. н. э. [26; 27]. На опубликованной им картосхеме валов (см. рис. 3) указаны даты радиоуглеродного анализа в местах взятия проб угля. Всего отмечено 14 дат для девяти линий валов в пределах 150 г. до н. э.—550 г. н. э., в том числе две даты — II—I вв. до н. э., по одной — II и III вв., шесть — IV в., две — V в. и две — VI в. Если оценивать полученные определения объективно, то валы датируются II в. до н. э.—VI в. н. э. Из этих данных вытекает, что в течение 130 лет (150—20 гг. до н. э.) в междуречье Ирпеня — Тетерева существовал только отрезок вала, остаток которого сохранились в с. Раковичи. В 20 г. до н. э. возводится внутренний вал между Мотыжином и Наливайковкой. Спустя 300 лет, в 280 г. н. э. на 50-километровом отрезке междуречья Ирпеня — Тетерева начинается строительство внешнего вала, которое продолжалось 170 лет (до 450 г.). Неясно, почему за 130 лет до окончания строительства внешнего вала — в 320 г. — начали сооружать средний вал.

Еще до получения данных о датировке А. С. Бугай считал, что Змиевы валы являются продуктом многовековой истории среднеднепровского населения. По его мнению, строительство огромных городищ скифского времени типа Немировского было шагом к строительству валов для защиты целых районов; их возведение, начатое в I тыс. до н. э., могло продолжаться и в I тыс. н. э., «даже во времена Аскольда и Дира» [22, с. 81—82]. Немного позже А. С. Бугай полагал, что Змиевы валы служили рубежами между отдельными общественно-политическими образованиями, защищавшими свои территории от общего врага [24, с. 119—120].

Интерпретация валов как оборонительных сооружений, фиксирующих административно-политическое деление восточных славян Среднего Поднепровья на протяжении длительного периода (II в. до н. э.—VII в. н. э.) не подтверждается данными археологическими и исторической географии и это положение не было поддержано специалистами. Несмотря на то что результаты радиоуглеродного метода датировки привлекли

внимание научной общественности, проблема хронологии Змиевых валов продолжала оставаться дискуссионной. К сожалению, неверные определения проб угля, попав на страницы целого ряда периодических изданий, дезинформировали читателя. Принимая полученные датировки за неоспоримые, авторы отдельных корреспонденций ошибочно детализировали их историческое значение. А. Членов, различая валы, сооруженные отдельно против готов, сарматов, гуннов и аваров, выделил «Великую Древлянскую стену на р. Здвиж», «строившуюся в течение 900 лет и остановившую сарматов, а затем и полчища Атиллы». Отдельные валы автор называет «линиями дальней обороны Киева» и тут же добавляет: «вернее, ... природного бастиона Киевских гор, ибо самого Киева в IV веке еще не было», а в целом валы Среднего Поднепровья «ограничивали владения славянских земель-государств» [209, с. 40, 43].

Вопрос о назначении Змиевых валов не вызвал особых разногласий. Они рассматривались как оборонительные сооружения против кочевников. Оригинального мнения придерживался Л. В. Падалка, полагая, что эти валы, состоящие из непрочного грунта — песка и супеска, — не могли применяться для оборонительных целей, их можно было легко разметать до основания. Поэтому он считал Змиевы валы ограждениями преимущественно для выпаса и защиты скота. Для защиты же людей служили округлые городища с замкнутым валом [132, с. 14, 15—23].

Л. В. Падалка не знал, что Змиевы валы состояли не только из земли, но и из дерева. Свои выводы он основывал на материалах бывшей Полтавской губернии и поводом для них послужило смешение двух типов памятников — больших городищ скифского времени и Змиевых валов, которые он не различал. Внутренние заселявшиеся части городищ действительно служили для защиты жителей, а внешние части, лишенные культурного слоя, могли использоваться для выпаса и защиты скота.

И. М. Самойловский относил Змиевы валы Левобережья к древнерусскому времени, исходя из логических соображений. Переяславские валы он считал сооружениями, защищавшими

древний Переяславль. Но в назначении Змиева вала по левому берегу Днепра сомневался и допускал возможность, что он охранял с востока Днепровский водный путь [181, с. 102]. В последнем случае исследователь явно ошибался: оборонительный ров вдоль вала находится не с востока, а со стороны Днепра. Для правильного ответа на вопрос необходимо более конкретно определить исходные хронологические данные. Ведь однажды сооруженный вал не мог находиться в исправном состоянии сотни лет и функционировать в течение всего древнерусского периода. В конце X — первой трети XI в. по Днепру между Стугной на Правобережье и Сулой на Левобережье проходила граница Руси в Среднем Поднепровье. Вал на указанном участке защищал Левобережье с запада — со стороны Правобережья.

Для правильного решения проблемы Змиевых валов, в том числе вопросов их хронологии и назначения, центральное место занимает выяснение устройства этих сооружений, обязательным компонентом которых являлись деревянные конструкции. Однако изучение устройства валов представляет наиболее сложную и трудоемкую часть исследований, непосредственно связанную с археологическими раскопками. Эту важнейшую источниковедческую часть проблемы никто решать и не пытался. Упомянутое Бруноном длинное заграждение по южной границе Поднепровья дало основание предполагать, что сверху на валу находилась какая-то деревянная стена, например, частокол [9, с. 367; 46, с. 41; 220, с. 150]. Несомненно, что исследователям были известны находки в валах обугленных бревен и пережженной глины, но этому не придавалось значения. Только в 1969 г. Э. Ковальчик, используя сведения о наличии древесных углей в Змиевых валах, предположительно увязала эти остатки со сгоревшими деревянными конструкциями. Вместе с тем она допускала, что на валах могли устраивать засеки [220, с. 149—150].

Следы пожара в виде углей, обугленных бревен и пережженной насыпи были обнаружены А. С. Бугаев в различных линиях Змиевых валов [22, с. 82—83; 24, с. 116; 25, с. 340—341]. Но они получили неверную интерпретацию. В отдельных местах залегание углей (перегорев-

ших и раздавленных обугленных бревен) сопровождается обожженностью насыпи вала. В этих случаях, по мнению А. С. Бугая, дерево сжигали специально для обжига насыпи и придания ей, таким образом, большей прочности [25, с. 340]. Гораздо чаще грунт насыпи вокруг остатков обугленных бревен не имеет следов обожженности. Согласно А. С. Бугаю, лес выжигали на трассе строящегося вала и по какой-то причине землю насыпали на вал тогда, когда дерево еще горело [22, с. 83; 25, с. 340]. Во всех валах, как подчеркивает А. С. Бугай, остатки пожара сохранились в нижней части насыпи. Но уголь встречается и в верхних частях вала. Его происхождение он связывает с обновлением укреплений, для чего выжигался лес, выраставший на валах [22, с. 83; 25, с. 341].

Уголь в насыпях валов образовался в результате пожара деревянных конструкций, которые будут рассмотрены ниже. Следует отметить, что различная степень сохранности сгоревшего дерева — от «отдельных угольков и угольных линз» до «больших скоплений угля и золы и даже обгоревших бревен» [25, с. 340], залегание углей прослойками на разных уровнях [22, с. 82—83], неодинаковая степень воздействия огня на насыпь вала объясняется не различным происхождением и назначением сгоревших объектов и не их разновременностью, а различием типов деревянной конструкции (в одних случаях срубной, в других — перекладной в виде бревенчатых настилов), от которых после пожара соответственно сохранились в валах и различные остатки. Интенсивность пожара зависела также от состава грунта в насыпи вала.

В истории исследования Змиевых валов центральное место занимал вопрос их хронологии. Из-за крайней ограниченности источниковедческих данных валы датировались различными эпохами в пределах от раннежелезного века до Киевской Руси включительно. Результаты радиоуглеродного анализа не внесли ясности в этот вопрос. Оставалось необъясненным, почему Змиевы валы, служившие средством защиты в течение девяти столетий, не использовались для этих целей после VII в. н. э. А ведь они несколькими полукругами опоясывают Киев и прилегающие районы Киевщины — территории

ального и политического ядра Древнерусского государства.

Метод радиоуглеродного датирования археологических памятников применялся и ранее. Археологам, имевшим дело с этим методом, было известно об относительной достоверности его показаний, зависящих от условий местонахождения, глубины залегания, возраста образцов и иных причин. В этих случаях необходима взаимопроверка другими методами, в первую очередь — археологическим.

Разведками А. С. Бугая в некоторых валах были обнаружены обугленные бревна: на левом берегу Днепра у с. Лепляво Каневского р-на Черкасской обл., левом берегу Стугны у хут. Хлебча Васильковского р-на, на правом берегу Бобрлицы у с. Заборье Киево-Святошинского р-на, в с. Фасовочка Макаровского р-на Киевской обл., а в валу у с. Лепляво встречались и обломки глиняной посуды. Эти сведения А. С. Бугая потребовали научного объяснения.

По инициативе дирекции Института археологии АН УССР и руководства Украинского общества охраны памятников истории и культуры в 1974—1976 и 1979 гг. были осуществлены первые опыты археологического изучения Змиевых валов под руководством автора настоящей книги*.

В ходе работ определилась методика полевого изучения этих специфических памятников археологии. Для получения сведений об устройстве валов, размерах и форме сопровождавших их рвов делались поперечные разрезы с помощью траншей шириной в среднем 1 м, длиной 12—20 м. Это позволило почти во всех случаях определить не только первоначальную ширину валов, но и применить метод исчисления примерной их высоты. Реже в местах обнаружения следов пожара закладывались раскопы для горизонтальной расчистки обугленных конструкций.

Современные размеры, форма валов и рвов фиксировались путем нивелировки поверхности и составления графических профилей. Впервые

* В работе экспедиции в разное время принимали участие Р. А. Юра, О. М. Приходнюк, А. П. Моця, Н. Н. Коринный, М. Ф. Пономаренко, В. Ф. Воевода.

начато также составление крупномасштабных планов валов в районах работ экспедиции.

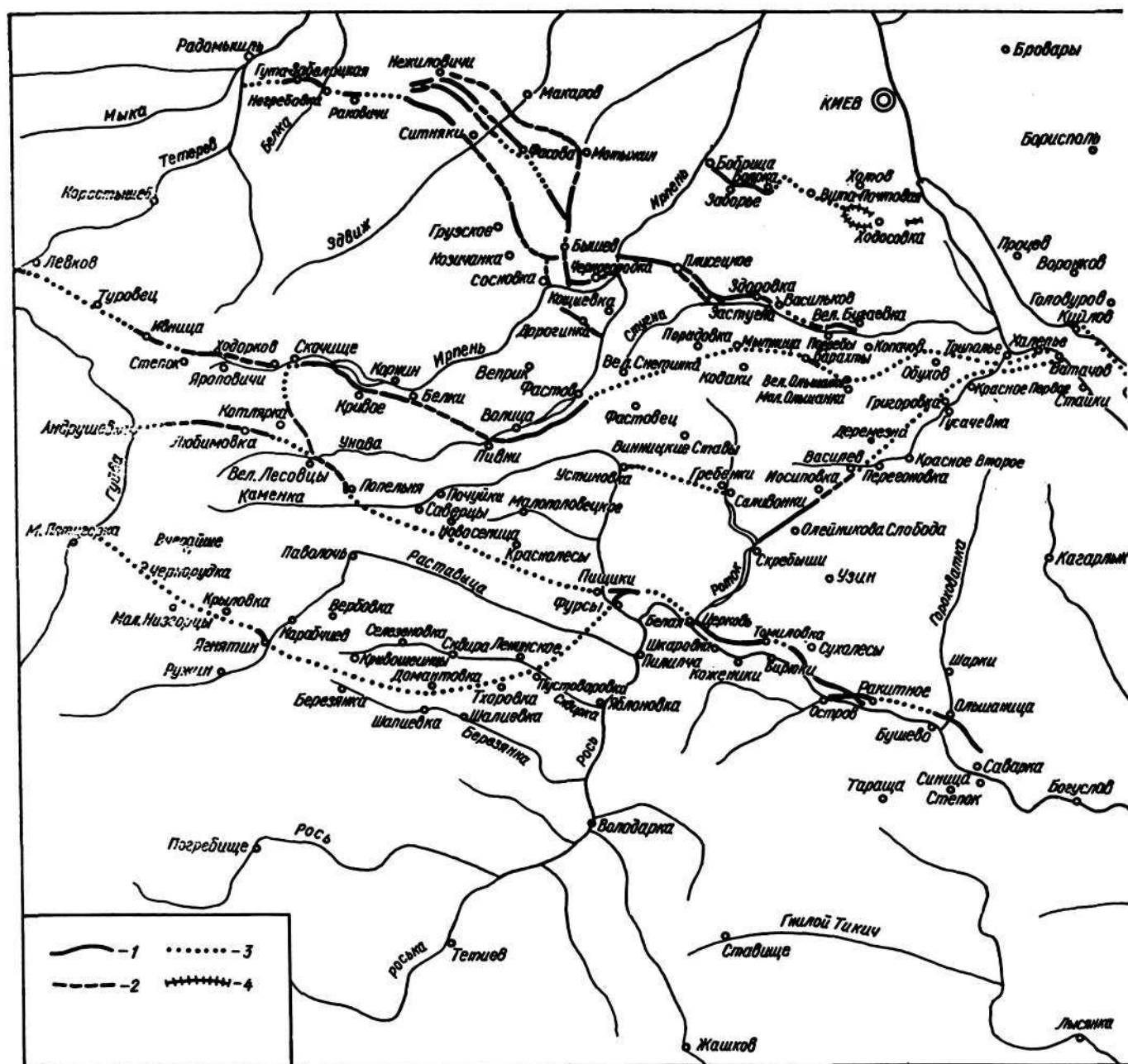
За четыре коротких экспедиционных сезона, общей продолжительностью менее 4,5 месяцев, были проведены разведки и раскопки валов на р. Здвиж в Макаровском р-не, в междуречье Стугны — Плиски в Васильковском р-не, вала по левому берегу Днепра в Киевской и Черкасской областях с обследованием городищ по левому берегу Днепра и разведкой вала и городищ по правому берегу Сулы. Кроме рекогносцировок и картографирования валов был выполнен большой объем земляных археологических работ с помощью 12 траншей и 7 раскопов [77; 80; 94; 95]. Археологические материалы указывали на древнерусское происхождение Змиевых валов [96—100]. Стало очевидным, что датировка образцов угля, взятых А. С. Бугаем из валов, определена неверно.

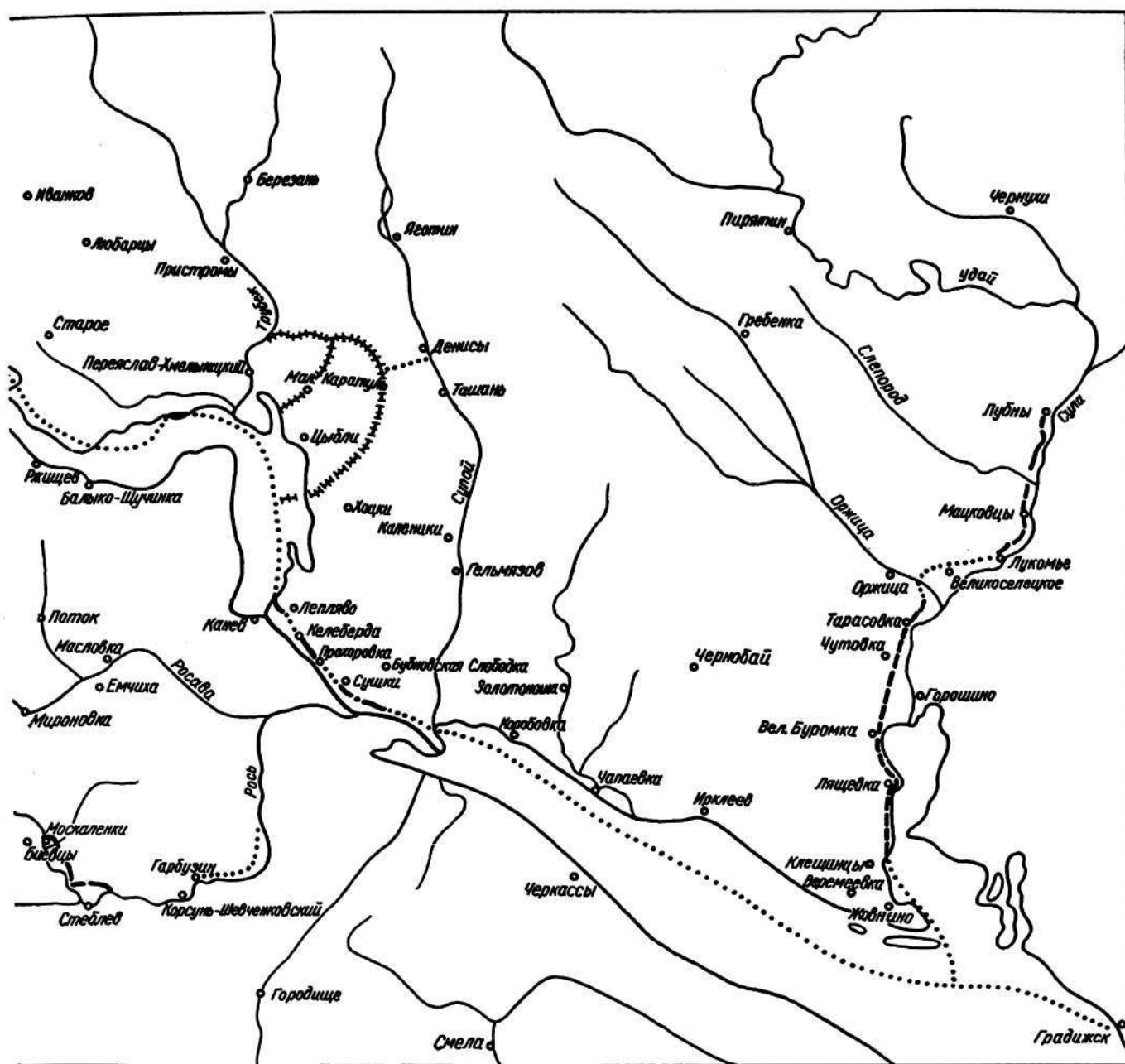
Итоги работы экспедиции показали, что Змиевы валы вполне перспективны для археологических исследований, которые не могут быть заменены никакими другими методами. Учитывая усилившееся разрушение этих памятников, Институт археологии АН УССР продолжил их изучение.

В течение 1980—1985 гг. в Киевской, Черкасской, Житомирской и Полтавской областях проведены разведки и раскопки валов по рекам Бобрлица, Рось, Ирпень, в междуречьях Ирпень — Унавы, Днепра — Тетерева, Роси — Гуйвы, а также продолжены исследования валов по левому берегу Днепра, Суле, Стугне, в междуречье Стугны — Ирпеня. За 18 месяцев экспедиционных работ сделано 84 разреза валов и в 14 местах проведены их раскопки [82; 83; 84; 87; 89; 91]*.

Новые находки, конструктивные особенности валов, входившие в линии городища, и другие данные подтвердили древнерусский возраст Зми-

* В составе экспедиции работали Е. Л. Гороховский, О. В. Серов, В. А. Софиев, Е. Н. Кухарская, Г. В. Лялька, Б. А. Звиздецкий. В разные годы в работе экспедиции участвовали Б. А. Жолдак, Л. И. Иванченко, Ж. А. Куст, О. Е. Франко, И. С. Витрик, И. И. Нестеренко, А. Л. Липковский, С. Г. Пономарчук, И. В. Шудря, И. М. Гапусенко и др., которым автор выражает глубокую признательность за помощь в выполнении экспедиционных заданий.

евых валов Среднего Поднепровья [86; 88; 90]. Такой датировке не противоречат и анализы проб угля и грунта из валов радиоуглеродным и палеомагнитным методами, которые будут рассмотрены ниже.

Закончено картографирование сохранившихся валов в масштабе 1 : 100 000. Составлены также крупномасштабные (1 : 5000) планы отдельных отрезков валов и целых валов с фиксацией частных особенностей их конфигурации, взаимосвязи с рельефом местности; сняты также аналогичные планы на окончаниях валов, где они быстрее подвергаются разрушению. Эту работу пришлось выполнять путем кропотливой глазомерной съемки, так как на большинстве лесных

участков валы покрыты труднопроходимой густой растительностью и не просматриваются в геодезические приборы, а на распахиваемых полях обнаружение их остатков доступно лишь после снятия урожая. Планы выполнены автором в ходе разведок и раскопок валов с точностью, достаточной для пользования ими как историческим источником. Следует оговорить, что при нанесении линий валов на географическую карту обычного масштаба детали планировки опущены и передана только общая схема конфигурации валов (рис. 4). Полевая документация включает графическую фиксацию разрезов валов и рвов, раскопов, выполненных в масштабе 1 : 20, фотографии.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И СОХРАННОСТЬ ЗМИЕВЫХ ВАЛОВ, ИХ ПРИЗНАКИ И ОТЛИЧИЯ ОТ ДРУГИХ ТИПОВ ЗЕМЛЯНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Нам предстоит рассмотреть не только Змиевы валы, но и находящиеся вблизи них иные типы валов, которые ошибочно отождествляются со Змиевыми. Игнорировать эти земляные сооружения неправомерно. Умолчание о них вызовет недоумение у сведущего читателя. Кроме того, сопоставление разнотипных валов позволит конкретизировать характерные особенности Змиевых валов, показать их отличие от других сооружений.

В соответствии с расположением по течению рек и междуречьям, а также по степени сохранности, валы Среднего Поднепровья делятся на 13 локальных групп, линий и отрезков (рис. 3; 4): Витянско-Бобрицкий вал в междуречье Днепра — Ирпеня; валы по левому берегу Стугны и в междуречье Стугны — Ирпеня; валы в междуречье Ирпеня — Тетерева; Дорогинский вал в междуречье Унавы — Ирпеня; валы по правому берегу Стугны; Фастовско-Житомирский вал вдоль верхнего течения Унавы и Ирпеня; валы в междуречье Днепра — Красной — Ротка — Каменки; валы по левому берегу Роси; валы в верховьях Унавы; валы южнее и западнее верхнего течения Роси; Днепровский левобережный вал; вал по Суле; Переяславские валы в междуречье Днепра — Трубежа — Супоя.

Некоторые из названных валов являются звеньями давно исчезнувших больших оборонительных линий. Реконструкция этих линий, на-

правление и конфигурация которых не поддаются точному определению или остаются дискуссионными, предлагается ниже.

1. РАЗМЕЩЕНИЕ И СОХРАННОСТЬ ВАЛОВ

а) Правобережье Среднего Поднепровья

Витянско-Бобрицкий вал сохранился в западной его части — от г. Боярка до с. Бобрица по правому берегу вначале р. Будаевка и затем р. Бобрица (правый приток Ирпеня). В восточной части — по левому берегу р. Вита (правый приток Днепра) — вал, кроме Кругликовского укрепления у с. Ходосовка в нижнем течении реки, уничтожен.

Как отмечалось, Кругликовское укрепление является городищем раннежелезного века, включенным в линию Змиева вала. В плане оно имеет форму овала, разомкнутого с востока — со стороны, понижающейся к пойме Днепра. Рядом, с этой же стороны, расположено известное Ходосовское городище раннежелезного века, занимающее останец на краю днепровской поймы. Северную часть Кругликовского городища пересекает вдоль р. Вита с заболоченной долиной. Площадь, замкнутая валом, имеет длину 4,5, ширину 2,5 км (около 1 тыс. га). Кругликовский вал значительно крупнее Змиевых валов. В наиболее сохранившихся местах его высота 6 м, ширина у основания — 20 м. С внешней стороны находится глубокий, уже значительно заплывший ров. Северная часть укрепления повреждена насыпью железной дороги, строившейся накануне первой мировой войны и оставшейся незаконченной. Валообразная насыпь дороги сохранилась в лесу к северо-западу от укрепления, в сторону с. Вита-Почтовая.

Непосредственно от Кругликовского городища начинался Змиев вал, который продолжался к западу по левому берегу Виты до ее верховьев. Остатки этого вала, проходившего через села Вита-Почтовая и Юровка, были прослежены Л. Добровольским [41, с. 20—21; 43, с. 15] (рис. 5). В с. Юровка вал пересекал истоки р. Вита — ручьи Сиверка и Храмка — и резко поворачивал к юго-западу вдоль долины р. Червоная, а затем тянулся вдоль оврага Ревин —

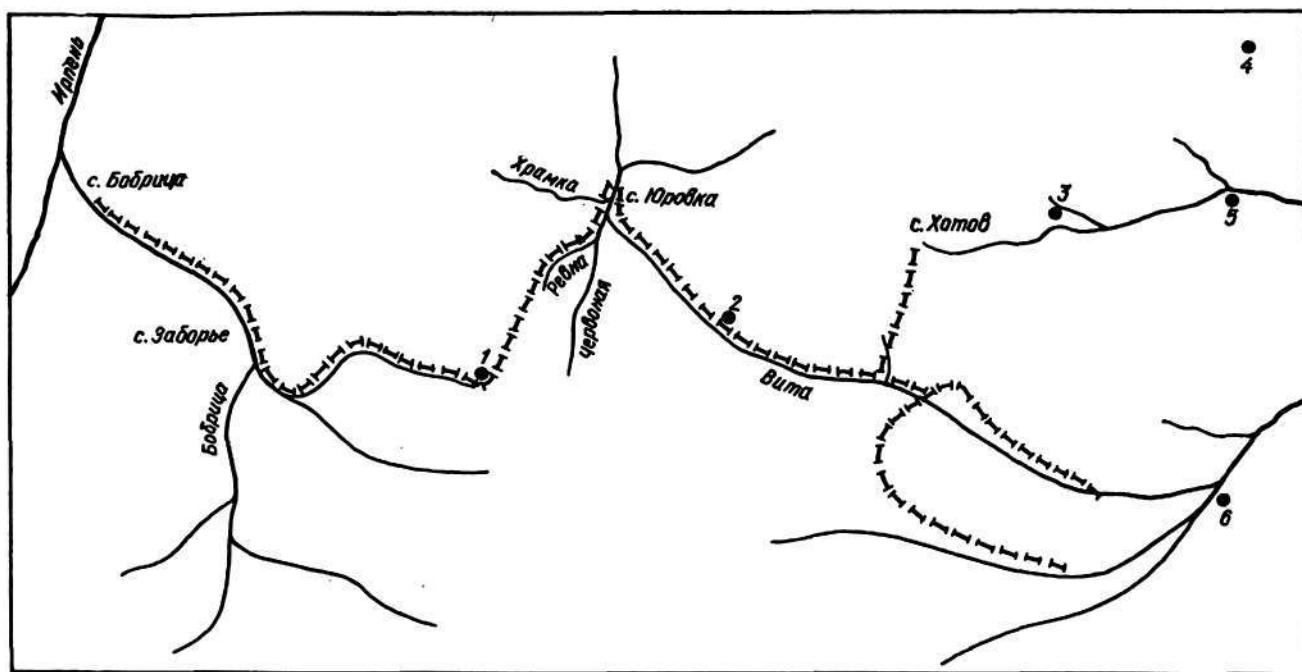

Рис. 5. План Витянско-Бобринского вала (по Л. Добровольскому).

Городища: 1 — Боярка (Будаевка); 2 — Вита-Почтовая; 3 — Хотов; 4 — Китаево; 5 — Пирогов; 6 — Ходосовка.

ложа высохшего ручейка, впадавшего в р. Червона. Л. Добровольский отмечал, что вдоль оврага вал «до такой степени находился близко от него, что от размывов постепенно сползает вниз и разрушается» [41, с. 21].

Через 3-километровый водораздел между верховьями рек Вита и Бобринца до с. Будаевка (ныне юго-восточная часть Боярки) вал не прослеживался. Его направление на этом отрезке (с запада на восток) засвидетельствовано документом 1586 г. о размежевании, в котором говорится: «Бобредью (р. Будаевка) до валу под городище Будаевку (граница) пришла. Валом в лес, аж до другого конца того ж валу. Оттуда в Червленую руду (ручей Червона) в долину, Рудую в реку Вету» [41, с. 22; 149, с. 30]. Таким образом, от истоков р. Вита вал продолжался через водораздельное плато до р. Будаевка, охватывая снаружи Будаевское городище, и поворачивал вдоль долины реки к западу до впа-

дения ее в р. Бобринца в уроч. Клыпин перед с. Заборье. Вдоль правобережного склона долины р. Бобринца вал достигал выселков с. Бобринца [41, с. 23]. Сохранность вала, по Л. Добровольскому, была неудовлетворительной; он имел максимальную высоту 1—1,5 аршина (0,7—1 м). Вдоль вала с южной стороны от реки находился ров, в привитянской луговой части почти незаметный, но довольно четко прослеживавшийся на водораздельном участке и, особенно, в лесу между селами Будаевка, Заборье и Бобринца [41, с. 24].

Общая длина вала 25 км. В западной части в лесу между Бояркой и Бобринцей сохранился отрезок вала длиной свыше 7 км, высота его 0,5—0,7 м, ширина у основания 6,5—8 м. Со стороны реки вдоль вала проходит заплывший ров шириной 3,5—4, глубиной 0,4—0,5 м. Едва заметное углубление прослеживается и с внутренней стороны вала.

В восточном направлении вдоль р. Будаевка вал сохранился до юго-западного края Боярки. По выходе из леса он теряется в начале ул. Богдановской, на ее южной стороне [89, с. 5]. Небольшой оплывший отрезок вала длиной около 85 м с остатками рва по южной стороне уцелел на правом берегу верхний р. Будаевка в южной части Боярки. На этом отрезке вал охватывает Будаевское городище с юга и в западном направлении спускается в пойму, где он размыт современным прудом [80, с. 28]. По выходе из леса на восточном краю с. Бобрица вал уничтожается современной застройкой.

Линия вала почти на всем протяжении соответствует максимальному перепаду поверхности на склоне к пойме и ров, как правило, расположен на эскарпированном уступе ниже вала. Соответственно рельефу конфигурация вала извилистая. В нескольких местах он пересекает балки (сохранился на их склонах) и спускается нередко до самого дна.

По данным Л. Добровольского [41, с. 16—17], в 1 км западнее Кругликовского городища от Змиева вала к северу в сторону с. Хотов отходил перпендикулярный вал. Начинаясь он у устья на правом берегу ручья Горлачка и через несколько сот метров терялся при переходе на левый берег ручья. За долиной р. Вита у истоков ручья вал снова появлялся, увеличиваясь в размерах по мере приближения к Хотовскому лесу. В 6 км от начала, на западной окраине с. Хотов, вал примыкал к глубокому оврагу — высохшему верховью Хотовского ручья и на протяжении нескольких сот метров продолжался к востоку по южной стенке оврага. У стыка главного оврага с поперечным вал внезапно обрывался. Этот дополнительный вал, по Л. Добровольскому, имел внушительные размеры и был почти прямолинейным, а «в привитянской своей оконечности дугообразными заворотами вправо и влево соединялся с приречным валом» [41, с. 17]. С западной стороны вала находился ров, которого не было в долине ручья Горлачка. У выхода к р. Вита ров был замечен с обеих сторон. По предположению Л. Добровольского, он — более позднего происхождения. В таком виде южный конец вала высотой 2, шириной 12 м, частично уничтоженный выкорчевкой леса,

сохранился до наших дней. Севернее, в долине, вал резко уменьшается и исчезает.

Л. Добровольский считал, что этот вал «огораживал площадь от некогда бойкой, расположенной в открытой местности, Киево-Васильковской дороги» [41, с. 18]. Действительно, поперечный вал, терявшийся перед Хотовским городищем раннежелезного века, расположенном на восточной окраине с. Хотов, не имеет отношения к Змиевым валам. Он защищал открытый с запада участок территории между Витой, Хотовкой и Днепром, между Кругликовским и Ходосовским городищами с юга и Хотовским городищем с севера и являлся, по нашему мнению, частью большого укрепленного комплекса раннежелезного века типа Переяславских валов в междуречье Трубежа — Супоя — Днепра.

Отрезок второго вала длиной 2 км сохранился в лесу у с. Мриги в 4 км восточнее Кругликовского и Ходосовского городищ. Он ориентирован с юго-запада на северо-восток и пересекает возвышение, вклинивающееся к северу в широкую и ранее сильно заболоченную пойму Днепра. Это чисто земляное сооружение не напоминает остатков Змиева вала. Оно дополняет с юго-востока тот же укрепленный комплекс раннежелезного века, основу которого составляют Кругликовское, Ходосовское и Хотовское городища.

Валы по левому берегу р. Стугна и в междуречье Стугны — Ирпеня образуют единую оборонительную линию протяженностью 34 км.

Восточный участок вала по левому берегу р. Стугна длиной 20 км (по прямой) начинается на южном краю с. Великая Бугаевка, проходит через с. Заречье, г. Васильков, с. Здоровка и на северо-западном краю хут. Хлебча соединяется с валом, пересекающим междуречье Стугны и Ирпеня. Восточный конец Постугнянского вала примыкает к пойме правого берега р. Бугаевка в 1 км севернее впадения ее в р. Стугна. В пониженной части надпойменной террасы на протяжении 275 м вал распахан и прослеживается по незначительному возвышению с широкой западиной от рва на внешней, южной стороне, которая происходит, как показали раскопки, от двух внешних рвов. Дальше к западу вал проходит севернее с. Заречье по краю коренного

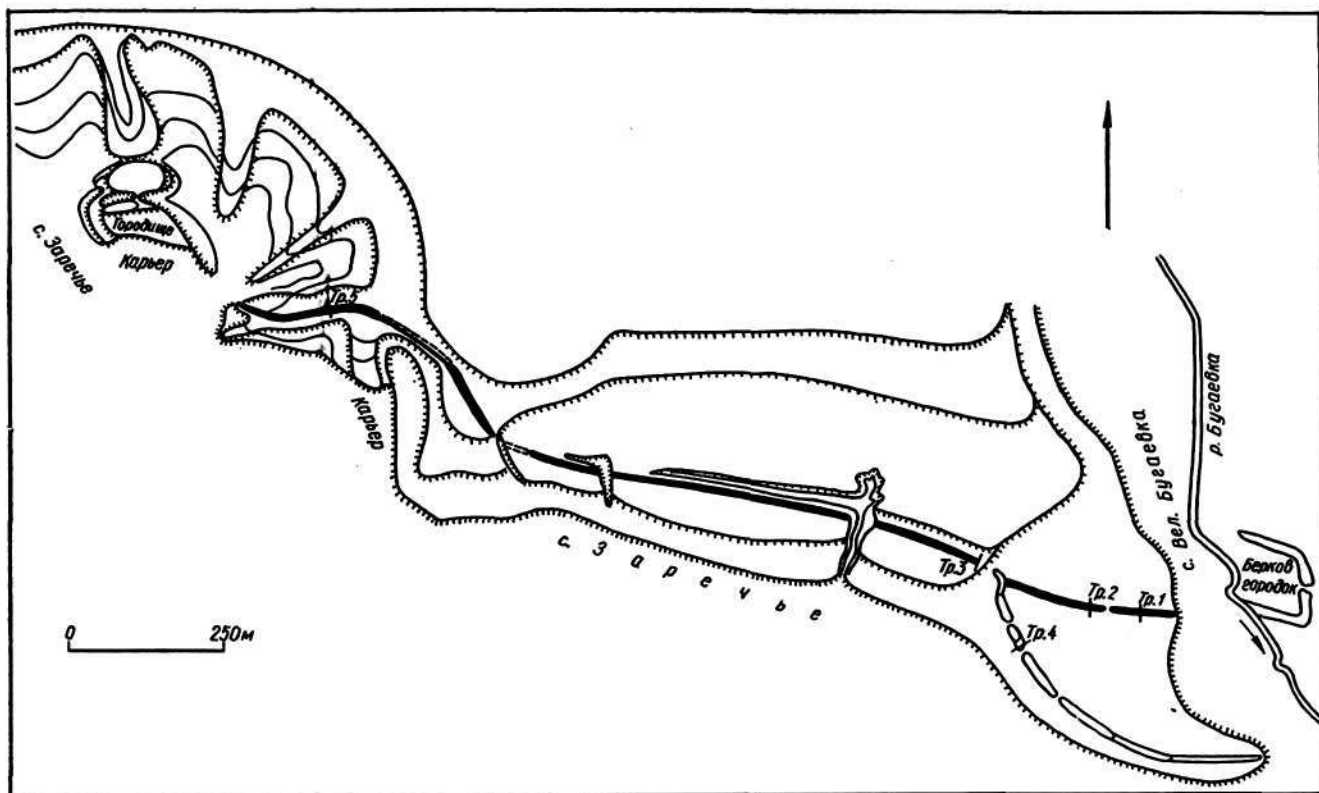

Рис. 6. Восточный конец Стугнянского вала.

берега р. Стугна с пологим склоном к надпойменной террасе и через 1 км, перед городищем в с. Заречье, спускается по гребневидному отрогу к пойме, занятой селом, и исчезает (рис. 6). У восточного конца к валу с юга примыкает второй вал в виде дугообразного ответвления, которое проходит по краю надпойменной террасы р. Стугна и через 475 м обрывается при спуске к пойме р. Бугаевка. Этот дополнительный вал-ответвление в западной части очень большой — высота 3, ширина 20 м, но в восточном направлении он постепенно уменьшается до незначительного возвышения перед поймой. На месте рва с внешней южной стороны вала местами заметно понижение.

В литературе отсутствует упоминание о раздвоении Постугнянского вала у с. Великая Бу-

гаевка. Исследователи принимали южный вал-ответвление за окончание Змиева вала, не обращая внимания на давно распаханые остатки прямого продолжения этого вала. На самом же деле южный вал пристроен к Змиеву валу и перекрывает оба его наружных рва. На месте последних южный вал значительно ниже и очень узкий, с острой вершиной. Во время его сооружения рвы более раннего Змиева вала еще четко сохраняли свои контуры. Очевидно, этот вал одновременен земляной крепости XVIII в., расположенной рядом на противоположном берегу р. Бугаевка.

Змиев вал лучше сохранился на восточном участке коренного берега к западу от ответвления — на высоту до 2-х, а местами до 3-х м при ширине до 15 м. Ров вдоль вала не прослежи-

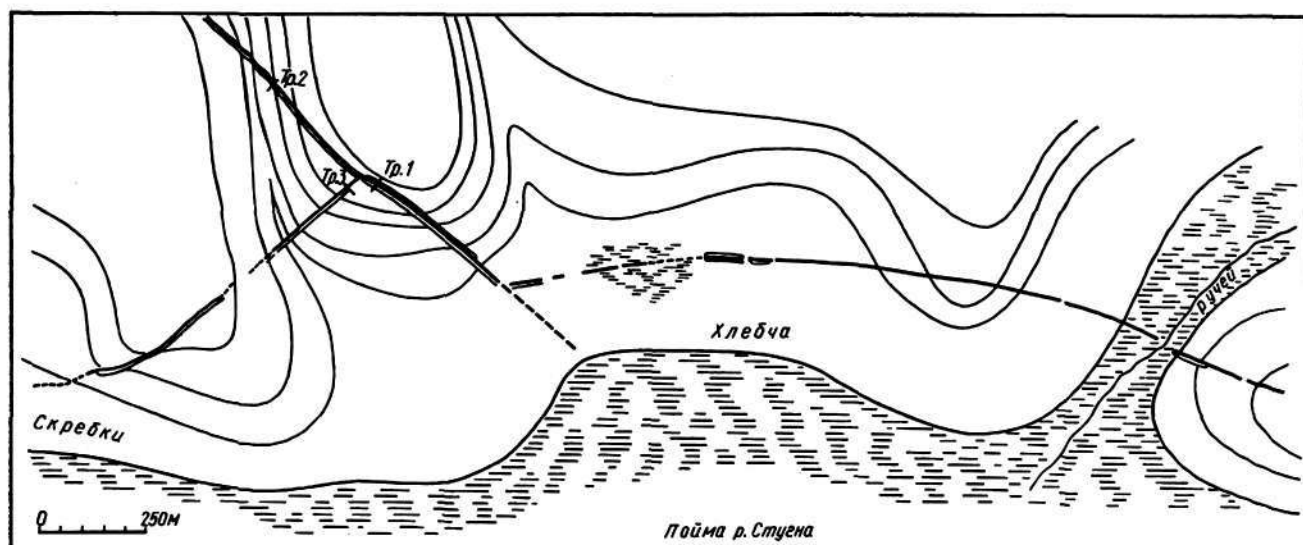

Рис. 7. Стугнянский и Стугнянско-Ирпенский валы в месте стыка у хут. Хлебча.

вается. По словам старожилов, в 1941 г. вал с южной стороны был подрезан и приспособлен под противотанковое заграждение. Местами вал прорезан современными оврагами или распахан.

Далее в западном направлении на протяжении 14 км через с. Заречье, г. Васильков и с. Здоровка вал уничтожен. В с. Заречье местами сохранились полуразрушенные отрезки среди огородов или под застройкой. Через основную часть Заречья и Василькова вал проходил в долине р. Стугна, а затем по краю поймы тянулся до с. Здоровка. На схемах Л. Добровольского вал на этом отрезке показан без разрывов [42; 43]. Между с. Здоровка и хут. Хлебча вал сохранился по краю коренного берега на длину 4 км. В восточной части хут. Хлебча пойма расширяется и вал проходит по пологому склону речной долины. На некоторых отрезках вдоль южной стороны вала сохранился заплывший ров, следы которого в отдельных местах заметны и с внутренней, северной стороны. Раньше этот вал соединялся со Стугнянско-Ирпенским валом, но к настоящему времени на месте стыка они прорезаны дорогой и постепенно уничтожаются (рис. 7).

Стугнянско-Ирпенский участок оборонительной линии длиной 14 км проходит через водораздельное плато в северо-западном направлении и в южной части на протяжении 7 км между хут. Хлебча и с. Плисецкое состоит из двух почти параллельных валов (рис. 8). Южный конец I (восточного) вала высотой всего 0,3—0,4 м, шириной 10 м распахан и прослеживается почти до края заболоченной поймы на длину

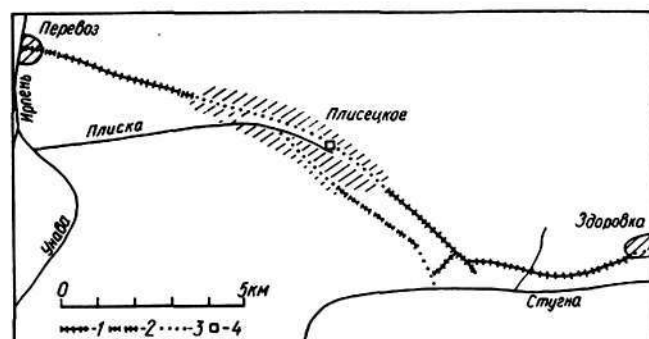

Рис. 8. Валы в междуречье Стугны — Ирпени:
1 — сохранившийся вал; 2 — следы вала; 3 — предполагаемое направление вала; 4 — городище.

200 м (его окончание уничтожено усадьбой хутора). Ранее с западной стороны вдоль этого отрезка вала был замечен ров [42, с. 38]. Далее к северу вал поднимается на плато и через 650 м от места соединения с Васильковским валом входит в лес. Сохранность вала удовлетворительная, с его внешней стороны прослеживается ров, местами западина от небольшого рва заметна и с внутренней стороны. Размеры вала аналогичны предыдущему, проходящему через хут. Хлебча: ширина 8—11 м, высота в менее оплывших местах 2,5—3 м. При этом оба вала на приречных участках тянутся вдоль пологих склонов к пойме и возвышаются над современной поверхностью с внутренней стороны на 1,5—2 м, а с внешней — до 3,5—4 м.

В 400 м севернее соединения с Васильковским валом от восточного вала начинается поперечный вал, сохранившийся на длину 850 м. Поперечный вал примыкал к западному (II) валу, концы их уничтожены. В начале столетия западный вал от места соединения с поперечным валом продолжался в южном направлении к пойме Стугны. Севернее хут. Скребки (бывший хут. Подсолтановка) он терялся в глубокой долине, а далее продолжался в северо-западном направлении к с. Плисецкое [42, с. 39—41]. До наших дней сохранились незначительные его отрезки.

Поперечный вал проходит по неровной местности, в основном, по линии перепада поверхности и ров с внешней южной стороны находится ниже основания вала. Внешний край вала в плане неровный вследствие оползней и очень крутой, а внутренний край — расплывчатый, пологий. Вал небольшой: ширина в среднем 4—5 м, высота по внешнему склону 2 м.

Л. Добровольский выделил еще два отрезка валов: перпендикулярный к поперечному, оканчивавшийся у р. Стугна, и внешний отрезок в виде развилки основного западного вала, также упиравшийся в реку [42, с. 42]. При обследовании местности, занятой лесом между поперечным валом и р. Стугна, остатки перпендикулярного отрезка не обнаружены, но сохранилось расплывчатое дюнное возвышение, которое Л. Добровольский, очевидно, принял за остатки вала. Неубедительны утверждения и в отношении внешнего ответвления западного вала, являв-

шегося, скорее, продолжением последнего, тем более, что внутренняя «ветка», как отмечает Л. Добровольский, отсутствовала в глубокой долине севернее поперечного вала [42, с. 39—40].

В настоящее время оба основных параллельных вала исчезают недалеко от юго-восточной окрестности с. Плисецкое. При Л. Добровольском восточный вал прослеживался до центра села и терялся среди усадеб возле истоков р. Плиска (правый приток р. Унава). По мнению Л. Добровольского, вал продолжался к городищу над прудом у слияния р. Плиска с высохшим ее притоком. Далее к северо-западу вал прослеживался в усадьбах вдоль улицы по правому берегу р. Плиска [42, с. 38].

Западный вал на южной окраине с. Плисецкое пересекали так называемые «посичи» XVIII в., состоявшие из двух параллельных рвов, и продолжение вала не сохранилось. Как писал Л. Добровольский, западный вал сливался с восточным «где-то ниже городища, лежащего на правом берегу Плиски» [42, с. 40]. Судя по рельефу и направлению современных улиц села, восточный вал охватывал с севера верховья р. Плиска и городище, а западный вал оканчивался на южном берегу реки в 1,5 км ниже городища. Таким образом, оборонительная линия из двух валов, удаленных друг от друга в среднем на 700 м, составляла 7 км.

Между селами Плисецкое и Перевоз находился один вал длиной 7 км, сохранившийся в лесу до настоящего времени. Он является продолжением восточного вала. Перед Ирпеном вал на протяжении 700 м почти полностью уничтожен вначале карьером, а затем усадьбами села. Тем не менее трасса вала четко прослеживается почти до самого Ирпеня (до ул. Речная), а на пологом склоне, в 125 м от берега реки, его продолжает балка, очевидно, древнего происхождения.

Размеры и сохранность вала, благодаря нахождению в лесу, производят внушительное впечатление. В высоту он достигает 2,5 м от уровня поверхности с внутренней стороны при ширине 9—10 м. Ров вдоль южного края вала такой же ширины и сохранился на глубину до 1,5 м, но в соответствии с рельефом местности он расположен ниже вала и вершина последнего возвышается над дном рва на 4,5—5 м.

На карте В. Б. Антоновича вал по левому берегу р. Стугна показан до ее устья. Однако восточнее с. Великая Бугаевка вала никто не видел. Первым населенным пунктом, у которого был известен вал, В. Б. Антонович называет с. Погребы, расположенное напротив с. Заречье на правом берегу р. Стугна [10, с. 134]. То же самое находим и у И. Фундукля [206, с. 32], сведения которого повторил В. Б. Антонович и произвольно продлил вал до Днепра.

Валы в междуречье Ирпеня — Тетерева образовывали мощный оборонительный заслон, состоявший из нескольких линий, обращенных фронтальной стороной к юго-западу (рис. 9).

Восточный участок этой системы представлен валом по левому берегу Ирпеня у с. Черногородка Макаровского р-на Киевской обл. Вал прослеживается непосредственно от усадеб села в западном направлении на длину 3,5 км до соединения его с соседним валом по левому берегу р. Лупа (левый приток р. Ирпень). По данным Э. Ковальчик, ранее вал продолжался на 2,5 км дальше к востоку и оканчивался перед устьем Унавы (рис. 10). В восточной части вал длиной 1,5 км проходит по сравнительно высокому (4—5 м) краю надпойменной террасы, заросшей кустами и деревьями, и сохранился в полуразрушенном виде. Песчаная насыпь вала сползла по склону, у подножия которого прослеживается ров; его остатки заметны во многих местах и с внутренней, северной стороны вала. Размеры вала неодинаковы: высота в среднем 0,2—0,5, ширина 5—8 м. Восточнее хут. Ферма вал спускается в долину с оврагом и теряется. Через 300 м у восточного конца хутора вал снова появляется и проходит по краю пологой террасы. На этом отрезке, длиной 1,5 км, вал сильно распахан. С южной его стороны прослеживается ров.

Черногородский вал примыкал к валу, уходящему от р. Ирпень на север к пгт Бышев по левому берегу р. Лупа. На стыке оба вала уничтожены дорогой (рис. 11).

Бышевский вал с внутренней стороны (с востока) — I вал в междуречье Ирпеня — Тетерева. Он начинается в пойме Ирпеня в виде едва заметного, оплывшего и поврежденного хозяйственными работами возвышения, которое через

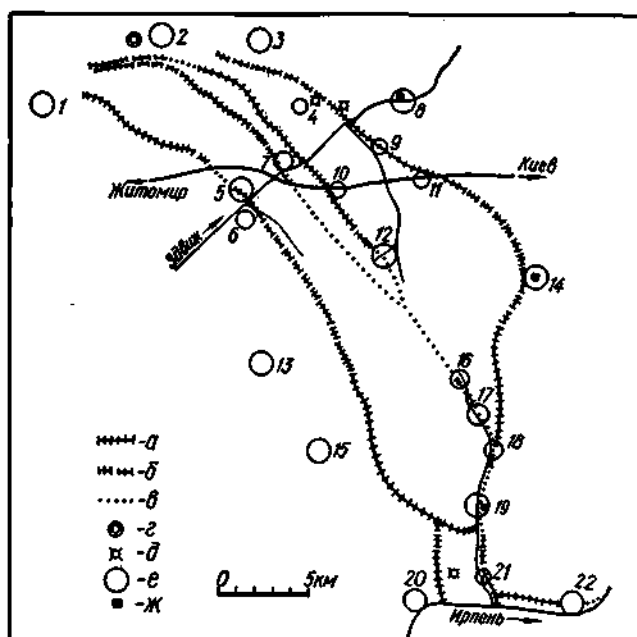

Рис. 9. Валы в междуречье Ирпеня — Тетерева:

а — вал; б — следы вала; в — примерное направление несохранившегося вала; г — местоположение уничтоженного курганного могильника; д — одиночные курганы; е — населенные пункты; ж — городище. 1 — Боровка; 2 — Нежиловичи; 3 — Наливайковка; 4 — Зуровка; 5 — Ситняки; 6 — Колневка; 7 — Заваловка; 8 — Макаров; 9 — Фасовочка; 10 — Калиновка; 11 — Калиновка I; 12 — Фасова; 13 — Марьяновка; 14 — Мотыжин; 15 — Грузское; 16 — Ветровка; 17 — Пашковка; 18 — Горобиевка; 19 — Бышев; 20 — Сосновка; 21 — Лупское; 22 — Черногородка.

150 м севернее пересекает пологий край пойменной долины и выходит на плато в северо-западном направлении, где на протяжении 450 м его остатки со рвом вдоль западной стороны ежегодно распахиваются. Далее вал в том же направлении на участке длиной 175 м тянется по узкому высокому гребню с крутыми склонами, ограниченному с запада очень глубокой балкой, а с востока — долиной, спускается на надпойменную террасу р. Лупа и сразу после разрыва в узком понижении проходит через огороды юго-восточной части с. Лупское до восточного края пруда в долине р. Лупа.

К северу от пруда остатки вала и рва сохранились в пределах незастроенной пойменной части с. Лупское на длину свыше 350 м и после незначительного разрыва в усадьбах села обна-

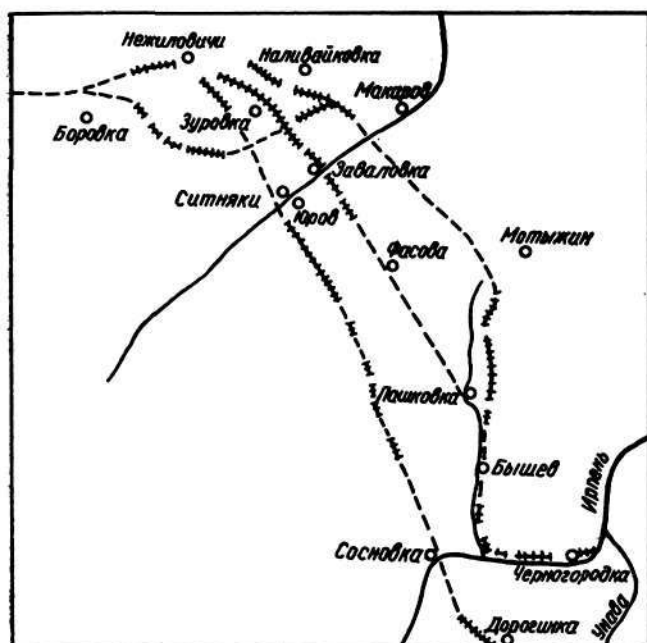

Рис. 10. Валу в междуречье Ирпеня — Тетерева (по Э. Ковальчик).

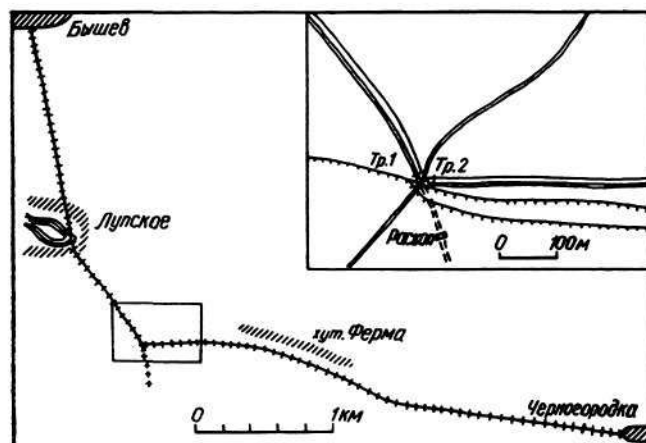

Рис. 11. Валу между Черногородкой и Бышевом.

руживаются на высоком северном склоне поймы. На плато на протяжении 900 м вал сильно распахан, а далее, перед Бышевом, сохранился на длину 250 м по залесенному краю высокого ле-

вого берега поймы Лупы. Его высота 1,5, ширина 12 м. С внешней, западной, стороны на уступе у подножия крутого склона к пойме, в 4 м ниже вершины вала, прослеживаются остатки рва. Очевидно, при строительстве укрепления склон был эскарпирован на всем протяжении вдоль края поймы. Признаки рва в виде незначительной западины наблюдаются вдоль вала с внутренней стороны.

Северный конец отрезка вала упирается в огорода Бышева. Дальнейшее его продолжение прослеживается в начале улицы Чапаева, идущей параллельно пойме Лупы к центру поселка.

Севернее Бышева участок вала длиной 6 км сохранился на полях от с. Горобиевка на левом берегу Лупы и далее — в 1,5 км восточнее сел Пашковка и Ветровка в сторону с. Мотыжин. Вдоль восточного края с. Горобиевка вал уничтожен. Его отрезок уцелел на огородах в северо-восточной части села перед долиной с ручьем — притоком Лупы. В северном направлении вал пересекают еще три заболоченные долины, где он сильно оплыл или уже разрушен. На большей части вала сохранилась старая дорога, которой спланирована его вершина. Местами дорога проложена с внутренней, восточной, стороны вала и на этих отрезках он зарос деревьями и имеет узкую, или даже острую вершину. Высота вала 2—2,5, ширина 10—12 м. На всем протяжении с западной стороны сохранился ров. В 2,5 км южнее с. Мотыжин вал сильно поврежден дорогой, а в 0,5 км перед селом, на возвышенности, полностью распахан. Сохранился отрезок вала со рвом длиной 0,5 км по западному краю с. Мотыжин. Вал высотой 1,5, местами до 2 м, шириной 10—12 м задернован, но деформирован хозяйственными постройками. К северу от крайних усадеб с. Мотыжин вал разрушен и на его трассе прослеживается возвышение справа вдоль дороги в с. Копылов. На участке между селами Копылов и Калиновка I вал уничтожен или сильно поврежден дорогой. На восточном конце с. Калиновка его перерезает шоссе Киев — Житомир.

Севернее с. Калиновка вал продолжается по полям к северо-западу, проходит слева вдоль улицы через с. Фасовочка и оканчивается на правом берегу поймы р. Здвиж у устья р. Фо-

са. Длина вала по прямой от шоссе в с. Калиновка I до р. Здвиж — 5,5 км. Севернее с. Калиновка он делает большой дугобразный изгиб к западу, обходя долину и максимально удаляясь от общего направления на 450 м.

Вал хорошо сохранился по северному краю огородов с. Калиновка. В остальных местах он распаивается или поврежден различными хозяйственными работами. С юго-запада вдоль вала сохранились остатки рва. В некоторых местах прослеживается небольшая западина и с внутренней стороны вала. Общая длина внутреннего (первого) вала между Ирпением и Здвижем — 30 км.

По свидетельству старожилов, когда-то вал продолжался в поле по другую сторону р. Здвиж, проходя западнее первого кургана, затем — рядом с восточной стороны второго кургана (восточнее с. Зуровка), и оканчивался в лесу западнее с. Наливайковка Макаровского р-на. К настоящему времени вал полностью уничтожен распахкой.

Сведения местных жителей соответствуют картографическим данным Э. Ковальчик (см. рис. 10), что позволяет документально восстановить длину (8 км) и местоположение этого отрезка вала (рис. 9). Поперечный вал, отходящий к юго-западу, показан на карте Э. Ковальчик ошибочно.

II вал в междуречье Ирпеня — Тетерева в южной части уже уничтожен. Его конец обрывается на поле при выходе из леса в 800 м северо-западнее с. Фасова Макаровского р-на. В северо-западном направлении вал сохранился с перерывами на длину около 2 км до с. Калиновка II на шоссе Киев — Житомир. Вначале он проходит по восточному краю леса, а затем через поле и почти на всем протяжении сильно поврежден старой дорогой, а у с. Фасова на значительном отрезке уничтожен песчаным карьером.

В южном направлении от карьера прослеживается только трасса вала на длину свыше 2 км. На этом участке вал отклонялся к востоку, огибая заболоченную долину у северо-западной оконечности с. Фасова. Он сохранился по краю долины в виде широкого давно распаханного возвышения с западиной на месте внешнего рва.

В юго-восточном направлении сильно поврежденные остатки вала прослеживаются в черте села, сначала в долине под домом № 20 по ул. Хуторная, а затем на возвышении, где он у дома № 12 пересекает эту же улицу, проходит через северо-восточный угол сада и снова через огороды и под домами продолжается с западной стороны центральной улицы им. Шевченко в направлении пруда в долине притока Фосы. Трасса вала выходит у пруда на современное шоссе Калиновка — Бышев.

В противоположную сторону, к северу от шоссе Киев — Житомир, в 1975 г. вал продолжался на 1200 м до края поймы р. Здвиж; в средней части он был поврежден песчаным карьером. К 1984 г. сохранился только отрезок длиной около 300 м, в южной части — на северо-западном краю с. Калиновка II. Вследствие повреждений вал имеет высоту в среднем 0,8, ширину 10—13 м. С запада проходит западина от рва.

По другую, северную сторону р. Здвиж вал сохранился с перерывами на длину 13,5 км. От Здвижа он проходит к северо-западу вдоль восточного края с. Заваловка, а затем через поле и молодые сосновые посадки. На этом отрезке длиной 2,5 км вал распахан, но прослеживается по рельефу и по наличию кусочков угля на его трассе. Сразу за посадкой протекает ручей в долине. На южном склоне долины вал отсутствует, но к северу от ручья сохранился: он поднимается по склону на возвышенность, пересекает ее на длину 500 м и снова исчезает в долине на краю леса. Далее вал отклоняется влево и сохранился в лесу на длину 5 км. Северо-западный конец вала на протяжении около 900 м проходит по узкому возвышению в болоте и исчезает вместе с возвышением в 900 м перед с. Нежиловичи Макаровского р-на. С внешней стороны вдоль вала сохранился ров. В северной половине на длину около 2,5 км проходит небольшой прерывистый ров и с внутренней стороны, состоящий частично из отдельных отрезков длиной не более 200 м, в основном, в виде корытообразных ям-углублений с узкими промежутками. Оплывшая песчаная насыпь вала сохранилась на высоту 0,8—1,5, ширину 10—13 м.

Для конфигурации вала характерны отклонения то вправо, то влево. В связи с неровнос-

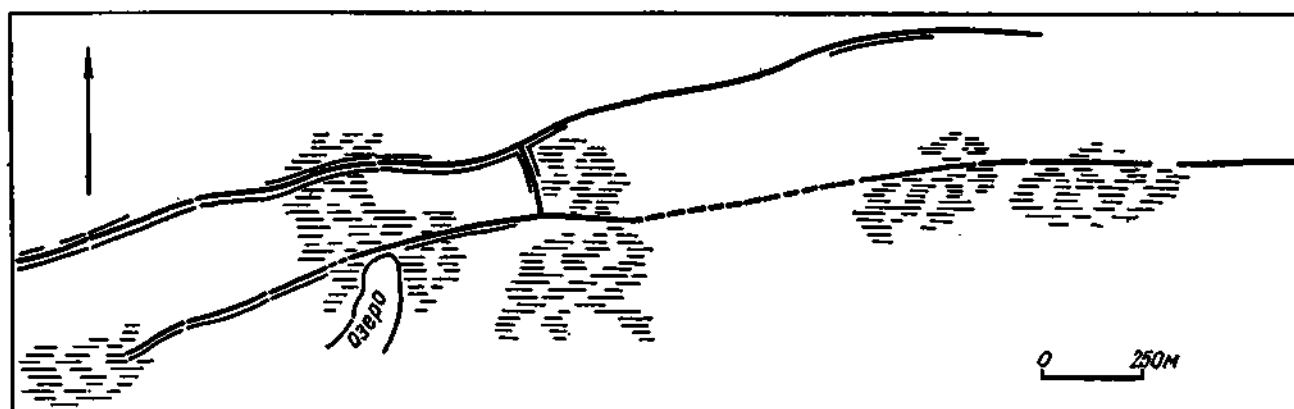

Рис. 12. Северо-западные концы II и III валов у с. Нежиловичи.

тиями рельефа вал в семи местах имеет значительные изгибы. Он проходит в 3,5—1 км (а в основном в 3,5—2 км) от I вала.

По южной окраине с. Нежиловичи на протяжении 3 км вал не сохранился. Судя по его продолжению, на этом участке вал огибал долину р. Гульва с севера и был ориентирован с востока на запад.

Остатки поврежденного вала сохранились на поле между юго-западной окрестностью с. Нежиловичи и лесом на длину 1250 м, где к нему с юга приближается III вал (рис. 12). В начале леса оба вала соединены поперечным валом (его южный конец, выступающий из леса, поврежден) и тянутся почти параллельно в 150—260 м друг от друга в юго-западном направлении на длину: II вал — 1250, III вал — 1050 м. Концы валов обрываются в лесу перед болотом; следов продолжения их к западу не обнаружено. Оба вала на последнем отрезке пересекают заболоченные долины; поперечный вал длиной 150 м также находится в низине.

На всем протяжении с южной стороны валов проходит по одному рву, а местами вдоль II вала ров сохранился и с внутренней стороны. Рвы расположены и с обеих сторон поперечного вала. Их размеры: высота 1—1,5, ширина 8—10 м; глубина рва (внешнего) 0,5—1, ширина 5—6 м. Длина сохранившейся части II вала от северо-западного его конца до с. Фасова составляет 17 км. Впервые его план был опубликован Э. Ко-

вальчик в 1969 г. Распаханный участок вала северо-западнее с. Фасова (бывшее Людвиновка), как и остатки вала в самом селе, прослеженные нами в 1984 г., на плане Э. Ковальчик не обозначены. Однако она вполне обоснованно считает, что участок вала к югу (длиной около 12 км) использован под дорогу между селами Фасова и Пашковка, где этот вал соединялся с I валом (см. рис. 10). Шоссе из с. Фасова проходит через с. Пашковка по правому берегу Лупы, в соответствии с ним Э. Ковальчик обозначает и трассу II вала до слияния его с I валом. На плане А. С. Бугая вал от с. Фасова также оканчивается на правом берегу Лупы (см. рис. 3).

В действительности II вал между с. Пашковка и расположенным рядом к северу от него с. Ветровка переходил через долину Лупы на ее левый берег и продолжался вдоль восточной части Пашковки до соединения с I валом на северном краю с. Горобиевка (северное предместье Бышева). В 1976 г. нами был осмотрен отрезок II вала на левом берегу долины Лупы с прудом напротив школы в с. Пашковка. На краю песчаного карьера на пустыре этот отрезок длиной 25 м был ориентирован параллельно долине Лупы с северо-запада на юго-восток. На месте рва с запада проходила грунтовая дорога. К югу прослеживался отрезок вала длиной 100 м на распаханном участке, а далее он уходил под застройку села. Справа от его створа проложена улица, а слева, очевидно, на месте вала, стоят

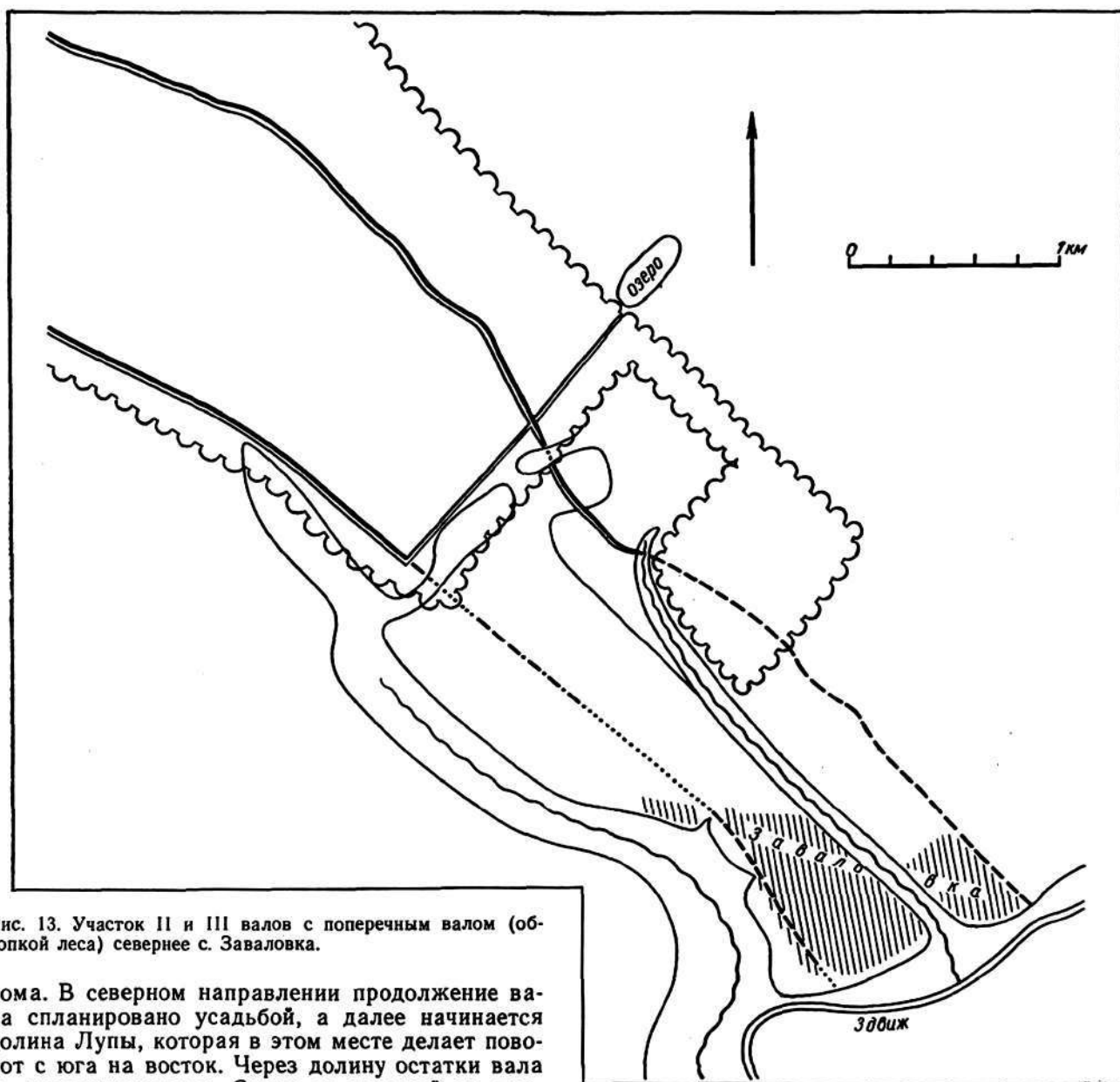

Рис. 13. Участок II и III валов с поперечным валом (обкопкой леса) севернее с. Заваловка.

дома. В северном направлении продолжение вала спланировано усадьбой, а далее начинается долина Лупы, которая в этом месте делает поворот с юга на восток. Через долину остатки вала не прослеживаются. Сразу за долиной на правом берегу Лупы начинается с. Ветровка с продольной улицей, под которой хорошо виден вал. Его помнят и местные жители.

III вал сохранился от шоссе Киев — Житомир к северо-западу с перерывами на длину 13 км. Он проходит параллельно II валу. Рас-

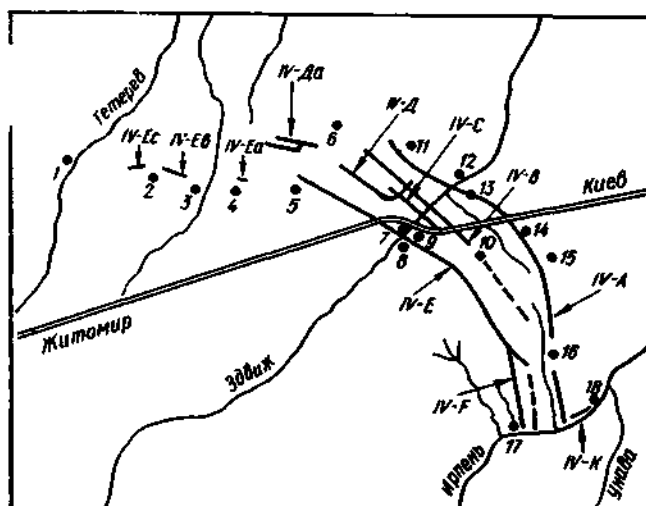

Рис. 14. Валу в междуречье Ирпени—Тетерева (по А. С. Бугаю, 1971 г.):

1 — Радомысль; 2 — Гута-Забелюцкая; 3 — Негребовка; 4 — Раковицы; 5 — Боровка; 6 — Нежиловичи; 7 — Ситняки; 8 — Колпиевка; 9 — Юров; 10 — Фасова; 11 — Наливайковка; 12 — Макаров; 13 — Фасовочка; 14 — Копылов; 15 — Мотыжин; 16 — Бышев; 17 — Сосновка; 18 — Черногородка.

стояние между ними 800—1250 м, за исключением северо-западного конца, где оба вала сближаются до 150—260 м.

Вал между шоссе и р. Здвиж в последние годы уничтожен строительством объездной шоссе-ной дороги. По данным обследования 1984 г. от него сохранился поврежденный отрезок длиной всего около 20 м. Ранее, в 1976 г., вал длиной 740 м, высотой 1,2—1,3, шириной 11—12 м на этом участке проходил по восточному краю огородов с. Юров. С западной его стороны прослеживались остатки заплывшего рва. К югу от шоссе вал полностью распахан. Судя по направлению, он где-то в районе с. Фасова, примерно в 9—10 км от р. Здвиж, примыкал ко II валу.

К северу от реки вал частично сохранился под усадьбами по западному краю с. Заваловка, справа вдоль него проходит улица. За селом, в саду, а затем в поле и на краю леса в сосновых посадках вал полностью уничтожен на длине 1,9 км.

Сплошной отрезок вала длиной 5,2 км начинается у южного угла старого леса (2,9 км от

р. Здвиж) и исчезает на противоположном краю леса при выходе в заболоченную долину р. Гульва в 600 м южнее с. Нежиловичи (см. рис. 9).

В юго-западном углу старого леса, севернее с. Заваловка, от III вала к северо-востоку отходит поперечный вал длиной 1,6 км, который пересекается со II и оканчивается на краю леса перед озером (рис. 13). Этот вал резко отличается от Змиевых валов: имеет прямолинейное направление и небольшие размеры: высоту 0,5, ширину 3,5—4 м. Небольшой ров (ширина 3,5—4, глубина 0,5—0,8 м) вдоль вала находится не с северо-запада, а с юго-востока, со стороны с. Заваловка. По свидетельству старожилов, этот вал появился в результате обкопки старого леса. Действительно, вал отделяет старый лес от молодого, а юго-западной границей старого леса служит Змиев вал, продолжающийся от угла к северо-западу. В месте пересечения поперечного вала со II Змиевым на последнем заметен ров и остатки насыпи поперечного вала.

На планах Э. Ковальчик и А. С. Бугая поперечный вал показан как Змиев, причем Э. Ковальчик поместила его между I и II валами. Продолжение III вала к югу от поперечного обозначено пунктиром в направлении с. Ситняки, где в действительности проходил IV вал. Перепутаны на карте Э. Ковальчик и села: Зуровка, показанная на линии III вала — это бывшее с. Ульяновка, находившееся с юго-западной стороны III вала, а с. Зуровка, как уже упоминалось, расположено с юго-запада перед I валом.

На карте А. С. Бугая продолжение поперечного вала в северном направлении показано западнее с. Наливайковка со рвом с восточной стороны. Это продолжение также не что иное, как старая обкопка леса.

Исследователей ввел в заблуждение упомянутый выше поперечный вал между II и III валами западнее с. Нежиловичи. Но этот вал ничем не отличается от продольных валов.

В 1979 г. нами было проверено сообщение жителей с. Заваловка о том, что III вал шел от села не к поперечному валу, как показано на плане А. С. Бугая 1971 г. (рис 14), а прямо на сохранившийся в углу леса южный конец III вала. На линии последнего в 18 м южнее его конца была заложена поперечная траншея, в ко-

торой были обнаружены остатки нижней части вала со следами сгоревших конструкций и разрезана внутренняя часть рва. Тем самым была устранена ошибка А. С. Бугая, считавшего, что вал на отрезке Заваловка — Нежиловичи (по нашему обозначению, III вал) состоял из двух валов, из которых южный (IV—С) со стороны с. Заваловка примыкал к поперечному валу (IV—Д), а последний составлял одно целое с продолжением III вала к с. Нежиловичи [24, с. 116, рис. 3]. Едва заметное возвышение вдоль полевой дороги, принятое за вал IV—С, по сообщению местных жителей, образовалось при вспашке поля тракторами.

III вал к северу от поперечной обкопки, как и ров с юго-запада вдоль него, сохранился хорошо. Почти на всем протяжении имеется небольшой ров и с внутренней стороны вала. Он, как правило, не сплошной, а в виде удлиненных углублений, разделенных узкими перемычками. Сплошной ров проходит в 1800 м от поперечного вала на длину 400 м, севернее, через 300 м — на длину 600 м и на северо-западном конце — на длину около 1 км.

Песчаный вал сохранился на высоту от 0,8—1,2 до 1,65 м, ширину 10—12 м. В северо-западной части он достигает высоты 2 м. Глубина внешнего рва 1—1,3 м, ширина 7—7,5 м; ширина внутреннего рва 5—5,5 м, максимальная глубина 0,8—0,9 м.

В южной части вал имеет извилистые очертания, а севернее — три довольно значительных изгиба соответственно рельефу местности.

У южной окраины с. Нежиловичи, по выходе из леса в болото, из которого вытекает р. Гульва (русло ее сейчас направлено в канал), III вал теряется и через 1100 м появляется в виде незначительного (0,2—0,3 м) возвышения шириной до 4—5 м, сильно осевшего в заболоченном грунте; в таком виде он продолжается к западу на 1100 м (см. рис. 12).

Далее на отрезке 600 м вал отсутствует и затем снова прослеживается на длину 200 м. От поперечного вала на краю леса III вал продолжается в юго-западном направлении, как уже отмечалось, на протяжении 1050 м.

IV, внешний, вал имеет в южной части дополнительный отрезок (см. рис. 9). Последний начи-

нается на левом берегу р. Ирпень на восточном краю с. Сосновка Макаровского р-на и в 4 км севернее примыкает к основному валу. Он проходит по полям и сильно распахан. На его месте сохранилось расплывчатое возвышение шириной 20—25 м, высотой около 0,5 м, а по западному краю на месте рва — западина шириной 10 м. Этот дополнительный вал примыкает к основному звену под тупым углом; место соединения валов перекрыто шоссейной дорогой из Бышева в с. Козичанку.

Основной вал в южной части на протяжении 4,5 км проходит через поля и распахан. Остатки его аналогичны предыдущему валу. Юго-восточным концом вал примыкает к северному краю глубокой балки, продолжающейся в восточном направлении и через 1 км впадающей в пойму р. Лула на юго-западной окраине с. Бышев. В 75 м восточнее конца вала проходит шоссе Бышев — Фастов, перерезающее балку и огражденное по сторонам кюветами. В этой части вал не сохранился. Не прослеживается он через поле и восточнее шоссе, хотя не исключено, что в древности он проходил вдоль северного края балки.

От упомянутой балки вал уходит к северо-западу, через 900 м соединяется с южным ответвлением и далее продолжается в том же направлении в 1,5 км восточнее с. Грузское, затем — в 3 км восточнее с. Марьяновка, и упирается в Здвиж на северо-восточной окрестности с. Копиевка. Длина вала на этом отрезке — 21 км (без южного ответвления к р. Ирпень).

В распаханной южной части вдоль вала с западной стороны прослеживаются остатки рва, а начиная от шоссе Бышев — Грузское, вал и ров сохранились удовлетворительно, вдоль вала или по нему проходит старая дорога, заросшая по краям деревьями. Для вала характерны резкие изгибы, что объясняется рельефом местности, наличием долин, которые он обходит, хотя в нескольких местах и пересекает небольшие болота. Напротив с. Марьяновка на широком болоте вал прерывается. Далее он прослеживается через поля до с. Копиевка на р. Здвиж и уцелел только на отдельных отрезках, заросших деревьями (восточнее с. Марьяновка) или по краю леса (западнее с. Фасова). В начале 1970-х годов, до проведения мелиорации, сохранность

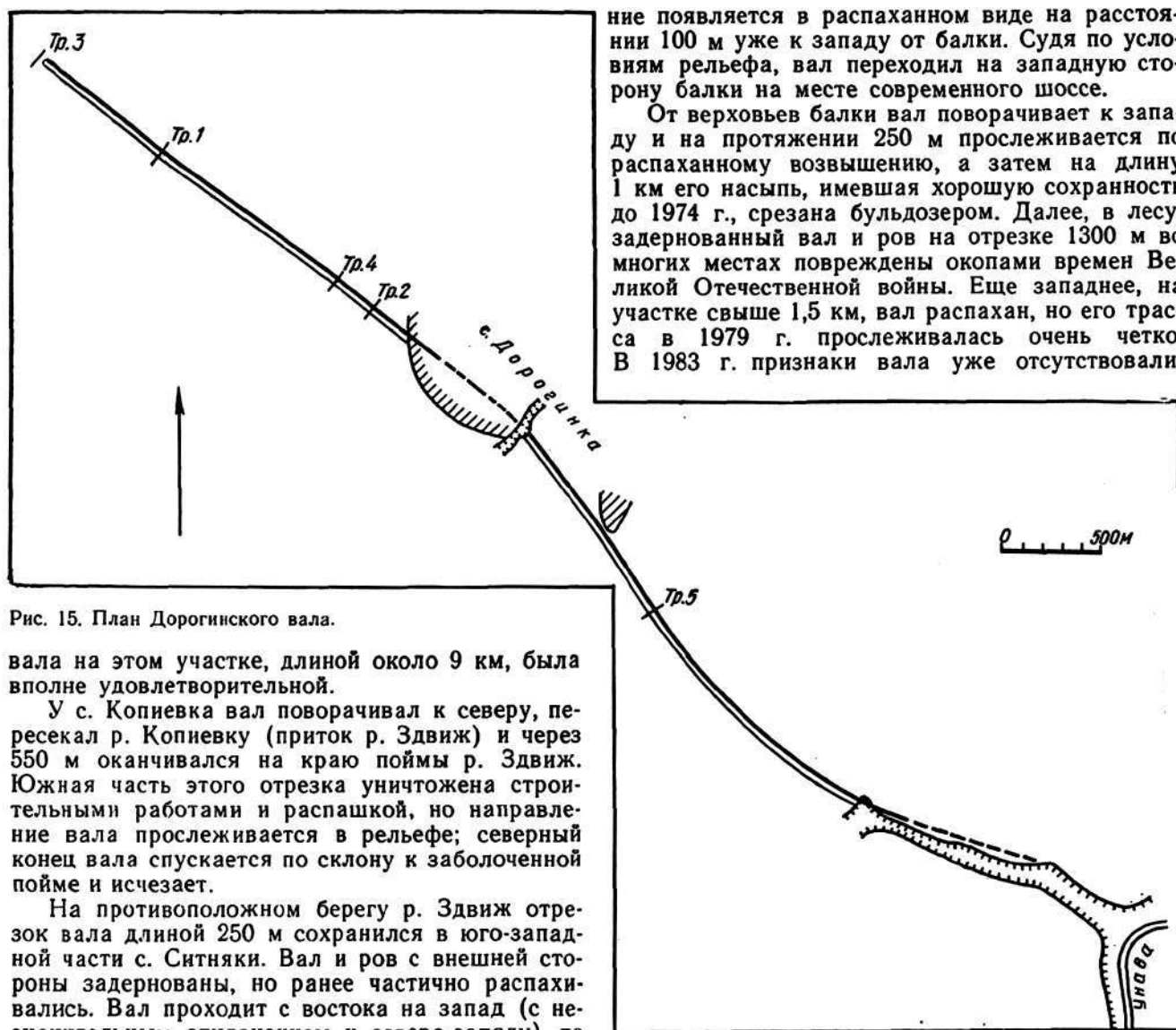

Рис. 15. План Дорогинского вала.

вала на этом участке, длиной около 9 км, была вполне удовлетворительной.

У с. Копиевка вал поворачивал к северу, пересекал р. Копиевку (приток р. Здвиж) и через 550 м оканчивался на краю поймы р. Здвиж. Южная часть этого отрезка уничтожена строительными работами и распашкой, но направление вала прослеживается в рельефе; северный конец вала спускается по склону к заболоченной пойме и исчезает.

На противоположном берегу р. Здвиж отрезок вала длиной 250 м сохранился в юго-западной части с. Ситняки. Вал и ров с внешней стороны задернованы, но ранее частично распахи-вались. Вал проходит с востока на запад (с незначительным отклонением к северо-западу) по северному берегу глубокой балки с прудом (бывшей речки — притока р. Здвиж). Балка продолжается в северо-западном направлении и через 1500 м перерезана шоссе Киев — Житомир. На этом отрезке в саду и на поле вал не сохранился. Только в 700 м севернее шоссе его продолже-

ние появляется в распаханном виде на расстоянии 100 м уже к западу от балки. Судя по условиям рельефа, вал переходил на западную сторону балки на месте современного шоссе.

От верховьев балки вал поворачивает к западу и на протяжении 250 м прослеживается по распаханному возвышению, а затем на длину 1 км его насыпь, имевшая хорошую сохранность до 1974 г., срезана бульдозером. Далее, в лесу, задернованный вал и ров на отрезке 1300 м во многих местах повреждены окопами времен Великой Отечественной войны. Еще западнее, на участке свыше 1,5 км, вал распахан, но его траса в 1979 г. прослеживалась очень четко. В 1983 г. признаки вала уже отсутствовали.

Окончание вала длиной свыше 3,5 км хорошо сохранилось в лесу в 1,5 км северо-восточнее с. Боровка Макаровского р-на Киевской обл.

Длина вала (с перерывами) севернее шоссе Киев — Житомир составляет 8,5 км, а севернее

р. Здвиж — 10,5 км. На р. Здвиж IV вал отстоит в 2,5 км от III вала, максимальное удаление между ними на участке севернее шоссе Киев — Житомир — 4 км, а минимальное на их западном конце — 1,25 км.

В лучше сохранившихся местах между селами Грузское и Марьяновка и в лесу севернее шоссе Киев — Житомир вал и ров разделены промежутком — бермой. На одних участках она горизонтальная, на других наклонная и фактически является верхней пологой частью внутренней стенки рва. Высота вала 1—2,5, ширина — 6—8,5, ширина бермы 1,5—2,5 м; ширина рва 5,5—8,5, глубина 1—2 м.

На ряде участков прослеживается небольшой прерывистый ров и с внутренней стороны вала, преимущественно в виде различной длины отрезков, разделенных узкими перемычками.

Продолжение IV вала сохранилось в трех местах западнее с. Боровка Радомышльского р-на Житомирской обл. А. С. Бугай обнаружил первый отрезок вала у с. Раковичи, в 6 км западнее с. Боровка [24, с. 117]. Отрезок длиной около 200, высотой 1, шириной 11 м сохранился в поврежденном виде по северо-восточному краю села в уроч. Бадзяновка. Ориентирован с северо-запада на юго-восток (а не с юго-запада на северо-восток, как показано на плане А. С. Бугая). Концы вала уничтожены распахкой и частично застройкой. Второй отрезок длиной 1250 м с небольшим разрывом по середине проходит от болота в 1,5 км западнее с. Негребовка к с. Гута-Забелоцкая; в 500 м перед селом вал в последние годы был разрушен, а в черте села на протяжении 2 км уничтожен ранее. Его конец длиной 175 м сохранился за юго-западной окрестностью Гуты-Забелоцкой перед уроч. Соболево, в 6 км от Тетерева. Наименее поврежденный отрезок вала к востоку от Гуты-Забелоцкой достигает в высоту 1,7 м, ширину 11 м; ров с южной стороны имеет ширину 8,5 м, глубину 0,7 м. И. Фундуклю был известен еще один промежуточный отрезок вала к западу от пруда в с. Негребовка. К настоящему времени этот отрезок не существует.

Линия IV вала вместе с южным ответвлением перекрывала междуречье Ирпень — Тетерева и

на этом участке была наиболее протяженной, длиной 50 км.

Дорогинский вал в междуречье Унавы — Ирпени длиной 6,5 км проходит с юго-востока на северо-запад (рис. 15). В с. Дорогинка Фастовского р-на Киевской обл. вал прерывается узкой (50 м) долиной р. Шкаровка (приток Ирпени), в которой в пределах села устроен пруд. К северо-западу от пруда вал имеет длину 3 км и на столько же не доходит до р. Ирпень. В этой части вал со рвом с южной стороны сохранился на всем протяжении благодаря наличию леса, и только в пределах села он распахан и местами застроен, хотя прослеживается еще четко. К юго-востоку от пруда вал и ров сохранились до края леса на длину 2,8 км. Между лесом и р. Унава на ежегодно распахиваемом поле от вала, который проходил параллельно глубокой балке, впадающей в пойму Унавы, прослеживается незначительное возвышение на длину 750 м — до шоссе дороги. Между последней и поймой Унавы на протяжении 300 м через поле остатков вала не сохранилось.

По обе стороны от бывшей р. Шкаровка вал различается формой и размерами. К северо-западу от реки на большинстве участков между валом и рвом находится слегка наклонная или местами почти горизонтальная площадка-берма шириной 2—3 м. Вал на этих участках имеет ширину 6,5—9, высоту 0,8—1,2 м, а ров — ширину 5—7 м. В целом ширина оборонительной линии составляет 15—18 м. На других участках берма отсутствует, но ширина оборонительной линии остается такой же — 16—17 м (за счет увеличения ширины вала до 9—10, рва до 6—8 м). Участки вала с бермой и без нее чередуются по всей длине северо-западного отрезка вала; интервал составляет несколько сот метров.

К юго-востоку от разрыва через долину Шкаровки вал и ров имеют меньшие размеры и оплыли сильнее: ширина вала 7, высота 0,7—0,9 м, ширина рва 5 м; общая ширина оборонительной линии в среднем 12 м. Берма отсутствует.

На северо-западном участке с внутренней стороны вала во многих местах прослеживается на поверхности западина от рва, на юго-восточном участке следы рва не обнаруживаются.

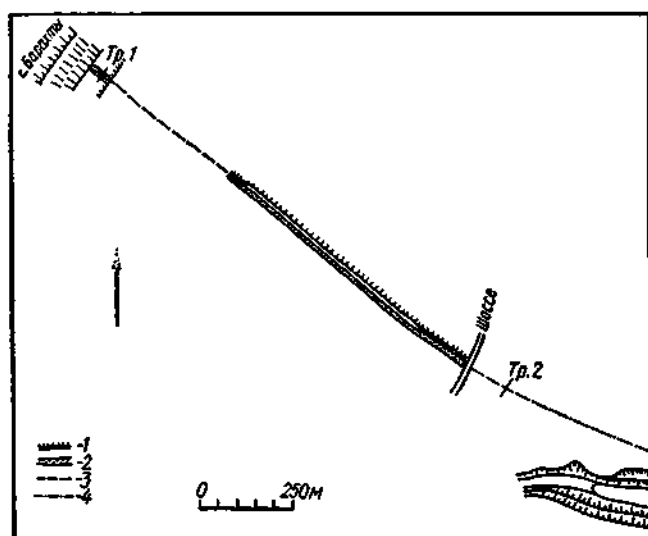

Рис. 16. План вала у с. Баракхты:

1 — вал; 2 — ров; 3 — след вала; 4 — предполагаемое направление вала.

На планах А. С. Бугая и Э. Ковальчик этот вал показан продолжающимся до р. Ирпень. В настоящее время, несмотря на старый лес, его продолжения в сторону р. Ирпень не найдено. Для проверки вероятности полного уничтожения вала и рва на этом участке была заложена поперечная траншея в створе рва, в 5,5 м перед его концом. Траншея длиной 6 м была углублена до 1 м, но и в ней каких-либо признаков рва не обнаружено: под дерновым слоем темно-серого песка толщиной в среднем 15 см залегает материковый желтый, а ниже — темно-коричневый песок. Вал и ров далее сохранившегося конца не продолжались. По каким-то причинам вал оказался не достроенным, и трехкилометровый промежуток между его концом и р. Ирпень остался открытым.

Валы по правому берегу Стугны, упоминаемые в древнерусской летописи, на обезлесенных пространствах междуречья Унавы — Днепра не сохранились.

В 3,5 км южнее Стугны напротив с. Заречье, у северо-восточной окраины с. Баракхты Васильковского р-на Киевской обл., проходит отрезок

вала длиной 800 м, ориентированный с северо-запада на юго-восток. Оба его конца повреждены землеройными работами. С юго-западной стороны вала находится ров (рис. 16). Высота вала 4 м, ширина у основания 16 м; глубина рва 3,5 м, ширина, как и вала, 16 м. Западная часть рва постоянно заполнена водой. Судя по огромным размерам и незначительной протяженности сооружения, оно, несомненно, относится к позднему средневековью. При внимательном осмотре местности обнаружилось, что в оба конца от вала продолжается незначительное, едва заметное возвышение. К северо-западу оно прослеживается почти на 400 м и на задернованном склоне к балке переходит в четкие очертания оплывшего вала со рвом с внешней юго-западной стороны. За балкой, где начинается с. Баракхты, какие-либо остатки вала отсутствуют. В юго-восточном направлении едва заметное возвышение на месте уничтоженного вала прослежено на выпасе и далее через поле на протяжении 1100 м до соседней балки в уроч. Веремье. Возникло предположение, что отрезок большого вала насыпан на месте более древнего Змиева вала, и оно полностью подтвердилось разрезом вала и рва на склоне к балке у с. Баракхты и разрезом спланированного возвышения в 150 м юго-восточнее большого вала на выпасе. В последнем случае открыт только ров, а полоса 15-сантиметрового возвышения почти полностью находится над рвом, очевидно, в результате окончательной засыпки последнего с помощью техники. На плане А. С. Бугая этот отрезок вала не показан.

О продолжении древнего Баракхтянского вала к юго-востоку свидетельствует опись Киевского округа, составленная в 1686 г. После Московского мира 1686 г. граница России с Польшей в междуречье Красной — Стугны проходила «...от селища Деремязного и от вершины р. Красной, ведучи к Стугне, прямо степью к земляному валу и земляным валом и позад селища Баракхт до урочища и до селища Кодачка...» [186, с. 527]. Между селами Деремезна и Баракхты расположены рядом два современных села Великая и Малая Ольшанки. Линия границы шла от с. Деремезна степью в район двух Ольшанок и от них земляным валом к с. Баракхты, за которым граница отклонялась влево, к юго-западу — в с. Ко-

даки. О восточном продолжении Барахтянского вала находим сведения у И. Фундуклея: «вал начинается на урочище Ольшанке и тянется до местечка Обухова...» [206, с. 38]. В другом месте И. Фундуклей отмечает, что Змиев вал начинается у местечка Триполье, проходит через с. Барахтянскую Ольшанку (ныне с. Великая Ольшанка) и далее степью мимо с. Кодаки [206, с. 30]. Не думаем, чтобы вал от Барахт так резко поворачивал (под прямым углом) влево к с. Кодаки. Граница до с. Кодаки ошибочно принята И. Фундуклеем за продолжение линии вала. Ничего нового в сведениях И. Фундуклея не внес и В. Б. Антонович. Он писал, что от Триполья вал тянется к Обухову, оттуда — к Барахтянской Ольшанке и проходит далее мимо сел Барахты, Кодаки, Мытница [10, с. 136], т. е. на последнем отрезке В. Б. Антонович фактически отмечает линию русско-польской границы, по которой в источнике вал не упоминается.

Если сохранившуюся трассу вала у с. Барахты продлить к юго-востоку, то она через 3 км выйдет в район сел Великой и Малой Ольшанок, что соответствует и местоположению вала на этом участке по описанию 1686 г. Далее вал поворачивал к востоку и тянулся в сторону с. Триполья. Отрезок этого вала длиной 12 км от с. Малая Ольшанка вдоль юго-восточного края с. Перше-Травня (бывшее с. Гудимовка) и к северо-западу от г. Обухова показан на картах В. Б. Антоновича и А. С. Бугая. К настоящему времени вал на этом отрезке не сохранился.

Остается неясным направление вала к востоку от Обухова. В. Б. Антонович продлевает его к устью Стугны севернее Триполья; на плане А. С. Бугая линия вала огибает с севера г. Обухов и отклоняется параллельно Стугне к юго-востоку, оканчиваясь южнее с. Деревянная перед р. Красная. Основанием для этого послужили, очевидно, остатки вала в селе, ориентированного в западном направлении. Отрезок вала связан или с позднесредневековыми укреплениями Обухова [64, с. 97] или является насыпью неоконченной железной дороги, строившейся по левому берегу р. Красная в начале XX в. Несомненно то, что Змиев вал должен был переходить на правый берег р. Красная и примыкать к Днепру южнее древнего Треполя, располагавшегося на

коренном берегу Днепра между Стугной и Красной. В летописи под 1093 г. говорится, что русские войска переправились через Стугну «и минуше Треполье проидоша вал; и се Половце идяху противу, и стрелци противу пред ними. Нашим же ставшим межи валом и поставиша стяги своя, и изидоша стрилци из валу; и Половци пришедше к валови, поставише стяги своя, налегоша первое на Святополка и взломиша полк его...» [142, стб. 210—211]. Следовательно, южнее Триполья находилось два вала, между которыми, минуя первый вал, остановились русские войска. Тем временем половцы подступили ко второму валу и потеснили полк Святополка, наступавшего на правом фланге русских войск. Как видно, оба вала отстояли друг от друга на несколько километров и находились недалеко от Триполья (Святополк укрылся в нем до вечера и ночью прибыл в Киев).

В описи населенных пунктов Киевского округа 1686 г. говорится: «От Треполья вниз по Днепру до Стаек 3 версты. Меж Трепольем и Стайки с польской стороны два вала земляных старинных, а ведены те валы от берега Днепровского степью вверх реки Стугны...» [186, с. 525]. В описи встречается целый ряд неточностей: занижено, например, расстояние между селами Триполье и Стайки, которое в действительности составляет 10 км. Авторы описи по аналогии с двумя параллельными валами на левом берегу Стугны, идущими к с. Плисецкое, ошибочно считали, что трипольские валы являются их продолжением. Для нас важно совпадение данных 1093 и 1686 гг. о наличии валов южнее Триполья. Это позволяет опровергнуть мнение В. Б. Антоновича, произвольно поместившего трипольские валы между устьями Красной и Стугны. Не имел представления об этих валах и В. Г. Ляскоронский, пытавшийся обнаружить их остатки. Результаты своих поверхностных изысканий он изложил слишком абстрактно: «От Триполья,— писал В. Г. Ляскоронский,— в направлении к Обухову, Стайкам и несколько дальше к Василькову, проходили длинные валы, известные у местных жителей под именем «Змиевых». Теперь они уже едва заметны в некоторых местах. По преданию, валы эти сделаны Змием» [109, с. 22]. На самом деле оба вала начинались у Днепра. Продол-

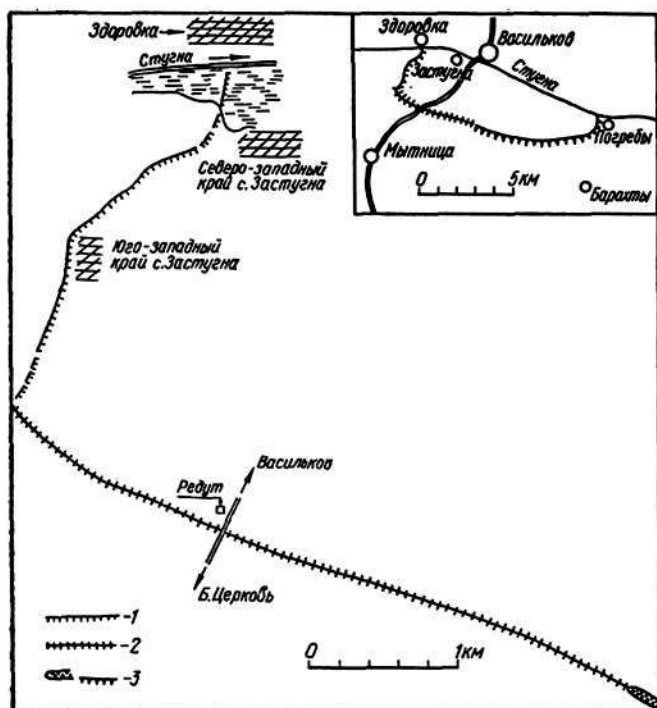

Рис. 17. План Беспятинского и Застугнянского валов:
1 — Застугнянский вал; 2 — Беспятинский вал; 3 — балка Ховратка.

жением первого из них является вал у с. Барахты, а второго — вал по р. Красная.

Северо-западнее с. Барахты течет с запада на восток ручей Ховратка, впадающий севернее села в Стугну. Долина Ховратки имеет вид широкой и глубокой балки с крутыми склонами. Было ли на указанном отрезке искусственное оборонительное сооружение, например, продолжение Барахтынского вала, сказать трудно. Но использование балки Ховратки в XVIII в. в качестве преграды не вызывает сомнений. Непосредственно от верховья Ховратки в 5 км западнее с. Барахты начинается искусственный ров огромных размеров, длиной 4,5 км, по краям которого сохранилось по небольшому валообразному возвышению, спланированным распашкой (рис. 17). Трапезиевидный в профиле ров имеет сверху ширину 12—14, по дну — 2,5, глубину 2,5—3 м. Остатки валов по краям сохранились на ширину

2—3 и высоту 0,2—0,75 м. Местное население называет этот ров валом, а в литературе он упоминается как Змиев вал [25, с. 339]. Позднесредневековое его происхождение не вызывает сомнений. Нашими исследованиями 1985 г. установлено, что идентичное устройство имеет и «украинская» оборонительная «линия» по правому берегу р. Орель на Левобережье Днепра в Днепропетровской и Полтавской областях, построенная русским правительством в 1730-х годах. Она состоит из рва с двумя небольшими валами по краям*.

Ров пересекается с шоссе Васильков — Белая Церковь на южной окрестности хут. Беспятый. В 100 м севернее перед ровом на южном конце хутора сохранилась квадратная земляная крепость размерами 40×40 м, занятая современным кладбищем — остатки русского редута XVIII в.

Западный конец рва делает крутой поворот к северу и внезапно обрывается. Продолжение его в северо-восточном направлении прослеживается по незначительному возвышению с остатками рва посередине. В этом виде полуразрушенное сооружение огибает по юго-западному краю с. Застугна и сворачивает к северо-востоку в лес. В непрочном песчаном грунте дюнного характера, засаженном сосной, местами прослеживается только ров, или ров с валом по западному краю, или ров с валами по обоим сторонам. За северо-западной окрестностью села вал опускается в низкую пойму и в виде узкого незначительного возвышения доходит до самой Стугны напротив с. Здоровка (см. рис. 17). Общая протяженность Застугнянского участка вала 2,5 км. Сведения о нем в литературе отсутствуют.

Поперечными разрезами установлено, что Застугнянский ров с валами сделан в один прием и не ранее Беспятинского участка, продолжением и копией которого, но гораздо меньших размеров, он является.

Беспятинский ров внес путаницу в определение местоположения Змиевых валов на правобережье Стугны, в частности, способствовал появлению так называемого Мытницкого ответвления. По мнению И. Фундукля, западный вал

* Ширина рва (в наиболее сохранившихся местах) 6—9,5, глубина 2—2,3 м; ширина валов по 4—4,5, высота 0,5 м [91, с. 11—12, 17—18].

между с. Плисецкое и хут. Хлебча в междуречье Ирпеня — Стугны продолжался к юго-востоку и проходил «мимо с. Мытницы над р. Ховраткою» и далее селами Барахты и Барахтянская Ольшанка [206, с. 33]. Здесь явно угадывается направление Беспятинского рва, являющегося продолжением долины Ховратки, которая, впрочем, находится в стороне от Мытницы, в 6 км к северо-востоку от нее. В. Б. Антонович, умалчивая о Ховратке, начало ответвления от Барахтянского вала переместил в с. Мытницу [10, с. 137]. Очевидно, авторам версии о Мытницком валу-ответвлении было известно существование Застугнянского участка вала, который они по неосведомленности приняли за соединительное звено между Барахтянским и Стугнянско-Ирпенским валами. Не внес ясности в местоположение валов на указанном участке и А. С. Бугай. На его плане к юго-западу от Стугны вплоть до Унавы валы вообще не показаны.

Продолжение Барахтянского вала к западу устанавливается вполне достоверно: он тянулся полями сел Порадовки, Великой Снетинки к г. Фастову и далее вдоль правого берега Унавы выходил из пределов Киевской губернии [206, с. 30]. Это же направление вала определяет и В. Б. Антонович: мимо сел Барахты, Кодаки, Мытница, Порадовка и Великая Снетинка вал достигает у г. Фастова р. Унавы [10, с. 136].

Как уже отмечалось, вал у с. Барахты не мог поворачивать к с. Кодаки, а, скорее, шел прямо. Очевидно в его линии находилась глубокая балка Ховратки с крутыми берегами и только на ее западном конце вал отклонялся к юго-западу и проходил через летописное Перепетово поле мимо современных сел Мытница, Порадовка, Великая Снетинка. На обезлесенном Правобережье Стугны между Днепром и Унавой этот вал, кроме остатков в районе с. Барахты, не сохранился. Уже в первой половине XIX в. большая часть его была распахана [206, с. 30].

Фастовско-Житомирский вал вдоль верхнего течения Унавы и Ирпеня является продолжением исчезнувшего предыдущего вала. Он начинается в заболоченной долине с ручьем у юго-восточного края г. Фастова в 10 м восточнее насыпи железной дороги Киев — Фастов — Казатин, тянется к юго-западу вдоль дороги на 1100 м и затем, от-

клоняясь к западу, продолжается по другую ее сторону. Северный конец сохранившегося вала срезан при строительстве железной дороги и примыкающей к ней боковой насыпи, ограждающей долину по ее северо-западному краю. По другую сторону боковой насыпи на спланированной площади расположены железнодорожные службы, переходящие далее в застройку г. Фастова. Вал пересекал долину в узком (25—30 м) месте и обходил ее с запада, отклоняясь далее, очевидно, к северо-востоку.

Сохранившийся северный конец вала длиной около 400 м проходит в лесу до следующей с юга долины шириной около 150 м — поймы ручья, впадающего в 2,5 км западнее в р. Унава. Вал пересекает долину поперек и сохранился на обоих ее склонах, кроме заболоченной середины с ручьем шириной 50 м. Южнее долины, на отрезке 550 м, вал почти полностью распахан. На этом участке он отклоняется к западу и его перерезает железная дорога, за которой он хорошо сохранился в лесу южнее с. Потиевка и далее до с. Волицы на длину 8 км. Вал проходит в основном по краю пологой надпойменной террасы Унавы и отстоит от реки на 1,5—2,5 км, местами на 1 км. С юго-восточной стороны вала на всем его протяжении в лесу хорошо сохранился ров. Ширина вала у основания 12,5—14 м, высота 1,5—2,4 м; ширина рва 8—13 м, глубина 1—1,5 м. Для конфигурации вала, подчиненной рельефу, характерны плавные изгибы.

По южному краю с. Волицы вал сильно оплыл, внутренняя его часть распахана, а на полях и огородах соседнего с. Пивни полностью исчезает. По словам старожилов, вал перед селом поворачивал к северо-западу, спускаясь в долину, проходил по северному краю села и пересекал Унаву. На правом берегу реки юго-западнее с. Дмитровка по валу проложена дорога. По данным В. Б. Антоновича, участок вала между селами Волицы и Дмитровка, еще существовавший в XIX в., назывался Перепятовым валом [10, с. 136]. Далее на протяжении 10 км вал распахан или застроен и прослеживается на отдельных участках. Западнее с. Дмитровка Фастовского р-на его перерезает железная дорога Фастов — Житомир, за которой начинается Житомирская область и вал продолжается в том же

северо-западном направлении по южной окраине с. Мохначка к соседнему с. Белки Попельнянского р-на, приближаясь к пойме Ирпеня. Начиная от школы в с. Белки вал с небольшими перерывами неплохо сохранился на отрезке длиной 14 км благодаря тому, что находится преимущественно в лесу. Он тянется по юго-западному краю с. Белки до предместья пгт Корнин — хутора Раковка и почти в западном направлении достигает селища Корнинского сахарного завода на шоссе Корнин — Попельня, затем отклоняется к северо-западу, пересекает уроч. Липник между р. Ирпень и с. Кривое, проходит в 300 м северо-западнее с. Рудка Попельнянского р-на, поворачивает к западу, и в 2 км перед правобережной частью с. Скочище Коростышевского р-на исчезает на краю леса при выходе на поле. Относительно равнинный рельеф без заметных понижений обусловил плавную конфигурацию вала. Только западнее с. Рудка, на пересеченной местности вблизи поймы Ирпеня, он имеет несколько значительных изгибов. В трех местах вал прерывается на пересечении с естественными преградами: большим древним оврагом между с. Белки и хут. Раковка, широкой и глубокой долиной устья р. Кривянка перед уроч. Липник у юго-западной окрестности пгт Корнин и заболоченной балкой между уроч. Липник и с. Рудка. Вал распахан на огородах поселка Корнинского сахарного завода, на полях к северо-западу от поселка и севернее с. Рудка. В наиболее сохранившихся местах между с. Белки и хут. Раковка, а так же перед уроч. Липник и в 4 км западнее с. Рудка вал и ров имеют размеры, аналогичные размерам в районе г. Фастова. Западный конец вала, обрывающийся на краю леса перед с. Скочище, удален от поймы Ирпеня на 500 м, а от реки — на 800 м.

По сведениям XIX в. вал продолжался мимо с. Скочище до с. Ходорков, где он переходил на левый берег Ирпеня и тянулся до с. Яроповичи [10, с. 136]. В настоящее время на полях и усадьбах сел Скочище и Ходорков вал отсутствует. Только через 9 км он снова обнаруживается, но уже на левом берегу Ирпеня, в 200—250 м от ее русла, на западном краю с. Ходорков Попельнянского р-на. Сведения о том, что вал переходил на левый берег Ирпеня в с. Ходорков,

вполне достоверны: в пределах села река делает резкий изгиб к югу, который перерезался валам. От западной окраины с. Ходорков вал прослеживается к северо-западу на длину 3,5 км до хут. Гать (северная часть с. Яроповичи Андрушевского р-на Житомирской обл.). Он проходит вдоль пологого края поймы Ирпеня, пересекая местами ее заболоченные участки, в 200—350 м от реки. Нераспаханный, но оплывший отрезок вала длиной 1 км со рвом от реки сохранился в 0,5 км западнее с. Ходорков, где он пересекает заболоченный выступ поймы.

В западном направлении вал прослежен еще на 8 км. В хут. Гать он проходит вначале по огородам и распахан, а далее сохранился в удовлетворительном состоянии по южному краю усадеб. Отклоняясь вправо соответственно направлению речной поймы, вал в 1 км от хутора снова поворачивает к северо-западу и пересекает долину левого русла верховьев Ирпеня шириной 1 км. По обе стороны от реки, в том числе и в осушенной пойме, вал распахан, но еще не уничтожен. По выходе из поймы, он направляется к западу, на протяжении 800 м использован под лесополосу и перекрыт дорогой. Далее вал прослеживается на длину 1700 м через поле и теряется перед болотом в уроч. Петровское в 0,5 км севернее с. Корчище. Трасса уничтоженного вала обнаруживается в болоте и местами на поле к западу от него еще на длину 1900 м и исчезает между с. Степок и железной дорогой, в 1 км севернее села. Далее к северо-западу на протяжении 3,5 км до полотна железной дороги Фастов — Житомир и по другую ее сторону на территории завода железобетонных конструкций (в 2 км юго-восточнее с. Ивница) вал полностью уничтожен. Между заводом и с. Ивница на трассе распаханного вала сохранилась полоса желтого грунта, а в пределах села по валу в том же северо-западном направлении проложена улица «Вал». По словам местных жителей, за селом вал спускался в пойму р. Ивница и продолжался к северо-западу на противоположном ее берегу.

На плане Зминевых валов Киевской губернии 1837 г. вал показан до с. Ивница, находившегося уже в пределах Волынской губернии, хотя его трасса ошибочно нанесена по правому берегу

Ирпеня. И. Фундуклею этот вал был известен только до с. Белки [206, с. 30], а В. Б. Антоновичу в 1895 г. — до с. Яроповичи. При составлении «Археологической карты Киевской губернии» В. Б. Антонович ошибочно считал, что Фастовский вал у с. Яроповичи поворачивал под прямым углом к югу, замыкая верховья Ирпеня — Унавы — Каменки [10, с. 136]. Позже появились сведения о наличии Зарубинецкого вала [11, с. 2], уходящего западнее от произвольно очерченного ранее круга, а также было обнаружено продолжение Фастовского вала до с. Ивница, причем, хорошей сохранности: шириной до 6 сажен (12 м) со рвом с южной стороны [11, с. 9].

За с. Ивница остатки Фастовского вала местами прослежены разведками А. С. Бугая до р. Тетерев напротив Житомира. Сохранившийся конец вала упирается в 350 м северо-восточнее с. Быстри в обрывистый берег р. Тетерев. Вал на этом отрезке длиной 230 м проходит с востока на запад по краю возвышения, обработанному в виде эскарпа: на склоне возвышения с наружной южной стороны выкопан ров, а вдоль него с севера по краю возвышения насыпан вал. Ширина вала 10 м, высота незначительна. Нижний край склона, очевидно, также был эскарпирован и имеет вид небольшого второго вала. С восточной стороны отрезок вала уничтожен старым песчаным карьером, за которым на ровной местности остатки вала, отклоняющегося к юго-востоку, спланированы старыми дорогами. Через 130 м от карьера следы вала обнаруживаются в лесу на длину около 300 м. Местами он разбит лесной дорогой, а местами использован под обкопку леса. Далее к востоку вплотную к трассе вала подходит полотно узкоколейки и остатки вала теряются. Протяженность Фастовско-Житомирского вала составляла 80 км.

Валы в междуречье Днестра — Красной — Ротка — Каменки известны на двух участках. Первый из них проходил вдоль р. Красная. На плане 1837 г. он показан к юго-западу от с. Перегоновка Обуховского р-на по правому берегу реки, а в верховьях — по левому берегу до с. Скребыши Белоцерковского р-на, расположенного на левом берегу р. Роток (левый приток Роси). Длина этого отрезка 18 км. И. Фундуклей отмечал, что

вал, начиная с низовьев р. Красная, проходит через земли Обухова, Копачова, Гусачевки, Германовки (Красное 2-е), Перегоновки, Василева, Иосиповки, Олейниковой Слободы, Лосятина, Скребышей; ближе к устью реки он направляется к Днестру [206, с. 32]. Может быть, И. Фундуклей упомянул с. Копачов, расположенное на р. Стугна, ошибочно, вместо с. Красное (ныне Красное 1-е), или же эти сведения относятся к Барахтянскому валу, проходившему северо-восточнее по землям с. Копачова и г. Обухова. Сведения И. Фундуклея повторил В. Б. Антонович, добавив, что вал начинается у Триполья [10, с. 137]. Вал неплохо сохранился в юго-западной части от с. Скребыши в сторону с. Иосиповки на протяжении около 10 км, где по нему проходит дорога и граница между Белоцерковским и Васильковским районами.

Остается неясным направление вала в несохранившейся северной его части. От Василева — Перегоновки он мог продолжаться и по правому берегу р. Красная, и переходить на ее левый, западный берег. В. Б. Антонович считал, что вал проходил по левому берегу Красной, однако с. Гусачевка, на полях которой отмечал линию вала И. Фундуклей (то же повторил и В. Б. Антонович), расположено на правом берегу реки. Этот вал, согласно сведениям 1093 и 1686 гг., являлся вторым (внешним) валом на отрезке южнее Триполья, где он примыкал к Днестру восточнее устья Красной. В районе сел Гусачевки и Долины правый берег Красной очень холмистый, изрезанный балками и долинами, и вал, следовательно, мог проходить на значительном удалении от реки, изгибаясь вправо к Днестру. Удобнее было сооружать вал по более равнинному левому берегу, используя реку как передовую естественную преграду. В этом случае вал переходил на правый берег реки в ее нижнем течении. Длина вала от р. Роток до Днестра составляла примерно 53 км.

Сохранившаяся юго-западная часть вала в основном прямолинейная с очень незначительными изгибами в стороны. Конец вала проходит по северному краю с. Скребыши и упирается в излучину Ротка, спускаясь по крутому склону берега почти на половину его высоты. Вал имел крупные размеры. В 50-х годах его вершина бы-

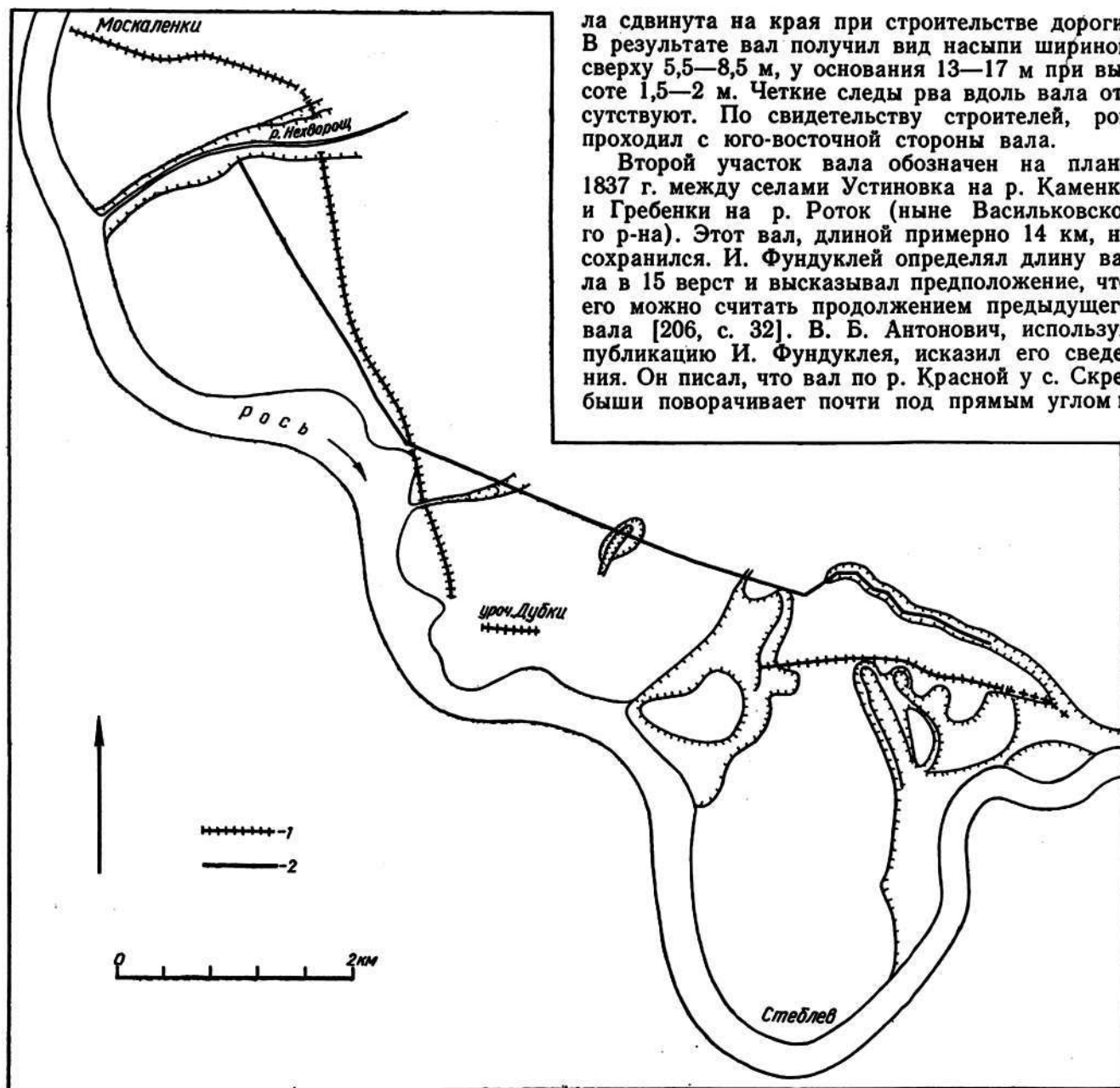

Рис. 18. Валу по левому берегу р. Рось между Стеблевым и Москаленками:
1 — Змиев вал; 2 — поздний (малый) вал.

северо-западу и доходит до с. Устиновка [10, с. 137]. На карте В. Б. Антонович не показал этого угла, а продлил линию вала поперек р. Роток к с. Соколовка (между селами Скребыши и Гребенки) и далее — к с. Устиновка. Получилась одна линия вала от Днепра до Каменки. Еще ранее В. Б. Антонович также безосновательно писал, что этот вал начинается вблизи Триполья, тянется по левому берегу Красной и из верховьев последней переходит на Раставицу [9, с. 356]. В действительности оба вала являлись отдельными сооружениями, хотя и дополняли друг друга в оборонительном отношении.

Еще один отрезок вала показан на плане А. С. Бугая от с. Яцки Васильковского р-на в северо-восточном направлении параллельно Красной. Конец вала предположительно упирался в Стугну западнее Триполья (см. рис. 3). На самом деле это остатки уже почти уничтоженной насыпи незаконченной железной дороги, проходившей от Днепра к югу через села Деревянная и Деремезна, а в западном направлении — мимо сел Яцки, Шевченковка, Винницкие Ставы, Фастовец к р. Унаве северо-восточнее Фастова. Остатки дороги с каменными мостами-виадуками нами осматривались в нескольких местах.

Сведения о наличии Змиева вала на данном направлении отсутствуют. Два вала между Красной и Стугной, в их нижнем течении, показаны на плане 1837 г. Однако внутренний (западный) вал — это непомерно растянутый левобережный Стугнянский вал, ошибочно объединенный с Черногогородско-Бышевским и правобережным Барахтянским валами и сдвинутый от Стугны к югу. В результате с. Плисецкое оказалось на противоположной, южной стороне Стугны (см. рис. 1).

Валы по левому берегу Роси и в междуречье Роси — Каменки сохранились почти исключительно в лесу.

По одному общему и беглому сообщению Пороский вал начинался от Днепра немного выше устья Роси [51, с. 599]. На плане 1837 г. вал отмечен в нижнем течении Роси между с. Сахновка и г. Корсунь-Шевченковский. И. Фундуклей также указывал, что вал начинается в окрестностях с. Сахновка, проходит мимо с. Нетеребка, через Гарбузин, Корсунь, мимо с. Вы-

граева и оканчивается в Стеблевских лесах [206, с. 23]. Эти же сведения повторял В. Б. Антонович [9, с. 356; 10, с. 138]. По нашим данным, в 1956 г. отрезок вала сохранялся на высоком и пологом склоне к пойме Роси на юго-западной окраине с. Нетеребка. В настоящее время его уже не существует. На плане А. С. Бугая следы вала показаны по западному краю с. Сахновка и между последней и с. Нетеребка, а также по северо-западному краю с. Гарбузин и г. Корсунь-Шевченковский. Однако существующий вал на последнем отрезке, как установлено обследованиями 1981 г., не является Змиевым. Этот вал, уцелевший на северо-западной оконечности с. Гарбузин, проходит по самому краю второй (возвышенной) террасы Роси с крутым склоном. В незастроенной части он очень широкий и сверху плоский. С запада вал обрывается в заболоченную долину между с. Гарбузин и г. Корсунь-Шевченковский. Часть его срезана для подсыпки дороги, проложенной недалеко через долину. По форме и местоположению вал относится к типу позднесредневековых укреплений. Змиев вал должен был проходить ниже и ближе к пойме Роси.

Западнее г. Корсунь-Шевченковский вал сохранился на пяти участках.

На первом участке протяженностью 10,5 км (по прямой) проходят два вала (рис. 18). Из них южный, более крупный и более извилистый, местами полностью уничтожен, в основном, распашкой. Восточный его отрезок длиной 2,5 км проходит с востока на запад по южному краю леса через высокое плато коренного берега реки в 2,5 км севернее пгт Стеблев. Оба его конца понижаются по склонам к пойменным долинам. В средней части вал обходит три крупных древних оврага, расположенных с южной стороны, а к северу, в лесу, местность резко понижается в направлении оврага, по которому проходит восточный конец второго (меньшего) вала. В основной, средней, части длиной 1600 м вал сохранился сравнительно хорошо. С южной его стороны находится ров, местами спланированный бульдозером при подчистке дороги, идущей по самому краю рва. Ширина вала 6,5, высота 1—1,4 м; ширина заплывшего рва 1,5—2,5, глубина до 0,20 м. Концы вала на склонах сильно повреж-

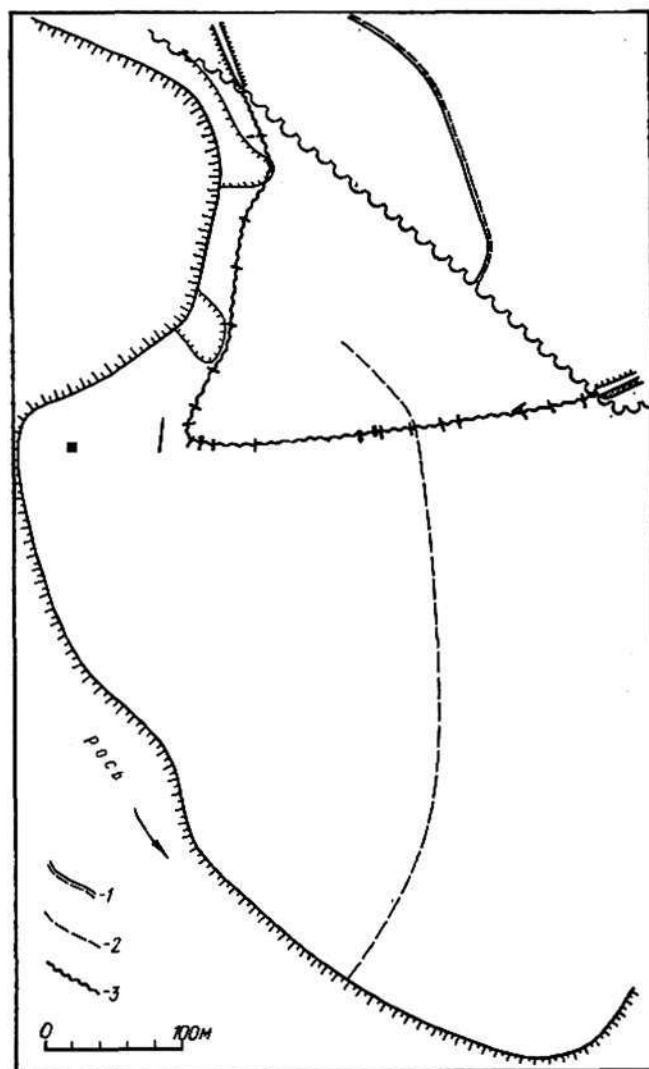

Рис. 19. Трасса уничтоженного вала по левому берегу Роси в уроч. Дубки.

1 — северо-восточная граница курганного могильника; 2 — восточная граница древнерусского селища; 3 — трасса уничтоженного вала.

дены и имеют вид незначительного расплывчатого возвышения.

В долине, а затем на поле вал отсутствует на протяжении 1,8 км. Следующий его отрезок дли-

ной 0,5 км в том же направлении с востока на запад сохранился в старом лесу в уроч. Дубки. Западнее, в излучине реки, находится поле с селищем древнерусского времени, а к северо-западу — остатки курганного могильника в лесу. По краю могильника вал продолжается уже в северо-западном направлении. Трасса вала, спланированного на участке поля шириной 350 м, определена с помощью свыше 20 траншей, которые на всем протяжении дали поперечные разрезы рва. Оказалось, что вал резко поворачивал под острым углом (рис. 19). Его продолжение в северо-западном направлении сохранилось на длину около 1200 м до обрыва берега Роси, образовавшегося в связи с сооружением водохранилища Стеблевской ГЭС. Через 30 м обрывистый берег реки, поврежденный овражками и военными траншеями, отклоняется влево, а вал продолжается в северном направлении. Почти в самом начале появившегося отрезка вала его пересекает второй, более поздний вал, который непосредственно от первого вала резко поворачивает с юго-востока на северо-запад. Насыпь этого вала у стыка повреждена дорогой и установкой памятника на могиле неизвестного парашютиста. Отрезок первого вала длиной 2,7 км продолжается к р. Нехворощ, спускаясь в ее пойму.

Последний отрезок вала длиной 2,4 км начинается в пойме на противоположном берегу р. Нехворощ и, резко поворачивая к западу, упирается в пойму р. Рось в с. Москаленки Богуславского р-на Киевской обл. Вал находится преимущественно в лесу и хорошо сохранился. В пределах села он поврежден застройкой и распашкой, его конец с помощью старожилов прослежен нами до края поймы Роси.

Размеры вала на последних трех отрезках: ширина 6—7 м, высота 0,8—1,2; ширина рва 4—6, глубина 0,5—0,7 м.

Второй вал начинается в 700 м западнее основного вала в заболоченной пойме р. Нехворощ и тянется в лесу на 2,9 км к юго-востоку почти по прямой линии до пересечения с предыдущим валом. На плане А. С. Бугая этот отрезок вала не показан. Ширина его до 2,5 м, высота 0,5—0,8 м; ров с восточной стороны, противоположной р. Рось, имеет ширину до 2 м, глубину 0,5—0,6 м. От пересечения с основным валом

он продолжается почти по прямой линии к востоку по наиболее возвышенной местности на длину 3,5 км и состоит на большей части из двух насыпей со рвом посередине. Размеры северного вала: ширина 4 м, высота 0,4—0,6 м; южного — ширина 1,6—2,5, высота 0,2—0,5 м; ширина рва между валами — от 2 до 3 м, глубина 0,2—0,6 м. На валах и во рву через поле растут деревья, преимущественно дубы.

После резкого поворота к северо-востоку вал продолжается по западному краю широкой долины и через 200 м входит в овраг, отклоняясь к востоку соответственно конфигурации последнего. Вал проходит местами по дну оврага, но, в основном, по правому краю его заболоченной долины у подножья южного склона и состоит из прямолинейных участков с резкими поворотами на стыках (см. рис. 18). Вдоль оврага вал сохранился на длину 1750 м. На всем его протяжении с южной стороны проходит ров. Ширина вала 3 м, высота 60—70 см; ширина рва 2,5—2,7 м, глубина 70—80 см. Восточный конец вала исчезает в 500 м от устья оврага и на таком же расстоянии от южного вала.

Более поздний вал не мог иметь оборонительного значения, поскольку он, кроме средней части, очень небольшой и проходит на восточном отрезке по глубокому оврагу. Старожилы считают этот вал межевым между бывшей помещичьей землей к югу и государственной к северу. Планировка и местоположение вала не противоречат его назначению в качестве межевой линии.

Стеблевский участок Змиева вала, оканчивающийся в с. Москаленки, своего продолжения как на левом, так и на правом берегах Роси не имеет. По сообщению И. Фундукля, отрезок вала длиной 260 саженей (560 м) находился в с. Тептиевка на левом берегу Роси в 7 км от с. Москаленки вверх по течению реки [206, с. 23]. Осмотром вала в 1981 г. установлено, что он проходит по самому краю высокого берега Роси, через крутой уступ понижающегося к пойме. Вал застроен усадьбами села, а на свободных местах распахан и прослежен на длину около 300 м. Западный его конец упирается в долину; в восточной части возвышенности, продолжающейся вдоль поймы до глубокой балки примерно на 250 м, остатков вала не обнаружено.

Согласно плану И. Фундукля, вал отклонялся к северу соответственно конфигурации плато и оканчивался перед балкой [206, рис. 6с]. Тептиевский вал аналогичен упоминавшемуся выше отрезку вала в с. Гарбузин. Он очень широкий (свыше 15 м), склон под ним крутой, ров отсутствует. Вал, несомненно, относится к позднему средневековью, когда полевые укрепления строили на изолированных возвышенных участках, удобных для обороны. И. Фундуклей сообщает, что по преданию вал насыпан при Стефане Батории.

Следующий отрезок Змиева вала длиной 6 км по прямой вверх по течению Роси сохранился в лесу между селами Саварка Богуславского р-на и Ольшаница Ракитнянского р-на. Здесь река делает поворот с востока на северо-запад и вал следует по более короткой линии в этом же направлении, отрезая образовавшееся колено на значительном удалении от поймы (до 2,5 км). Вал начинается на краю леса в 1200 м северо-западнее с. Саварка и выходит у северо-восточного конца с. Ольшаница, теряясь в заболоченной пойме р. Гороховатка в 160 м от ее русла. На всем протяжении по юго-западному краю вала (со стороны р. Рось) сохранилась западина от рва. Ширина вала в среднем 7 м, высота 0,5—0,8 м, реже 1 м; ширина рва 3,5—4 м, глубина 0,2—0,5 м. Конец вала у с. Саварка на длину 230 м использован под обкопку участка старого леса. Далее обкопка по краю леса под прямым углом поворачивает к северу. Разрезом обкопки установлено, что она не имеет отношения к Змиеву валу, продолжение которого на поле полностью уничтожено.

В западном направлении вал прослеживается на противоположном берегу р. Гороховатка по юго-западному краю с. Ольшаница (уроч. Рогозянка) вдоль улицы на длину 1 км. За селом, на протяжении 10 км вначале через поле и пгт Ракитное вал не сохранился.

На третьем участке, в лесу западнее Ракитного, на протяжении 11,5 км сохранились три вала — Большой, Средний и Малый (рис. 20).

Непосредственно от западного края Ракитного в 1 км от Роси начинается продолжение предыдущего (Среднего) вала. Он отклоняется к юго-западу и через 2,5 км примыкает к сравни-

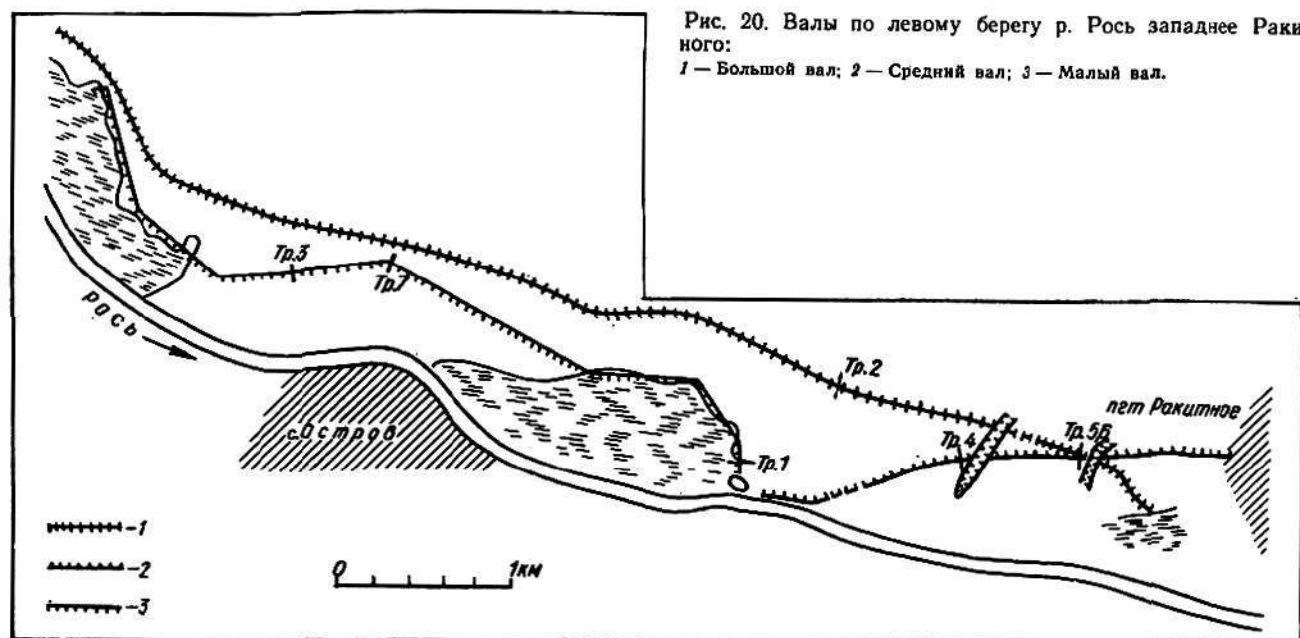

Рис. 20. Валу по левому берегу р. Рось западнее Ракитного:

1 — Большой вал; 2 — Средний вал; 3 — Малый вал.

тельно обрывистому берегу Роси, продолжаясь вдоль реки еще на 200 м. Конец вала срезан старым карьером, за которым начинается пойменное болото. Вал сравнительно хорошо сохранился, его ширина 6—7,5 м, высота 0,8—0,9 м; ширина рва 3,5—4 м, глубина 0,4—0,5 м. На этом отрезке вал пересекают две древние балки. На ближайшей из них — Плаканный яр — в 800 м от Ракитного, этот вал перекрещивается с Большим валом, который отклоняется к югу и через 450 м оканчивается в болоте на удалении 400 м от Роси *. В западном направлении от места пересечения Большой вал продолжается на 10,5 км до заболоченной поймы р. Красная (иначе — р. Узинка). В 3 км к востоку от последней у городища в уроч. Старые Сухолесы вал на отрезке около 1 км уничтожен бывшим селом. На всем протяжении с внешней стороны вала (от Роси)

имеется западина от рва. Вал отстоит от реки на 800 м, в отдельных местах, в зависимости от изгибов последней — до 1 км, а у Сухолесского городища, с узкой поймой реки и ровной надпойменной террасой, приближается к руслу до 300 м. Сохранность вала удовлетворительная, хотя он сильно осел. Ширина его 10—12 м, высота 0,6—1 м; ширина рва 5—8,5 м, глубина 0,5—1 м.

Малый вал начинается в 150 м северо-западнее конца Среднего вала. Площадь между ними повреждена старым карьером, на месте которого образовалось озеро. Малый вал уходит к северу, огибая болото, а затем к западу и северо-западу и теряется в болоте в 900 м восточнее городища у бывшего с. Сухолесы. Длина вала по прямой 4,5 км, а по его конфигурации около 5 км. Вал идет по краю болота, местами пересекая его участки, кроме средней части напротив с. Остров, где почти вплотную к р. Рось подходит возвышенность. Конфигурация вала прямолинейная с резкими поворотами под тупым углом. Он проходит южнее Большого вала в 200—300 м, а местами в 50—100 м. Почти по всему южному краю вала прослеживается ров.

* На плане А. С. Бугая этот участок Большого вала пропущен, в результате чего оба вала, Средний и Большой, ошибочно объединены в один левобережный вал, а окончание Среднего вала к юго-западу от пересечения его с Большим ошибочно продлено до уроч. Старые Сухолесы и показано как ответвление левобережного вала.

Малый вал на пониженных участках сильно оплыл, на возвышенных местах его ширина 4—4,5 м, высота 0,55—0,8 м, а ров достигает в ширину 3—3,3 м при глубине 0,5—0,55 м.

На отрезке между р. Красная и с. Томиловка Белоцерковского р-на на поле и затем в селе на протяжении 4,5 км Большой вал не сохранился. Небольшое валообразное возвышение длиной 1300 м, уходящее от юго-восточного края огорода с. Томиловка к востоку в сторону р. Красная, не является Змиевым валом. Вначале этот вал проходит по краю заболоченной поймы Роси, а далее на поле теряется. В восточной, лучше сохранившейся части, вал состоит из двух насыпей со рвом посередине. Очевидно, именно этот вал — к востоку от с. Томиловка — отмечен на плане А. С. Бугая. Однако он не мог быть продолжением Большого вала, который уже полностью распахан и проходил в 100 м от края поймы.

Продолжение Змиева вала сохранилось в лесу между с. Томиловка и г. Белая Церковь на длину 7,5 км. Ширина вала 8,5—11, высота 0,6—0,8 м; ширина рва 6—8,5, глубина 0,4—0,6 м. На территории Белой Церкви и в поле к западу от города вал не сохранился. Местоположение его, очевидно, определяет современная улица Подвальная, проходящая параллельно Роси примерно в 1 км от нее.

На западной окрестности Белой Церкви р. Рось делает резкий поворот к югу и течет в меридиальном направлении. В связи с этим вал продолжался к северо-западу через междуречье Роси — Каменки, ширина которого по линии вала 7 км. На этом участке вал сохранился в лесу у северо-восточной окрестности с. Фурсы на длину 1075 м*. Он начинается на восточном краю леса в 1900 м северо-западнее уроч. Гаек в Александрийском дендропарке и в 600 м севернее шоссе Белая Церковь — Сквир. Через 475 м от вала ответвляется к юго-западу (влево) второй, меньший вал (рис. 21). Основной вал продолжается прямо до западного края леса. С южной его стороны сохранился ров. Ширина вала 9,5—12 м, высота 0,8—1,1; ширина рва 3—5, глуби-

* По данным И. Фундуклея, ранее этот вал длиной около 6 км продолжался к Белой Церкви [206, с. 33].

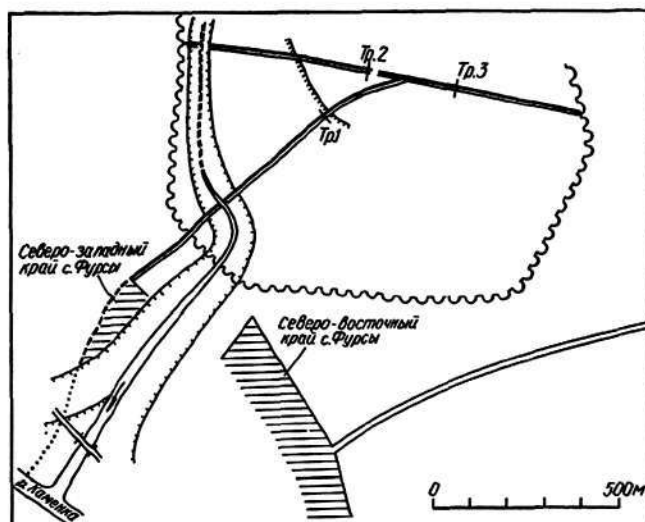

Рис. 21. План валов у с. Фурсы на левом берегу Каменки.

на 0,4—0,5 м. При этом до развилки насыпь вала крупнее (ширина 11—12, высота 1—1,1 м). Далее к западу через поле и в усадьбах с. Пищики на р. Каменка каких-либо следов вала не сохранилось.

Вал-ответвление сохранился на длину около 950 м, а далее — по северо-западному краю с. Фурсы застроен усадьбами (вдоль него справа проходит улица). Конец вала упирался в Каменку у устья ее притока под местным названием Речка. С юга вдоль вала на неповрежденных отрезках сохранился ров. Максимальная ширина вала 8, высота 0,7—1 м; ширина рва 5,5—6, глубина 0,35—0,5 м.

Продолжение Поросского (Большого) вала в северо-западном направлении появляется через 40 км начиная от райцентра Попельня Житомирской обл. Этот участок, названный нами Попельнянским валом, мы рассмотрим ниже.

О направлении Поросского вала и его ответвления на несохранившихся участках к западу от р. Каменка известны противоречивые сведения. В дореволюционных источниках вал-ответвление вообще не упоминается. Очевидно, по другую сторону Каменки он давно уничтожен. На плане 1837 г. отмечен отрезок Змиева вала,

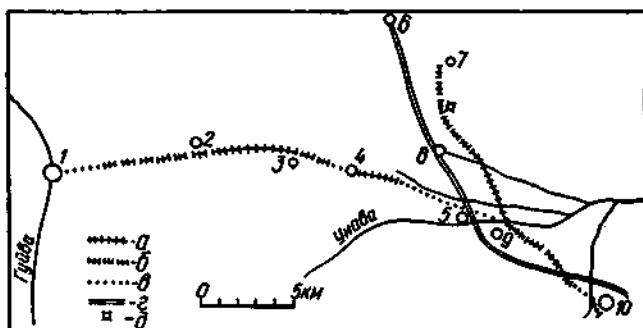

Рис. 22. Валу в верховьях Унавы:

а — вал; б — следы вала; в — вероятное направление вала; г — шоссе; д — курган. 1 — Андрушевка; 2 — Зарубинцы; 3 — Зеленый Гай; 4 — Любимовка; 5 — Маркова Воля; 6 — Ходорков; 7 — Возрождение; 8 — Котлярка; 9 — Великие Лесовцы; 10 — Попельня.

начинающийся к юго-востоку от с. Краснолеса (Сквирский р-н Киевской обл.) и проходящий севернее с. Новоселица (Попельнянский р-н Житомирской обл.) к с. Попельня, ошибочно помещенной на левом берегу Унавы. И. Фундуклей отмечает, что вал, называемый Траяновым, начинается в с. Почуйки (12 км восточнее с. Попельни) и идет к востоку у с. Краснолеса, затем через Белую Церковь и тянется далее вдоль левого берега Роси [206, с. 30]. В. Б. Антонович указывает продолжение Поросского вала западнее Белой Церкви по линии Фурсы — Краснолеса — Почуйки [10, с. 138], ссылаясь при этом на И. Фундуклея, а также Л. Похилевича, хотя последний дословно списал эти сведения у И. Фундуклея. Ранее В. Б. Антонович линию вала продолжал через с. Попельню [9, с. 356]. Очевидно, данные о вале у с. Почуйки И. Фундуклей почерпнул из описания границ Романовского староства 1789 г., где упоминается «вал или возвышение» слева от дороги из Почуек в Жидовцы (ныне с. Жовтнево Попельнянского р-на) [54, с. 490]. Из текста (на польском языке) неясно, идет ли речь о вале, или какой-либо иной межевой насыпи (на небольшом отрезке северо-западнее с. Почуйки указана граница, идущая «walem czyli wzgórkiet»).

Из двух валов у с. Фурсы, схематически показанных на плане А. С. Бугая, основной вал обрывается на противоположном берегу Каменки, а ответвление предположительно соединено с

валом, продолжающимся южнее с. Краснолеса, севернее с. Новоселица, южнее с. Саверцы и по северо-восточному краю райцентра Попельня к с. Великие Лесовцы на Унаве. Непонятно, почему строители оставили неоконченным прямой основной вал и начали возводить ответвление совершенно в иную сторону, продлив затем его в створе основного вала. Дополнительный вал-ответвление уходил к юго-западу (мы к нему возвратимся при рассмотрении остатков более южных валов). Следов основного вала между Фурсами и Попельней обнаружить не удалось. Наши обследования 1983 г. в районе сел Новоселица и Саверцы положительных результатов не дали. Местные жители указали на старый Чумацкий тракт, который шел из Новоселицы к Саверцам на запад и затем на юго-запад в Паволочь. К юго-востоку от Новоселицы тракт вел к ближайшему с. Дунайки и далее в район с. Краснолеса. Старая дорога на полях запахана, а местами по краям заросла вербами и сохранилась, однако остатков вала на месте дороги не заметно.

Валу в верховьях Унавы состоят из трех отрезков: Попельнянского вала и двух его ответвлений — Котлярского и Зарубинецкого валов (рис. 22).

Попельнянский вал в междуречье верховьев Каменки — Унавы появляется на огородах по западному краю пгт Попельня примерно в 1 км севернее полотна железной дороги или в 3,5 км севернее р. Каменка. Он проходит по восточному берегу ручья, вытекающего в 1 км южнее из болота у Попельнянского консервного завода* и впадающего севернее в Унаву. Благодаря местным жителям отрезок вала, подвергающийся уничтожению, прослежен на длину около 300 м. Лучше всего вал сохранился в 50 м севернее искусственного пруда. Отрезок ориентирован с юга на север, с незначительным отклонением к северо-западу; его южный конец поворачивает к юго-востоку и теряется перед шоссейной дорогой. Судя по местности, вал продолжался несколько сот метров почти к северу параллельно ручью, а затем пересекал его и резко отклонялся к се-

* На плане А. С. Бугая вал ошибочно обозначен на противоположном, северо-восточном краю Попельни.

веро-западу, обходя заболоченную долину в направлении карьера у Попельнянского комбинатового завода на северо-западной окрестности поселка. За указанным перерывом, протяженностью 2 км, отрезок вала длиной около 150 м сохранился в 60 м севернее карьера в сосновом лесу справа от шоссе Великие Лесовцы — Попельня*. С юго-запада вдоль вала имеется западина на месте рва. За шоссе вал длиной около 0,5 км почти полностью распахан, а далее в лесу на протяжении 0,5 км он лучше всего сохранился — его высота 1 м, ширина 11—11,5, а рва — ширина 6—7, глубина 0,4—1 м. Через следующий участок поля шириной 1 км заметна лишь трасса вала в том же северо-западном направлении. Далее вал отклоняется влево и на длину 700 м использован под обкопку леса, его деформированная насыпь задернована. Через 1 км от леса вал в распаханном виде подходит к пойме правого берега Унавы у северо-восточного края с. Великие Лесовцы. Общая протяженность сохранившейся части Попельнянского вала 6,5 км. На противоположном берегу Унавы вал раздваивается на Котлярский и Зарубинецкий участки.

Котлярский вал на северном берегу Унавы резко отклоняется вправо от створа Попельнянского вала и в северо-западном направлении пересекает отлогую надпойменную террасу шириной 150 м, а затем продолжается через поле на 650 м до края долины Рудки — притоки Унавы. На надпойменной террасе Унавы вал задернован, но сильно осел; его высота 0,6 м, ширина 12 м. Следующий отрезок вала длиной свыше 2 км пересекает высокий участок поля между долиной Рудки и второй притокой Унавы — р. Кривенькая. К западу от него находится с. Котлярка Попельнянского р-на. Вал распаивается, в южной части на отрезке 0,5 км его остатки заросли молодыми деревьями. Широкая (до 25 м) полоса насыпи свидетельствует о значительных первоначальных размерах вала. На месте внешнего рва четко прослеживается западина.

Остатки вала сохранились в пойме на противоположном берегу р. Кривенькая, севернее ко-

торой его трасса отклоняется влево и на заболоченном выпасе едва прослеживается на длину около 1,5 км. Далее на поле вал сильно распахан. Он поднимается на возвышенность, огибая ее вершину по западному краю, проходит в 100 м западнее полуразрушенного большого кургана и в северо-восточном направлении упирается в край глубокой балки с озером юго-западнее поселка Возрождение. На последнем отрезке вал сохранился на длину 6 км, а начиная от Унавы он прослежен на протяжении 9 км. Севернее озера на полях вала не обнаружено. Местные жители его также не помнят. Северный конец вала отстоит на 3 км от Ирпеня и ориентирован в направлении западнее с. Скочище. О наличии его на этом отрезке свидетельствует донесение Ходорковской волости 1873 г., согласно которому вал начинался у с. Скочище и продолжался к юго-востоку мимо с. Котлярка [10, с. 137].

В. Б. Антонович допускал возможность продолжения Котлярского вала в юго-восточном направлении к с. Почуйки, где, как отмечалось выше, И. Фундуклею был известен Поросский вал [10, с. 137]. Ошибочность подобного мнения вполне очевидна, поскольку Котлярский вал находится в одной линии с Попельнянским валом, проходящим в 12 км западнее с. Почуйки.

Зарубинецкий вал в междуречье Унавы — Гуйвы следует рассматривать как основное продолжение Попельнянского вала. Котлярское ответвление перекрывало доступ с запада в междуречье Унавы — Ирпеня, а Зарубинецкий вал защищал с юга не только это междуречье, но и преграждал путь для обхода Ирпеня, севернее которого на огромном пространстве естественные преграды отсутствовали.

Упоминание об этом вале по данным церковной летописи с. Андрушевка содержится у В. Б. Антоновича. Он сообщает, что в с. Лясовка (ныне северо-восточное предместье г. Андрушевка Житомирской обл.) от р. Гуйва начинается вал, который тянется к юго-востоку к с. Зарубицы [11, с. 2]. К настоящему времени вал здесь не сохранился: по нему устроена дорога. У юго-восточной окраины с. Зарубицы дорога сворачивает влево, а вал со рвом продолжают прямо к востоку с незначительным отклонением к северу. В самом начале вал поврежден

* На этом отрезке установлен памятник-обелиск советским воинам.

распашкой, а далее на участке березовой лесополосы длиной 600—700 м задернован, его высота 1,5—1,6 м, ширина до 15 м, вершина плоская со следами старой дороги. За лесополосой вал в том же направлении продолжается к с. Зеленый Гай и почти на всем протяжении (2,5 км) недавно распахан. Во время обследования в 1983 г. он еще служил междой между полями и его высота составляла 0,6—0,8 м, ширина — до 15 м. Перед с. Зеленый Гай вал отклоняется к юго-востоку и по северному краю этого села ежегодно разрушается хозяйственными работами. Общая длина сохранившейся части вала от с. Зарубинцы — 4 км. Он проходит почти по ровной местности, пересекая по середине небольшую заболоченную долину. С юга вдоль вала сохранился ров.

Между селами Зеленый Гай и Любимовка на протяжении 2 км вал почти полностью распахан. Незначительные его остатки (длиной 2 км) сохранились на поле к юго-востоку от уроч. Цетельня на восточном краю с. Любимовка. Следы вала теряются южнее истоков р. Рудка в 2 км севернее р. Унава (или в 1,5 км севернее с. Сокольча), где он уничтожен распашкой и мелиоративными работами. Далее вал проходил севернее с. Маркова Волица и на краю поймы Унавы соединился, очевидно, с Котлярским валом. В настоящее время долина в районе предполагаемого прохождения вала изрезана каналами. Зарубинецким и Котлярским валами в верховьях Унавы оканчивался Большой левобережный Поросский вал.

Остается невыясненным вопрос о Среднем вале по Роси между селами Москаленки и Саварка. В с. Москаленки вал примыкает к реке, его продолжение сохранилось через 27 км в лесу северо-западнее с. Саварка. И. Фундуклей отмечал, что у Саварки вал «склоняется к с. Синице» [206, с. 30], которое расположено в 2 км юго-восточнее с. Саварка на противоположном, правом берегу Роси. Тетбу-де-Мариньи, по сведениям, явно позимствованным у другого автора (очевидно, составителя плана 1837 г.) писал, что, начиная от Днепра немного выше устья Роси, вал идет «по Богуславскому уезду повыше местечка Богуслава» и «переходит с левого берега на правый ее берег в Васильковский уезд»

[51, с. 599]. Это единственное беглое упоминание отрезка левобережного вала «повыше Богуслава» дало основание В. Б. Антоновичу считать, что вал у Богуслава не прерывался и у границы с Васильковским уездом (она проходила возле с. Саварка) от него отбывался второй вал, который переходил на правый берег Роси в районе с. Синица [10, с. 138]. Поводом для этого могли послужить данные И. Фундуклея о наличии на правом берегу р. Рось у г. Таращи Атаманского вала, а к востоку от него — еще двух валов, последний из которых «оканчивается при Синице» [206, с. 56]. В. Б. Антонович произвольно объединил все три вала в один, назвав его Атаманским, и соединил его у с. Синица с левобережным валом [10, с. 137—138]. Соединение двух валов у с. Синица В. Б. Антонович обозначил и на своем плане (см. рис. 2).

Согласно плану А. С. Бугая, левобережный вал у сел Саварка и Синица также переходит на правый берег. Отличие от плана В. Б. Антоновича состоит в том, что на плане А. С. Бугая Богуславский отрезок вала не показан, а с Росью пересекается западное звено левобережного вала, идущее со стороны с. Ольшаницы (см. рис. 3). Но как отмечалось выше, на поле за Ольшаницким лесом какие-либо следы продолжения вала отсутствуют. Судя по направлению, вал обходил с. Саварка восточнее.

Валы на правом берегу Роси между г. Таращей и с. Синицей, по данным А. С. Бугая, имеют совершенно иную конфигурацию, чем на плане В. Б. Антоновича, и, во всяком случае, не образуют единой оборонительной линии. Один вал по северо-восточному краю Таращи, вытянутый с северо-запада на юго-восток на длину 2 км и прерванный почти посередине долиной р. Котлуй, исследовался в 1980 г. Вал защищал с востока г. Таращу, с этой же стороны вдоль вала сохранился ров. Ширина вала 12—13 м, высота 1—1,5; ширина рва 7—3, глубина 1,3 м. К западу от вала на отдельных усадьбах в черте г. Таращи (улицы Буденного, Ленина) сохранились остатки второго вала, защищавшего город с юга и проходившего вдоль северного края долины р. Котлуй. На плане 1873 г. в Таращанском народном музее, составленном в связи с проектированием застройки Таращи, показан северо-за-

падный вал, опоясывавший Тарашу с запада и частично с севера в виде дуги. Обозначен он на плане как «древний вал». В настоящее время этот вал спланирован.

Тарашанские валы относятся к позднему средневековью. В источниках Тараша упоминается с 1611 г. как урочище, пожалованное боярам Белоцерковского замка с обязанностью нести военную службу. В источнике 1722 г. Тараша уже именуется городом [149, с. 417]. В XVII или XVIII в. были сооружены и валы для защиты города.

Два других вала южнее Синицы, которые по плану А. С. Бугая ориентированы перпендикулярно друг другу, также являются остатками поздних укреплений, не имеющих ничего общего со Змиевым Поросским валом. Разведкой 1980 г. в с. Синица были обследованы остатки вала, ограждавшего большое и уже разрушенное позднесредневековое городище с керамикой XVII—XVIII вв. Городище имело четырехугольную форму в периметре 1752 сажени (свыше 3500 м) [10, с. 55]. В 6 км южнее с. Синица сохранились остатки сильно распаханного вала, проходившего с востока на запад в сторону с. Буда. Согласно источникам, в XVII в. в этом районе находились укрепления сечевых казаков [149, с. 419—420].

Вал по левому берегу Роси И. Фундуклей называл Траяновым и связывал с римским императором Траяном [206, с. 30]. Валы по правому берегу Роси от с. Синица в сторону Тарашы, согласно местным преданиям, не были древними и их никто не именвал Змиевыми. Один вал был известен под названием Атаманский. Сооружение второго вала, при Кошеватском Степке (ныне с. Степок), связывалось с греческими колонистами. Третий вал при Буде Кошеватской (ныне с. Буда), длиной 3 км, который оканчивался у с. Синица, по преданию, был насыпан татарами для защиты от запорожцев [206, с. 56—57]. Следовательно, версия о продолжении левобережного вала на правой стороне Роси от с. Синица до г. Тарашы несостоятельна.

Валы южнее и западнее верхнего течения Роси почти не сохранились. Согласно плану 1837 г., у бывшего с. Сухолесы, между Ракитным и Белой Церковью (ныне на этом месте сохрани-

лось городище), Поросский вал переходил с левого на правый берег реки и тянулся к юго-западу мимо с. Шкаровка, пересекал верхнее течение Роси (севернее с. Яблоновка), нижнее течение ее правой притоки Сквирки и проходил южнее последней между селами Пустоваровка и Тхоровка, южнее сел Домантовка, Кривошеинцы, далее пересекал Раставицу (между «Замчищем» в с. Ягнятин и нынешним райцентром Ружин Житомирской обл.), поворачивал вправо, к северо-западу, а затем к западу и выходил за пределы бывшей Киевской губ. юго-западнее с. Вчорайше.

Змиев вал южнее Сквирки упоминается в документе 1789 г. В описании земель Сквиры (на польском языке) участок границы проходил по течению р. Сквирка до р. Собесьяновица, с расположенным на ней с. Пустоваровка, «оттуда вдоль речки Собесьяновицы вверх к уроч. Толстая Дубина, занятого с. Тхоровка, которым прямо вверх до верховьев р. Собесьяновицы, из родников начинающейся, прямо под могилой раскопанной на валу Змиевом находившейся, а от той могилы валом Змиевым до тракта Татарского, через вал проходящего, оставив затем Змиев вал справа, в левую руку тем трактом Татарским до границ грунтов чепиевских, от которых повернув вправо вдоль границы чепиевской и березянской аж до речки Сквиры...» [54, с. 522]. Судя по описанию, Змиев вал приближался к истокам р. Собесьяновицы западнее Тхоровки и продолжался к Татарскому тракту (дорога к югу от г. Сквир), а затем проходил примерно в районе с. Домантовка (севернее владений с. Шапиевка).

Тетбу-де-Мариньи сообщал в 1844 г., что левобережный поросский вал, как мы уже отмечали, переходил на правый берег реки в районе размежевания Богуславского и Васильковского уездов (т. е. в районе сел Саварка и Синица). На правом берегу вал тянулся вблизи реки между гор, отклонялся влево почти под с. Озерное в 25 км южнее Белой Церкви и затем переходил в Сквирский уезд — к селам Казимировка и Новоселица, откуда продолжался к северо-западу [51, с. 599]. Скорее всего, эти слишком общие сведения автором заимствованы и не проверены (с. Казимировка расположено южнее р. Сквирка, а с. Новоселица — южнее р. Каменка, в

22 км севернее Казимировки; оба села находятся в районе прохождения двух различных валов).

И. Фундуклей на указанном участке отмечает два вала. Первый из них начинался у р. Рось при с. Пилипча и тянулся к северо-востоку до с. Шкаровка, а затем проходил через с. Коженики до с. Остров, где оканчивался у р. Насташки (правый приток Роси) [206, с. 32—33]. Второй вал начинался на правом берегу Сквирки у с. Стадница (ныне с. Ленинское) и тянулся к юго-западу мимо сел Пустоваровка, Домантовка, Казимировка. Дальнейшее продолжение вала, без указания сел, И. Фундуклей определяет расстоянием в 20 км [206, с. 49], т. е. примерно до р. Раставица. Отдельно он упоминает вал у с. Ягнятин на р. Раставица и не определяемые им валы в районе сел Кривошеинцы, Плоское и Низгорцы [206, с. 50].

По данным В. Б. Антоновича, вал восточнее с. Коженики на правом берегу Роси прерывался перед с. Бирюки на 4 км [10, с. 137]. О дальнейшем продолжении вала к востоку В. Б. Антонович четкого представления не имел. Он писал, что за с. Бирюки вал появляется на противоположной, левой стороне Роси и тянется до р. Насташка у с. Остров [10, с. 137]. Но р. Насташка как и с. Остров находятся на правой стороне Роси. На плане В. Б. Антоновича окончание вала все же показано на правом берегу Роси — перед с. Остров. В юго-западном направлении вал продолжался, согласно В. Б. Антоновичу, до с. Пилипча на Роси [10, с. 137]. Второй отрезок вала начинался через 16 км западнее — у с. Шамраевская Стадница (ныне с. Ленинское) и продолжался по землям сел Пустоваровка, Домантовка, Казимировка, Кривошеинцы, Вербовка, Молчановка, Плоское, а по другую сторону Раставицы, по сведениям Малочернявской волости (ныне с. Малая Чернявка Ружинского р-на Житомирской обл.), В. Б. Антонович отмечает продолжение вала у сел Малые Низгорцы и Ярославка [10, с. 136].

В итоге сведения источников XIX в. о валах южнее и западнее верхнего течения Роси разноречивы. Часть авторов объединяет эти валы в одну линию и считает ее продолжением или ответвлением левобережного вала. При этом, нет

единого мнения в определении места, в котором левобережный вал мог переходить на правый берег. По другому варианту валы южнее и западнее верхнего течения Роси рассматриваются как две отдельные линии и не связываются с левобережным валом. В первом случае недостаточная осведомленность привела авторов к неверным реконструкциям, во втором — даны более конкретные сведения, и этот вариант является вполне достоверным. Валы по правой стороне Роси не связаны с левобережным валом. Средний вал по левому берегу Роси, как было показано выше, не переходил на ее правый берег у сел Саварка и Синица и не соединялся с более поздними отрезками валов между Синицей и Тарашей. К тому же, крайний Тарашанский вал не имел продолжения к западу. Что касается Старых Сухолес, то Большой Поросский вал проходит параллельно реке в направлении Белой Церкви и ответвления на этом участке не имеет. Средний же вал оканчивается в 5 км перед Старыми Сухолесами.

Далее, соединяя два вала на участке разрыва в междуречье Сквирки — Роси, авторы первого варианта не упоминают на их трассе с. Стадница. На плане 1837 г. продолжение вала к востоку от низовьев Сквирки показано между селами Пустоваровка и Тхоровка, хотя в действительности, как сообщают другие источники, западный вал оканчивался в 4 км северо-западнее — у с. Стадница, и, следовательно, был ориентирован в совершенно ином направлении, выходя из створа второго вала, начинавшегося у с. Пилипча на Роси.

На плане А. С. Бугая к югу и западу от Роси показаны три изолированных отрезка Змиевых валов, которые мы назовем Пилипчанским, Яблоновским и Ягнятинским. Новым является средний, Яблоновский вал, а местоположение двух остальных соответствует старым источникам. Начало Пилипчанского вала в излучине правого берега Роси обозначено у с. Пилипча, откуда он продолжается к востоку мимо с. Шкаровка, а далее обрывается, не доходя Роси. Тем не менее А. С. Бугай, уступая традиции, предположительно соединил его с левобережным валом (по нашей терминологии, Средним валом) в районе Старых Сухолес. Нам уже известно, что Средний

вал оканчивается между пгт Ракитное и с. Остров, а на плане А. С. Бугая он ошибочно продлен до Старых Сухолес в виде ответвления Поросского вала, значительно смещенного к северу от действительного его местоположения. На правом берегу Роси в 1 км юго-восточнее с. Пилипча Белоцерковского р-на нами исследован отрезок Пилипчанского вала, сохранившийся в лесу на длину около 450 м (рис. 23). Сооружение относится к уже известному нам типу поздне-средневековых памятников в виде двойного вала с ровом посередине. Симметричный в профиле ров имеет ширину 6,5—7, глубину 1,3—1,5 м. Более крупный вал проходит по северному краю рва высотой 1,3, шириной 7 м, а вал по южному краю значительно меньше — высотой 0,5, шириной 5 м. По сведениям старожилов, когда-то в сторону с. Шкаровка (в 20 км северо-восточнее с. Пилипча) по валу шла дорога, которую именовали «валовой дорогой». Это название шло от отцов и дедов. Помнят вал и в несохранившейся части через поле до нынешней шоссе-ной дороги, проложенной в ином направлении (с севера на юг) в 700 м восточнее уцелевшего отрезка вала.

Можно было бы допустить, что у с. Пилипча мы действительно имеем дело со Змиевым валом, использованным в позднее средневековье под укрепление из двух валов с ровом посередине. Для этого достаточно было углубить ров и подсыпать имевшийся вал, а также соорудить небольшой вал по наружной стороне рва. Однако разрезом вала по северному краю рва в 1984 г. установлено, что он возведен в один прием и по характерной для позднего средневековья структуре насыпи совершенно отличается от Змиевых валов.

На полях в сторону с. Шкаровка какие-либо следы вала отсутствуют. В с. Шкаровка жители указывают следы вала в конце центральной улицы Мира на юго-восточной окраине села. Осмотром установлено, что перед шоссе Киев — Одесса с юга на север тянется долина, поперек которой на продолжении улицы высыпана гребля, имеющая вид оплывшего вала. Некоторые жители помнят предание, что по этому валу проходила старая казачья дорога. К западу от гребли ул. Мира продолжается по длинному гребню, ограниченному по краям или только с од-

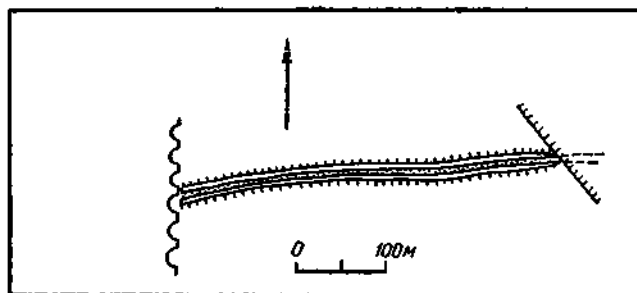

Рис. 23. План вала у с. Пилипча.

ной стороны глубокими долинами. За пределами села, восточнее шоссе, гребень со следами старой дороги тянется примерно на 200 м в лесу, а далее на ровной местности дорога теряется. В 3 км восточнее (в с. Коженики) вдоль дороги по южному краю села проходит небольшой валок, которым обкопан лес (ров находится между дорогой и валом). Далее, в направлении сел Бирюки и Остров, никаких валов, кроме обкопки леса перед с. Бирюки, не обнаружено. Неопределенность сведений литературных источников о наличии вала на правом берегу в излучине Роси между с. Пилипча и районом Остров — Старые Сухолесы объясняется тем, что сплошного вала на этом отрезке никогда не было. Проходила старая дорога, местами вдоль обкопанного леса, а местами через насыпные гребни, в том числе и вдоль поздне-средневекового вала у с. Пилипча. Эта дорога пересекала Рось в 1 км западнее с. Остров и прослежена нами на отдельных участках в направлении пгт Рокитное на левом берегу Роси.

Яблоневский вал отмечен на плане А. С. Бугая западнее с. Яблоневка Белоцерковского р-на. Он ориентирован с северо-востока на юго-запад и южным концом упирается в р. Сквирку. Отрезок этого вала длиной 50 м сохранился в разрушенном состоянии на западном краю поля перед углом леса в 4 км северо-западнее устья Сквирки и в 1,5 км северо-восточнее ее русла. По сведениям жителей села, ранее на нем находился скотомогильник. Непонятно, почему отрезок вала не продолжается в лесу. Подойдя к его углу, вал раздваивается вправо и влево, образуя обкопку. Яблоневский вал ничего

нового в сведения о Змиевых валах не вносит и отношения к ним не имеет.

Изолированное положение Яблоновского вала не позволило А. С. Бугаю соединить его со Змиевым валом, пересекавшим Сквирку в 7—8 км северо-западнее Яблоновского вала и переходившего в с. Ягнятин на левый берег Раставицы. На его плане указанный вал, за исключением Ягнятинского отрезка западнее Раставицы, отсутствует. Между тем, среди валов, известных в бассейне верхнего течения Роси, только этот вал относится к числу Змиевых. Не случайно он под этим названием упомянут в цитировавшемся документе 1789 г. Об этом же вале сохранилась местная легенда, записанная в с. Белиевка (11 км южнее с. Тхоровка) и опубликованная в 1930 г. [201, с. 62—63]. В ней рассказывается, как кузнец Улас принудил Змию, схватив его клещами за язык и ведя за огромным плугом, пропахать вал и ров. Вал, по легенде «был как церковь высокий, борозда — как глубокий погреб. ...Этот вал стоит сотни лет и переживет века». К сожалению, вопреки предсказанию, этого вала уже нет. Как сообщает А. Г. Хатемкин, в конце XIX в. ему удалось собрать среди местных жителей только полулегендарные воспоминания о Змиевом вале южнее р. Сквирка [208, с. 13—18].

От этого вала на небольшом отрезке сохранилось его западное продолжение в с. Ягнятин Ружинского р-на Житомирской обл. Вал проходит в юго-западной части села и ориентирован почти на север с небольшим отклонением к западу. На протяжении 120 м он служит границей между дворами и огородами и постепенно подвергается разрушению, хотя его насыпь еще имеет высоту до 0,7 м при ширине 9 м. На месте рва с западной стороны сохранилось углубление. К югу, на длину 100 м, вал прослеживается под застройкой до пересечения с улицей. Между последней и обрывистым берегом Раставицы, в расположении Дома культуры, местность спланирована.

В противоположную сторону вал прерывается школьным стадионом, а далее на огородах его остатки почти полностью распаханы. В целом отрезок вала прослежен на длину 450 м. На полях за селом остатки вала не зафиксированы.

О дальнейшем направлении и окончании Ягнятинского вала авторы XIX в. четкого представления не имели. Ближайший вал И. Фундуклей отмечает на полях соседнего с. Карабчиев, расположенного к северу от с. Ягнятин [206, с. 50]. Не исключено, что эти сведения относятся к валу замчища XVI—XVII вв. южнее с. Карабчиев. Далее к северо-западу он упоминает не совсем ясные остатки вала в районе с. Низгорцы. В. Б. Антоновичу было известно продолжение Ягнятинского вала между селами Низгорцы и Ярославка. Исходя из предвзятой идеи концентрации Змиевых валов, В. Б. Антонович ошибочно соединял Ягнятинский вал с продолжением Фастовского вала в верховьях Ирпеня. Согласно плану 1837 г., как уже отмечалось, вал выходил за пределы бывшей Киевской губ. юго-западнее с. Вчерайше, т. е. примерно к северу от Малых Низгорцев (расстояние между селами 6 км). Таким образом, источники XIX в. позволяют продлить Ягнятинский вал к северо-западу от Раставицы на 15 км, где он проходил вначале южнее с. Ярославка, а затем севернее с. Малые Низгорцы. В этом направлении показана трасса вала и на плане А. С. Бугая. Обследованием местности у с. Малые Низгорцы Ружинского р-на Житомирской обл. в 1984 г. вала не обнаружено. Но старожилы хорошо помнят распаханый вал, существовавший до начала 30-х годов. По их словам, вал шел со стороны с. Крыловка (в 1 км юго-восточнее с. Ярославка), пересекал трассу современного шоссе Ружин—Андрушевка и продолжался севернее с. Малые Низгорцы в направлении башни, стоявшей северо-западнее села.

В 15 км западнее с. Малые Низгорцы параллельно Раставице протекает Гуйва, куда, несомненно, продолжался вал, упираясь в реку как естественную преграду. На этом отрезке (до с. Кашперовка Казатинского р-на Винницкой обл. на Гуйве), судя по топографическим картам XIX в., проходила старая почтовая дорога из Ружина в Бердичев. Не исключено, что она была проложена по валу.

В противоположном направлении вал переходил в с. Ягнятин на правый берег Раставицы и, в соответствии с приведенными выше довольно точными показаниями источников XIX в., тянул-

ся на 40 км южнее р. Сквирка до ее низовьев в район современных сел Пустоваровка и Ленинское. На этом сведения о вале обрываются. Попытка связать его с позднесредневековым Пилипчанским валом оказалась преждевременной.

Поиски дореволюционными исследователями продолжения Ягнятинского вала на левом берегу среднего течения Роси объясняются тем, что им не было известно южное ответвление Большого Поросского вала у с. Фурсы, сохранившееся до р. Каменки. Эту ошибку не исправил и А. С. Бугай. Но именно южное ответвление основного Поросского вала у с. Фурсы ориентировано в сторону северо-восточного окончания Ягнятинского вала, пересекавшего Сквирку между селами Пустоваровка и Ленинское и давно уничтоженного на отрезке длиной около 15 км. Это ответвление и является началом Ягнятинского вала. Судя по его разрезу в 1984 г., он в конструктивном отношении почти не отличается от вала-ответвления у с. Фурсы и не имеет аналогов среди других валов по левому берегу среднего течения Роси. Общая длина Ягнятинского вала-ответвления от с. Фурсы на Каменке до Гуйвы составляла не менее 85 км.

б) Левобережье Среднего Поднепровья

Днепровский Левобережный вал проходил в пойме Днепра, пересекая вклинивающиеся изгибы надпойменной террасы, вдоль многочисленных стариц, проток, озер на удалении 0,4—7 км от главного русла реки. Основная часть вала залита водохранилищами Каневской и Кременчугской ГЭС, а в промежутках между ними вал во многих местах уничтожен многовековой хозяйственной деятельностью человека. Наиболее полные сведения о вале собраны и опубликованы Л. Падалкой, который указал местонахождение и длину (в верстах) известных ему отрезков [131, с. 35; 132, с. 25].

Вал начинался у с. Кийлов Бориспольского р-на Киевской обл., где в начале XX в. он сохранился на длину 3 версты, и был известен вниз по течению Днепра между с. Гусенцы и бывшим с. Ячники (1,5 в.), у бывших с. Подсенное и хут. Чубуки (10 в.) и с. Андруши в устье Трубежа. По другую сторону Трубежа вал сохранялся

между бывшими селами Выюнище и Городище (5 в.). Далее на протяжении 20 км сведений о вале Л. В. Падалка не имел, хотя известно, что до затопления водохранилищем Каневской ГЭС отрезок сильно оплывшего вала длиной 12 км проходил к югу от с. Городище мимо сел Комаровка и Решитки. Еще южнее (ниже плотины Каневской ГЭС) Л. В. Падалка отмечает отрезок вала между с. Келеберда и бывшим с. Бубнов (12—15 в.). Ниже устья Супоя вал проходил у бывшего с. Домантово, сел Коробовка, Кресты, Ново-Липовское, Чапаевка (устное сообщение историка-краеведа М. Ф. Пономаренко), между селами Самовица и Пищики (длина отрезка около 5 в.), продолжался у с. Васютинцы, бывших сел Котлов, Москаленки, хут. Миклашевского и у сел Гусиное, Лялинцы, Воинская Гребля [131, с. 35; 132, с. 25; 110, с. 457]. Перейдя у устья Сулы на ее левый берег, вал продолжался мимо бывшего с. Чигирин-Дубрава до Градижска [110, с. 457].

Днепровский левобережный вал — один из наиболее крупных, его общая протяженность 200 км.

В 1974 и 1979 гг. вал был обследован на шести отрезках: у с. Кийлов Бориспольского р-на, у бывшего хут. Чубуки Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл., у бывшего с. Решитки, у сел Прохоровка, Сушки Каневского р-на и у бывшего с. Бубнов Золотоношского р-на Черкасской обл.

В 500 м севернее с. Кийлов в сосновом лесу в уроч. Пидбирне сохранилось начало Днепровского вала длиной 650 м между безымянным ручьем — притокой р. Павловки, к берегу которого примыкал вал западным концом, и шоссейной дорогой с востока. За шоссе, по сведениям местных жителей, вал ранее продолжался к Старинскому болоту. Вдоль вала шириной 7—7,5, высотой 1,6 м с юга сохранился ров шириной 5,5—6, глубиной 1 м.

У бывшего хут. Чубуки в 4—5 км юго-западнее с. Трубайловка под Переяслав-Хмельницким на слегка возвышенном песчаном краю поймы Днепра отрезок вала в 1979 г. имел длину 1100 м. Продолжение вала в обе стороны, где он проходил через пойму, срезано Каневским водохранилищем. С юга вдоль вала прослеживались

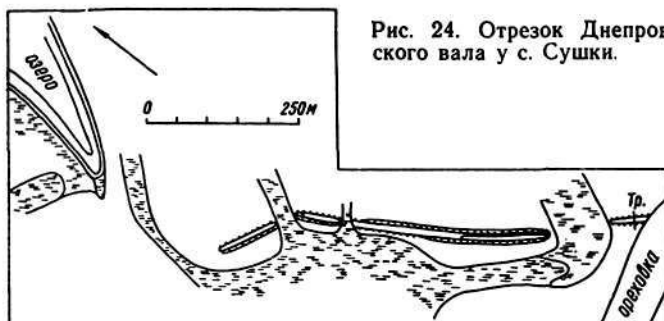

Рис. 24. Отрезок Днепровского вала у с. Сушки.

остатки заплывшего рва. Вал большой — высотой до 2,5 м при ширине до 14 м.

В 4 км северо-западнее с. Лепляво у с. Решитки на берегу Каневского водохранилища в 1974 г. сохранялся отрезок вала длиной около 700 м по краю песчаной надпойменной террасы Днепра. К северу вал спускался в пойму и был срезан водохранилищем, а в южном направлении примыкал к естественному возвышению и сливался с ним. Через 200—250 м от возвышения вал поворачивал к юго-востоку и продолжался в полуразрушенном виде по северному краю глубокого оврага. Сильно оплывшая и поврежденная хозяйственными работами насыпь имела высоту 0,3—0,8 м, ширину 8—9 м. На месте рва со стороны поймы прослеживалась западина шириной 7—8 м, глубиной 0,2—0,3 м. В настоящее время этот вал находится под водой.

В 9 км южнее сохранился отрезок вала длиной около 800 м в сосновом лесу слева от шоссе между селами Келеберда и Прохоровка. Высота вала около 1 м, ширина до 12 м. Кроме внешнего рва (с запада) прослеживается местами и внутренний ров.

В 5 км южнее, в 600 м юго-западнее с. Сушки, сохранился отрезок вала длиной 700 м, разорванный в трех местах размывами. Вал ориентирован с северо-запада на юго-восток. Его северный конец теряется на выпасе, а южный срезан протокой Днепра — р. Ореховкой (рис. 24). Вал сильно оплыл и сохранился на высоту 0,8—1 м при ширине в среднем 9 м. На большей части вдоль вала прослеживается внешний ров (со стороны Днепра), а местами — внутренний.

Следующий отрезок вала сохранился в 2,5 км юго-восточнее, на заболоченной местности. Вал

начинается в уроч. Десятины и идет по юго-западному сухому краю глухой протоки Днепра, также называемой Ореховкой, на протяжении 2,5 км. Он трижды разорван озерами, в двух случаях — размывами. В целом вал состоит из двух изолированных частей, встречные концы которых заходят друг за друга и находятся на противоположных краях озера (рис. 25). Северная часть длиной 1150 м проходит с северо-запада на юго-восток через выпас (ранее запахиваемый), а затем — вдоль болота, в которое спускается восточнее озера. В болоте вал сильно оплыл и постепенно исчезает. На суше он зарос редкими деревьями и сохранился удовлетворительно. Вдоль него проходит ров с внешней стороны — от Днепра, а на участке суши — и с внутренней. Современная высота вала 1, ширина 9 м; ширина внешнего рва 8—8,5, внутреннего — около 5 м; глубина внешнего рва 0,8, вну-

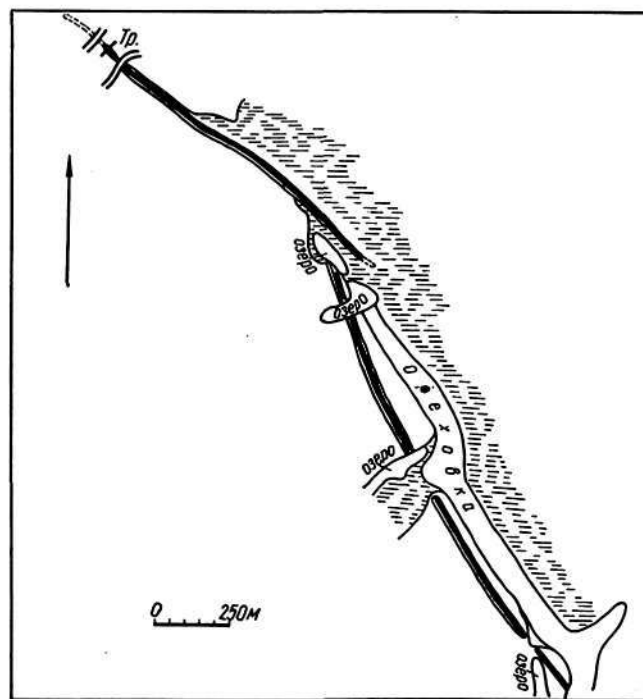

Рис. 25. Отрезок Днепровского вала юго-восточнее с. Сушки.

треннего 0,5 м. Вторая, южная часть вала начинается с противоположной, юго-западной стороны озера в 75 м западнее конца предыдущего участка. Эта часть вала длиной 1600 м состоит из трех отрезков, разделенных небольшими озерами. С внешней стороны, а местами и с внутренней, четко прослеживаются остатки рва. Конец вала перед бывшим с. Бубнов упирается в колено р. Ореховка при повороте ее к югу в сторону Днепра.

К юго-востоку от с. Бубнов невыразительные остатки вала, распаханного и поврежденного песчаными выдувами, были прослежены вдоль Ореховки, в 300 м от нее, на расстояние 1,5 км до сосновых лесопосадок.

Очевидно, в аналогичных сложных гидрографических и неоднородных топографических условиях вал проходил и далее к югу, где он был затоплен водохранилищем Кременчугской ГЭС.

Валы по Суле и ее притокам, относимые к Змиевым, сохранились плохо. Они различаются как по своему местоположению, так и по другим характерным особенностям.

Для устройства защитной линии из валов и рвов в нижнем течении Сулы от современного с. Жовнино Чернобаевского р-на Черкасской обл. до г. Лубны Полтавской обл. было применено эскарпирование правого берега поймы реки, отличающегося значительной высотой (15—30 м). Впервые остатки этих сооружений описал В. Г. Ляскоронский, а впоследствии обследовались Ф. Б. Копыловым, Ю. Ю. Моргуновым и на отдельных участках автором [110, с. 404—457; 113, с. 425; 114, с. 69, 77; 60, с. 11; 61, с. 14; 63, с. 309; 122, с. 2; 123, с. 1—4; 80, с. 12—19].

Характер укреплений зависел от естественной крутизны склонов коренного берега, в первую очередь, наиболее труднодоступной его верхней части. Обычно верхнюю часть склона искусственно подрезали книзу, доводя до определенной крутизны в виде наклонной стенки, и у ее основания оставляли горизонтальную площадку наподобие бермы. От внешнего края последней аналогичным уступом склон подрезали ниже, устраивая второй защитный пояс. Часто на горизонтальных площадках прослеживаются рвы и валы. При этом с внутренней стороны, непо-

средственно у подножия среза, находится ров, а по внешнему краю площадки — вал. Этим самым увеличивалась высота срезов (эскарпированных ярусов): верхнего за счет рва, а нижнего за счет вала.

Искусственные укрепления на склонах оплыли и можно говорить лишь о принципе их устройства. Высота срезов колеблется от 3 до 5 м. Площадка у их основания с остатками вала и рва имеет ширину в среднем 6—10 м, иногда — 3—4 м.

В местах, где коренной берег прерывался долинами притоков Сулы, вал спускался вниз и уже в обычном виде пересекал долины до противоположных склонов. Остатки такого вала сохранились в широкой пойме р. Слепорода. Он прослеживается на длину 5 км между Мацковским городищем и с. Терны (южная окрестность г. Лубны Полтавской обл.). Вал песчаный, пересекает пойму реки с юга на север, обходя болота и местами теряясь. С востока, от Сулы, вдоль него заметно углубление от рва. В лучшем сохранившейся южной части вал имеет ширину 9 м, максимальную высоту 1 м. Конец вала обрывается на шоссе в 600 м северо-восточнее Мацковского городища, расположенного на высоком правом берегу Слепорода.

Между селами Лукомье и Нижний Иржавец Оржицкого р-на Полтавской обл. коренной берег в колене Сулы вклинивается к юго-востоку и вал, оставив склоны, пересекал этот выступ с востока на запад до следующего поворота береговой линии. Кроме большой протяженности, склоны на изгибе изрезаны оврагами, которые, несомненно, затрудняли устройство укреплений. Разведками 1979 г. вал на плато вследствие распадашки не обнаружен, но он на двух отрезках был зафиксирован В. Г. Ляскоронским. Восточный отрезок вала со рвом с южной стороны (от реки) начинался у обрыва к Суле в 0,5 км севернее Лукомья и был прослежен до оврага западнее села [110, с. 444]. Противоположный конец вала в полураспаханном состоянии был обследован у юго-восточного края Нижнего Иржавца [114, с. 77, рис. 89]. Далее вал переходил на склон берега Сулы и продолжался в южном направлении к с. Великая Селецкая [113, с. 425, рис. 128].

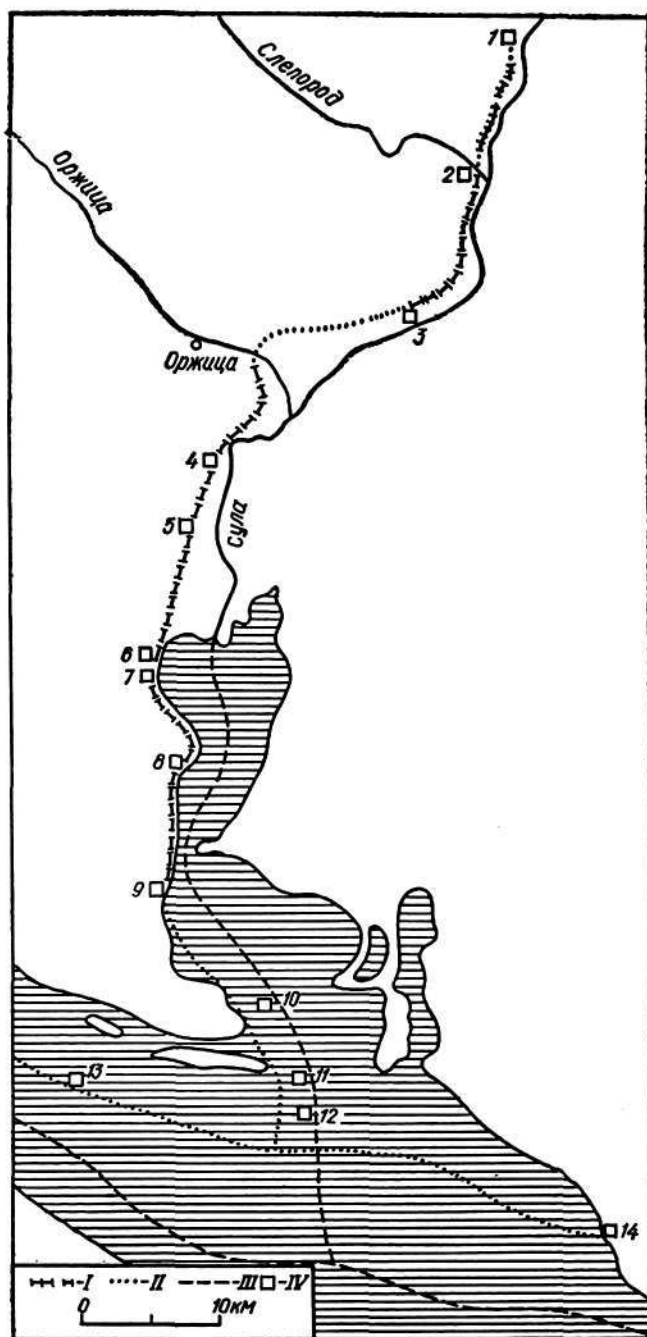

Рис. 26. Укрепленная линия по правому берегу Сулы и примерное продолжение трассы Днепровского вала.

I вал; II — примерное направление несохранившегося вала; III — русла Днепра и Сулы на месте Кременчугского водохранилища; IV — городища. 1 — Лубны; 2 — Мацковцы; 3 — Лукомье; 4 — Тарасовка; 5 — Чутовка; 6, 7 — Великая Буромка; 8 — Лящевка; 9 — Клешицы (уроч. Кизивер); 10, 11 — Старое Жовнино; 12 — Воинская Гребля; 13 — Веремеевка; 14 — Градижск.

У городища в уроч. Кизивер в 4 км севернее с. Клешицы Чернобаевского р-на Черкасской обл. русло Сулы вплотную подходит к коренному берегу и последний давно срезан рекой. Южнее коренной берег исчезает и переходит в понижение, которое тянется до южной окраины с. Клешицы; вал на этом участке, начиная от Кизиверского городища, оставлял склон и пересекал пологую часть плато. Вследствие интенсивного использования побережья Сулы (на этом участке находится хут. Пайки, а между ним и Клешицами ранее существовало с. Матвеевка) вал не мог сохраниться; сведения о нем у В. Г. Ляскоронского отсутствуют, но Л. В. Падалка сообщал, что вал тянется через «Лящевку, Матвеевку, Клищенцы, Жовнин до Воинской Гребли при устье Сулы и затем после поворота в западном направлении проходит вдоль Днепра мимо Лялинец и Гусино» [131, с. 35] *.

К югу от с. Жовнино пойма Сулы сливается с поймой Днепра и коренной берег исчезает. На этом участке длиной 5—6 км Посульская оборонительная линия примерно у бывшего с. Воинская Гребля соединялась с Днепровской, о чем упоминает Л. В. Падалка. Отрезок обычного вала существовал еще в 1957 г. перед южным краем старого села Жовнин на неиспользуемом и занятом кустарником песчаном участке надпойменной террасы Сулы.

Вал с эскарпированными уступами в один или несколько ярусов сохранился с перерывами на всем протяжении берегового склона от городища у с. Мацковцы в устье Слелорода до городища в бывшем хут. Кизивер у с. Клешицы. На

* В уроч. Кизивер сохранился на краю поля дугообразный отрезок вала длиной 150 м, ранее принимавшийся за ограждение южного городища [110, с. 428; 131, с. 34, рис. 6; 70, с. 112—114, рис. 1]. Результаты раскопок свидетельствуют, что этот вал связан с производством селитры и не входит в городище (его ров обращен в сторону Сулы), хотя нет оснований отрицать возможность использования Змиева вала под селитроварение [67, с. 17—18].

участках выхода за пределы коренного берега, кроме отдельных отрезков в долине Слупорода, остатки вала уничтожены или залиты Кременчугским водохранилищем. Общая протяженность Посульской вала от устья до г. Лубны составляла, учитывая изгибы, не менее 90 км (рис. 26).

Согласно В. Г. Ляскоронскому, Посульская линия могла оканчиваться в 4—5 км севернее — на северной окраине современного г. Лубны, упираясь в приток Сулы — Ольшанку. Однако упоминаемая В. Г. Ляскоронским «сеть укреплений» на склоне к долине Ольшанки, относящихся, по его мнению, «к очень древнему времени» [110, с. 441], является остатками какого-то иного сооружения, появившегося, возможно, в результате использования насыпей курганов для выработки селитры.

По данным учителя г. Конотоп Сумской обл. историка-краеведа И. А. Лысого в междуречье верховой Сулы и Сейма в Конотопском р-не до недавнего времени сохранялись остатки трех валов [105, с. 23]. Первый вал начинался у хут. Сарановка юго-восточнее с. Сосновка и тянулся к югу, проходя западнее с. Шевченково и упираясь в болото на месте бывшей притоки р. Ромен (рис. 27). Второй отрезок вала продолжался от с. Шевченково к востоку между селами Дубовязовка и Жовтневое. Третий вал проходил вдоль оврага с севера на юг от р. Щимля (бассейн Сейма) к болоту между хуторами Аниутиним и Бережным (северо-восточнее с. Грузское). О рвах вдоль валов сведения отсутствуют. Первый вал был направлен к востоку — с этой стороны к северу от с. Шевченково проходит заболоченное русло Торговицы — притоки Ромна. Второй вал тянулся по северному краю долины этой же реки. Примерная длина валов: первого 7 км, второго около 10 км, третьего 9 км. О южной части первого вала — между с. Шевченково (бывшее с. Гиревка) и долиной верховой Ромны было известно В. Г. Ляскоронскому, который назвал этот вал Змиевым [110, с. 456]. Наличие значительного числа древнерусских городищ по верхним притокам Сулы позволяет считать, что указанные валы имели оборонительное значение. Они являются остатками защитной линии в междуречье Ромны — Терны — Сейма.

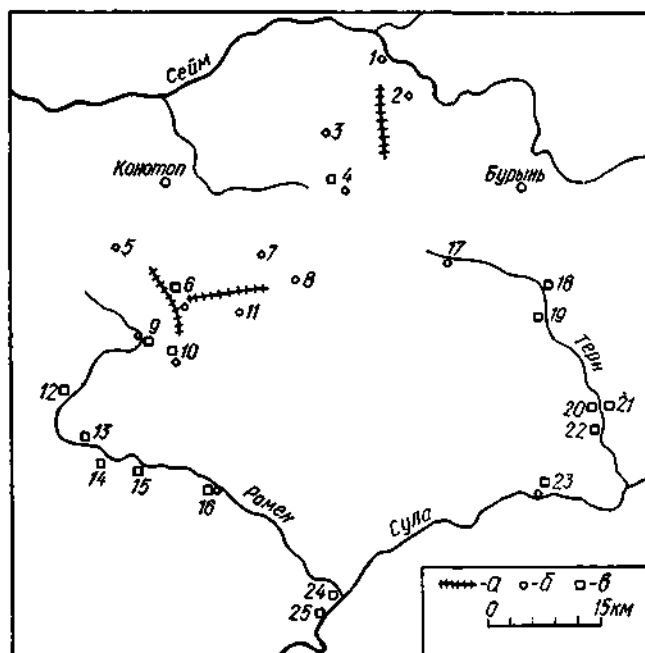

Рис. 27. План валов в междуречье верховой Сулы и Сейма (по И. А. Лысому) и городища в районе их местоположения.

а — вал; б — населенный пункт; в — городище. 1 — Хижки; 2 — Духановка; 3 — Казачье; 4 — Грузское; 5 — Сосновка; 6 — Шевченково; 7 — Дубовязовка; 8 — Красное; 9 — Великий Самбор; 10 — Кошары; 11 — Карабутово; 12 — Гайворон; 13 — Красный Колядин; 14 — Грицевка; 15 — Липовое; 16 — Ведмежье; 17 — Успенка; 18 — Николаевка; 19 — Жуковка; 20, 21 — Терны; 22 — Городище; 23 — Засулье; 24, 25 — Ромны.

Переяславские валы. Впервые их общее описание составил М. А. Максимович [117, с. 340]. Схематический план валов он впоследствии передал В. Б. Антоновичу, который и опубликовал его на общей схеме Змиевых валов Киевщины [9, с. 358]. В 1907 г. Переяславские валы осматривал В. Г. Ляскоронский, позже опубликовавший их план [114, с. 74, рис. 88]. В обобщающей работе по истории Полтавщины Л. В. Падалка поместил уточненный план валов, к тому времени нанесенных на военно-топографическую карту. Однако, на сводной карте валов левобережья Днепра этот миниатюрный план получился схематическим [132, вклейка]. Большие разведывательные работы на территории, ограниченной валами, осуществил в 1966 г. Б. А. Шрамко [210,

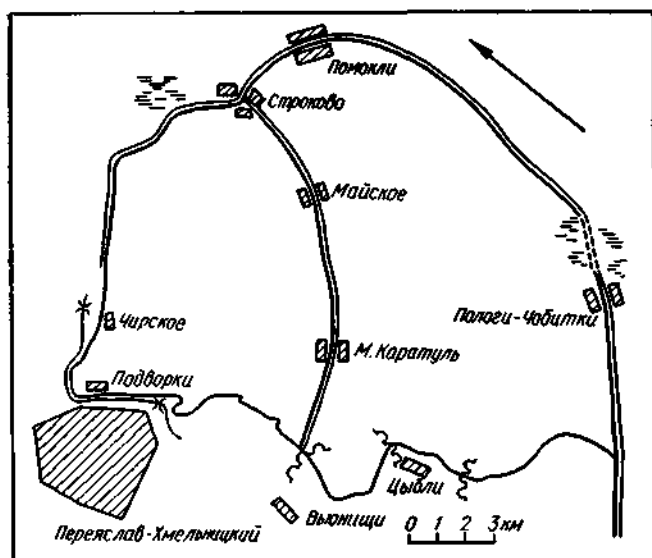

Рис. 28. План Переяславских валов (по Б. А. Шрамко).

с. 41—44; 211, с. 200]. Он впервые обследовал валы на всем протяжении и составил их глазомерный план [210, табл. XXVII, 1]. Последний является наиболее точным среди известных планов Переяславских валов (рис. 28) *.

Согласно этому плану Переяславские валы состоят из полукруга, охватывающего с востока участок плато между долинами Трубежа на северо-западе и Днепра на юго-западе и разделенного почти по середине с юго-запада на северо-восток внутренней дугой. На плане, в отличие от всех других, внешний вал не только примыкает к пойме Трубежа, но продолжается по ее краю к западу, обрываясь в 4,5—5 км перед поворотом Трубежа к югу на восточной окраине Переяслав-Хмельницкого; аналогичным образом в южном направлении внешний вал не оканчивается на коренном берегу Днепра, а продолжается к юго-западу по пологому склону до заболоченной долины у его подножия. Внутренний вал обрывается на краю плато. М. А. Максимович не совсем четко писал, что внешний вал «тя-

нется от Днепра» [117, с. 341], а на его схематическом плане оба вала примыкают к Днепру. Л. В. Падалка, пользуясь военно-топографической картой, высказывал предположение, что первоначально внутренний вал продолжался до Днепра и «затерялся ныне в песках первой террасы днепровской долины у с. Козинец» [132, с. 13]. Предположения Л. В. Падалки нельзя подтвердить достоверными фактами, хотя по условиям рельефа вал мог продолжаться южнее коренного берега: у бывшего с. Козинцы оканчивается гребневидный отрог плато, выступающий к югу от Трубежа с высоким крутым западным краем. Что касается внешнего вала, то он действительно спускался в пойму. Его конец был обнаружен нами в 7 км западнее коренного берега во время раскопок городища у бывшего с. Городище в 1963 г. Западный конец вала начинался у старицы Днепра на юго-западном краю села и изогнутой дугой, обращенной к югу, продолжался с северо-запада на юго-восток до заболоченного озера на длину 1725—1750 м. Конец вала спускался в озеро и несмотря на очень жаркое лето был покрыт водой. По свидетельству жителей села, вал уходил за озеро к коренному берегу. В линии вала было заметно, что его дуга состоит из прямолинейных отрезков — признак, не характерный для Змиевых валов. Песчаная насыпь вала имела удовлетворительную сохранность шириной в среднем 8 м, высотой 1—1,5 м. С южной стороны вдоль вала находился ров шириной 5—8 м, при глубине в среднем 1—1,5 м [69, с. 2; дневник, с. 17—18; 73, с. 217]. В плане этот отрезок вала совпадает с юго-западным концом внешнего вала, прослеженного Б. А. Шрамко. Таким образом, имеются основания считать, что внешний Переяславский вал оканчивался в пойме Днепра перед его многочисленными протоками и старицами в 4 км от главного русла реки.

М. А. Максимович отмечал, что от места соединения внешнего и внутреннего валов у с. Строкова продолжался отрезок вала к р. Сулой [117, с. 341]. В таком виде, за М. А. Максимовичем, он обозначен и на карте В. Б. Антоновича. На плане Л. В. Падалки этот отрезок показан значительно юго-восточнее, в месте максимального приближения внешнего вала к

* План Переяславских валов с разрешения Б. А. Шрамко публикуется впервые.

р. Супой у с. Положан [132, с. 13]. Достоверность сведений Л. В. Падалки, взятых с военнотопографической карты, сомнений не вызывает. Что касается сообщения М. А. Максимовича, то оно не претендует на точность в деталях: местоположение валов автор воспроизводил по памяти спустя 20 лет после их осмотра [117, с. 341].

Приняв за основу данные съемки Б. А. Шрамко, получим наиболее достоверный сводный план Переяславских валов (рис. 29). Согласно ему, длина внешнего вала (вместе с перерывами и изгибами) составляла 51 км, внутреннего — около 16 км, поперечного отрезка к р. Супой — 7,5 км, а в целом — 74 км.

Переяславские валы известны под названием Змиевых не только в литературе, но и среди местных жителей. С внутренним валом, проходящим через с. Малая Каратуль, связываются те же легенды о Змие [114, с. 75—76], что и на правобережье Днепра. Вместе с тем Переяславские валы, упираясь в естественные преграды с запада, имеют замкнутую конфигурацию. Как упоминалось выше, Б. А. Шрамко назвал их Каратульским городищем, определив его возраст раннескифским временем. Вокруг внешнего вала находится снаружи ров. Проходит ров с восточной стороны и вдоль внутреннего вала. По сообщению Л. В. Падалки, поперечный отрезок вала имел ров с северной стороны [132, с. 13]. Таким образом, городище перекрывало с севера доступ в междуречье Трубежа — Супоя — Днепра, замыкая четырехугольник шириной 25 км и длиной в среднем 46 км (вместе с днепровской поймой, ее болотами, озерами и протоками). На этой территории с полями и пастбищами имелись все условия для ведения хозяйства в случае внешней опасности. Само городище занимало овальную площадь размерами 17×25 км и включало значительный участок поймы. Оно обеспечивало те же условия для жизнедеятельности скотоводческо-земледельческих племен, но в большей безопасности. Городище состояло из двух укрепленных частей. Л. В. Падалка ошибочно считал, что вначале существовала только северная часть, а южная была пристроена впоследствии [132, с. 13]. На плане Б. А. Шрамко четко показано продолжение внешнего вала за линию внутреннего на их стыке. Не случайно

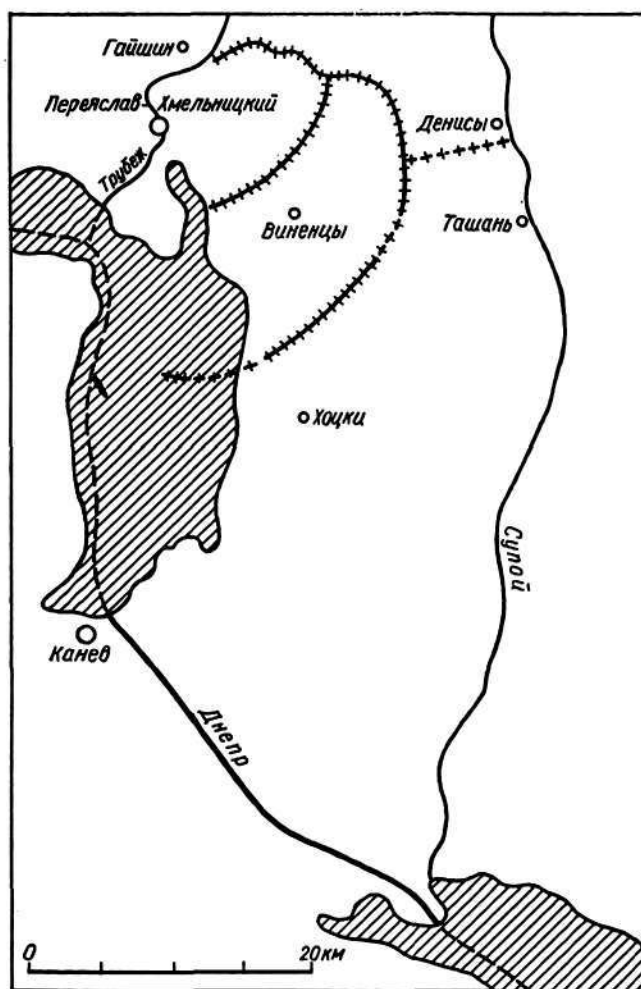

Рис. 29. Сводный план Переяславских валов.

оба вала, когда они имели еще хорошую сохранность, получили различные названия: Большой — внутренний и Малый — внешний [117, с. 340]. К настоящему времени внешний вал, кроме северной части, распахан. Внутренний вал уничтожен только в отдельных местах. Размеры внутреннего вала на поле справа от дороги Переяслав-Хмельницкий — Золотоноша: высота 2,8 м, ширина у основания 12 м. Ров с южной стороны вала сохранился на глубину 1,8 м при

ширине 9 м [191, с. 3]. Размеры северной части внешнего вала в лесу значительно меньше.

Каратутльское городище с самого начала возникновения занимало площадь в пределах внешнего вала. Это характерная черта всех крупных городищ раннескифского периода, известных на территории УССР. В древнерусское время валы городища, очевидно, выполняли роль Змиевых валов — они могли быть использованы для защиты Переяславля.

2. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗМИЕВЫХ ВАЛОВ, ИХ ОТЛИЧИЯ ОТ ДРУГИХ ТИПОВ ЗЕМЛЯНЫХ СООРУЖЕНИЙ

а) Гидро- и топографическое положение Змиевых валов. Их планировка, форма и протяженность

Значительная часть Змиевых валов расположена вдоль крупных рек и под непосредственной их защитой: по внутренней (относительно фронтальной направленности вала) стороне Виты и Бобринцы, Стугны, Роси, Днепра, Сулы и частично (у Черногородки) Ирпеня. Другие валы пересекали междуречья, в этих случаях реки использовались только в качестве фланговых естественных преград. Таковы линии между Днепром и Тетеревом, Ротком и Каменкой, Стугной и Ирпенем, Ирпенем и Тетеревом, Росью и Гуйвой.

Приречные валы, рассчитанные на использование реки в качестве дополнительного препятствия, проходили в пойме или по ее краю. Только в неблагоприятных условиях (резкие повороты реки, низкая или узкая пойма) вал устраивался на удалении от края поймы. Впрочем, это исключение характерно только для Поросского (Среднего) вала, начиная от Стеблева и почти на всем его протяжении вверх по течению реки.

Все Змиевы валы обнаруживают тенденцию к сочетанию с защитными особенностями рельефа, однако возможность такого выбора была подчинена общему направлению оборонительной линии. Для приречных валов общим направлением служила река и строители стремились обойти пониженные места, возводя валы, при

возможности, по линии максимального перепада поверхности или, как уже отмечалось, по краю поймы. Это позволяло устраивать ров ниже вала: за счет разницы в уровнях достигалось увеличение высоты вала по отношению ко дну рва. Аналогичную зависимость от рельефа местности имеют и водораздельные валы. И эта зависимость также относительна, поскольку трасса водораздельных валов определялась заранее. Строители обходили пониженные участки, но в пределах заданного общего курса. Водораздельные валы обычно сопровождаются естественным препятствием на одной из конечных точек. Начало трассы Бышевского (I) вала определялось направлением р. Лупа. IV вал начинался западнее у балки, впадающей в Лупу; промежуточный конец его на Здвиже устроен под защитой балки в с. Ситняки. Началом трассы Дорогинского вала послужила глубокая балка, тянущаяся вглубь плато от р. Унава. С балкой связан конец вала в с. Перевоз на Ирпене. Вдоль балки р. Фоса проходит конец I вала на р. Здвиг у с. Фасовочка. По направлению водораздельных валов для дополнительной защиты использовались долины ручьев и небольшие болота, если они находились вблизи створа оборонительной линии. Но гораздо чаще валы пересекают ручьи, балки и заболоченные места, причем, на встречных ручьях и балках они прерываются.

Максимальным сочетанием с естественной преградой — высоким берегом реки и местоположением на его склоне выделяются валы-эскарпы по Суле.

Линии приречных валов приближаются к конфигурации рек, а водораздельные валы почти прямые или изогнуты дугой в фронтальную сторону (к югу или западу). Исключение составляют валы в междуречье Ирпеня — Тетерева, дуга которых обращена к северо-востоку. В планировке валов заметны незначительные отклонения поочередно то в одну, то в другую сторону.

Кроме внешнего рва, почти при всех валах (за исключением связанных бассейном Роси) находятся небольшие западины и от внутреннего рва. Даже на наименее поврежденных участках в лесу валы различаются неодинаковой сохраннымостью. Сильнее других оплыли Большой вал по Роси, юго-восточная половина Дорогинского

вала, вал по р. Бобрица. Лучше сохранились (на неповрежденных лесных участках) Средний вал по Роси и в отдельных местах — IV вал в междуречье Ирпеня — Тетерева (у с. Боровка), вал в междуречье Стугны — Ирпеня у с. Перевоз, вдоль Унавы юго-западнее Фастова (от с. Потиевка до с. Волица и его продолжение вдоль Ирпеня у с. Белки). Максимальная высота большинства валов 1—2,5 м, ширина у основания колеблется в пределах 8—10, 10—12 и даже 12—14 м. Для представления о величине валов наиболее показательна не сохранившаяся высота, а ширина. Наименьшие размеры имеют: вал по Бобрице — ширина 6,5—8 м, высота 0,5—0,7 м. Средний вал по левому берегу Роси — ширина 6,5—7 м, высота 0,9—1 м и Дорогинский в юго-восточной половине — ширина 7 м, высота 0,7—0,9 м.

Обычно склон вала непосредственно переходит в ров (рис. 30, 1—6, 8—11, 13). В двух случаях вал и ров разделены промежутком, так называемой бермой, шириной 2—3 м (IV вал в междуречье Ирпеня — Тетерева, северо-западная половина Дорогинского вала) (рис. 30, 7, 12).

В результате визуального изучения Змиевых валов, определения их внешних признаков удалось отделить эти сооружения от иных типов валов. Оказалось, что к Змиевым валам ошибочно причисляются некоторые памятники скифского времени. Мнение В. Г. Ляскоронского, отождествлявшего со Змиевыми валами большие городища раннежелезного века Полтавщины, не получило признания, но и до последнего времени исследователи не избавились от ошибочного смешения со Змиевыми валами Переяслав-Хмельницкого (Каратульского), Трахтемировского и Кругликовского городищ. Валу позднего средневековья также традиционно объединяются со Змиевыми валами (см. рис. 3). К ним относятся северный вал по левому берегу Роси в районе Стеблева — Москаленок, отрезки валов на правом берегу Роси восточнее Таращи, валы в районе с. Шкаровка, у с. Пилипча и, по-видимому, того же типа вал у с. Яблонька в верхнем течении Роси. Очевидно, остатки разнотипных сооружений, усложняющих линию вероятного продолжения левобережного вала, показаны в

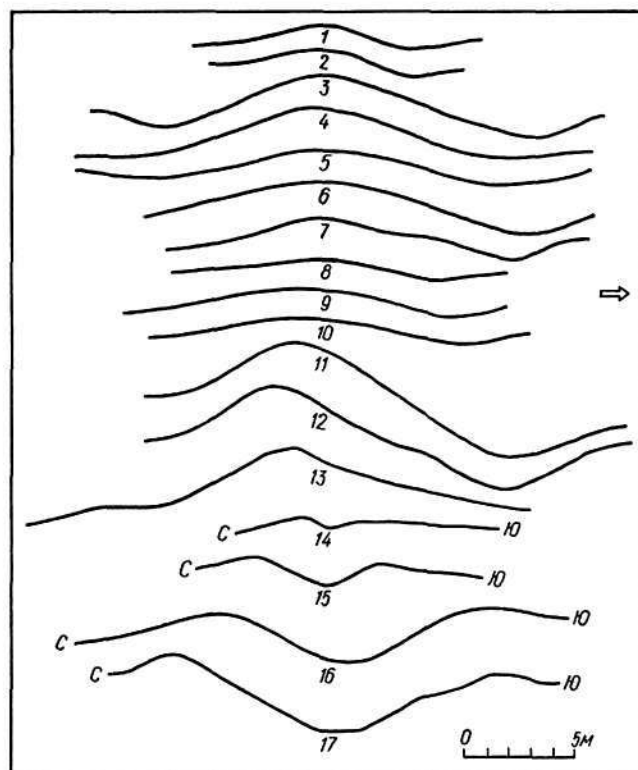

Рис. 30. Профили Змиевых и двойных (седловидных) валов 1 — Средний вал по левому берегу Роси западнее Стеблева; 2 — Средний вал западнее Ракитного; 3 — III вал в междуречье Ирпеня — Тетерева севернее р. Здвиж; 4 — вал по левому берегу Днепра у бывшего хут. Чубуки; 5 — вал юго-восточнее с. Сушки; 6 — вал западнее Фастова у с. Волица; 7 — Дорогинский вал западнее бывшей р. Шкаровка; 8 — Дорогинский вал восточнее Шкаровки; 9 — Большой вал по левому берегу Роси у с. Фурсы; 10 — Большой вал западнее Ракитного; 11 — вал между Стугной и Ирпенем у с. Перевоз; 12 — IV вал в междуречье Ирпеня — Тетерева севернее р. Здвиж; 13 — вал по левому берегу Стугны у с. Заречье; 14 — вал на правом берегу Стугны у с. Застугна; 15 — северный вал у Стеблева; 16 — вал у с. Пилипча; 17 — вал у хут. Беспятый.

нижнем течении Роси севернее Корсунь-Шевченковского. Поперечный вал в линии Змиевых валов севернее р. Здвиж перед с. Нежиловичи, как отмечалось выше, является обкопкой леса, а южный вал в междуречье Стугны и Красной соответствует остаткам железнодорожной насыпи.

На плане А. С. Бугая имеют место и фактические неточности. Не показано восточное окончание Большого вала по левому берегу Роси,

перекрещивающегося со Средним валом западнее Ракитного. В результате два различных вала объединены в один вал с развилкой. Дорогинский вал, показанный на плане как сохранившийся вплоть до Ирпеня и продолжающийся на ее левом берегу, в действительности обрывается в 3 км перед Ирпенем и, как установлено раскопками, дальше не продолжался. Попельнянский вал проходит не по северо-восточному краю пгт Попельня, а по его западному краю. В целом же степень достоверности плана А. С. Бугая, основанного на данных многолетних исследований, не идет ни в какое сравнение с кабинетным планом валов В. Б. Антоновича.

От реконструкции линий валов на уже исчезнувших больших по протяженности участках А. С. Бугай воздержался. На его плане остались незаполненными два разрыва: в междуречьях Унавы — Красной* и Раставицы — Роси. На восточном фланге первого разрыва из двух валов, показанных на плане между Стугной и Красной, южный вал, как нам уже известно, не существовал. До последнего времени реконструкция схемы Змиевых валов на указанном участке осложнялась необоснованным утверждением В. Б. Антоновича о наличии южнее Стугны так называемого Мытницкого ответвления Барахтынского вала. В действительности, эти сведения относятся к Беспятинско-Застугнянскому позднесредневековому валу. Таким образом, для междуречья Красной — Унавы остается Змиев вал, тянувшийся в XIX в. к западу от Обухова мимо сел Барахты, Мытница, Порадовка, Великая Снетинка и соединявшийся с существующим Фастовским валом. Ни у кого из исследователей наличие этого вала не вызывало сомнений. Нами исследован его отрезок у с. Барахты. Вал пересекал Перепетово поле и даже за пределами последнего, у с. Дмитровка западнее Унавы, имел местное название «вала Перепяты».

Окончание этого вала у Днепра не было известно исследователям. Отмечалось, что вал находился у Триполья и на планах его помещали севернее Триполья. На основании летописных данных 1093 г. и описи 1686 г. нами установле-

но, что вал примыкал к Днепру, как и вал вдоль Красной, южнее Триполья (оба вала проходили между селами Триполье и Стайки).

Рядом обстоятельств осложнялась реконструкция плана валов на втором участке — в междуречье Раставицы — Роси. Приводившиеся нами свидетельства не оставляют сомнений в том, что Ягнятинский вал продолжался в восточном направлении южнее р. Сквирка и пересекал ее в нижнем течении у современного с. Ленинское. Далее он отклонялся к северо-востоку и соединялся с ответвлением Поросского вала у с. Фурсы на Каменке. Это единственно возможная реконструкция линии вала. Дореволюционными исследователям не было известно о существовании вала-ответвления у с. Фурсы и они соединили Ягнятинский вал в одну линию с Пилипчанским седловидным валом и продлили его трассу вдоль старой дороги на левый берег Роси. Несомненно, что направление дороги определялось не столько Пилипчанским валом, сколько линией сложившегося размежевания угодий, проходившей как по этому валу, так и по естественным рубежам (вдоль возвышений между балками, по краю леса и т. п.). Дорога переходила на левый берег Роси западнее с. Остров, где она сохранилась вдоль позднего Малого вала. Попытки объединить со Змиевыми валами позднесредневековые земляные сооружения в верхнем течении Роси, как и расположенные ниже по течению аналогичные памятники на ее правом берегу, безуспешны.

Особенности планировки, протяженность, местоположение и другие формальные признаки Змиевых валов позволяют выделить их в обособленную группу древних сооружений. Они характеризуются суммой признаков, главными среди которых являются большая протяженность их плавного изогнутых многоядных дугообразных линий, расположенных вдоль течения рек и в междуречьях и ориентированных, как правило, в широтном направлении. Частными особенностями выделяются приречные валы — они находятся в пойменных долинах на их пологих склонах и реже по краю коренного берега. Все валы — одинарные, со рвом с внешней стороны, а нередко с небольшой западиной или цепочкой углублений и с внутренней стороны.

* Унава на плане ошибочно названа Ирпенем.

Змиевы валы принадлежат к числу памятников, обособленных и в территориальном отношении. На Правобережье Среднего Поднепровья они ограничены Тетеревом — Гуйвой на западе и Росью на юге. Правобережный Барахтянский вал составляет одно целое с валом по левому берегу Днепра и его ответвлением по Суле, южнее которой Змиевы валы не известны.

Несмотря на длительное разрушение Змиевых валов различными хозяйственными работами почти в каждой линии сохранились участки в лесных массивах и на нераспахиваемых местах, являющиеся полноценными памятниками истории и культуры. Кроме того, на значительных отрезках ежегодно распахиваемые валы не исчезли бесследно. В тех случаях, когда они насыпаны из плотного грунта и не подвергались специальной планировке современной техникой, на их месте сохранилась нижняя часть, иногда заметная даже для неспециалиста.

Если оценивать Змиевы валы с этой точки зрения, то сохранность их по отношению к общему протяжению составляет примерно около $\frac{1}{4}$ (табл. 1).

В таблицу не включены малоизвестные и уже исчезнувшие валы в верховьях Сулы, как и вторично использовавшиеся городища более раннего времени. Не учтены и участки Роси — выше Корсунь-Шевченковского (10 км) и между селами Москаленки и Саварка (27 км), на которых достоверные сведения о возможном прохождении Среднего вала отсутствуют.

По совокупности имеющихся данных общая протяженность Змиевых валов составляла примерно 969,5 км, из которых для археологических исследований пригодны участки общей длиной примерно 234 км.

В итоге мы рассмотрели 23 Змиевых вала (не считая двух небольших поперечных у хут. Хлебча на Стугне и у с. Нежиловичи севернее р. Здвиж): по Вите и Бобрце (между Днепром и Ирпенем); по левому берегу Стугны; два вала в междуречье Стугны — Ирпеня; Черногородский вал; четыре вала в междуречье Ирпеня — Тетерева и южное ответвление от IV вала; Дорогинский вал; Барахтянский; между Фастовом и Житомиром; между Днепром и Ротком; между Ротком и Каменкой; Средний вал по Роси; Боль-

Таблица 1. Общая и сохранившаяся протяженность Змиевых валов

Местоположение валов	Общая протяженность, км	Протяженность сохранившихся участков, км
Витянско-Бобрцкий вал	25	7
Валы по левому берегу Стугны и в междуречье Стугны — Ирпеня	42	15
В междуречье Ирпеня — Тетерева	148	66
В том числе:		
а) Черногородский вал	6	3
б) I »	38	17
в) II »	32	12
г) III »	22	8
д) IV » (с южным ответвлением)	50	26
Дорогинский вал	6,5	5
Восточная часть вала Днепр — Тетерев (до Фастова)	63	1
Западная часть вала Днепр — Тетерев (Фастов — Житомир)	80	35
Валы в междуречье Днепра — Каменки	67	10
В том числе:		
а) Днепр — Роток	53	10
б) Роток — Каменка	14	—
Валы по левому берегу Роси и в междуречье Роси — Каменки	117	37
В том числе:		
а) Средний вал	42	18
б) Большой вал до нижнего течения Каменки	40	19
в) Большой вал в междуречье нижнего и верхнего течения Каменки	35	—
Валы в верховьях Унавы	46	17
В том числе:		
а) Попельнянский вал	10	6
б) Котлярский »	12	4
в) Зарубинецкий »	24	7
Ягнятинский вал	85	2
Днепровский »	200	4
Посульский »	90	35
Итого	969,5	234

шой вал по Роси; Попельнянский, Зарубинецкий, Котлярский, Ягнятинский, Днепровский, Посульский валы. Все они входят, исключая небольшие по протяженности Дорогинский и Котлярский, в 9 оборонительных линий: по Вите и Бобрце; по левому берегу Стугны до Ирпеня и междуречье Ирпеня — Тетерева; между Днепром

(южнее Стугны) и Тетеревом (через верховья Ирпеня); между Днепром и Каменкой (через Роток); Средний вал по Роси; Большой вал по Роси и его продолжение до Гуйвы (через верховья Унавы); между Росью и Гуйвой (Ягнятинский вал); по левому берегу Днепра; по Суле.

б) Позднесредневековые заграждения в линии Змиевых валов.

Их типологические и функциональные особенности

Валы городищ раннежелезного века, включенные в состав Змиевых валов, после соответствующего обновления, очевидно, выполняли функции последних. Позднесредневековые валы еще не существовали в период функционирования Змиевых валов. Эти сооружения разнотипны и функционально неоднородны. Общая их особенность — небольшая протяженность, локализация на ограниченных участках местности и, как будет показано ниже, отсутствие в насыпи деревянных конструкций. Часть из них имела оборонительное значение и возникла в конце XVII—XVIII вв., когда в состав Русского государства входила только центральная часть Среднего Поднепровья с Киевом и Васильковом. На правом и левом берегах Стугны и по Ирпеню в это время существовали русские укрепления [42, с. 51—58]. Глубокий Беспятинский ров с валами по краям вместе с упоминавшимся русским земляным форпостом перекрывал с юга, со стороны польской границы, дорогу на Васильков и далее на Киев. Вал между селами Заречье и Великая Бугаевка, пристроенный к Змиеву валу, следует связывать, как уже отмечалось, с находящейся рядом русской земляной крепостью «Берков городок». Остатки русской земляной крепости сохранились и в соседнем с. Копачов. Эти укрепления защищали подступы к Киеву восточнее Беспятинского заграждения по дороге через села Великая Бугаевка и Копачов. Возможно, что и часть Змиева вала у с. Заречье, к которому пристроен отрезок позднего вала, использовалась в это время в оборонительных целях. Отрезок высокого Барахтянского вала, насыпанный на месте Змиева вала, защищал дорогу со стороны польской границы на левый

берег Стугны, где эта дорога разветвлялась по направлению на Великую Бугаевку и Васильков. Аналогичный Беспятинскому отрезок рва с валами по краям южнее с. Плисецкое [42, с. 46] преграждал дорогу на Киев в междуречье Стугны — Ирпеня. Таким образом, все подступы с юга по древним дорогам к Василькову и Киеву в XVIII в. были защищены на небольших отрезках земляными сооружениями.

Остальные земляные валы, очевидно, не имели оборонительного значения и их следует отнести к более поздним межевым сооружениям, хотя они и принадлежат к числу седловидных валов (см. рис. 30, 14—17). По свидетельству местных жителей (с. Выграев Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл.) седловидный (двойной) вал в районе пгт Стеблев, между Росью и ее притоком Нехворощью, в XIX в. являлся границей земельных владений. Продолжение этого вала в восточной части по дну глубокого и широкого заболоченного оврага противоречит всем нормам оборонительного строительства; вал делил овраг с рыбными запрудами и сенокосами между двумя владениями.

Аналогичный небольшой двойной вал со рвом посередине был пристроен к Беспятинскому оборонительному рву и вместе с последним (когда ров с изменением политической обстановки утратил свое прежнее значение) мог служить границей владений Василькова на правом берегу Стугны.

Такой же вал восточнее с. Томиловка должен был обозначать исторически сложившуюся границу владений с. Бирюки, находящегося на противоположном, правом, берегу Роси. И в настоящее время этот край поймы с сенокосами и выпасами принадлежит с. Бирюки, а по линии межевого вала проходит граница между Белоцерковским и Ракитнянским районами.

Малый вал по левому берегу Роси можно ошибочно принять за оборонительное сооружение, поскольку он имеет прямолинейную конфигурацию с резкими поворотами, а в его рву открыт частокол. Однако это тоже старый межевой вал. Он полукругом отделяет часть поймы Роси от остальных угодий левого берега реки, указывая на давнюю принадлежность этого участка поймы к владениям с. Остров, расположен-

ного на противоположном высоком берегу Роси с пахотными землями. И в настоящее время на значительном отрезке по этому валу проходит граница между угодьями Сухолесского лесничества и пастбищами с. Остров. По-видимому в XVIII или XIX в. вал был устроен по межевой линии белоцерковскими магнатами Браницкими против крестьян соседнего с. Остров.

По преданию, вдоль вала, отрезок которого сохранился у с. Пилипча, проходила дорога. Как известно, местные дороги обычно прокладывались по границам владений. Однако не исключено, что этот вал, судя по его значительным размерам, первоначально имел оборонительное значение.

Поздние валы в районе Змиевых валов имеют следующую протяженность: Беспятинско-Застугнянский — 7 км, Стеблевский — 8, Малый вал по Роси — около 5 км, Барахтянский — 800 м (восточная часть уничтожена), у с. Пилипча — сохранившаяся длина около 450 м, у с. Томиловка — 1300 м. В 0,5 км западнее линии Змиевых валов у с. Плисецкое находился глубокий (местами до 3—4 м) ров с мощными

насыпями-валами по сторонам длиной 2 км [42, с. 46], аналогичный Беспятинскому рву. Полуразрушенный вал меньших размеров длиной примерно 2 км, с небольшим рвом посередине или только с одной стороны проходит между устьем Унавы и поймой Ирпеня северо-восточнее с. Кошечевка и южнее Черногородской Слободы.

Двойные валы незначительной протяженности известны и в других местах: у с. Песковка Бородинского р-на Киевской обл. (этот вал В. Б. Антонович объединял со Змиевыми валами) [10, с. 134] и у с. Корчевка Черняховского р-на Житомирской обл. [206, с. 42].

Важно отметить, что двойные валы с рвом посередине сооружались не только на ограниченных участках. Все зависело от их конкретного назначения. Так, украинская линия 1731—1735 гг. между Днепром и Северским Донцом имела длину не менее 250 км [65, с. 148]. Она проходила вдоль речных преград (Орели, Берестовой, Береки) и защищала степную границу Русского государства от набегов конницы Крымского ханства.

ХРОНОЛОГИЯ ЗМИЕВЫХ ВАЛОВ

Данные о возрасте Змиевых валов получены методами естественных наук и археологическими исследованиями. Прежде всего следует отметить, что ставшие едва ли не традиционными естественнонаучные методы применительно к древнерусскому периоду находятся еще в экспериментальном состоянии. Для указанного времени, плодотворно изучаемого археологическим путем и обеспеченного в известной мере конкретными сведениями письменных источников, применение методов естественных наук оправдывается лишь в том случае, когда оно уточняет археологическую датировку. В этом плане практическую помощь оказывает дендрохронология, но качественные образцы дерева в Змиевых валах встречаются очень редко. Что касается радиоуглеродного метода, то он, ввиду широкой амплитуды допустимых расхождений и многих других непредвиденных факторов, искажающих результаты анализов не используется при археологических исследованиях древнерусских памятников. Точность палеомагнитного датирования зависит от того, насколько обожженный грунт, из которого отбираются пробы, сохранился в неизменном положении со времени пожара. Последствия деформации и уплотнения насыпи вала не могли не сказаться на результатах анализов.

Показання естественнаучних методів слід оцінювати критически і ні в якому випадку не підміняти ними дані археологічних досліджень, поки ще остаточною основною

точником визначення хронології археологічних пам'яток. Звернемо увагу, що естествонаучні методи датування давніх пам'яток отримали право на існування завдяки прогнозуванню розрахунків на даних археологічної хронології і вони потребують підтвердження археологічними даними.

Естествонаучні методи можуть мати самостійне значення при умові їх взаємного дублювання і відбору максимальної кількості проб. Серії отриманих нами визначень, крім радіоуглеродного аналізу, дуже незначительні.

1. ДАТИРОВКА ВАЛОВ МЕТОДАМИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

В радиоуглеродной лаборатории Института геохимии и физики минералов АН УССР определено 28 проб угля, взятых из 12 валов в 1974—1983 гг. (табл. 2) *. Древнерусским временем датированы: вал по левому берегу Днепра (IX в.), вал в междуречье Стугны — Ирпеня (VIII—X вв.), I и III валы в междуречье Ирпеня — Тетерева (X—XI и XIII вв.), Дорогинский вал (VII—XIV вв.). Близка к древнерусскому времени хронология поперечного вала на левом берегу Стугны у хут. Хлебча (VII—VIII вв.), хотя она и не увязывается с датировкой основного вала (IX—X вв.), к которому пристроен поперечный вал (и следовательно, он не мог возникнуть раньше основного вала). Показательно, что эти определения относятся к пробам 1974—1975 и 1983 г. Только одна проба 1983 г. (XIII в. до н. э. — IV вал в междуречье Ирпеня — Тетерева) оказалась явно ошибочной.

Совершенно иные результаты получены при определении проб 1981 и 1982 гг. (см. табл. 2): все семь датировок 1981 г. относятся к XVI—III вв. до н. э., из восьми проб 1982 г. только

* Датировку проб 1974—1975 гг. см.: 192, с. 11, 12, 24. Результаты анализа проб 1981—1983 гг. взяты из книги учета радиоуглеродного датирования археологических образцов, хранящейся в секции применения естествонаучных методов при Научном совете по координации исследований (Институт археологии АН УССР, зав. секцией Д. Я. Телегин).

Таблица 2. Датировка проб угля из Змиевых валов радиоуглеродным методом

Место взятия проб	Год	Количество определений	Датировка
Вал по левому берегу Днепра у бывшего с. Решитки			
Раскоп	1974	1	820 ± 40 л. н. э.
Траншея № 3	1974	1	800 ± 80 л. н. э.
Вал в междуречье Стугны — Ирпеня			
а) у хут. Хлебча			
Раскоп	1974	1	870 ± 75 л. н. э.
Траншея № 2	1974	1	950 ± 70 л. н. э.
б) у с. Перевоз			
Раскоп	1983	1	720 ± 70 л. н. э.
Поперечный вал у хут. Хлебча на левом берегу Стугны			
Траншея № 3	1974	1	650 ± 100 л. н. э.
Зачистка	1974	1	750 ± 100 л. н. э.
I вал в междуречье Ирпеня — Тетерева, с. Фасовочка			
Раскоп	1975	2	1000 ± 30 л. н. э. 1100 ± 20 л. н. э.
III вал в междуречье Ирпеня — Тетерева, с. Заваловка			
Раскоп	1975	1	1260 ± 20 л. н. э.
IV вал в междуречье Ирпеня — Тетерева у с. Грузское			
Траншея	1983	1	1210 ± 80 л. до н. э.
Большой вал по левому берегу Роси			
а) у с. Томиловка			
Раскоп	1981	5	1590 ± 80 л. до н. э. 1230 ± 70 л. до н. э. 930 ± 50 л. до н. э. 820 ± 40 л. до н. э. 230 ± 40 л. до н. э.
б) у пгт Ракитное			
Траншея № 2	1982	1	2350 ± 50 л. до н. э.
в) у с. Фурсы			
Траншея № 2	1982	1	2200 ± 50 л. до н. э.
» № 3	1982	1	1100 ± 70 л. до н. э.
Средний вал по левому берегу Роси у пгт Стеблев			
Раскоп	1981	2	530 ± 45 л. до н. э. 400 ± 60 л. до н. э.
Барахтянский вал, с. Барахты			
Зачистка	1982	1	90 ± 60 л. н. э.

Продолжение табл. 2

Место взятия проб	Год	Количество определений	Датировка
Вал по левому берегу Стугны у сел Великая Бугаевка — Заречье			
Траншея № 2	1982	1	960 ± 30 л. н. э.
» № 5	1982	2	50 ± 40 л. н. э. 2170 ± 70 л. до н. э.
Южный вал ответвление у с. Фурсы			
Траншея № 1	1982	1	190 ± 35 л. н. э.
Дорогинский вал			
Раскоп у траншеи № 2	1983	1	1347 ± 75 л. н. э.
Траншея № 2	1983	1	670 ± 75 л. н. э.

одна определена X в., остальные — I—II вв. н. э. (три) и XXIV—XII вв. до н. э. (четыре). При этом пять проб, взятых из одного места в 1981 г. (Большой вал по левому берегу Роси у с. Томиловка), дали каждая различные столетия — от XVI до III в. до н. э., а две пробы 1982 г. из вала по левому берегу Стугны (траншея № 5) определены I в. н. э. и XXII в. до н. э.

Результаты радиоуглеродного анализа не объективны: амплитуда колебаний от VII—XIV вв. н. э., согласно определениям 1974—1975 и 1983 гг., до XXIV в. до н. э. — II в. н. э., по данным 1981—1982 гг., крайне альтернативна. Обе группы определений явно несовместимы, усреднить их невозможно. Исключив результаты анализа 1981—1982 гг. *, ориентировочно получим древнерусский возраст Змиевых валов (с погрешностью отдельных дат до трех столетий). Очевидно, более точно хронологию для древнерусского периода радиоуглеродным методом определить невозможно.

Метод палеомагнитного анализа образцов обожженного грунта (суглинка и глины) дал более однозначные, но также ориентировочные

* Искаженные датировки образцов угля из раскопок 1981—1982 гг. получены не только для Змиевых валов, но и памятников более ранних эпох. Хронология последних также удручена и эти определения специалисты в расчет не принимают.

определения. В 1983 г. Г. Ф. Загний (Институт геофизики АН УССР) сделал анализ обожженного грунта из Дорогинского вала и вала по левому берегу Стугны у с. Заречье (раскоп 1982 г.). Результаты анализа следующие: два местонахождения — вал у с. Заречье и северо-западная половина Дорогинского вала (с. Дорогинка, ул. Гаева, 19) отнесены к началу XIII в. н. э., а четыре — из северо-западной половины Дорогинского вала (шурф у траншеи № 2, траншея № 4) и юго-восточной половины этого же вала (раскоп у траншеи № 5 — нижний и верхний уровни) — суммарно датированы X—XI вв. н. э.

2. ДАТИРОВКА ВАЛОВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

При исследовании Змиевых валов использовано несколько археологических методов их датировки. Так, в некоторых случаях валы перекрывают места более древних поселений (селища) и, следовательно, могли быть сооружены только после того, как поселения прекратили существование. На других селищах культурный слой не заходит под валы, а обрывается перед ними; это дает основание предполагать, что валы сооружены не позже существования поселений. Иногда под валами или в самой нижней их части встречаются отдельные четко датированные археологические находки, указывающие на время, ранее которого валы не могли возникнуть. Датировка валов определяется также городищами, входившими в состав оборонительных линий.

Наиболее древние селища — второй половины I тыс. до н. э. — открыты под двумя Змиевыми валами.

В 1979 г. в зачистке насыпи IV вала на краю правого берега поймы р. Здвиж у с. Копиевка были обнаружены венчик и обломки стенок керамики раннежелезного века. При осмотре поля оказалось, что вал сооружен на селище с аналогичной керамикой [80, с. 26].

В распаханной насыпи вала между г. Фастов и с. Потиевка (восточнее железной дороги) в 1982 г. также были собраны обломки керамики раннежелезного века. Вал перекрывает селище на левом берегу ручья (приток Унавы) с остат-

Рис. 31. Горшок III—IV вв. н. э., найденный в культурном слое селища под перекладной конструкцией при раскопках вала по левому берегу Днепра у с. Лепляво.

ками культурного слоя указанного времени [84, с. 46].

В 1981 г. под валом на левом берегу Роси в районе Стеблева обнаружена яма с обломками керамики зарубинецкой культуры, в том числе стенками античных амфор конца I тыс. до н. э. Яма открыта в траншее № 6*, которая разрежала вал на восточном конце, спускающемся к заболоченной пойме Роси.

Раскопками вала у бывшего с. Решитки на левом берегу Днепра в 1974 г. установлено, что он сооружен на селище III—IV вв. н. э. с керамикой так называемого киевского типа [94,

* Здесь и далее нумерация траншей соответствует полевой документации и ежегодным научным отчетам, хранящимся в Научном архиве Института археологии АН УССР.

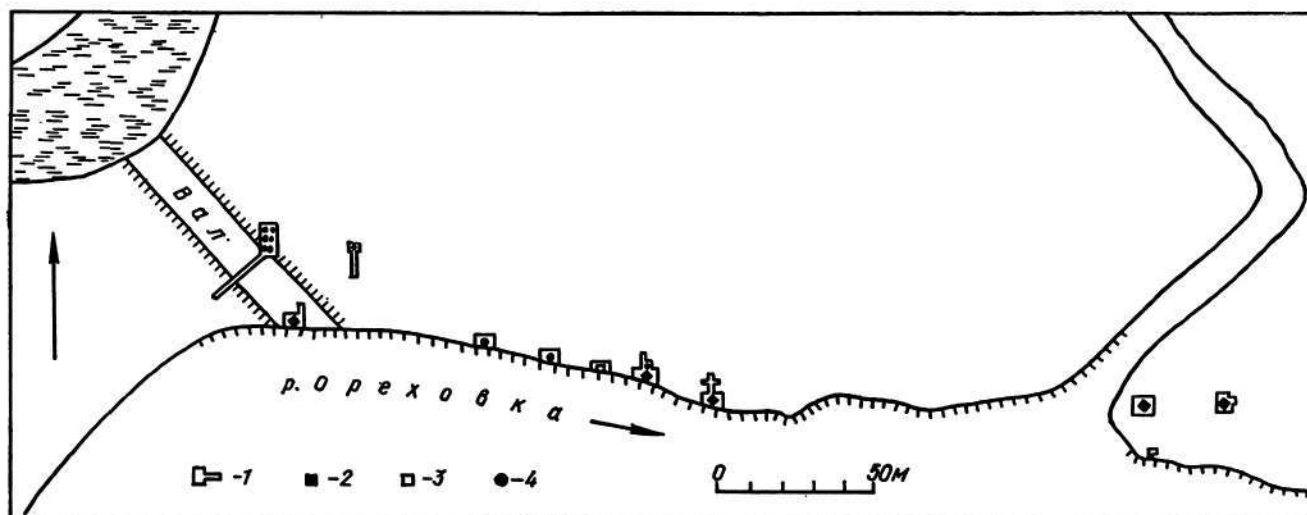

Рис. 32. Часть селища VI—VII вв. н. э. на трассе Днепровского вала у с. Сушки (по О. М. Приходнюку):
1 — раскоп, траншея; 2 — жилище; 3 — хозяйственная постройка; 4 — яма.

с. 7]. Обломки керамики находились в основании вала под обугленной деревянной конструкцией, а также в песке между бревнами, в насыпи вала и в заполнении рвов. Под сгоревшей конструкцией в культурном слое селища найден раздавленный горшок киевского типа (рис. 31). В 1 м южнее, под конструкцией, обнаружена обычная для селищ хозяйственная яма диаметром 85, глубиной 95 см, заполненная темно-серой, а внизу черной землей с обломками керамики и костей животных. Культурный слой, насыщенный керамикой киевского типа, разрезан внешним рвом в сторону поймы Днепра.

В 1979 г. у с. Сушки под этим же валом в обрыве берега р. Ореховка (уроч. Козачий Рог) обнаружено селище с керамикой киевского типа III—IV вв. и пеньковского типа VI—VII вв. н. э., раскопки которого проводились в 1980 г. На вскрытой площади около 150 м² в различных частях селища были исследованы остатки пяти жилищ, девяти хозяйственных ям, одной хозяйственной постройки с керамикой пеньковского типа и одна хозяйственная яма с керамикой киевского типа (рис. 32) [80, с. 5—7; 153, с. 1—9]. В обрыве берега реки под валом была расчищена сохранившаяся часть обнаруженного в

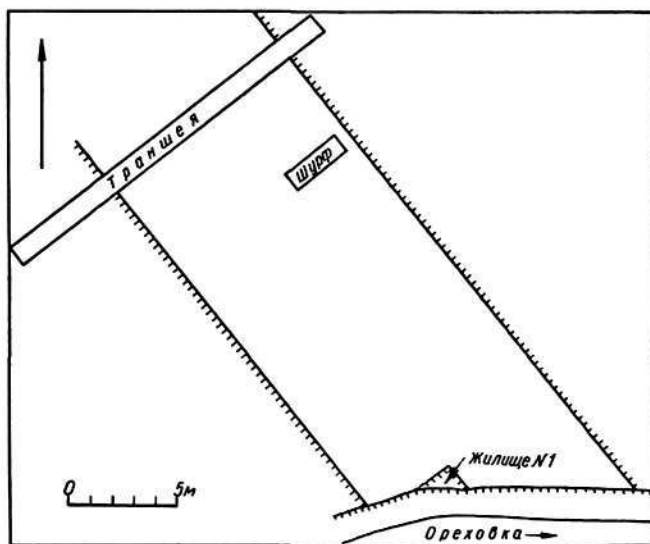

Рис. 33. Остатки полуземляночного жилища VI—VII вв. н. э. под Днепровским валом в обрыве берега р. Ореховка у с. Сушки.

1979 г. полуземляночного жилища — угол со сторонами 1,4 и 1,2 м, углубленного в материковый суглинистый песок на 40 см, со следами

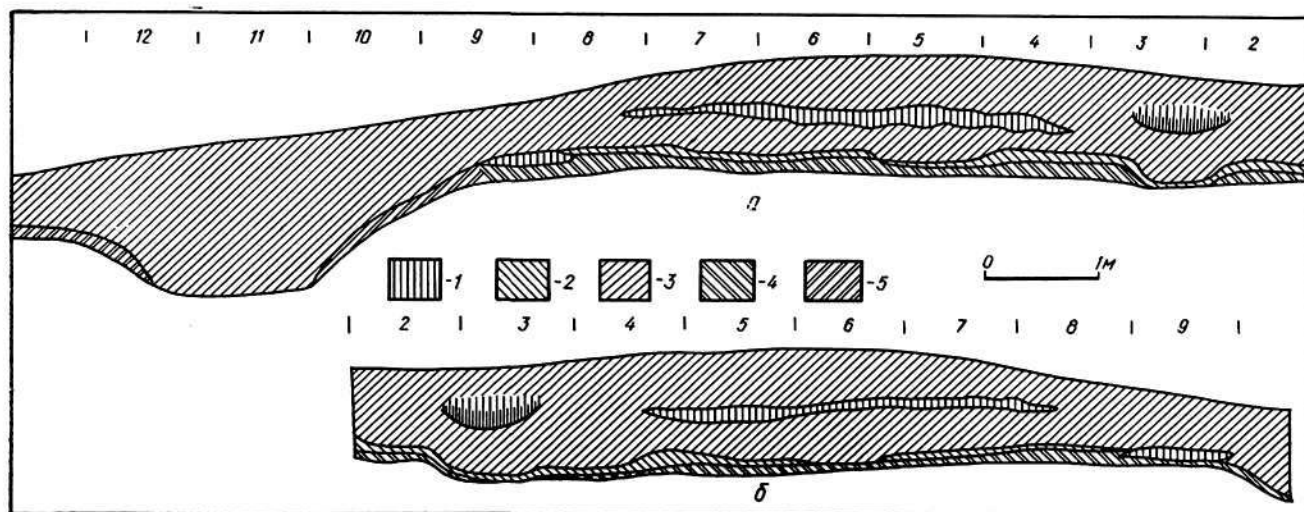

Рис. 34. Профиль северной (а) и отрезка южной (б) стенок траншей через Днепровский вал у с. Сушки:
1 — черная земля; 2 — темно-желтый суглинок; 3 — темно-серая земля; 4 — желтый материковый суглинок; 5 — светло-серый песок.

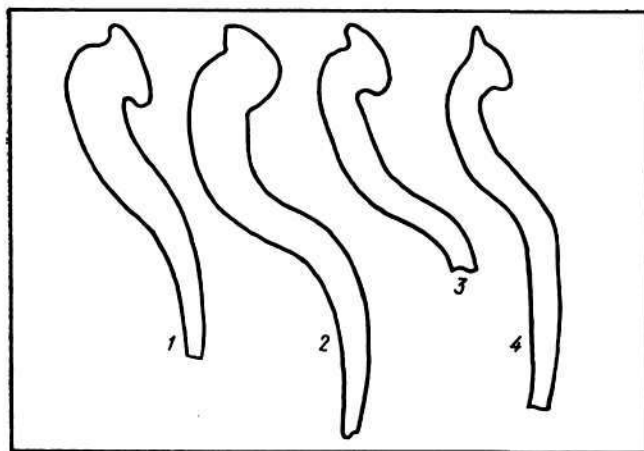

Рис. 35. Венчики горшков XIV в. из заполнения внутреннего рва вдоль вала по левому берегу Днепра у с. Сушки:
1—3 — из траншей; 4 — из шурфа.

глиняной подмазки пола (рис. 33) [80, с. 6; 153, с. 2]. На основании керамического материала автор раскопок О. М. Приходнюк датирует это жилище (№ 1) VI—VII вв. н.э. [153, с. 9].

В 1980 г. этот вал был разрезан поперечной траншеей в 21 м к северо-западу от его конца,

срезанного рекой. Вал насыпан из темно-серой и черной земли с примесью культурного слоя селища, и различить в нем какие-либо конструктивные особенности не представлялось возможным. Культурный слой под валом имеет толщину 30—40 см, оплывшая насыпь вала сохранилась на высоту 0,8—1 м (рис. 34).

Селище было вторично заселено в XIV в. На линии траншеи культурный слой этого времени, насыщенный гончарной керамикой XIV в., перекрывает отложения более раннего поселения и распространяется до внутреннего края вала. Очевидно в XIV в. вал на исследованном участке являлся границей поселения.

Под внутренним склоном вала в траншее находилось углубление шириной 1,2—1,45 м, заполненное черной гумусированной землей с многочисленными обломками керамики XIV в., кусков обожженной глины от печей, в том числе с отпечатками дерева, отдельных костей животных (рис. 35, 1—3). Полусферическое дно углубления имело четкие очертания и находилось на глубине 0,65—0,85 м от современной поверхности вала. Черноземное заполнение толщиной до 30 см сверху постепенно переходило в темно-серую насыпь вала. В прирезке к югу от тран-

шей на ширину 0,8 м черноземное заполнение продолжалось вдоль вала с такими же находками крупных обломков керамики XIV в., отдельными обломками костей животных и кусками глиняной обмазки или печины. Через 4 м далее траншеи на линии углубления был заложен шурф длиной 3, шириной 0,8 м. В нем, как и в траншее, залегала сверху темно-серая земля, а ниже — черная, в которой на глубине 0,5—0,65 м от современной поверхности вала находилось довольно много обломков керамики XIV в. (рис. 35, 4), кусков глиняной обмазки, костей животных.

Установлено, что углубление с черноземным заполнением тянется вдоль вала и является остатками внутреннего рва, который был открыт в темно-сером грунте культурного слоя более древнего поселения и не сохранил своих первоначальных контуров. К началу XIV в. ров значительно заплыл тем же темно-серым грунтом, а оставшееся от него углубление было заполнено различными культурными отбросами XIV в. в период повторного заселения урочища. Вал, продолжающийся за долиной к северо-западу от исследовавшегося участка, имеет хорошо сохранившиеся на поверхности как внешний, так и внутренний рвы. В этой более пониженной части культурный слой отсутствует, и вал насыпан из серого песка. У юго-восточного отрезка вала, ближе к бывшему с. Бубнов, также сохранился внутренний ров. Несомненно, что он был в уроч. Козацкий Рог, но полностью спланирован. Раскопки свидетельствуют, что к началу XIV в. вал находился в заброшенном состоянии. Разрез вала по р. Суле у с. Вязивок Лубенского р-на в 1985 г. показал, что он также перекрывает селище VI—VII вв. н. э. с керамикой пеньковского типа.

В 1983 г. при расчистке срубов в валу через пойму Ирпеня у с. Лупское было найдено несколько десятков обломков лепной керамики раннежелезного века второй половины I тыс. до н. э. и раннеславянской первых веков н. э. [87, с. 39]. Два обломка доньшек принадлежат гончарным горшкам, которые, судя по грубым примесям в тесте, датируются X—XI вв. (рис. 36, 1, 2). Доньшки найдены внутри срубов при расчистке заполнявшего их дерева с песком. В сру-

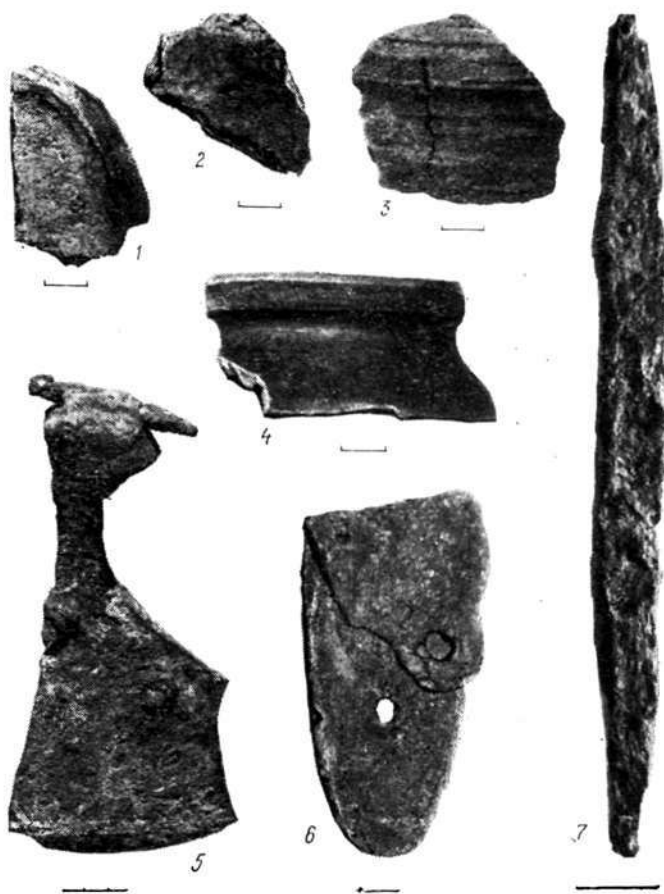

Рис. 36. Находки древнерусского времени в валах:

1, 2 — обломки доньшек горшков, найденные при расчистке срубов в валу у с. Лупское на левом берегу Ирпеня; 3 — обломок стенки горшка из насыпи I вала на левом берегу Ирпеня у с. Лупское (траншея № 1); 4 — венчик горшка из насыпи Черногородского вала по левому берегу Ирпеня у с. Лупское (траншея № 2); 5 — топор из основания среднего сруба в I валу между Стугной и Ирпенем у хут. Хлебча (траншея № 1); 6 — оковка из заполнения рва I вала между Стугной и Ирпенем у хут. Хлебча (траншея № 2); 7 — ножик, найденный на дне сруба в валу по левому берегу Роси у пгт Стеблев.

бах и по их сторонам в грунте между бревнами было найдено несколько мелких стенок древнерусской посуды. При осмотре сохранившейся насыпи вала, поврежденной в пойме хозяйственными работами, обломки лепных и реже гончарных сосудов встречались по обе стороны от раскопа. Гончарные обломки представлены стенками древнерусских горшков, некоторые из них

покрыты углубленным линейным орнаментом, причем из широких бороздок, характерных для конца X—XI в.

Селище с находками лепной и гончарной керамики аналогичного культурного облика обнаружено на краю плато перед стыком Лупского и Черногородского валов. Очевидно, отсюда вывозился грунт для сооружаемого в пойме вала. Культурные остатки из этого же селища найдены в насыпи Лупского вала при выходе его из поймы на плато (в траншее № 1) и в насыпи Черногородского вала (см. рис. 11), расположенного по краю надпойменной террасы левого берега Ирпеня (траншея № 2). Много обломков лепных сосудов раннеславянского и раннежелезного периодов находилось в нижней части заполнения рва Лупского вала [87, с. 31], куда они попали, очевидно, в результате размыва культурного слоя селища, расположенного выше на краю плато [87, с. 31]. Ров в сторону поймы понижается и в его заполнении четко прослеживаются прослойки намывного грунта. В насыпи вала были найдены обломки керамики раннежелезного века, ранних славян, а во внешнем склоне, на глубине 60 см от современной поверхности — стенка древнерусского горшка конца X — начала XI в. с линейным орнаментом не только на плечиках, но и в нижней части (рис. 36, 3).

В соседней траншее № 2 через Черногородский вал также обнаружены все три культурных типа керамики. В насыпи вала в различных местах встречались обломки стенок лепной посуды, в том числе венчик раннежелезного века, а в темно-серой земле, заполнявшей сруб, на глубине 90 см от современной поверхности вала из борта траншеи был извлечен обломок древнерусского горшка с манжетовидным венчиком конца X — первой половины XI в. (рис. 36, 4). Венчик находился в средней части заполнения сруба на высоте 40 см от основания вала [87, с. 33].

Находки древнерусской керамики на раскопе и в траншеях чрезвычайно важны для датировки Лупского вала, являющегося южным концом Первого вала в междуречье Ирпеня — Тетерева, а также для датировки соединяющего с последним Черногородского вала. Оба ва-

ла были сооружены не ранее конца X — начала XI в.

Расположенное рядом селище занимает возвышение на краю надпойменной террасы при впадении Лупы в Ирпень. Оно было удобным местом для заселения и периодически использовалось в этих целях с раннежелезного века. Очевидно, в древнерусский период здесь временно проживали строители валов (Черногородского и Лупского). При сооружении Лупского вала на участке поймы приходилось завозить строительные материалы (лес и земляной грунт) с береговой террасы (в пойме ров вдоль вала отсутствует, строевого леса в ней не было). Сооружение соседнего Черногородского вала вдоль поймы также осложнялось, так как строительные материалы находились только с одной стороны. Вполне вероятно, что на селище строители имели свой лагерь и на стыке двух валов могли задержаться дольше, чем в других местах. О недолговременности заселения селища в начале II тыс. н. э. свидетельствует и незначительность представленных на нем культурных остатков этого времени.

Восточный конец Змиева вала по левому берегу Стуги между селами Великая Бугаевка и Заречье пересекает большое древнерусское селище конца X—XIII вв. (см. рис. 6). Во время исследований в 1982 г. селище было вспахано и это позволило определить общий характер его культурного слоя и площадь (свыше 7 га). Находки керамики сосредоточены отдельными пятнами на местах жилищ, которые прослеживаются по обе стороны вала. На селище собрана в основном керамика (венчики) XI в. и очень мало — конца XI—XIII в. С внутренней стороны вала обнаружены только материалы XI в., а с противоположной, внешней стороны вдоль рва кроме довольно многочисленных находок XI в. встречаются отдельные обломки керамики XII—XIII вв. В этот, более поздний, период поселение было небольшим и располагалось от вала в сторону поймы Бугаевки; здесь найдено также несколько венчиков горшков XIV в. В сохранившейся части насыпи вала в траншеях № 1—3, как и под валом, остатков культурного слоя и керамики не обнаружено. Но в заполнении рвов керамика встречалась. Так, ее обломки, в том

числе обломки трех венчиков XI в. (рис. 37, 1—3), найдены в траншее № 1 в заполнении внешнего рва (первого от вала) на глубине 30—45 см. В заполнении крайнего внешнего рва в траншее № 2 керамика встречалась на разных уровнях. На глубине 40—80 см в черном песке найдены два венчика XI в. (рис. 37, 4, 5), на глубине 1,2—1,4 м в черном песке на середине рва — тоже два венчика XI в. (рис. 37, 6, 7) и на дне рва в черной земле — венчик XI в. (рис. 37, 8). От внешнего края рва понижалась ко дну прослойка светло-серого грунта, насыщенная печинной, жорствой и глиной. Прослойка в среднем толщиной 8—10 см, перекрывала внешний край и середину рва и находилась в 20—45 см выше дна, на глубине 1,8 от современной поверхности. Она образовалась не естественным путем, а в результате засыпки рва. В ней находились остатки разрушенной глинобитной печи с обломками дна и бортиков противней, сброшенных вначале, очевидно, на край рва и впоследствии сместившихся на середину и перекрывших дно рва, а также значительное количество обломков стенок горшков XI в. В траншее № 3 во внутреннем крайнем рву на глубине 0,6—0,8 м, т. е. в нижней части заполнения, обнаружены отдельные обломки керамики, в том числе венчик XI в. (рис. 37, 9).

Поселение возникло не раньше вала, а, очевидно, во время или вскоре после его постройки. Возможно, его основали строители по окончании сооружения вала. Пологий мысовидный выступ надпойменной террасы, ограниченный с двух сторон долинами Стугны и Бугаевки, был очень удобным местом для заселения. Вал в качестве оборонительного сооружения использовался недолго. Очевидно уже в XI в. он был заброшен и в его рвы сваливали мусор. К XII в. поселение сократилось, а в XIV в. почти опустело.

В конце XVII в., когда р. Стугна вошла в пограничную зону Русского государства, по ее берегам сооружается ряд крепостей и редутов. Очевидно, в целях обороны использовался и Змиев вал. Но на участке надпойменной террасы восточное окончание вала имело наименее хорошую сохранность еще со времени хозяйственной деятельности селища XI—XIII вв. Поэтому сооружение нового окончания вала по краю террасы.

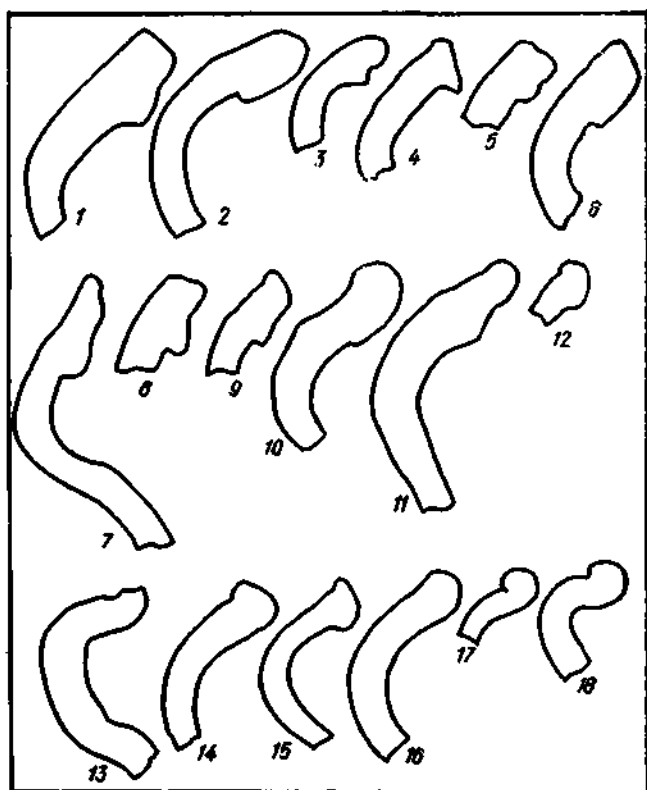

Рис. 37. Керамика из культурного слоя древнерусских селищ на трассе валов:

1—9 — вал по левому берегу Стугны у с. Великая Бугаевка; 10—18 — вал по левому берегу Роси в уроч. Дубки у пгт Стеблев.

На Первом валу в междуречье Стугны — Плиски у хут. Хлебча, являющимся непосредственным продолжением Стугнянского вала (см. рис. 7), в 1974 г. был обнаружен железный топор (рис. 36, 5), потерянный, очевидно, строителями. Топор находился в борту траншеи № 1 в основании вала (рис. 38). Металлографический анализ, проведенный В. Д. Гопаком, показал, что лезвие топора подвергнуто местной термообработке и значительно тверже остальной части изделия (микротвердость от края лезвия к обуху в пределах 514—193 кг/мм²). По металлоструктуре и количеству содержания углерода подобный топор, но без дополнительной термической обработки, был найден на древнерусском

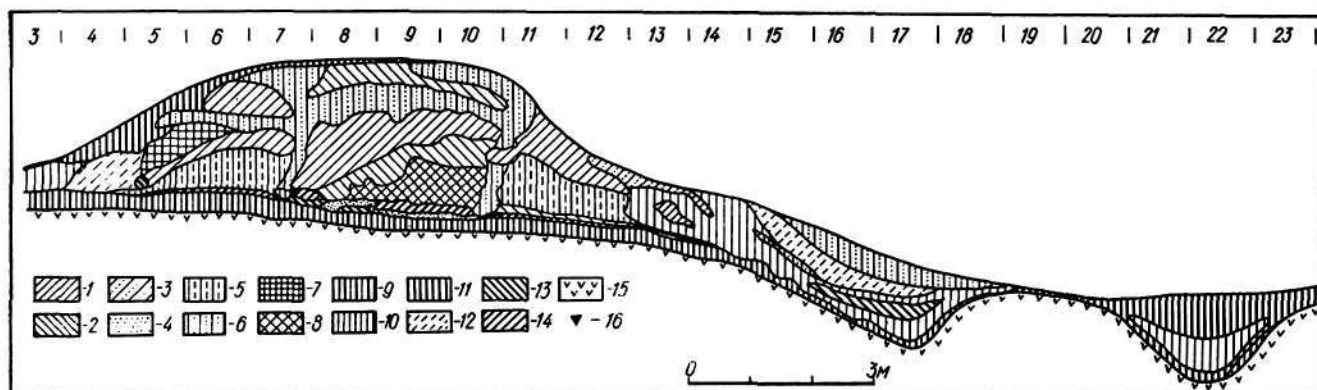

Рис. 38. Профиль южной стенки траншеи № 1 через I вал в междуречье Стугны — Плиски у хут. Хлебча.

Суглинок: 1 — темно-желтый, 2 — светло-желтый, 3 — серый, 4 — светло-серый, 5 — желтый с серым оттенком, 6 — желтый с темно-серой землей, 7 — темно-желтый с гумусными пятнами, 8 — светло-желтый, перемешанный с черноземом, 9 — серый материковый с темно-серыми пятнами; земля: 10 — темно-серая, 11 — серая, 12 — серая с коричневым суглинком, 13 — черная с сажой, 14 — темно-серая с сажой; 15 — материк (серый суглинок с коричневыми прожилками); 16 — место находки топора.

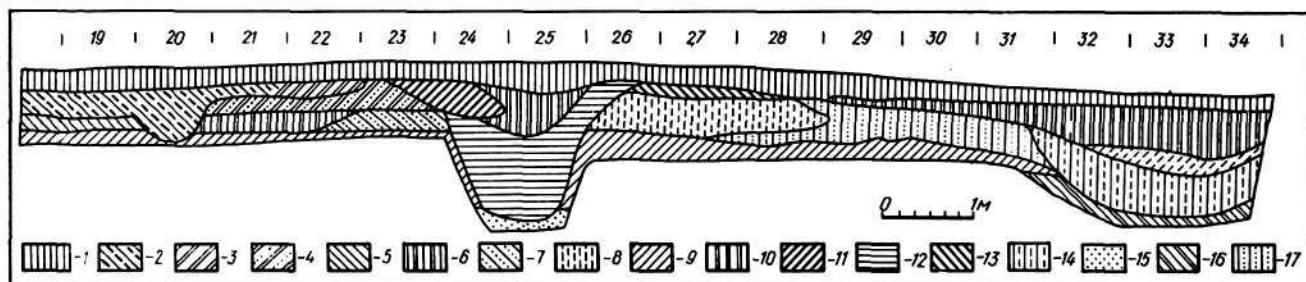

Рис. 39. Профиль отрезка восточной стенки траншеи № 2 через вал по левому берегу Ирпеня у с. Ходорков:

1 — темно-серый гумусированный плотный грунт с культурными остатками поселения XI—XIII вв.; 2 — серый плотный грунт с культурными остатками поселения XI—XIII вв. и трипольской культуры; 3 — серо-желтый суглинок; 4 — серый суглинок с примесью светло-серого суглинка; 5 — серый суглинок; 6 — темно-серый с вкраплениями желтого суглинка; 7 — темно-серый суглинок с желтой глиной; 8 — серо-желтый с вкраплениями светло-серого суглинка; 9 — желтая глина; 10 — темно-серая земля; 11 — серый суглинок с вкраплениями серой земли; 12 — темно-серая земля с керамикой и вкраплениями желтой глины; 13 — серая земля с угольками и вкраплениями серого суглинка; 14 — темно-серая земля с примесью суглинка; 15 — светло-желтый песок; 16 — темно-коричневый песок; 17 — серо-желтый суглинок с вкраплениями желтой глины.

Донецком городище под Харьковом [99, с. 110]. По классификации А. Н. Кирпичникова, топор из Змиева вала у хут. Хлебча принадлежит к IV типу и датируется X — началом XI в. н. э. [57, с. 37].

Во рву этого же вала (в траншее № 2, 1974 г.) на глубине 1 м в верхней части слоя черной земли с сажой, образовавшейся вследствие пожара деревянных конструкций, найдена деформированная железная оковка с отверстиями (рис. 36, б). Аналоги ей неизвестны, но по своей массивности она не может принадлежать

к эпохе более ранней, чем древнерусская. Слой черной земли с примесью сажы образовался в заполнении рва после пожара укреплений в результате естественного разложения и оплыва остатков сгоревших конструкций. Железная оковка по неизвестным причинам попала в ров сразу по окончании этого процесса и может косвенно свидетельствовать о пожаре укреплений не ранее древнерусского периода.

В 1984 г. получен стратиграфический разрез Фастовско-Житомирского вала вместе с культурным слоем находившегося при нем древне-

русского поселения у с. Ходорков Попельнянского р-на Житомирской обл. на левом берегу верхнего течения Ирпеня*. По керамическому материалу селище датируется XI — первой половиной XIII в. Его культурный слой распространяется с внутренней стороны до самого вала. Под валом культурные остатки отсутствуют. В XII—XIII вв. вал находился в запустении — в нем была выкопана большая хозяйственная яма-хранилище, разрезанная траншеей и содержащая многочисленные обломки керамики XII—XIII вв. (рис. 39). Как и в с. Великая Бугаевка на Стугне, это поселение было основано не позднее первой половины XI в., очевидно, вскоре после сооружения вала. Поселение того же времени обнаружено на трассе уже распаханного вала в 8 км западнее верховьев Ирпеня у с. Корчмище на берегу болота в уроч. Петровское [89, с. 16].

Раскопками 1981 г. в уроч. Дубки в районе пгт Стеблев (напротив с. Николаевка) установлено, что Средний вал по левому берегу Роси перекрывает культурный слой древнерусского селища XI — начала XII в., которое находится на ежегодно распахиваемом поле, в изгибе Роси, где она резко поворачивает с севера на восток. Вал на этом отрезке на протяжении 350 м отсутствует, но продолжение его сохранилось по обе стороны в лесу. В створе предполагаемого направления вала было заложено свыше 20 траншей, которыми зафиксировано местоположение рва (см. рис. 19), находящегося на исследованном участке с южной и западной сторон вала, и определено стратиграфическое соотношение между валом и селищем.

Ров был обнаружен в 20 траншеях, из них 12 находились в пределах селища. Оказалось, что рвом прорезан культурный слой селища, которое существовало до постройки вала. Три поперечные траншеи были продлены во внутреннюю сторону от рва для определения характера культурного слоя на месте вала. Две из них (№ 7а, 7б) в северо-восточной части селища имели ширину по 2 м, длину по 8 м и отстояли друг от друга на 10 м.

В траншее № 7а уже на глубине 40 см от

Рис. 40. Восточная стенка траншеи № 7а на трассе вала по левому берегу Роси в уроч. Дубки.

современной поверхности обозначился внутренний край рва с заполнением из темно-серого, почти черного песка. На месте вала под пахотным слоем серого песка залегал культурный слой селища из темно-серого песка (рис. 40: 41, а). Ниже находился светло-желтый материковый песок с гумусными вкраплениями и обломками древнерусской керамики.

На месте основной части вала сохранился уровень древней поверхности шириной 3,4 м от края рва (рис. 41, а). Ближе к внутренней стороне первоначальная поверхность срезана (кв. 3, 4). Керамика XI в. встречалась в культурном слое по всей длине траншеи. Наиболее достоверными для определения хронологии вала являются три венчика, обнаруженные в предматериковом слое в кв. 3, т. е. на трассе вала, ниже его основания. Два из них относятся к XI в., один — к концу XI в. (рис. 37, 10—12). В кв. 2, ниже основания вала (в предматериковом слое), найдены два венчика XI в. и один начала XII в. (рис. 37, 13). В кв. 3 на этом уровне обнаружен еще один венчик конца XI—XII вв. (рис. 37, 14). Это говорит о том, что вал сооружен на культурном слое XI—XII вв. (всего в траншее найдено, не считая многочисленных обломков стенок, 16 венчиков XI в. и 8 — конца XI—XII в.; большинство из них обнаружено в крайнем кв. 4 с интенсивным культурным слоем).

* Селище у вала открыл В. М. Гомановский.

В траншее № 76 под центральной частью спланированного вала также сохранилась возвышающаяся «платформа» шириной 3 м, в наружную сторону от которой начинается ров; с внутренней стороны грунт перекопан глубже, очевидно, во время строительства вала (рис. 41, б). Внутренняя часть рва, заполненного темно-серым, почти черным песком, раскрыта по ширине на 2,6 м. В траншее найдено 13 венчиков горшков XI в. и 4 — конца XI—XII в. Под основной частью вала на глубине 35—45 см в желтом песке с примесью серого и темно-серого песка (кв. 2, 3) обнаружено четыре венчика XI в. и один — конца XI—XII в. (рис. 37, 15). Остальные три венчика конца XI—XII в. найдены в культурном слое под внешним и внутренним краями вала.

Ров у поворота вала был полностью раскрыт траншеей № 10. При сооружении рва его внутренним краем был срезан интенсивный культурный слой с примесью золы, частично обрушившийся в ров. В этом слое и в заполнении на внутреннем склоне рва находилось много обломков керамики, в том числе 17 венчиков XI в. и 3 — конца XI—XII в. (рис. 37, 16—18). На небольшой прирезке (1,8×1 м) во внутреннюю сторону от рва в культурном слое на глубине от 18 до 30 см обнаружен развал какого-то сооружения из обожженной желто-розовой глины и отдельных камней (рис. 42). Прирезка к тран-

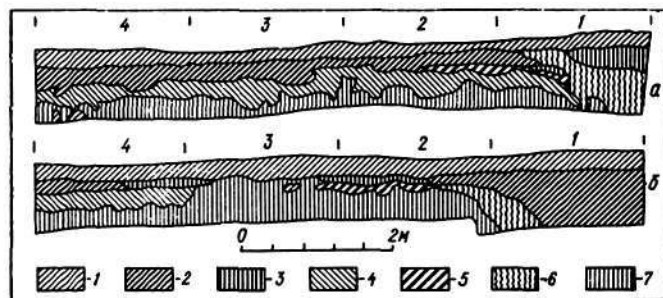

Рис. 41. Стратиграфия культурного слоя древнерусского селища на трассе вала по левому берегу Роси в уроч. Дубки:

а — восточная стенка траншеи № 7а, б — восточная стенка траншеи № 7б. 1 — серый песок (пахотный слой); 2 — темно-серый песок; 3 — серый с гумусными вкраплениями; 4 — светло-серый песок с гумусными вкраплениями; 5 — серый песок; 6 — темно-серый песок с вкраплениями серого песка; 7 — светло-желтый песок с крошками.

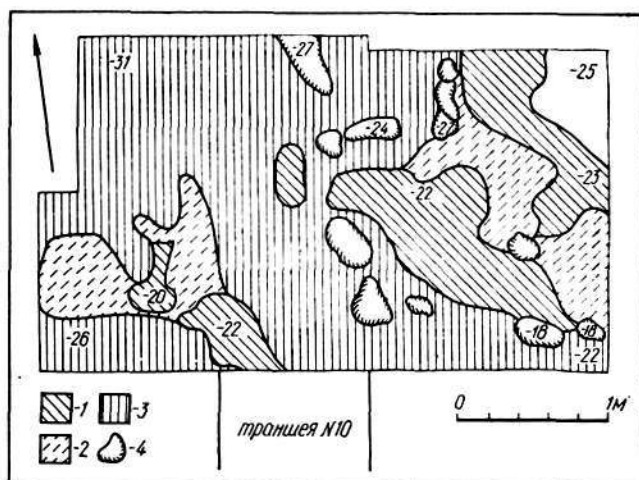

Рис. 42. Строительные остатки в культурном слое древнерусского селища ниже основания вала в уроч. Дубки:

1 — обожженная желто-розовая глина; 2 — темно-серая земля с обожженной глиной; 3 — темно-серая земля (культурный слой); 4 — камни.

шее по местоположению попадает под насыпь спланированного вала.

Севернее селища начинается лес, по краю которого сохранился курганный могильник. Последний ограничен с запада уцелевшим в лесу валом. Курганы распространялись и южнее, но на поле они распаханы (см. рис. 19). Очевидно, вал огибал могильник, курганы которого в южной части при устройстве вала еще сохранялись, чем и объясняется его изогнутая линия.

О характере погребального обряда и хронологии погребений дают представление раскопки трех курганов в юго-восточной, средней и северо-западной частях могильника. Погребения совершены в ямах глубиной 60—70 см ниже уровня материкового белого песка. Сверху над ними насыпан курган. Положение погребенных — на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентация головой на запад. Под одним курганом открыто два погребения, под двумя — по одному. Из сопровождающих вещей в двух курганах при погребенных находилось по одному железному ножу. В насыпях курганов встречались крупные обломки горшков XI в., оставленные, очевидно, во время тризны.

В подъемном материале на селище и в траншеях собрано значительное количество керамики, достаточное для определения хронологии памятника. Найдено 168 венчиков горшков XI в. и 70 венчиков конца XI—XII в.; вторые почти в 2,4 раза уступают по количеству первым. Можно полагать, что период существования поселения в XII в. был значительно короче, чем в XI в. Очевидно, оно прекратило существование в первой половине XII в.

Следует отметить, что селище и могильник находятся возле городища, занимающего останец в пойме Роси. Особенностью этих памятников является то, что на них имеется керамика, совершенно не типичная для Среднего Поднепровья и аналогии которой известны в районе польско-русского пограничья: горшки с профилированными, гранеными венчиками и густым линейным орнаментом, горшки «дорогичинского типа» с вертикальной шейкой, цилиндрические сосуды, кувшины с прямыми горлышками, гофрированными снаружи несколькими валикообразными утолщениями, вогнутые внутрь доньшки сосудов и т. п. Керамика неместного облика относится к XI в. и составляет примерно 20 % от общего числа обломков сосудов этого времени. Присутствие указанной керамики необходимо связывать с летописным сообщением 1031 г. о пленении Ярославом Мудрым «ляхов», которых он поселил на Роси [86, с. 281; 142, стб. 137] *.

Раскопками в уроч. Дубки установлено, что вал сооружен не ранее середины XII в., когда поселение уже не существовало. Более конкретные данные получены в 1981 г. в результате исследований этого же вала в 4 км восточнее, где в раскопе при подчистке обожженной глины на полу сгоревшего сруба был найден обычный железный черешковый нож древнерусского типа, потерянный, очевидно, строителями вала (рис. 36, 7). Аналогичные небольшие черешковые ножи встречены в погребениях курганного могильника в уроч. Дубки. Известно, что начи-

* Значительно больше керамики с характерными западнославянскими чертами найдено на селище XI—начала XII в. на противоположном берегу Роси. Материалы исследований могильника, расположенного у этого селища, также указывают на проживание выходцев из польско-русского пограничья [47, с. 50].

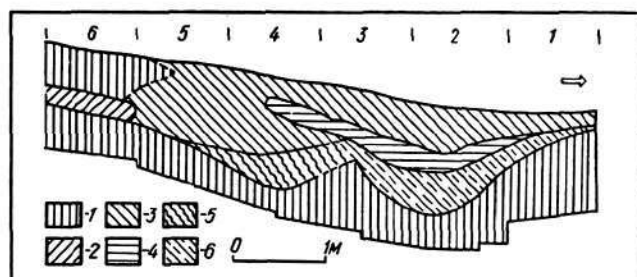
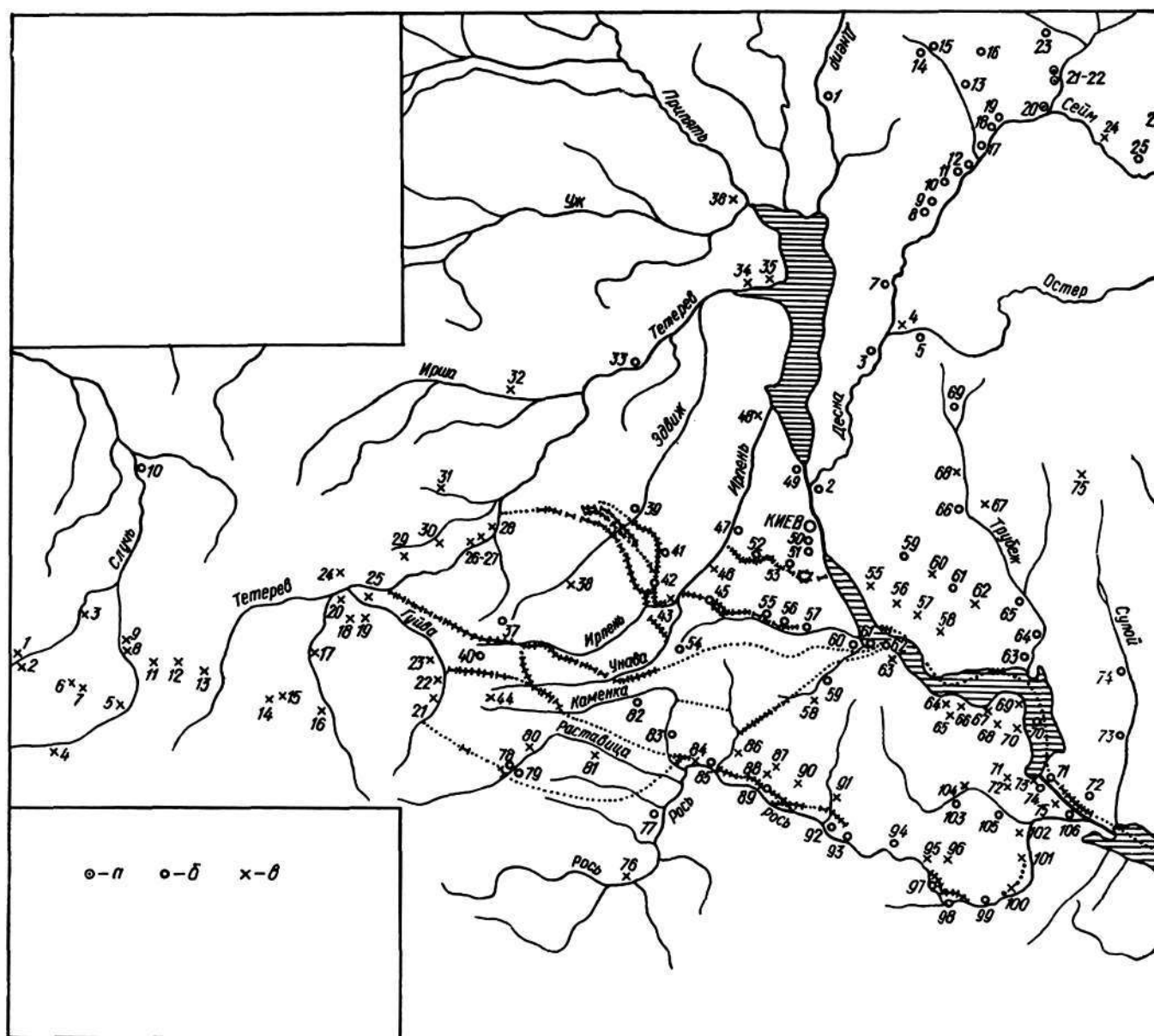

Рис. 43. Рвы Среднего и Большого валов в разрезе траншеи № 6 у пгт Ракитное на левом берегу Роси.

Песок: 1 — светло-желтый, 2 — темно-серый, 3 — серый, 4 — черный, 5 — светло-серый, 6 — серый с темно-желтым оттенком.

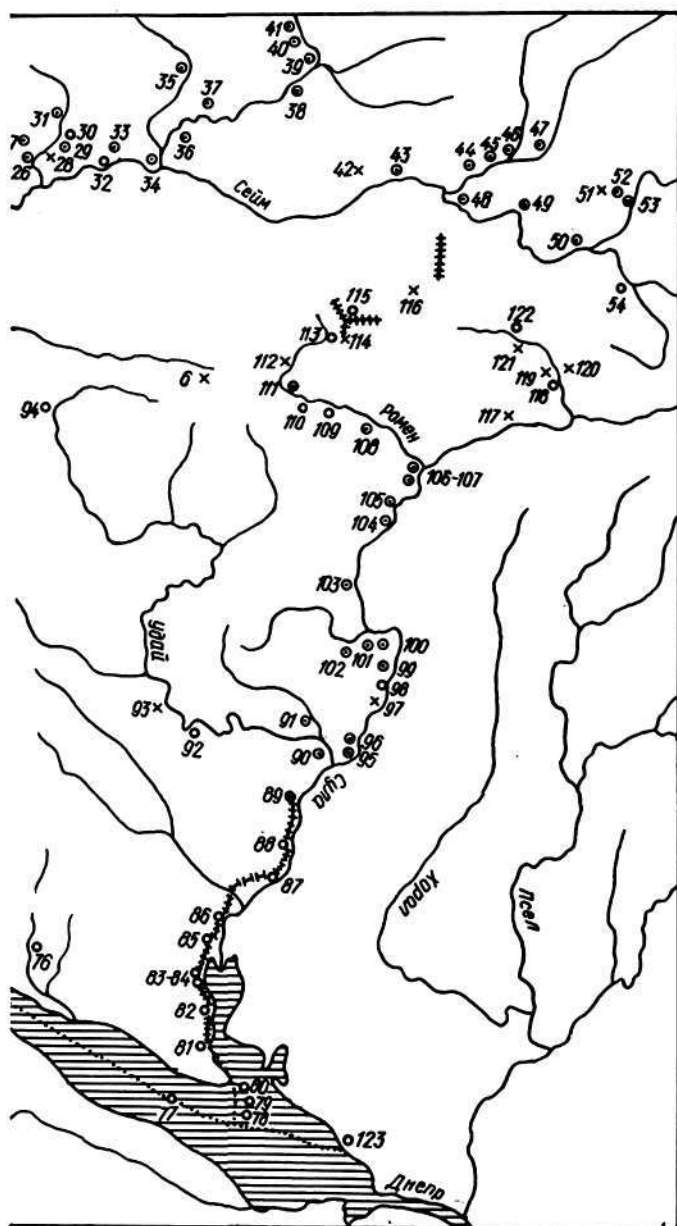
ная с XIV в., ножи отличались крупными размерами и, главное, имели вместо шиловидного черешка, предназначавшегося для насадки рукоятки, плоский черешок с отверстиями, в которых закреплялись с помощью штифтиков накладки рукояти. Следовательно, Средний вал по левому берегу Роси был построен в древнерусское время — не позже XIII в.

В 1982 г. с помощью двух поперечных траншей (№ 5, 6) была определена относительная хронология Среднего и Большого валов в месте их пересечения западнее пгт Ракитное на левом берегу Роси. Траншеей № 5 были разрезаны слившиеся на пересечении оба вала со рвами. Под заполнением рва Среднего вала оконтурилась нижняя часть рва Большого вала. Ров Большого вала был глубже рва Среднего вала на 60 см. Очевидно, ко времени сооружения Среднего вала ров Большого вала был уже заполнен грунтом почти на половину своей глубины. Траншея № 5 прошла в том месте, где рвы валов в плане совпадают и различаются только по глубине. Для получения раздельного разреза рвов была заложена траншея № 6 к западу от пересечения. В эту траншею вошел внешний склон Большого вала и слившийся с ним Средний вал, а также рядом расположенные рвы: Большого вала ближе к середине траншеи и Среднего — в конце траншеи. Ров Большого вала перекрыт заполнением рва Среднего вала — слоем черного песка. Ров Среднего вала имел ширину 3 м, глубину 1,2 м. Внутренний край рва Большого вала, как и в других траншеях,

пологий. Внешний край рва срезан рвом Среднего вала (рис. 43). Траншеями установлено, что Большой вал сооружен раньше Среднего вала. Совокупность археологических данных ис-

ключает возможность возведения Змиевых валов в скифское или раннеславянское время и приводит к убеждению, что они сооружены в древнерусское время. Этот вывод подтвержда-

ется также нахождением в линии Змиевых валов древнерусских городищ (рис. 44).

В валу по левому берегу Виты и правому берегу Бобринцы известны городища в Вите-Почто-

Рис. 44. Карта древнерусских городищ и Змиевых валов Среднего Поднепровья.

а — городища северян (с роменской культурой IX—X вв.); б — древнерусские городища, основанные в X—XI вв.; в — древнерусские городища, основанные в конце XI—XII в.

Правобережье Днепра: 1, 2 — Грицев; 3 — Полонное; 4 — Губин; 5 — Любар; 6, 7 — Деревичи; 8, 9 — Колодежное; 10 — Гульск; 11 — Приветов; 12 — Разино; 13 — Довбыши; 14, 15 — Корвинцы 1, II; 16 — Райки; 17 — Рудня-Городище; 18 — Сингуры; 19 — Городище; 20 — Заречаны; 21 — Нехворощ; 22 — Андрушевка; 23 — Старая Котельня; 24 — Соколова Гора; 25 — Станишковка; 26, 27 — Городское I, II; 28 — Ленино; 29 — Городище; 30 — Бельковцы; 31 — Корчевка; 32 — Городище; 33 — Иванов; 34 — Фрузиновка; 35 — Медвин; 36 — Лелёв; 37 — Грубское; 38 — Бруслив; 39 — Макаров; 40 — Яроповичи; 41 — Мотыжин; 42 — Бышев; 43 — Черногородка; 44 — Городище; 45 — Плисецкое; 46 — Жорновка; 47 — Белогородка; 48 — Демидов; 49 — Вышгород; 50, 51 — Китаевское, Пирогов; 52 — Боярка; 53 — Вита-Почтовая; 54 — Великая Снетинка; 55 — Васильков; 56 — Заречье; 57 — Старые Безрадицы; 58 — Василев; 59 — Красное 2-е; 60 — Триполье; 61 — Халепье; 62, 63 — Витачов; 64 — Ржищев; 65 — Ульяновки; 66 — Балько-Шуцки; 67 — Ходоров; 68 — Малый Букрин; 69 — Зарубинцы; 70 — Григоровка; 71, 72 — Грищенцы; 73, 74 — Канев; 75 — Княжья гора; 76 — Городище-Косовское; 77 — Малая Сквирка; 78, 79 — Ягнятин; 80 — Соколов Брод; 81 — Буки; 82 — Трилесье; 83 — Мазепинцы; 84, 85 — Белая Церковь; 86 — Песчаная; 87, 88 — Чепилиевка; 89 — Сухолесье; 90 — Житние Горы; 91 — Шарки; 92 — Бушево; 93 — Саварка; 94 — Богуслав; 95 — Пологицкое; 96 — Пешки; 97 — Николаевка; 98 — Стеблев; 99 — Корсунь-Шевченковский; 100 — Набутов; 101 — Сахновка; 102 — Межирич; 103 — Емчиха; 104 — Масловка; 105 — Пялява; 106 — Пекари.

Левобережье Днепра: 1 — Любеч; 2 — Выгуровщина; 3 — Выпользово; 4 — Остер; 5 — Кошаны; 6 — Белаежка; 7 — Морозов; 8 — Смолин; 9 — Козерог; 10 — Слабин; 11, 12 — Шестовица; 13 — Рогоши; 14, 15 — Малый Листвен; 16 — Звенич; 17 — Гушин; 18, 19 — Чернигов; 20 — Бруслив; 21, 22 — Седнев; 23 — Великий Листвен; 24 — Николаевка; 25 — Блистова; 26 — Дягова; 27 — Волосковцы; 28 — Феськовка; 29 — Мена; 30 — Величковка; 31 — Киселевка; 32 — Макошин; 33 — Слободка; 34 — Буромка; 35 — Лышковцы; 36 — Шабалинов; 37 — Зметнев; 38 — Райгородок; 39 — Разлеты; 40, 41 — Свердловка; 42 — Ленинское; 43 — Червоний Ранок; 44 — Литвиновичи; 45 — Воргол; 46 — Волокитино; 47 — Ховзовка; 48 — Хижки; 49 — Путивль; 50 — Волинцево; 51 — Новая Слобода; 52 — Буянкино; 53 — Горки; 54 — Белополе; 55 — Процев; 56 — Воронков; 57 — Голоууров; 58 — Старое; 59 — Борисполь; 60 — Иванов; 61 — Любарцы; 62 — Веселиновка; 63 — Переяслав-Хмельницкий; 64 — Гайшин; 65 — Пристромы; 66 — Русанов; 67 — Перемога; 68 — Светильня; 69 — Заворичи; 70 — Городище; 71 — Лепляво; 72 — Бубновская Слободка; 73 — Каленики; 74 — Ташань; 75 — Петровка; 76 — Золотоноша; 77 — Веремеевка; 78, 79 — Жовнино; 80 — Воинская Гребля; 81 — Клещинцы; 82 — Лящевка; 83, 84 — Великая Буромка; 85 — Чутровка; 86 — Тарасовка; 87 — Лукомье; 88 — Мацковцы; 89 — Лубны; 90 — Хитцы; 91 — Городище; 92 — Повстин; 93 — Пирятин; 94 — Дорогинка; 95, 96 — Снитин; 97, 98 — Сенча; 99 — Бодаква; 100, 101 — Скоробогатки; 102 — Лохвица; 103 — Свиридовка; 104 — Глинск; 105 — Шумск; 106, 107 — Ромны; 108 — Велмеже; 109 — Липовое; 110 — Гряцка; 111 — Красный Колядин; 112 — Гайворон; 113 — Великий Самбор; 114 — Кошары; 115 — Шевченково; 116 — Грузское; 117 — Засулье; 118 — Городище; 119, 120 — Терны; 121 — Жуковка; 122 — Николаевка; 123 — Градижск.

вой и Боярке; по левому берегу Стугны — в Заречье и Василькове, а в междуречье Стугны — Ирпеня — в Плисецком [78, с. 184; 80, с. 27; 84, с. 20; 155, с. 142—144, 146; 156, с. 107—108; 158, с. 23; 173, с. 127]. На линии I вала в междуречье Ирпеня — Тетерева находятся городища в Бышеве, Мотыжине, Макарове [78, с. 179, 181, 183]. Городища, за исключением Плисецкого, расположены с внутренней стороны перед валами (см. рис. 5; 9). Плисецкое городище находилось между двумя валами вблизи их соединения

(см. рис. 8). Все они имеют четко выраженный культурный слой XI в., и как укрепленные пункты были основаны в конце X — начале или первой половине XI в. При этом, на большинстве городищ, кроме Василькова и, очевидно, Виты-Почтовой, жизнедеятельность в XII—XIII вв., судя по археологическим материалам, становится менее интенсивной или почти полностью затухает, как в Заречье, Плисецком, Боярке. В указанном районе только одно городище, находившееся примерно в линии уже не сохранившейся части Змиева вала по левому берегу Ирпеня на восточном краю Черногородки, датируется XII—XIII вв. [78, с. 183].

Важные сведения для датировки валов севернее р. Здвиж дают материалы раскопок курганного могильника на западной окраине с. Нежиловичи. Могильник не сохранился, но по описанию автора раскопок и сведениям местных старожилов, он находился в 1 км севернее II вала на участке, где II и III валы сближаются, пересекая долину бывшей р. Гульвы (см. рис. 9). В 1900 г. на могильнике насчитывалось 14 курганов, из которых 9 было раскопано М. К. Якимовичем [165]. Преобладали курганы с обрядом трупосожжения, который в Среднем Поднепровье исчезает в IX—X вв. Учитывая местное происхождение погребенных (переселенцы из более северных областей, о чем речь будет идти ниже), а также некоторые женские украшения (золоченые стеклянные бусины), могильник можно датировать концом X — первой половиной XI в. Разведкой 1976 г. селища у могильника не обнаружено, очевидно, оно уничтожено застройкой современного села. Появление в лесной глуши переселенцев, осевших на берегу небольшой речки возле вала, можно связывать со строительством укреплений и их последующей охраной (среди погребенных имеются войны).

Вал по левому берегу Днепра проходил в широкой пойме. топографические условия которой не благоприятствовали возведению укрепленных пунктов. На этом отрезке только часть городищ расположена в линии вала или вблизи него в пойме: городище у бывшего с. Городище под Переяслав-Хмельницким, у с. Лепляво и в бывшем хут. Миклашевском [68, с. 89; 73, с. 217; 107, с. 131; 116, с. 49, 87]. Два городища нахо-

дятся на коренном берегу на некотором удалении с внутренней стороны вала: в Бубновской Слободке и у Золотоноши [80, с. 9, 10; 107, с. 324, 330]. Все городища относятся к числу ранних памятников Киевской Руси конца X — начала или первой половины XI в. Жизнь на них, кроме городища у с. Городище, существовала до XIII в. Древнерусское городище замыкало линию вала в современном пгт Градижск. Более точная его датировка не известна (оно размыто водохранилищем Кременчугской ГЭС и специальному обследованию не подвергалось).

Городища по линии Змиева вала в нижнем течении Сулы расположены наиболее густо (см. рис. 26). На северном конце вала на территории современного г. Лубны находился летописный город Лубно [66, с. 145; 107, с. 263; 190, с. 323]. Южнее расположены городища у сел Мацковцы, Лукомье, Тарасовка, Чутовка, Великая Буромка — два городища, Лящевка, Клещинцы, Жовнино — два городища (уроч. Старый Жовнин и Палянившина), бывший хут. Воинская Гребля (летописный город Воинь) [49, с. 18—20; 70, с. 103; 80, с. 12—16; 107, с. 334; 124, с. 310; 125, с. 287; 159, с. 186]. Городища относятся к тому же времени, что и городища по левому берегу Днепра, имеют большие селища с интенсивным культурным слоем XI в. Раскопки отдельных городищ (Лубны, Мацковцы, Клещинцы, Жовнино — Палянившина, Воинская Гребля) показали, что время их возникновения как населенных пунктов относится к концу X — началу XI в. Посульский Змиев вал, расположенный на склоне коренного берега, сохранился и по краю некоторых городищ. Так, Великобуромское южное городище защищено со стороны Сулы валом и рвом, которые находятся в верхней части его склона и продолжают по склону горы и за пределами городища [80, с. 13; 110, с. 419]. Городище в с. Чутовка занимает мысовидный выступ на краю коренного берега. К юго-востоку от него на склоне к пойме подходит Змиев вал, остатки которого сохранились и на мысовой части городища, обращенной к долине реки [80, с. 16; 110, с. 417]. Этот же вал со рвом огибал по склону со стороны Сулы городище у с. Мацковцы и продолжался по коренному берегу реки [110, с. 416].

Использование естественных защитных особенностей высокого коренного берега Сулы для устройства крепостей и Змиева вала предопределило совмещение их в одной линии и наиболее наглядно свидетельствует о функциональной взаимосвязи и синхронности обоих типов укреплений.

Перечисленные линии Змиевых валов по Вите — Бобрице, левому берегу Стугны, между речьям Стугны — Ирпеня и Ирпеня — Тетерева, по левому берегу Днепра и по правому берегу нижнего течения Сулы, по данным городищ, могут быть датированы в широком диапазоне — концом X — не позднее середины XI в.

Два укрепленных пункта на линии Большого вала по левому берегу Роси возникли в первой половине XI в. Это летописный Юрьев (современная Белая Церковь), основанный Ярославом Мудрым и названный его христианским именем, и городище в уроч. Старые Сухолесы [78, с. 191; 82, с. 39—41]. Городища расположены на берегу Роси (у воды), а вал проходил с внутренней стороны, в 150 м перед Сухолесским городищем и значительно дальше от городища в Белой Церкви (судя по местоположению Подвальной улицы). В остальных линиях валов не было укрепленных пунктов, или же их сочетание с последними определяется не совсем четко.

Три ранних укрепленных пункта находились на правом берегу Днепра южнее Стугны у начала двух Змиевых валов, известных по летописи 1093 г. и по источнику XVII в. (рис. 44). Это летописные Треполь 1093 г., Халеп конца XI в. и более древний Витичев. Почти уничтоженное городище Треполя в с. Триполье датируется XI—XIII вв. [173, с. 128]. В культурном слое городища в с. Халепе обнаружена керамика XI—XIII вв., в том числе первой половины XI в. [152, рис. 3]. Летописный Витичев (городище в с. Витачов) упоминается в источниках начиная с середины X в. [173, с. 128; 175, с. 7]. Один из этих валов проходил к западу, где с внутренней стороны его приблизительной трассы известно городище с селищем не ранее второй половины XI—XIII в. у с. Великая Снетинка и городище XI—XIII вв. на значительном удале-

нии (3,5 км) с внешней стороны вала у с. Яроповичи в верховьях Ирпеня [84, с. 48—49; 156, с. 108]. Второй вал продолжался к югу по р. Красная. В верхнем течении реки на ее правом берегу у с. Василев находится городище не определенного времени (без культурного слоя), но рядом с ним расположено селище XII—XIII вв. [83, с. 51]. Возможно, оно является остатками летописного Василева 1136 и 1165 гг. Аналогичное городище без культурного слоя с селищем XII—XIII вв. и частично XI в. известно на правом берегу реки у с. Красное 2-е [80, с. 30]. Еще ниже по течению реки, очевидно на территории современного с. Красное 1-е, находился летописный (1136 г.) город Красн, городище которого не сохранилось. Об отношении этих городищ к несохранившемуся валу судить трудно. Бесспорно одно, что укрепленные пункты по р. Красная начали возникать не ранее последних десятилетий XI в., а в основном в XII в. Как справедливо считает Л. Е. Махновец, упоминаемый летописью под 1146 г. город Дерновой также находился в бассейне Красной в районе современного с. Дерев'яна (это местное название с ударением на последнем слоге неправильно переводят как «Деревянная» [80, с. 31]).

Наиболее поздний Средний вал по левому берегу Роси проходит в районе разновременных городищ (рис. 44). На западном отрезке известно два городища: у с. Бушево (XI—XII вв.) и в с. Саварка (XI—XIII вв.), а на восточном отрезке — у с. Николаевка (XI—XII вв.), в пгт Стеблев (XI—XIII вв.), Корсунь-Шевченковском (XI—XIII вв.), в селах Набутов (XII—XIII вв.) и Сахновка (XII—XIII вв.) [45, с. 151; 82, с. 15—16, 30—31; 83, с. 47; 151, с. 87]. Между названными отрезками, где вал отсутствует, находятся городища в Богуславе (XI—XIII вв.) и в с. Полонецкое (XII—XIV вв.) [47, 72, с. 174; 127]. Средний вал по левому берегу Роси возник не ранее второй половины XII в., когда если не все, то большинство упомянутых укрепленных пунктов уже существовало. В конце XI—XII в. был сооружен целый ряд крепостей на значительном удалении от Роси, за пределами ее поймы, которые не входили как в линию более раннего Большого вала, так и в линию более позднего Среднего вала (рис. 44).

Таким образом, в тех районах, в которых оборонительное строительство было завершено в ранний период Киевской Руси, сохранившиеся городища служат вполне надежным источником датировки Змиевых валов. В единичных случаях, когда оборонительные линии были дополнены новыми сооружениями и состоят из разновременных городищ, последние не могут быть использованы для уточнения хронологии Змиевых валов. Как видим, показания различных методов археологического определения времени возникновения валов дополняют друг друга и совпадают.

Рассмотренные Змиевы валы, кроме Среднего вала по Роси, датируются ранним периодом Киевской Руси. Об этом свидетельствуют находки вещей в отдельных валах, данные стратиграфических разрезов валов в местах обнаружения древнерусского культурного слоя, наличие вдоль линии валов поселений и укрепленных пунктов,

основанных в конце X — первой половины XI в. Этой датировке не противоречат и данные естественнонаучных методов.

Средний вал по левому берегу Роси, перерезающий Большой вал и перекрывающий селище XI — начала или первой половины XII в., сооружен в поздний период существования Древнерусского государства. Хронологическое членение Змиевых валов подтверждается и их конструктивными особенностями, которые рассматриваются в следующей главе.

Змиевы валы относятся к числу памятников, наиболее трудных для датировки. Длительное время по этому вопросу высказывались самые противоречивые мнения, в том числе и в различных энциклопедических изданиях. Только совокупность прямых и косвенных источников, археологических и естественнонаучных методов позволяет правильно решить эту неотложную задачу.

УСТРОЙСТВО ВАЛОВ, ИХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Валы в долинах рек состоят из песка, на водоразделах — из песка или суглинка и реже, на возвышениях — из глины. В Змиевых валах открыты деревянные конструкции, которые скрепляли земляную насыпь и придавали ей необходимую крутизну и высоту.

Остатки конструкций различной степени сохранности. Представление о них дают раскопки тех участков, на которых в результате пожара дерево обуглилось. В тех местах, где дерево сгнило, иногда удается определить общие конструктивные особенности вала по структуре и характеру его насыпи. Только в одном случае нижняя часть конструкции была открыта в первоначальном виде благодаря тому, что она находилась в заболоченном торфянистом грунте.

Конструкции возводились из дуба и сосны. Но сосновые бревна были обнаружены только в валу по левому берегу Днепра у с. Лепляво, а вместе с дубовыми — у сел Перевоз на Ирпене и Заборье на Бобринце. В других исследованных местах конструкции состояли из дубовых бревен. Последние сохранились хуже, поскольку дуб гниет полнее, чем сосна.

Более поздние оборонительные и межевые валы сооружены из земляного грунта без применения деревянных конструкций. В итоге подтвердилось, что эти сооружения не только по форме, но и по устройству четко выделяются из состава Змиевых валов.

1. КОНСТРУКТИВНЫЕ ТИПЫ ДЕРЕВОЗЕМЛЯНЫХ ЗМИЕВЫХ ВАЛОВ

Целенаправленные археологические раскопки, в ходе которых обнаружены остатки дерева и получены сведения о строении земляной насыпи, дают возможность провести сравнительный анализ и классифицировать валы по конструктивным особенностям. В Змиевых валах открыты два типа деревянных конструкций — срубной и перекладной. Наиболее сложная задача — восстановление первоначального облика валов. Ее решение требует учета накопленного в археологии опыта реконструкций и зависит от общего состояния изученности исторических типов деревоземляной фортификации. Единственным аналогом Змиевым валам являются оборонительные валы славянских городищ конца I — начала II тыс. н. э., которые используются нами в качестве сравнительного эталона.

а) Валы со срубной конструкцией

Конструкция представляет собой стену из четырехстенных срубов, поставленных в ряд вдоль вала, и заполненных внутри земляным грунтом. Она открыта в девяти валах. Срубы лучше сохранились в плотной глиняной или суглинистой насыпи, в которой благодаря пожару четко прослеживаются остатки дерева. В песчаной насыпи срубы полностью истлели и обнаруживаются в траншейных разрезах по контурам заполнявшего их грунта. В шести раскопах срубная конструкция исследовалась в плане, а в более чем в двадцати местах — в поперечном разрезе. Траншеи позволили также получить сведения о первоначальной ширине валов, форме и размерах рвов.

Перейдем к конкретному рассмотрению полученных результатов по отдельным валам.

Характеристика остатков срубной конструкции

Вал по левому берегу Стугны исследовался в 1982 г. на восточном конце у сел Заречье и Великая Бугаевка в четырех местах (см. рис. 6).

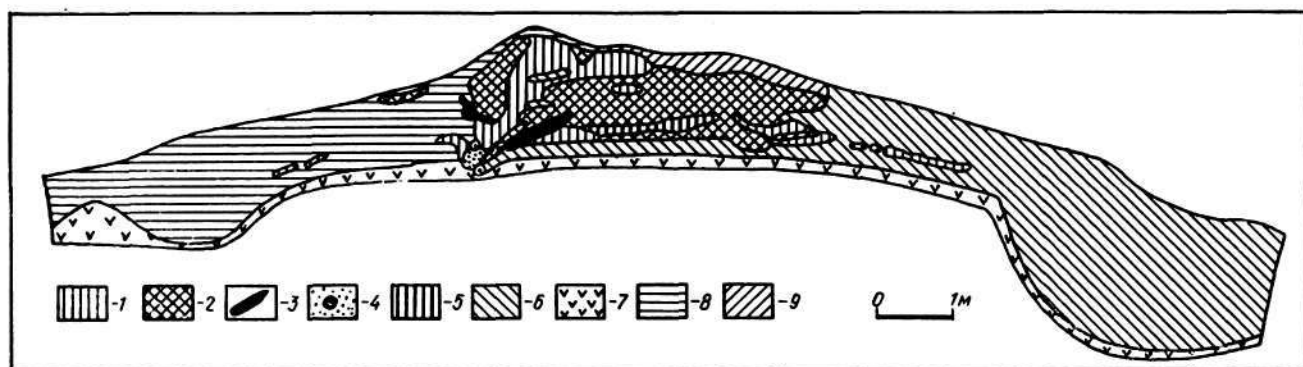

Рис. 45. Профиль восточной стенки траншеи № 5 через вал по левому берегу Стугны у с. Заречье:

1 — светло-желтая глина; 2 — докрасна пережженная глина; 3 — уголь; 4 — истлевшее дерево; 5 — рыхлая комковатая пережженная красная глина с углем; 6 — темно-серая суглинистая земля; 7 — желтая материковая глина; 8 — темно-серый суглинок; 9 — серая суглинистая земля.

Траншеей № 5 был разрезан вал в 200 м юго-восточнее городища в с. Заречье. В этой части вал по гребневидному возвышению, сложенному из глины, постепенно понижается с коренного берега в западном направлении, в сторону поймы. Разрезом установлено, что сруб был заполнен желтой глиной, которая при пожаре приобрела ярко-красный цвет. По краям заполнения прослеживались остатки обугленных и истлевших бревен от продольных стен. Ширина сруба по внешним очертаниям пережженной глины 3,8 м, или 3,2 м внутри (рис. 45; 46). На склонах гребня в материковой желтой глине были выкопаны рвы. Внешний ров* отстоял от сруба на 2,5 м. Глубина его 1,7 м от поверхности грунта и 2,6 м ниже основания сруба. Вверху ров имел ширину примерно 4 м (разрезан не полностью). Внутренний ров, шириной 2,3 м, начинался в 2,2 м от сруба; его слегка округлое дно, углубленное на 1,3 м ниже основания вала (0,8 м от дневной поверхности), очевидно, переходило через узкую (40 см) конусовидную перемычку во второй ров, оставшийся за пределами траншеи.

Остатки сгоревших срубов исследовались и в

* Внешней (наружной) или напольной стороной мы именуем передний край вала, обращенный в фронтальную сторону, к противнику. Внутренняя сторона — это тыльный край вала, обращенный внутрь защищаемой территории.

плане, для чего в 4 м западнее траншеи был заложен на гребне вала небольшой раскоп шириной 4,5—5 м, длиной 5,5—6 м. Контуры пережженной глины, в целом соответствующей сгоревшему срубу, определились уже на глубине 40—50 см от современной поверхности. Ниже на различных уровнях обозначилось местоположение сгоревших бревен по рыхлой комковатой и докрасна пережженной глине, в которой находились в большинстве случаев и куски обугленных бревен (рис. 47, а). После снятия обнаруженных остатков, на уровне основания вала, на глубине 1—1,25 м от современной поверхности, был расчищен нижний горизонт срубной конструкции. Бревна сильно обуглились, а местами выгорели и при зачистке образовывали, как и выше, полосы докрасна пережженной глины на фоне темно-серой суглинистой земли (рис. 47, б).

Раскопками полностью раскрыт один сруб размерами (внутри) 2,8×2,8 м. Концы поперечных и продольных стен выступали на углах за пределы сруба. В самой нижней части эти концы прослеживались не везде, но выше, благодаря более интенсивному сгоранию, на их месте сохранились выступы пережженной глины. Западнее вдоль вала находился соседний сруб, отделенный от первого промежутком шириной 0,8 м (внутри), куда выходили концы бревен от продольных стен обоих срубов. Третий сруб примыкал к первому с востока, но в раскоп вошел только проме-

жуток между ними. Смежная поперечная стена восточного сруба прослеживалась на уровне верхнего горизонта по сильно переженной рыхлой комковатой глине, уходившей ниже в наклонный борт раскопа.

Соответственно естественному уклону местности вал в исследовавшейся части понижался к западу. Перепад поверхности на 5-метровом отрезке раскопа на уровне основания вала составлял 1 м. Вал сооружали по склону снизу вверх (с запада на восток). Нижние бревна двух поперечных стен в западной части раскопа находились под продольными бревнами. В повышенной восточной части чередование было иным: концы нижних продольных бревен укладывались непосредственно на грунт, сверху на них клали нижнее бревно поперечной стены сруба, которое, в свою очередь, перекрывало концы нижних продольных бревен следующего сруба. В связи с неровной поверхностью, укладка бревен не имела строго определенной системы.

О характере насыпи вала с остатками обугленных конструкций наглядно свидетельствует профиль восточного борта раскопа, дающий поперечное сечение центральной части вала (рис. 48). В середине сруба находилась необожженная светло- и темно-желтая глина. Однако восточный борт раскопа, как отмечалось выше, совпал с поперечной стеной сруба и глина пережглась на всю ширину. В связи с тем что борт раскопа был наклонным, сильная обожженность зафиксирована только в нижней части насыпи, примыкавшей непосредственно к выгоревшей стене.

Срубы сооружались из круглых дубовых бревен, но на углах встречались куски переженной глины с отпечатками затесанных бревен в виде двух граней под тупым углом. Очевидно, чашки в бревнах вырубались не полукруглые, а граненые; к ним в местах крепления подгонялись путем затесывания округлые бревна.

Траншеей № 3 получен разрез вала в 1 км восточнее предыдущей траншеи, на возвышенном участке по краю плато. Ширина вала около 8 м, высота насыпи с острой вершиной 2,2 м от основания. С внутренней стороны находилось два рва, разделенных перемычкой шириной 60 см. Первый ров с округлым дном имел ширину 2 м, глубину около 1 м; второй, очевидно, был шире

(раскрыт на 1—1,2 м). Внешний склон вала срезан в 1941 г. под противотанковое препятствие и ров с этой стороны оказался в 1,5 м перед валом. Раскрыт только край рва с очень крутой (45°) стенкой, которая на глубине 1,3 м становится более отлогой. Ров отрыт в светло-сером материковом песке и заполнен желтой плотной глиной, очевидно, из насыпи вала (рис. 49).

Контуры сруба с тыльной, внутренней, стороны определяются по распространению светло-

Рис. 46. Восточная стенка траншеи № 5 у с. Заречье. Вид с наружной стороны.

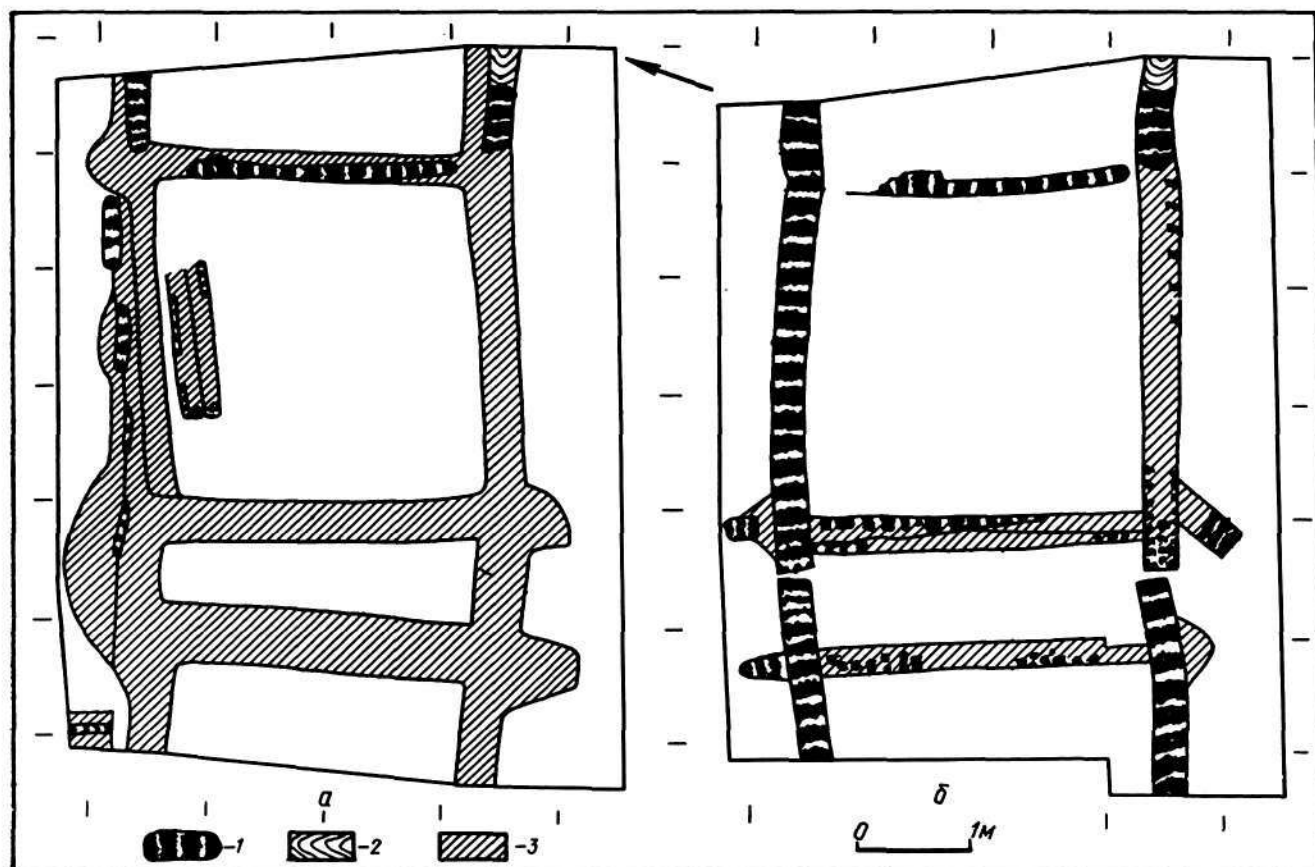

Рис. 47. Срубы в валу у с. Заречье.

α — средний горизонт; δ — нижний горизонт. 1 — обугленное дерево; 2 — гнилое дерево; 3 — докрасна пережженная глина.

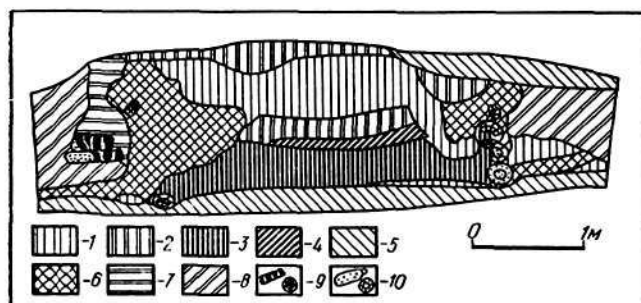

Рис. 48. Профиль восточной стенки раскопа на валу у с. Заречье:

Глина: 1 — светло-желтая, 2 — темно-желтая, 3 — рыхлая комковатая пережженная, 4 — пережженная дочерна; 5 — темно-серая суглинистая земля; 6 — пережженная докрасна глина; 7 — темно-желтый суглинок с вкраплениями красной глины; 8 — темно-желтый суглинок; 9 — обугленное дерево, торец бревна; 10 — истлевшее дерево, торец бревна.

желтого суглинка. Внутренний склон вала шириной у основания около 2,2 м состоит из горизонтальных слоев песка, частично сползших в ров. Внешний край сруба не прослеживается. Очевид-

но, его дно оконтуривается углубленной частью слоя серого песка на дневной поверхности шириной 3—3,1 м (кв. 5—7). Тогда на внешнюю часть вала приходится около 2,2 м.

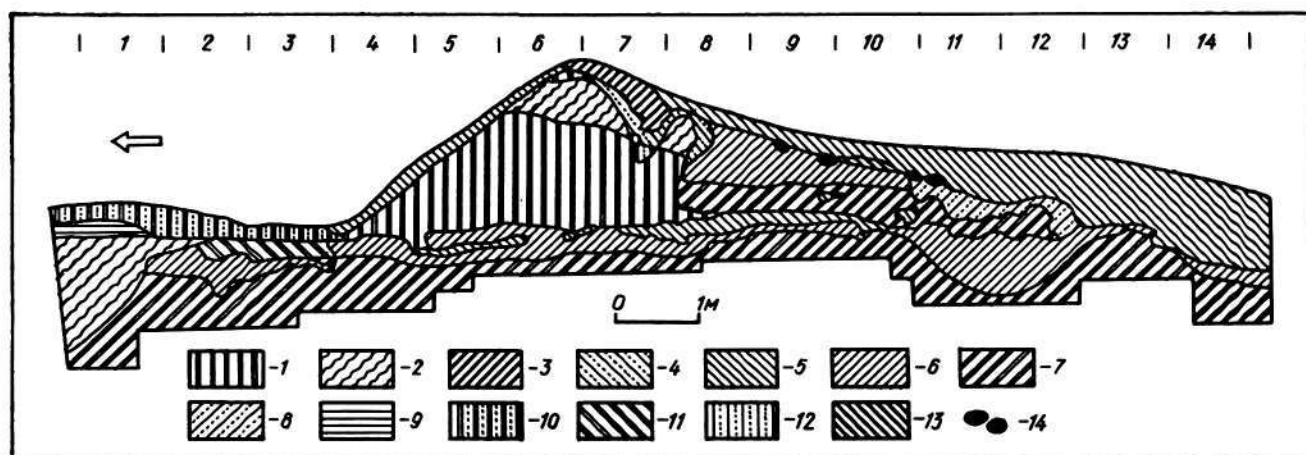

Рис. 49. Профиль западной стенки траншеи № 3 через вал по левому берегу Стугны у с. Заречье:

1 — светло-желтый суглинок; 2 — желтая глина; 3 — черная земля; 4 — серый песок с вкраплениями желтой глины; 5 — темно-серый, 6 — серый, 7 — светло-серый, 8 — серый с примесью светло-серого; 9 — темно-серый суглинок; 10 — темно-серый песок с суглинком; 11 — серый песок с желтым суглинком; 12 — серый песок с вкраплениями светло-желтого суглинка; 13 — темно-серый песок с примесью саж; 14 — саж.

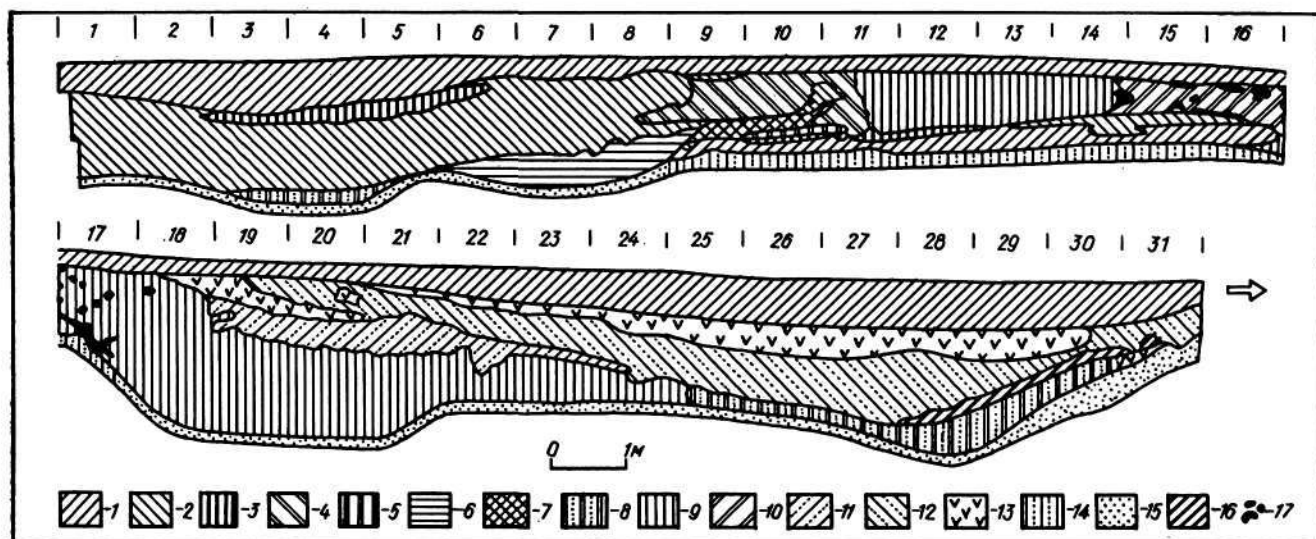

Рис. 50. Профиль восточной стенки траншеи № 2 через вал по левому берегу Стугны у с. Великая Бугаевка:

1 — песок серый, 2 — темно-серый; 3 — черная земля; 4 — светло-желтый суглинок с пятнами темно-серой земли; 5 — светло-желтый суглинок; 6 — желтый грунт из суглинка и песка; 7 — светло-желтый суглинок с темно-серой землей; 8 — светло-серый; 9 — желтый, 10 — светло-желтый с желтым суглинком, 11 — желтый с суглинком и пятнами саж, 12 — черный, 13 — черный с примесью саж, 14 — светло-желтый, 15 — белый; 16 — светло-серый слой с печинной, жорствой и глиной; 17 — песок с саж и углями.

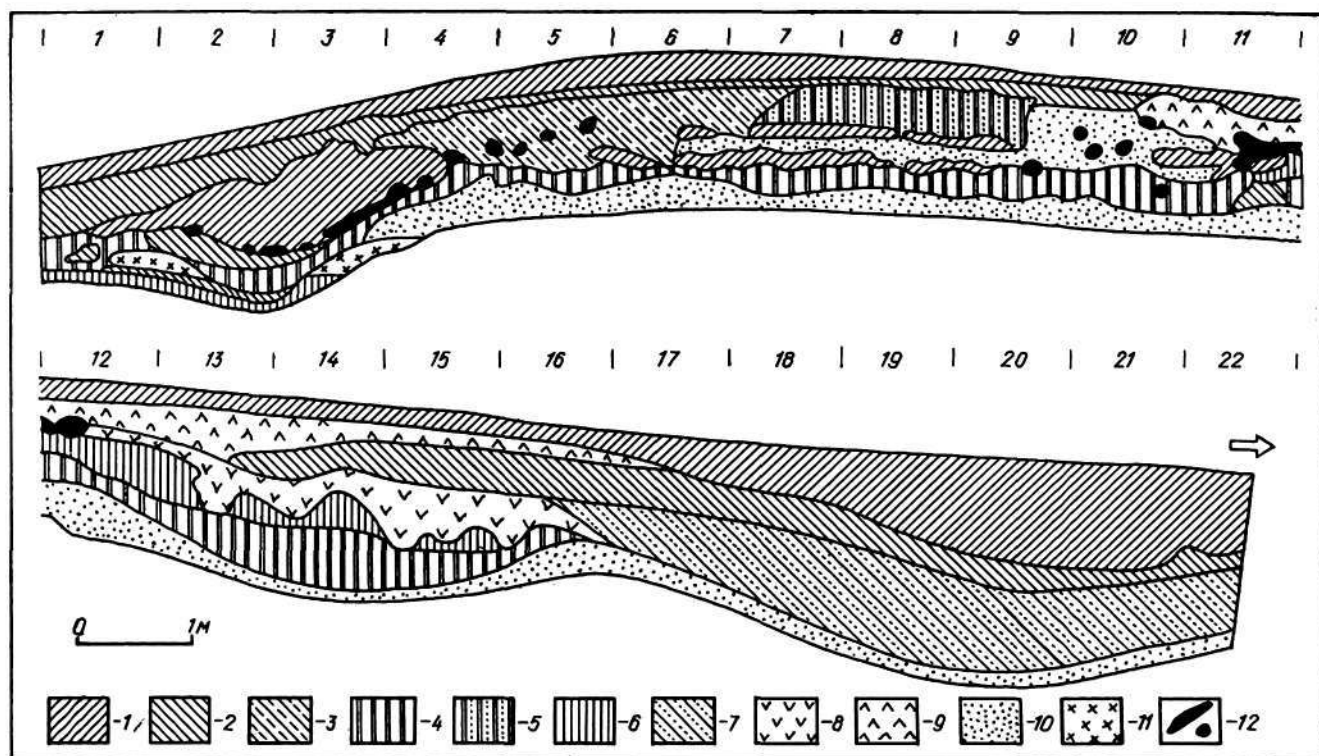

Рис. 51. Профиль восточной стенки траншеи № 1 через вал по левому берегу Стугны у с. Великая Бугаевка.

Песок: 1 — серый, 2 — темно-серый, 3 — светло-серый с желтым оттенком, 4 — светло-серый плотный, 5 — светло-серый, 6 — желтый, 7 — черный, 8 — черный с примесью саж, 9 — темно-серый с примесью саж, 10 — белый; 11 — желтая глина с жорсткой; 12 — песок с сажей и углями.

С помощью траншеи № 2 (в 175 м восточнее траншеи № 3) был перерезан распаиваемый вал и открыто по два рва вдоль его краев (рис. 50). Вал сохранился на высоту 1 м, ширину 7,2 м. Сруб по центру вала шириной 3—3,2 м был заполнен желтым песком (кв. 11—14), в наружную сторону от него на протяжении 2 м насыпь состоит из светло-желтого песка с примесью желтого суглинка, а во внутреннюю, на ширину 2,2 м, — из светло-желтого неоднородного суглинка.

Первый внешний ров шириной 5 м был углублен на 1,9 м ниже основания вала. Ширина плоского дна 2,7 м. Второй ров шириной 7—7,4 м с узким округлым дном был на 20 см глубже первого. Рвы разделяла низкая перемычка шириной

около 3 м. В заполнении рвов находились пятна с сажей и углями — результат постепенного разрушения верхней части насыпи вала и расползания обнажающихся остатков обугленных конструкций. Внутренние рвы были значительно меньше, с плоским дном, глубиной 0,6 м, шириной 3 и 4 м.

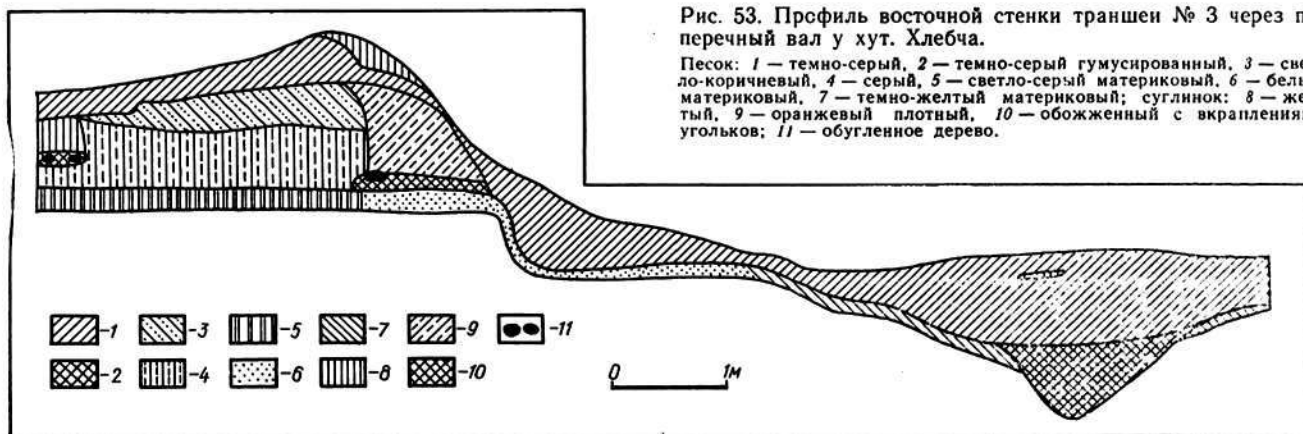
В траншее четко отделялся внутренний край вала от заполнения рва, что свидетельствует о наличии в свое время крепления, удерживавшего насыпь от сползания в ров. Слои насыпи вала в этой части (кв. 9, 10) залегают горизонтально (а не наклонно) и имеют одинаковую толщину. Край вала с внешней стороны съехал в ров и четкая граница между насыпью вала и заполнением рва с этой стороны не прослеживалась.

Рис. 52. Траншея № 1 через I вал в междуречье Стугны — Плиски у хут. Хлебча. Вид с внутренней стороны.

Траншеей № 1 в 85 м восточнее траншеи № 2, или в 50 м от восточного конца вала были разрезаны остатки песчаной насыпи, внутренний ров и два внешних рва (рис. 51). Насыпь вала

сохранилась на высоту 1 м. В ее центре находился сруб шириной в среднем 3 м. Ему соответствуют два горизонтальных слоя серого песка в засыпке (кв. 6—9). С внешней стороны границу

сруба определяет еще вертикальная линия, разграничивающая светло-серый песок заполнения сруба и белый песок откоса, шириной около 2 м (кв. 9—11). По наружному краю откоса находилось, очевидно, крепление. Его очертания прослеживались в стенке траншеи (кв. 11) по различию грунта при переходе ко рву. В насыпи внешнего склона вала находились пятна песка с сажой и угольками — следы, очевидно, пожара деревянных конструкций. С внешней стороны открыто два рядом расположенных рва, разделенных узкой перемычкой. Первый ров (со стороны вала) имел ширину 4 м, глубину 1,2—1,3 м ниже основания вала. Второй ров шириной свыше 6 м (раскрыт на 5,5 м) был опущен на 70 см ниже первого. В песчаном заполнении рвов залегали прослойки с примесью саж.

Очевидно, дополнительное крепление находилось по краю откоса шириной 2 м и с внутренней стороны вала (кв. 5, 6). Внутренний ров шириной около 2,5 м с узким округленным дном был углублен на 1,2 м ниже основания вала. Внешняя стенка рва очень низкая, очевидно, это перемычка ко второму рву, оставшемуся за пределами траншеи. В заполнении рва находился слой песка с сажой и углем, а на внутреннем краю рва лежал кусок обугленного круглого бревна. В целом ширина вала между рвами составляла 7 м.

В междуречье Стугны — Ирпеня срубы открыты в двух валах. Первый (восточный) вал, уходящий от р. Стугна к с. Плисецкое и являющийся продолжением предыдущей оборонительной линии, в 1974 г. был разрезан траншеей № 1 у хут. Хлебча в 50 м южнее поперечного вала (см. рис. 7) [98, с. 209, 211, рис. 8; 12]. В плотной суглинистой насыпи на обоих бортах траншеи обнаружались следы четырех продольных стен от трех срубов. Дерево полностью сгнило, но местоположение продольных стен фиксируется благодаря тому, что каждый сруб был засыпан различным по составу и цвету грунтом. Кроме того, в плотной насыпи вала на линии сгнивших стен законсервировались пустоты, заполненные рыхлым грунтом и получившие иную окраску (рис. 38; 52). Срубы наклонились в наружную сторону соответственно уклону местности. Средний сруб шириной (внутри) 3 м сохранился на

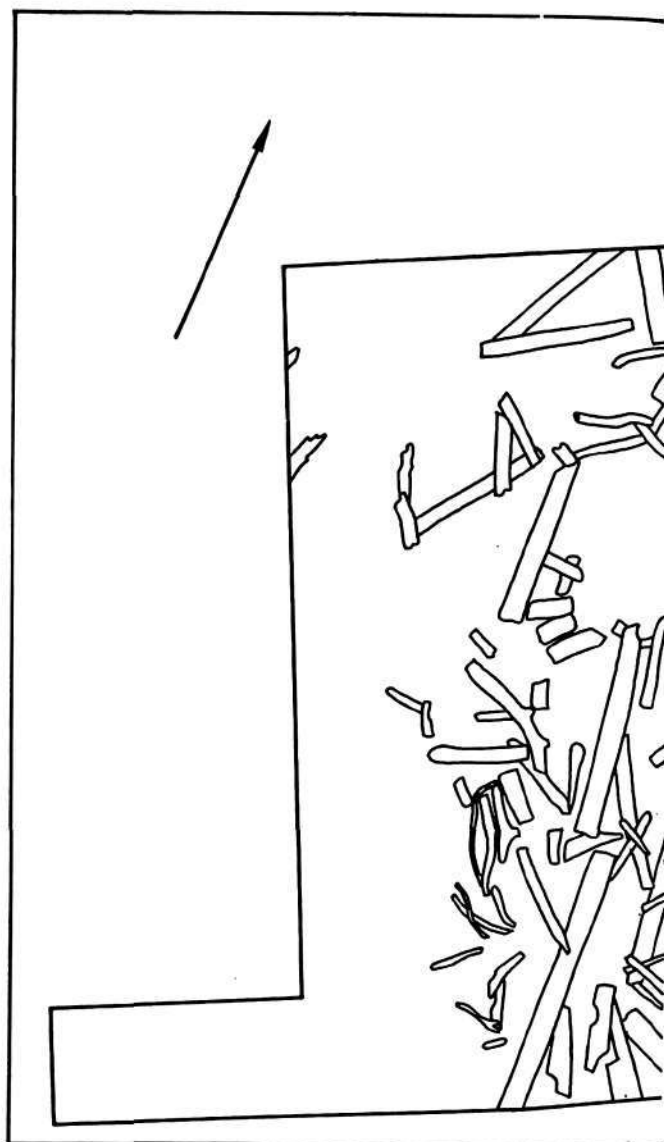
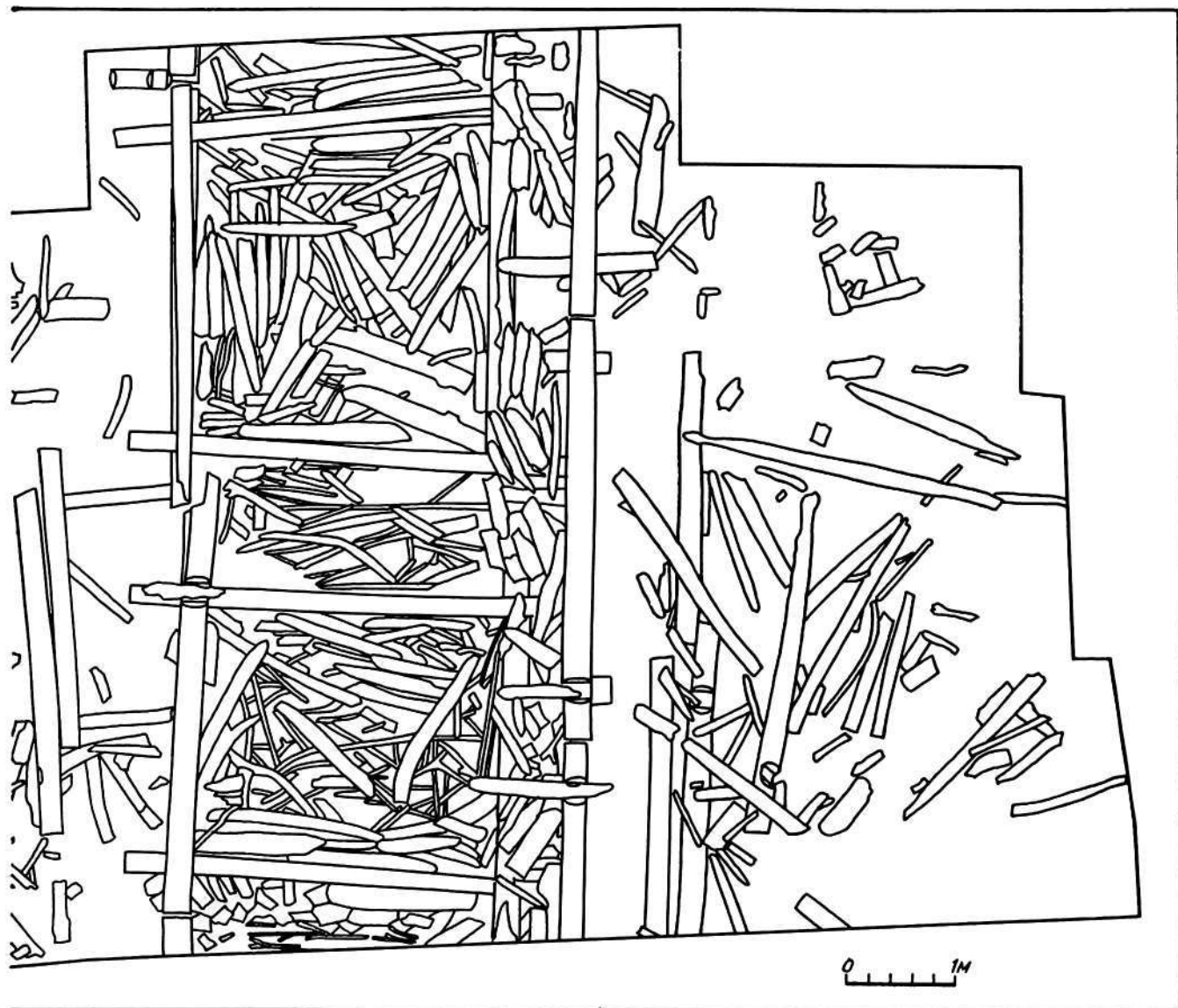

Рис. 54. План строительных остатков в I валу у с. Лупское.

высоту 2,4 м. Два дополнительных сруба имели ширину по 2—2,2 м, очертания их крайних стен сохранились по контурам заполнявшего грунта на высоту 1,2 м под внутренним склоном вала

и на высоту 0,6 м под внешним склоном (верхняя часть заполнения этого сруба сильно съехала в ров). По сторонам крайних срубов, судя по остаткам, находились узкие (1,2—1,4 м) земляные откосы.

Все три сруба занимали поперек вала 7,6 м, а вместе с боковыми присыпками-откосами ширина вала в основании составляла около 10 м.

С внешней стороны вала открыто два небольших рва, которые на современной поверхности не

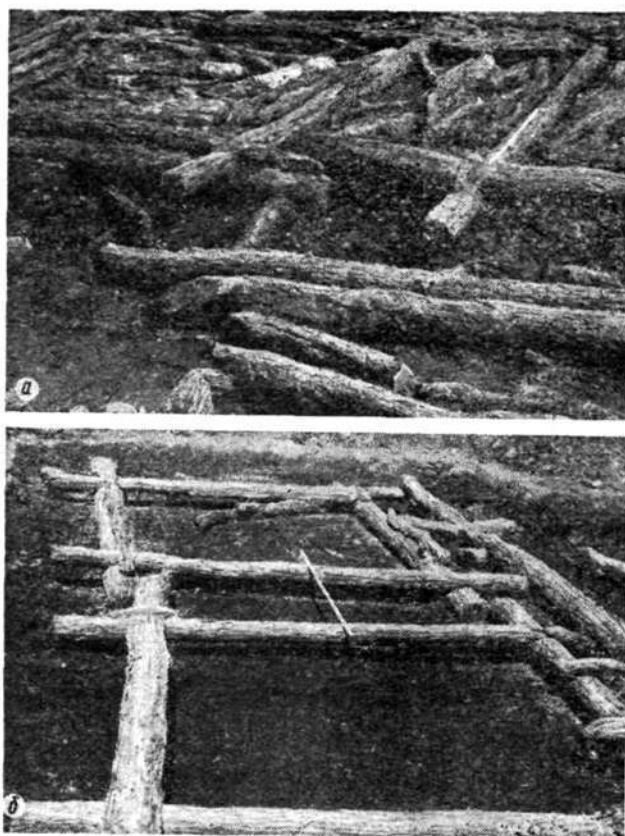

Рис. 55. Вал у с. Лупское:

а — строительные остатки. Вид с юго-запада; б — нижние венцы срубов. Вид с юга.

прослеживались. Первый ров асимметричный, с пологой ($22,5^\circ$) внутренней стенкой, острым округленным дном и крутым внешним краем. Ширина рва 4,6 м, глубина 1,1 м от уровня древней поверхности, или 1,5 м от уровня наружного края вала. Через 1,8—2 м находился второй ров, в профиле трапециевидный с плоским дном. Ширина рва сверху 3,4 м, внизу 0,8 м, глубина 1,1 м.

В 1974 г. был разрезан поперечный вал между I и II валами (в 25 м от места его соединения с I валом) на левом берегу Стугны у хут. Хлебча. В нем обнаружены остатки двух продольных стен сруба шириной 2,5 м (рис. 53). От стен со-

хранились сильно обугленные нижние дубовые бревна. С внутренней стороны лежали два бревна под углом друг к другу, очевидно, сдвинутых с места. Заполнение сруба — светло-коричневый и серый песок. С тыльной стороны сруб присыпан желтым суглинком (в эту сторону вал разрезан не полностью), а с передней — плотным оранжевым суглинком, который сохранился на уровне основания вала на ширину 1,1 м. Максимальная высота насыпи 1,35 м. Внешний склон вала переходил ниже в эскарпированный крутой уступ, вырезанный в материковом песке на глубину 0,7 м. От уступа начиналась горизонтальная берма шириной 2,1 м, которая полого переходила в ров с крутой нижней частью шириной 1,4 м и острым дном. Ширина рва в верхней пологой части около 5,5 м (разрезан на ширину 4,4 м), глубина ниже уровня бермы 1,35 м, а от основания вала — 2 м.

В восточной части этого вала (в 750 м от I вала) в случайном обнажении внутреннего склона были расчищены торцы трех поперечных обугленных бревен, лежавших друг на друге, которые происходят, очевидно, от поперечной стены срубной конструкции.

В междуречье Ирпеня — Тетерева срубная конструкция обнаружена в трех валах. В 1983 г. в I (восточном) валу у с. Лупское исследованы остатки срубов наилучшей сохранности. В пойме Ирпеня в 100 м от надпойменной террасы на участке сильно оплывшего и поврежденного хозяйственными работами песчаного вала был заложен раскоп размерами 8×13 м. (см. рис. 11). На глубине 15—25 см определились контуры срубов, вытянутых вдоль вала и заполненных внутри кусками бревен различной толщины; крупные и мелкие бревна также располагались по сторонам вала. После расчистки оказалось, что на раскопе находятся нижние венцы срубов, разделенных промежутками (рис. 54; 55а). Куски бревен внутри срубной конструкции лежали в беспорядке: наискось, вдоль и поперек линии вала и имели вид сплошной нерегулярной вымостки шириной 3,5—4 м. По сторонам срубов бревна концентрировались несколько реже и занимали полосу с неровными наружными краями шириной 3,5 м с запада и 4,5 м с востока. Ближе к конструкции, где передвигались строители, дерева было мало.

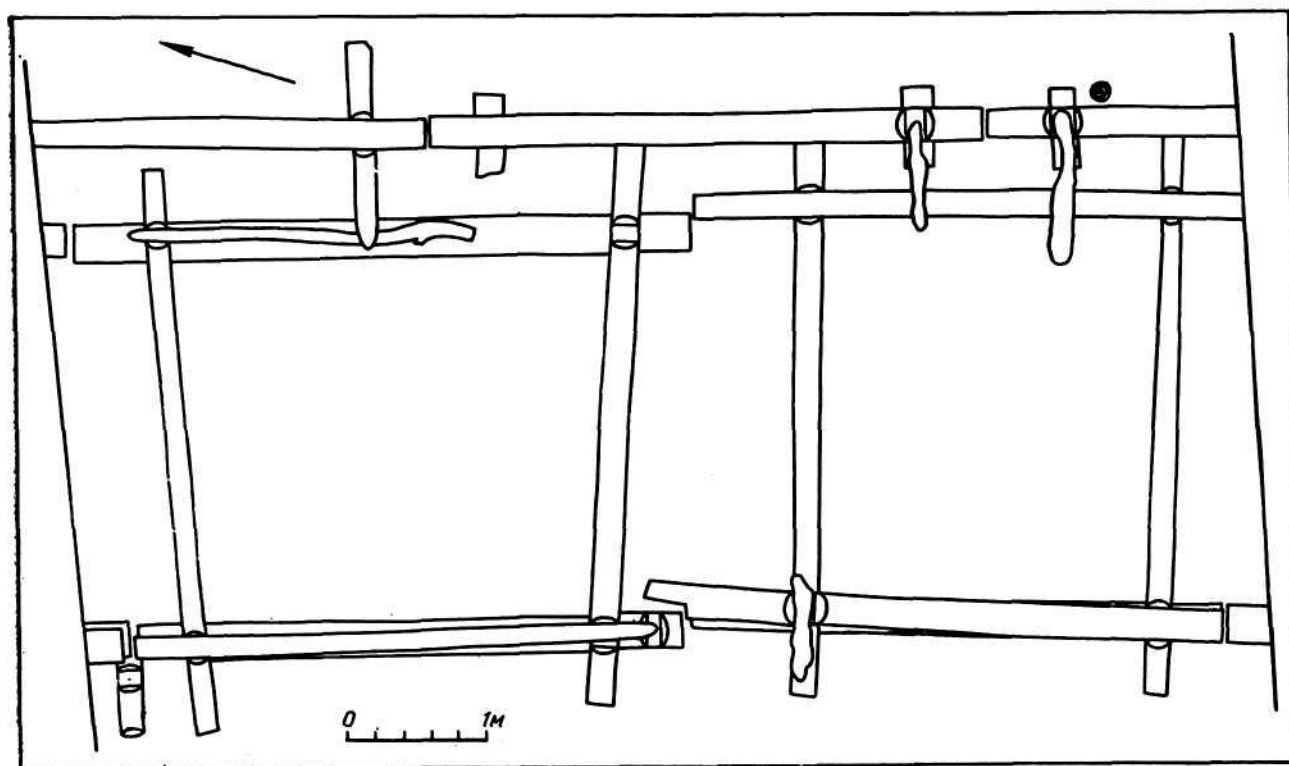

Рис. 56. План нижних венцов срубов в I валу с. Лупское.

Внутри срубов преобладали тонкие бревна из обрубленных вершин и веток, а более толстые — это строительные отходы, которые сбрасывались в срубы с целью избавиться от загромождения строительных площадок, где производилась обработка лесоматериалов. Конструкции частично изготавливались на месте, что подтверждается наличием по сторонам срубов не только толстых и длинных строевых бревен, но и их обрубков, а также непригодных для строительства тонких и кривых стволов, даже веток. Некоторые бревна имели чашки на концах, но почему-то не были использованы в строительстве; встречались обрубленные концы с уже готовыми чашками. Среди отбросов преобладали короткие бревна, явно отрубленные от нестандартных, более длинных, подвозившихся к месту строительства со стороны.

Почти все бревна — дубовые. Из других пород обнаружено несколько коротких, преимущественно толстых, кусков березы. Последние местами находились внутри срубов, и в единичных случаях — за их пределами. В конструкции срубов березовых бревен не было.

Бревна в сечении круглые, хорошей сохранности, сильно пропитанные влагой. Некоторые из них, находившиеся ближе к поверхности, насквозь прогнили. Кора полностью разложилась на всех дубовых бревнах, а поверхностные древесные волокна полустлели и при высыхании осыпались. На березовых бревнах кора сохранилась полностью, но легко отслаивалась от сырой пожелтевшей и хрупкой древесины.

В пределах раскопа дерево залегало в один-два, а тонкие бревна — местами до четырех ярусов, почти в горизонтальной плоскости.

Рис. 57. Вал у с. Лупское:

а — восточный край промежутка между срубами. Вид с юго-запада;
б — западный край промежутка между срубами у северной стенки раскопа. Вид с запада.

После очистки раскопа от дерева, непосредственно не связанного с устройством вала, четко определился план срубной конструкции (рис. 55, б; 56—58). Полностью раскрыты два сруба с разделяющим их промежутком и частично — два промежутка на противоположных сторонах. В плане срубы, как и промежутки, не строго прямоугольны, с неодинаковой длины продольными стенами. Оба сруба имели ширину (поперек вала) 2,6—2,7 м внутри и 3,10—3,15 м снаружи. Внутренние размеры срубов вдоль вала (по их середине): северного 2,85 м, южного 2,35, а промежутка — 1,15 м.

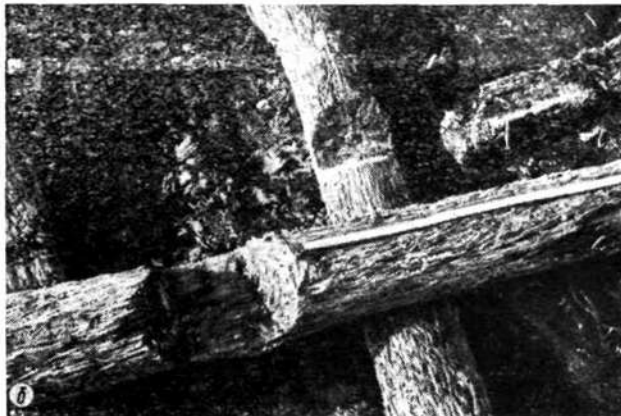

Рис. 58. Вал у с. Лупское:

а — западный край промежутка между срубами. Вид с юго-запада;
б — врубки-чашки в бревнах во время разборки конструкции.

При возведении конструкции продольные бревна укладывались на расстоянии 2,6—2,7 м друг от друга, чем достигалась одинаковая ширина всей линии срубов. Строгое соблюдение интервалов между поперечными бревнами, т. е. внутреннее членение срубной конструкции, не имело практического значения, и в размерах срубов, как и их промежутков, допускались отклонения.

В строительстве применялись бревна длиной 3,75—4,05 м, толщиной 18—23 см (без учета несохранившейся коры), при этом более толстые — для продольных (внешних) стен срубов, а более тонкие — для поперечных (внутренних). Несмот-

ря на значительную длину, бревна не имели сучьев.

С внутренней, восточной стороны срубов устраивалось дополнительное крепление в виде стены из продольных бревен, которые с помощью поперечных стяжек связывались с бревнами продольной стены срубов. Дополнительное крепление удерживало отдельно стоящие срубы от смещения, включая их в единую конструктивно взаимосвязанную фортификационную систему. С этой же целью прясла стены-крепиды перекрывали стыки между срубами. Таким образом, восточная продольная стена срубной конструкции в сохранившейся нижней части была двойной с промежутком 35—50 см.

Для устойчивости дополнительной стены каждое ее нижнее бревно на стыке с соседними укладывалось концами на обрубок, а выше над ним находилась поперечная стяжка между двумя продольными стенами. Перед северным срубом в качестве стяжки использована подкладка под продольным бревном крепиды: приподнятый конец подкладки был зажат в стене сруба, а зарубка на втором конце удерживала продольное бревно крепиды от смещения. У юго-восточного угла срубной конструкции продольное бревно крепиды дополнительно удерживал дубовый столб.

Во избежание кропотливого устройства стяжек и подкладок, можно было в дополнительной продольной стене закрепить концы поперечных стен срубов. Но такая неподвижная монолитная конструкция не отвечала бы условиям неодинакового давления заполнявшего ее грунта. Принятый строителями принцип крепления придавал некоторую автономность обеим частям конструкции при их усадке, возведенных к тому же на заболоченном грунте. Вероятно, крепиды были невысокой, и под своей тяжестью она осела в грунт значительно меньше, чем срубы.

На основной площади раскопа сохранились нижние бревна продольных и поперечных стен. Только в пониженной западной части в срубах находились по два продольных бревна и остатки второго, верхнего поперечного бревна в западном углу южного сруба. В этой части от срубной конструкции сохранились четыре венца, а в восточной — только два.

При возведении срубов вначале укладывались нижние бревна продольных стен, а нижние бревна поперечных стен образовывали второй венец, хотя встречались и исключения: например, в восточном углу южного сруба конец нижнего поперечного бревна пропущен под продольным бревном. Очевидно, подобные отступления допускались при нивелировочной подгонке бревен.

Срубы рубились «в обло с остатком» — концы бревен выступали по углам на 40—50 см, а в продольных стенах иногда на 70—75 см. Торцы на углах и стыках ровно обрубались топором. Бревна крепились в полукруглых чашках (рис. 58, б), обращенных кверху. При этом, вырубки имелись на всех поперечных бревнах, удерживавших продольные бревна, но среди последних на некоторых не было вырубок — для крепления внутренних поперечных стен такие случаи угрозы не представляли.

Обращает на себя внимание тщательность исполнения плотничьих работ, чистота вырубок, их симметричность, аккуратность в обработке торцов, что свидетельствует о высоком профессиональном уровне строителей.

В целом срубная конструкция вместе с крепидой имела ширину 3,8 м. Древняя поверхность под ней несколько углублена и перекрыта слоем щепы с землей толщиной 18—20 см, который на 2,5 м продолжается в стороны от срубов. Под щепой начинается черный с серым и коричневым оттенками очень влажный торфянистый грунт. Выше щепы залегает заполнение срубов — серый песок, который выходит на современную поверхность и по центру вала сохранился на толщину 50 см (рис. 59).

Во внешнюю, западную сторону раскоп был исследован по южному краю на ширину 6 м от срубов и на этой площади признаков рва не обнаружено. В заболоченной пойме отрыть ров было невозможно и он здесь отсутствовал. Для заполнения срубов привозили песок со стороны.

Этот же вал был разрезан траншеей № 1 в 115 м севернее, при выходе его из поймы на плато. В профиле траншеи (рис. 60) выделялось заполнение сруба (кв. 4—6) шириной 3 м из серого песка и выше из желтого суглинистого песка. На дне сруба залегает прослойка темно-серого гумусированного песка и под ней — прослойка серого

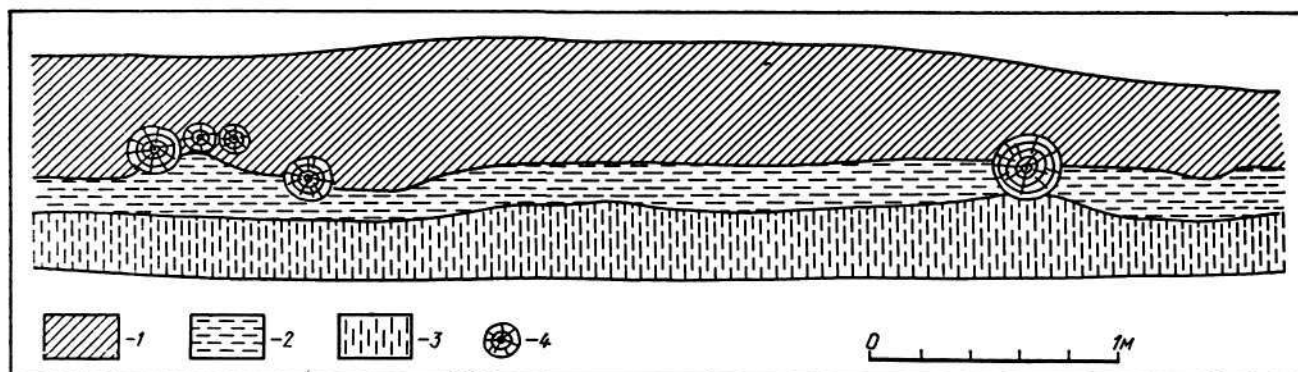

Рис. 59. Профиль отрезка южной стенки раскопа с остатками насыпи вала у с. Лупское:
1 — серый песок; 2 — щепы с землей; 3 — торфянистая земля; 4 — торец дубового бревна.

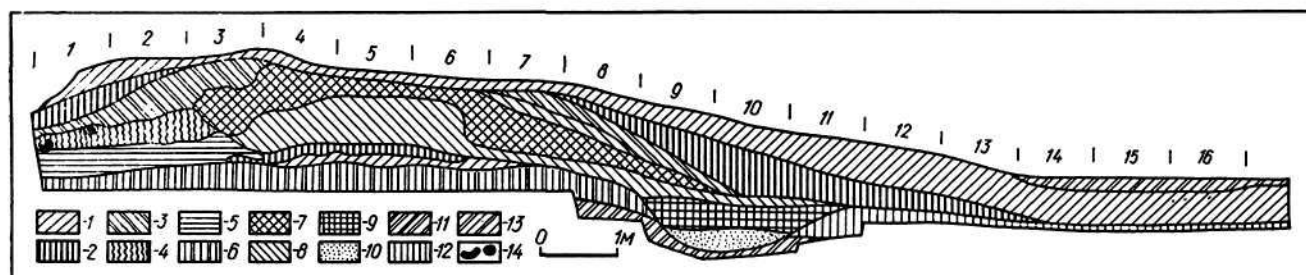

Рис. 60. Профиль южной стенки траншеи № 1 через I вал в междуречье Ирпеня — Тетерева у с. Лупское.
Песок: 1 — серый, 2 — темно-серый гумусированный, 3 — серый с желтоватым оттенком, 4 — желтый, перемешанный с серым, 5 — серый с коричневыми пятнами, 6 — серый с пятнами белого песка, 7 — желтый суглинистый, перемешанный с серым песком, 8 — серый с вкраплениями желтого песка; 9 — черная земля. Песок: 10 — белый с горизонтальными прослойками темно-серого песка, 11 — белый, 12 — белый с коричневыми пятнами и вкраплениями серого песка, 13 — серый с горизонтальными прослойками белого песка; 14 — торцы обугленных бревен.

песка, указывающие на уровень древней поверхности. Ширина внешнего склона из желтого суглинистого песка в основании составляла примерно 1,7 м. Ров с широким (1,5 м) полукруглым дном глубиной 1,2 м от основания вала выкопан в песке. Ширина рва сверху — около 3,5 м.

Основание вала под внутренним склоном прослеживалось нечетко, очевидно, с этой стороны поверхность была перепланирована еще в древности при строительстве укрепления. Под внутренним склоном вала находились обугленные остатки двух продольных дубовых бревен, возможно, от крепления откоса. Ширину склона определить трудно, но судя по характеру наслоений, он занимал около 2 м, а возможно, и больше. Следует учитывать местоположение

траншеи вблизи соединения двух валов, где их насыпи могли быть шире. В поперечнике на месте траншеи вал занимал примерно 7 м. Его насыпь сохранилась на высоту 1,2 м.

Траншея № 2 была заложена поперек соседнего вала, уходящего в сторону с. Черногородки, в 20—22 м восточнее от места его соединения с предыдущим валом (см. рис. 11). В разрезе обоих валов прослеживается сходство, что свидетельствует об одновременности их сооружения. В траншее № 2, в отличие от предыдущей, насыпь вала высотой 1,3 м содержит значительное количество гумусированного, более темного, грунта (рис. 61). Заполнению сруба соответствует земляная насыпь темно-серого цвета на кв. 5—7, возвышающаяся почти на 80 см над древней

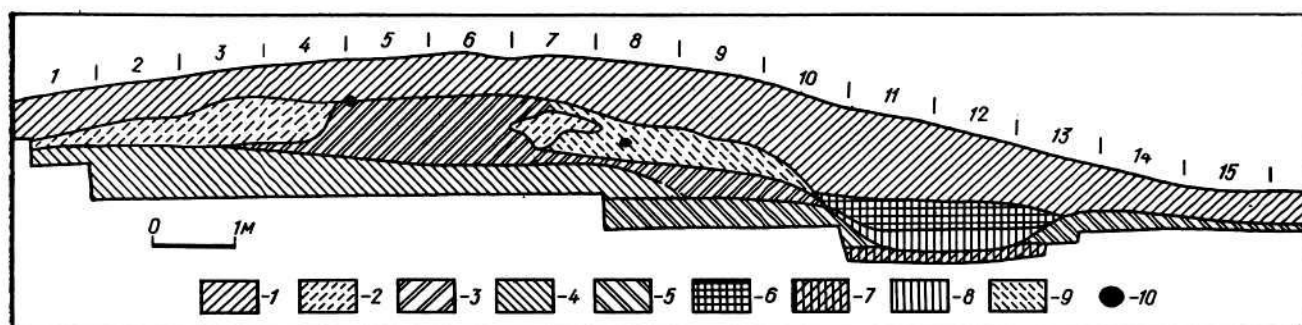

Рис. 61. Профиль восточной стенки траншеи № 2 через вал по левому берегу Ирпеня у с. Лупское:

1 — серый песок; 2 — серо-желтый суглинистый песок, насыщенный коричневыми конкрециями; 3 — темно-серая земля; 4 — серый песок с коричневыми конкрециями; 5 — серый с интенсивными вкраплениями пятен белого песка; 6 — черная земля; 7 — белый песок с вкраплениями серого; 8 — белый песок; 9 — темно-серая глинистая земля; 10 — торцы обугленных бревен.

поверхностью. В ее верхней части на внутреннем краю обнаружено сильно обугленное дубовое продольное бревно, возможно, от стены сруба. С внутренней стороны сруб был присыпан серо-желтым суглинистым песком, а с внешней — темно-серой глинистой землей. Ширина сруба равнялась примерно 2,6—3 м. Ширина склонов по его краям составляла не более как по 2 м, в целом ширина вала в основании не превышала 7 м. Ров на склоне к пойме был неглубоким (0,8—0,9 м), шириной в верхней части около 4 м.

Более широкие срубы находились в IV валу, вдоль которого прослеживается наклонная или горизонтальная берма.

В 1983 г. вал был разрезан в 2 км юго-восточнее с. Грузское Макаровского р-на Киевской обл. В валу находился сруб шириной 3,8 м, заполненный однородным светло-желтым суглинком, сохранившимся на максимальную высоту 1,2 м (рис. 62). На дне сруба залегала более темная прослойка серо-коричневого суглинка. Древнюю поверхность фиксирует прослойка темно-серой суглинистой земли, сохранившейся под срубом на ширину 4,8 м. Материком является желто-серый суглинок, переходящий глубже в темно-желтый суглинок.

С внешней стороны сруб был присыпан желтым суглинком, в нижней части которого на стыке с заполнением сруба сохранились обугленные бревна и пятна пережженного суглинка — следствие пожара продольной стены. Через 3 м от последней начинался край рва и по наслоениям

внешнего склона вала можно предположить, что земляной откос имел ширину 1,6—1,8 м, а 1,2 м приходилось на берму. С внутренней стороны сруба земляной откос был узким (60—70 см), остатки его представлены темно-желтым суглинком, в нижней части которого находились пережженные пятна. Дальше во внутреннюю сторону начиналось понижение в виде неглубокого (35—40 см) рва с округленным дном, раскрытое не полностью (на ширину 2,4 м).

Первоначально ширина вала в основании составляла 6,5 м. Ров с внешней стороны имел лейковидную форму с более крутыми книзу стенками и узким (0,9 м) дном, глубиной 2,4 м от основания вала. Ширина рва сверху около 8 м.

Противоположная (южная) стенка траншеи отличалась особенностями наслоений насыпи (рис. 63). На этой стенке края вала оплыли в стороны. Внешняя продольная стена сруба определяется по местоположению обугленных бревен и докрасна пережженного суглинка. Ширина наружного склона в основании могла составлять 1,6—1,8 м, а на наклонную берму приходится около —2 м. Прослойка темно-серой суглинистой земли, образовавшаяся на древней поверхности во время строительства вала и сохранившаяся благодаря тому, что она была перекрыта срубом, продолжается во внутреннюю сторону от внешней продольной стены на 3,6 м. Слои заполнения сруба, понижающиеся к краям (строители засыпали грунт на середину сруба и каждая новая подсыпка съезжала вниз к краям), также указы-

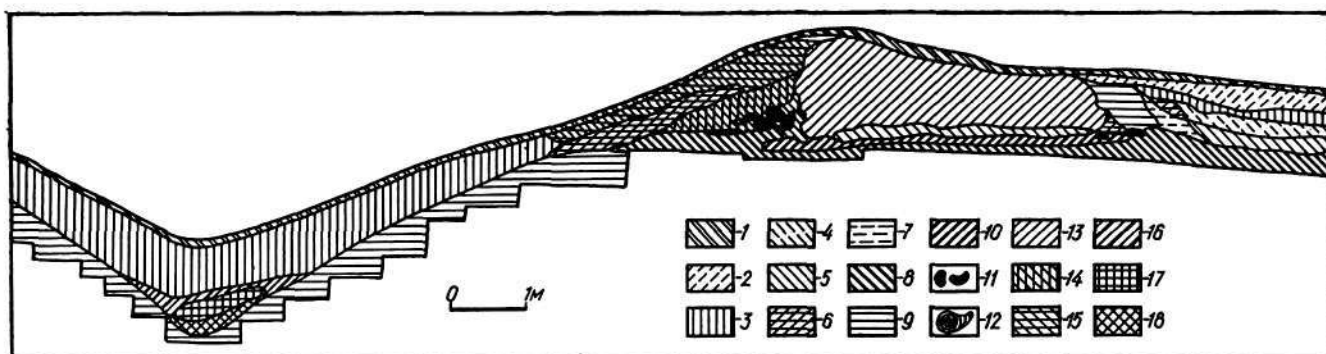

Рис. 62. Профиль северной стенки траншеи через IV вал в междуречье Ирпеня — Тетерева у с. Грузское:

1 — дерн; суглинок: 2 — серовато-бурый, 3 — серый, 4 — темно-серый, 5 — светло-коричневый, 6 — серо-желтый, 7 — желто-серый с коричневыми пятнами, 8 — желто-серый, 9 — темно-желтый; 10 — темно-серая суглинистая земля; 11 — оранжевый переженный суглинок; 12 — торцы обугленных бревен; суглинок: 13 — светло-желтый, 14 — желтый с белыми вкраплениями, 15 — желто-бурый, 16 — серый с белыми вкраплениями; 17 — черный суглинистый грунт; 18 — светло-серый суглинок с белыми вкраплениями.

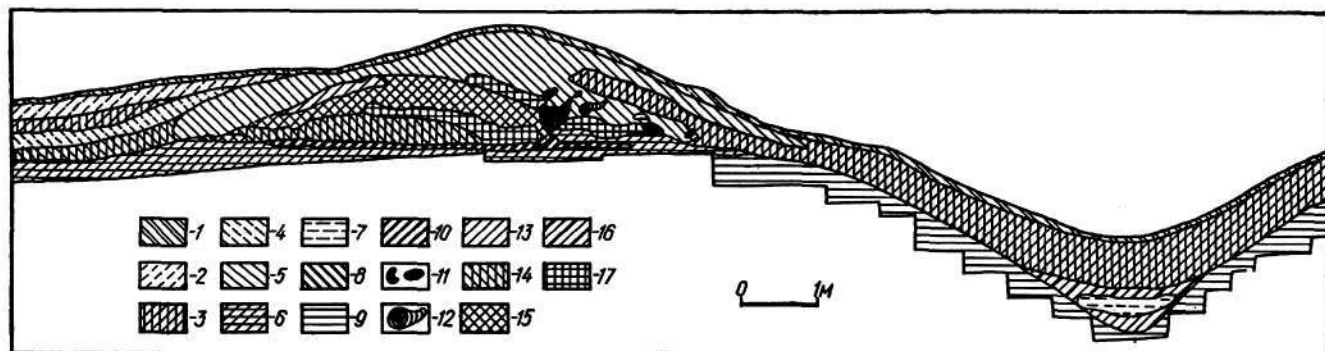

Рис. 63. Профиль южной стенки траншеи через IV вал у с. Грузское:

1 — дерн; суглинок: 2 — серовато-бурый с желтыми пятнами, 3 — серый, 4 — темно-серый, 5 — светло-желтый, 6 — желто-серый; 7 — черный суглинистый грунт; 8 — золистое пятно с угольками; 9 — темно-желтый суглинок; 10 — темно-серая суглинистая земля; 11 — желто-красный переженный суглинок; 12 — торцы обугленных бревен; суглинок: 13 — светло-серый с белыми вкраплениями, 14 — светло-коричневый, 15 — желтовато-бурый, 16 — серый с белыми вкраплениями, 17 — желтый.

вают на то, что в этом месте находилась внутренняя стена. Земляной откос перед срубом имел ширину не более 1 м, далее начиналось понижение в виде небольшого внутреннего рва.

Таким образом, конструктивные особенности вала совпадают на обеих стенках траншеи. Различие состоит в том, что сруб в северной стенке заполнен однородным грунтом, а в южной — несколькими суглинистыми наслоениями, различающимися цветовыми оттенками. Это говорит о том, что траншеей разрезаны два соседних сруба по линии их промежутка. В ходе раскопок встре-

чались куски обугленных бревен в поперечном направлении к линии вала, но они по небрежности были выброшены и остались незафиксированными.

IV вал был разрезан и в 2 км восточнее с. Боровка (в 23 км севернее предыдущего разреза). Под траншеей был выбран отрезок вала с горизонтальной бермой. В профиле насыпи дугообразные наслоения, понижающиеся к краям, аналогичны наслоениям на южной стенке траншеи у с. Грузское (рис. 64).

Следов дерева в траншее не обнаружено, оче-

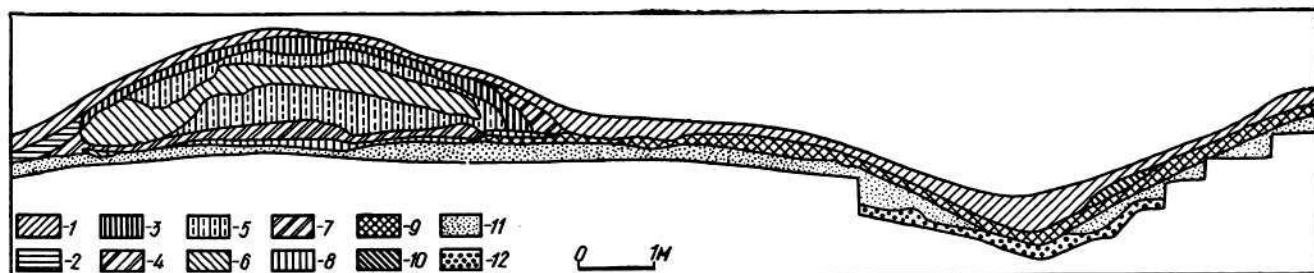

Рис. 64. Профиль южной стенки траншеи через IV вал у с. Боровка:

1 — черная земля; 2 — темно-серая земля; 3 — желтый песок с серым песком; 4 — серый песок; 5 — светло-желтый; 6 — желтая глина; 7 — светло-желтый песок с пятнами серой земли; 8 — темно-серый песок; 9 — белый песок с пятнами серой земли; 10 — черная земля с белым песком; 11 — белый песок; 12 — серо-зеленая глина.

видно, конструкция сгнила. Под центральной частью вала залегает прослойка темно-серого песка, оставшаяся на древней поверхности со времени строительства вала; по аналогам можно предположить, что на ней стоял сруб шириной около 4 м. Основание внешнего склона шириной около 1,2 м фиксирует аналогичная прослойка, несколько приподнятая по отношению к первой. Примерно такую же ширину имел в основании внутренний склон. Ширина вала равнялась 6,4—6,5 м.

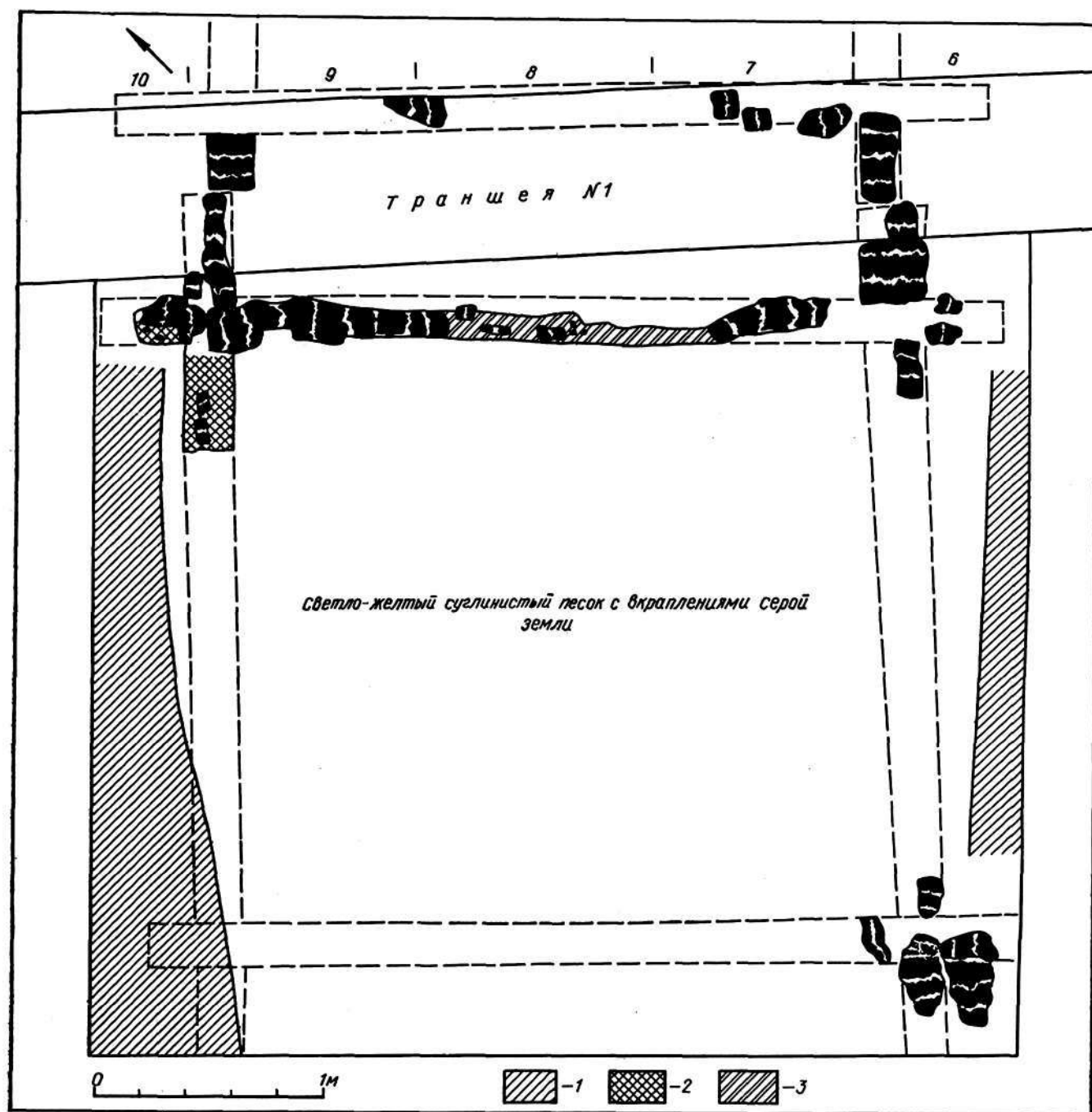
Насыпь вала сохранилась на высоту 1,4 м и состоит из прослоек желтого песка с прослойкой желтой глины на половине высоты. Таким же песком, который по мере приближения к поверхности со временем получил более темный оттенок, был присыпан внешний склон, а внутренний — толстым слоем глины и песком. Под валом находится белый материковый песок. Горизонтальная берма шириной 3,5 м переходила в ров с прямыми отлогими стенками шириной 6,2 м вверху и узким (30 см) дном, глубиной 1,5 м от основания вала и 2 м от уровня внешнего края рва (поверхность от вала повышается в наружную сторону). Ров выкопан в белом песке, и только его дно на 20 см заходит в глину, залегающую под песком.

В междуречье Роси — Гуйвы остатки частично обугленного сруба открыты в 1982 г. раскопками южного вала у с. Фурсы на Каменке, ответвляющегося от основного вала. Вначале вал был разрезан траншеей № 1, которая прошла по промежутку между двумя срубами; в ней оказались угловые торцы продольных стен и сильно пере-

ревшие остатки поперечной стены. Прирезкой к западу в суглинисто-песчаной насыпи вала были определены контуры одного сруба (рис. 65; 66). В тех местах, где в насыпи преобладал плотный суглинок, конструкция сгорела или обуглилась, а в песчаной насыпи истлела и от нее не сохранилось никаких следов. В обугленном состоянии была расчищена северо-восточная поперечная стена с северным и восточным углами и южный угол сруба. Местоположение несохранившейся северо-западной стены фиксировалось по заполнению сруба, отличному от насыпи за его пределами. Сруб был прямоугольным с внутренними размерами: 2,7 м по ширине вала и 2,5 м по его длине. Ширина промежутка между срубами около 0,9—1,0 м. На разрезе в траншее через 1,4 м от сруба начинался ров. Край вала с противоположной, внутренней стороны находился примерно в 1—1,5 м от сруба. Ширина вала составляла в среднем 5,5 м. Асимметричный в профиле ров с сильно отлогой внутренней стенкой и крутым узким дном был углублен на 1,7 м ниже основания вала. Ширина рва вверху — около 4,5 м.

Этот же вал в 1984 г. был разрезан в с. Ягнятин на р. Растивица. Траншея была заложена в сильно поврежденном, но доступном для раскопок месте — на северном конце сохранившегося отрезка.

Суглинисто-песчаное заполнение сруба не имеет четких очертаний со стороны рва (рис. 67). С этой стороны в наружной части сруба и на склоне перед ним находился одинаковый грунт, в котором остатки истлевшего дерева визуально не прослеживались. Очевидно, наружному скло-

ну вала соответствуют наклонная часть древней поверхности шириной 1,2 м. Оплывший внутренний склон вала из серого песка первоначально мог занимать в ширину также 1,2 м (до начала понижения древней поверхности под валом). Ширина сруба составляла примерно 3,4 м. Треугольный в профиле ров шириной 4,5 м был углублен на 2 м ниже основания вала.

Деревянная конструкция, исследованная в плане внутри трех валов — по левому берегу Стугны у с. Заречье, в I валу междуречья Ирпень — Тетерева у с. Лупское и в южном валу западнее Роси у с. Фурсы состояла из отдельных срубов размерами в среднем 3×3 м, расчлененных узкими промежутками по длине вала (рис. 68, 1). Ряд отдельно стоящих срубов образовывал основной элемент конструкции, которая могла иметь по краям дополнительное крепление в нижней части. Такой случай зафиксирован с одной стороны вала у с. Лупское; следы крепления земляных откосов обнаружены в валу по левому берегу Стугны, очевидно, оно находилось по краям сруба у с. Грузское, а в валу у хут. Хлебца на левом берегу Стугны склоны крепились дополнительными срубами.

Необычную срубную конструкцию имел Дорогинский вал в его северо-западной половине. В 1983 г. в траншее № 2 обнаружены следы сильной пережженности насыпи вала. Наличие между деревьями свободной площади позволило заложить раскоп к востоку от траншеи длиной 7 м, шириной в среднем 3 м. Раскоп находился в 2 км от северо-западного конца вала. Под тонким дерновым слоем на глубине 10—15 см от современной поверхности появились два пятна докрасна пережженного суглинка — восточное было раскрыто полностью, а западное уходило за пределы траншеи (рис. 69, а). Длина восточного пятна — 4,3 м, ширина — 1,5—2 м, форма его была слегка дугообразной, с полукруглым внутренним краем. Второе пятно в раскрытой части повторяло ту же форму. Пятна находились друг от друга в 1,2 м и соединялись узкой (0,5 м) перемычкой, состоявшей из интенсивных вкрапле-

ний пережженного грунта. Прирезкой по другую сторону траншеи было полностью раскрыто западное пятно, в результате чего длина раскопа увеличилась до 10 м. После зачистки пятен — снятия в среднем на 5 см их поверхности, восточное пятно приобрело дугообразно-прямоугольные очертания, с выступающими во внешнюю сторону краями, а западное сохраняло дугообразную форму (рис. 69, б). Длина восточного пятна осталась почти прежней (4,4 м) при ширине полосы пережженного суглинка в среднем 1 м. Западное пятно было длиной 3,6 м, шириной посередине — 1,8 м с сужающимися выступами в сторону рва. По западному краю восточного пятна обнаружались дубовые угольки и небольшой кусок дубового бревна. Стало ясно, что в валу находятся сгоревшие сооружения с оплывшими краями, проследить которые вглубь возможно только с помощью последовательных зачисток и фиксации их в плане. При третьей зачистке к западу от раскопа между сосен была прокопана траншея длиной 3,5 м, шириной 60 см, которая подтвердила чередование в валу пятен пережженного суглинка от сгоревших сооружений (рис. 69, в). В промежутке между западным и вновь открытым пятнами сохранились отдельные куски двух обугленных бревен от поперечных стен смежных сооружений, отстоявших на 1,2 м друг от друга. На уровне третьей зачистки (в среднем на глубине 25 см от современной поверхности) контуры восточного и особенно западного пятен приобрели более симметричные очертания с тупыми углами, выступающими в промежутки. Во многих местах по краям пятен появился желтый обожженный суглинок.

На уровне четвертой зачистки (30—35 см от современной поверхности) контуры сооружений сохраняли подковообразную форму (рис. 69, г), но ширина полосы пережженного суглинка красного цвета сузилась за счет пережженного суглинка желтого цвета. Длина пятен составляла: восточного 4,4 м, западного 3,8 м. Контуры пятен со стороны рва не прослеживались. Боковые поперечные выступы с этой стороны находились не на одной линии и имели неодинаковую длину.

При пятой зачистке, в 5—10 см ниже, внешние контуры восточного сооружения получили в плане форму восьмиугольника, вписанного с

Рис. 65. План остатков сруба в южном валу у с. Фурсы на прирезке к траншее № 1:

1 — серый суглинистый песок; 2 — сажка в сером песке; 3 — пережженный суглинистый грунт с примесью сажки.

Рис. 66. Вал у с. Фурсы. Остатки срубной конструкции:
а — северный угол с северо-востока; б — восточный угол с юго-востока.

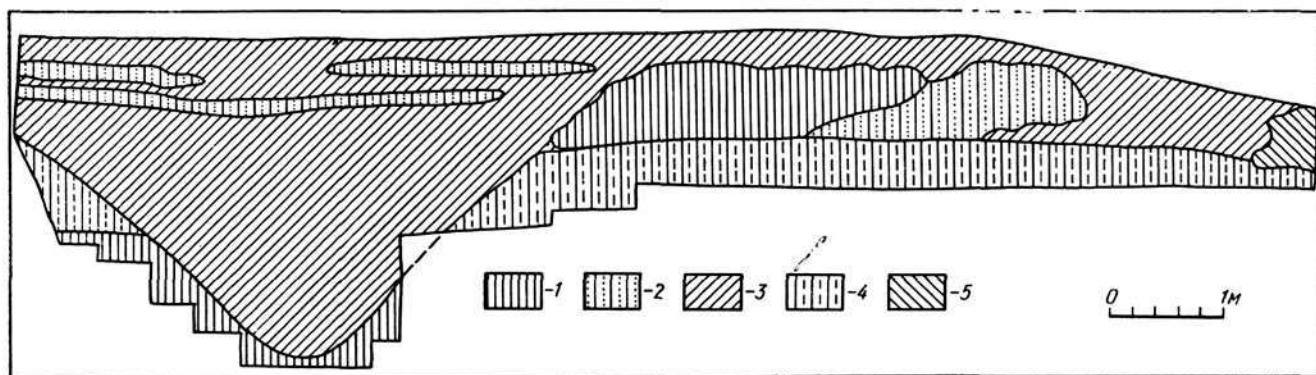

Рис. 67. Профиль северной стенки траншеи через вал у с. Ягнятин:

1 — светло-желтый суглинок; 2 — интенсивные включения светло-желтого суглинка в серой земле; 3 — серая земля с включениями светло-желтого суглинка; 4 — светло-желтый суглинок с темно-серым суглинистым грунтом; 5 — темно-серая земля (заполнение поздней).

внутренней стороны в прямоугольник (рис. 69, д). Восьмиугольные очертания с прямолинейными сторонами, соответствующими форме сооружения во время пожара, имел компактный докрасна пережженный суглинок с примесью глины. На мес-

те восточной поперечной стены сооружения по ее внешнему краю находились желтый пережженный суглинок и включения кусочков пережженного суглинка в темно-серой земле, а в самом пятне — удлиненные монолитные полосы докрас-

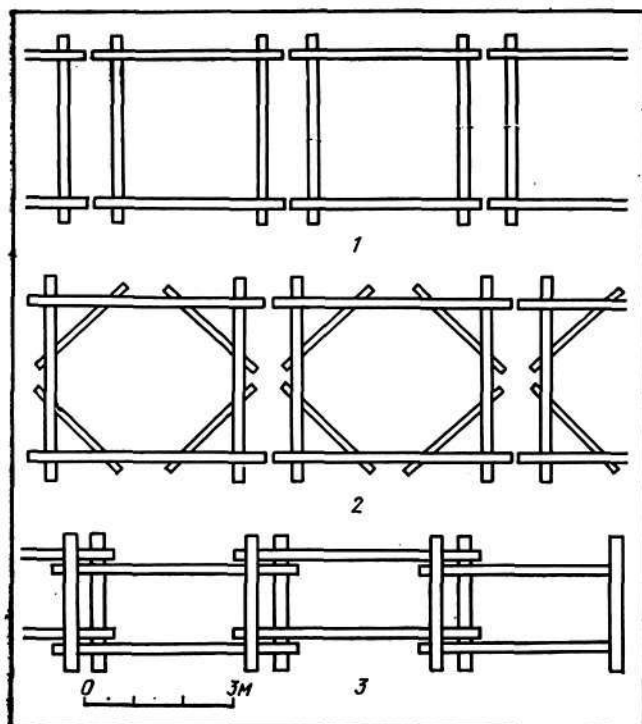

Рис. 68. Реконструкция плана срубной конструкции в Змиевых валах:

1 — вал по левому берегу Стугны (раскоп у с. Заречье); 2 — Дорогинский вал; 3 — вал по левому берегу Роси (раскоп у пгт Стеблев).

на пережженного суглинистого грунта с прямой, нередко дочерна пережженной внешней стороной, примыкавшей к бревнам во время пожара. Прямые углы сооружения с внутренней стороны вала четко обозначились по вкраплениям пережженного суглинка в темно-серой земле. С внутренней стороны перед сооружением находилась темно-серая земля с единичными вкраплениями пережженного суглинка, справа и слева (в промежутках между сооружениями) — черная земля с сажой и отдельными кусочками сильно обугленных поперечных дубовых бревен. Внутри сооружение было заполнено серым с желтоватым оттенком суглинистым песком с отдельными вкраплениями мелких кусочков пережженного суглинка и пятнами желтой глины. Снаружи насыпь вала состояла из того же грунта, что и на

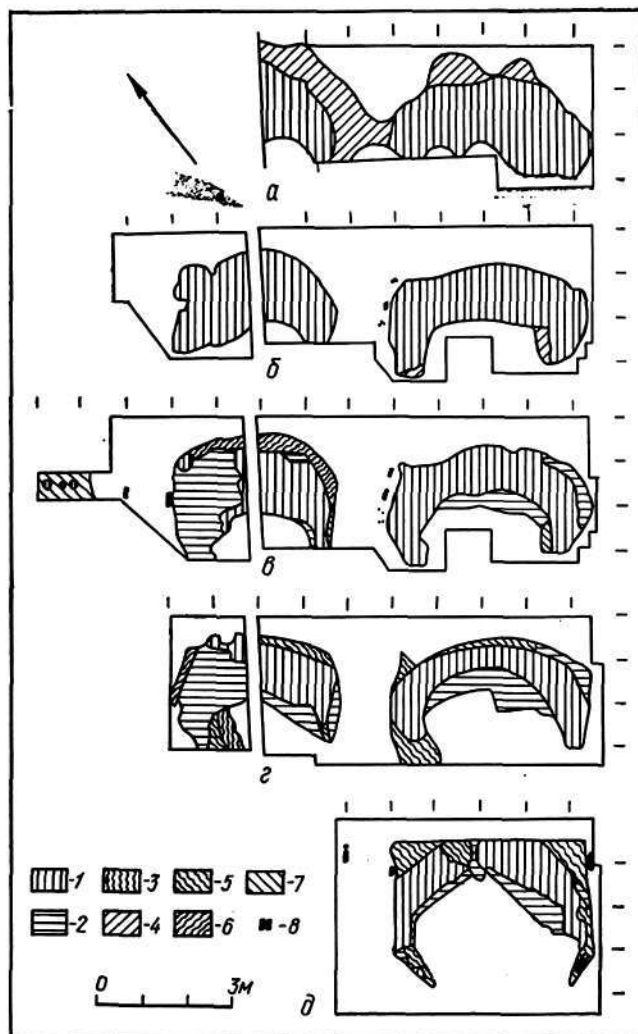

Рис. 69. Контуры пережженного суглинка на месте сгоревших срубов в Дорогинском валу.

Зачистка: а — первая, б — вторая, в — третья, г — четвертая, д — пятая. Суглинок: 1 — пережженный докрасна, 2 — пережженный желтого цвета, 3 — пережженный желтый и красный, 4 — интенсивные вкрапления пережженного, 5 — вкрапления красного и желтого пережженного, 6 — вкрапления красного пережженного, 7 — вкрапления желтого пережженного; 8 — обугленное дерево.

внутреннем склоне — темно-серой земли с отдельными вкраплениями кусочков пережженного суглинка, но граница между этим грунтом и заполнением внутри сооружения не имела четких

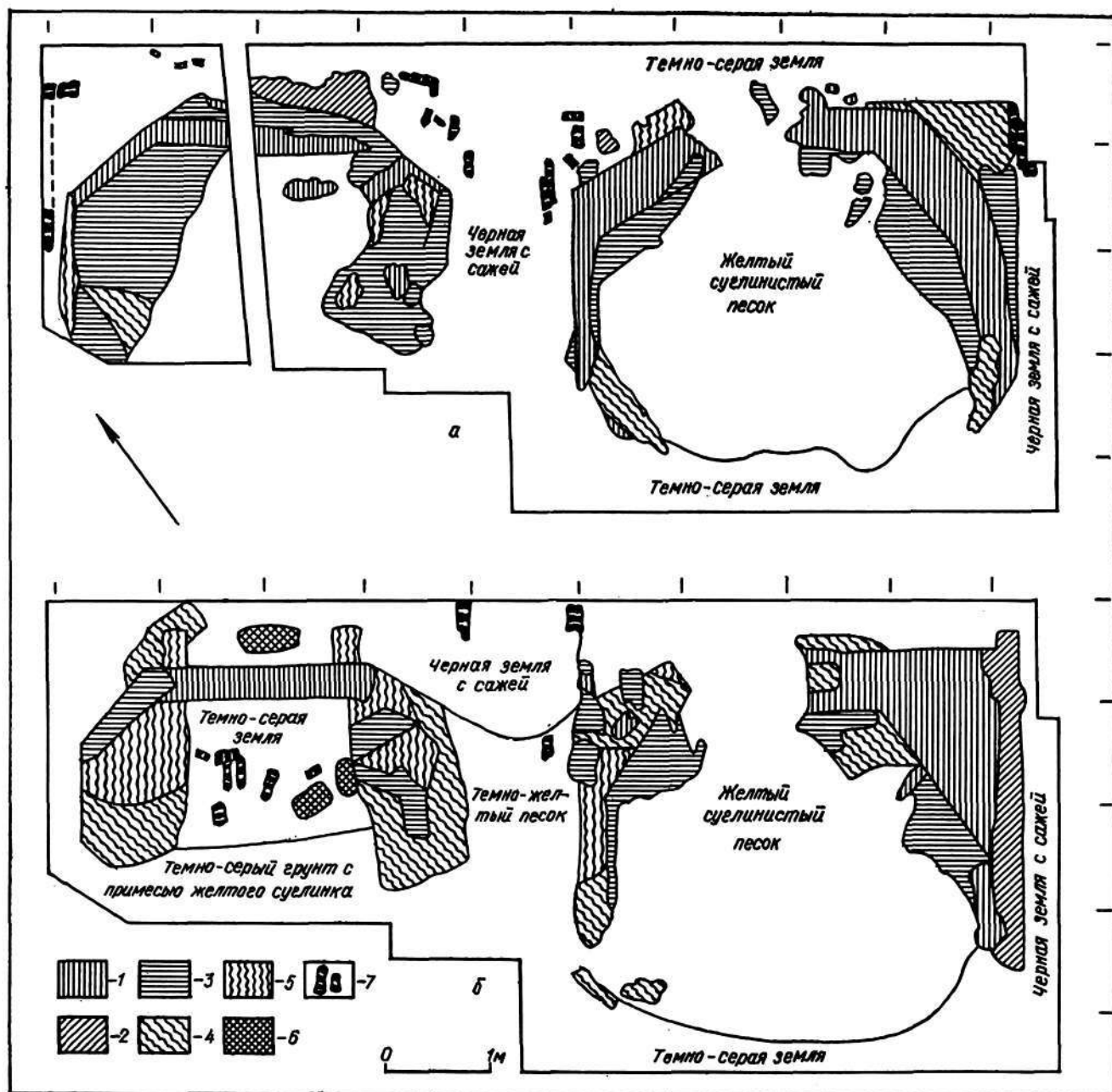

Рис. 70. Пережженный суглинок на месте сгоревших срубов в Дорогинском валу.

Зачистка: а — шестая, б — седьмая. Суглинок: 1 — пережженный докрасна, 2 — интенсивные включения пережженного, 3 — желтый пережженный, 4 — включения желтого и красного пережженного, 5 — желтый и красный пережженный. 6 — скопления саж; 7 — обугленное дерево.

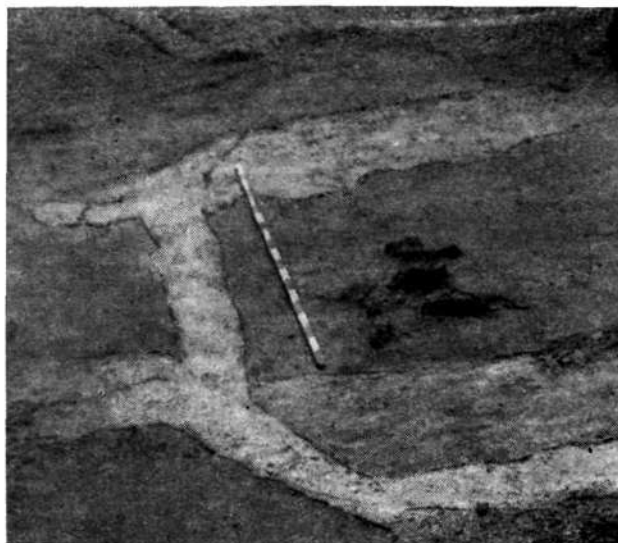

Рис. 71. Контуры пережженного суглинка на месте сгоревшего западного сруба в Дорогинском валу в процессе седьмой зачистки. Вид с северо-запада.

контуров. Выступавшие в наружную сторону контуры двух скошенных простенков без следов сильной пережженности суживались к концам. Длина сооружения на уровне пятой зачистки осталась той же (4—4,3 м), при ширине 3,2 м. Остатки поперечных обугленных бревен и прямоугольность очертаний сооружения с внутренней стороны стали убедительным свидетельством наличия в валу сгоревших срубов.

На уровне шестой зачистки (40—50 см от современной поверхности) оконтурилась та же восьмиугольность сооружений, вписанных в прямоугольник (рис. 70, а). По структуре грунта выделялся только левый угол в тыльной части восточного сооружения. Но появились новые куски обугленных продольных и поперечных бревен. Более четко обозначилась линия между заполнением восточного сооружения и наружной от него насыпью. Эта линия свидетельствует о сползании по склону насыпи вала вместе с остатками сооружения.

После седьмой зачистки (на глубине 50—55 см) четко обозначился прямой левый угол восточного сооружения, а внутри западного соору-

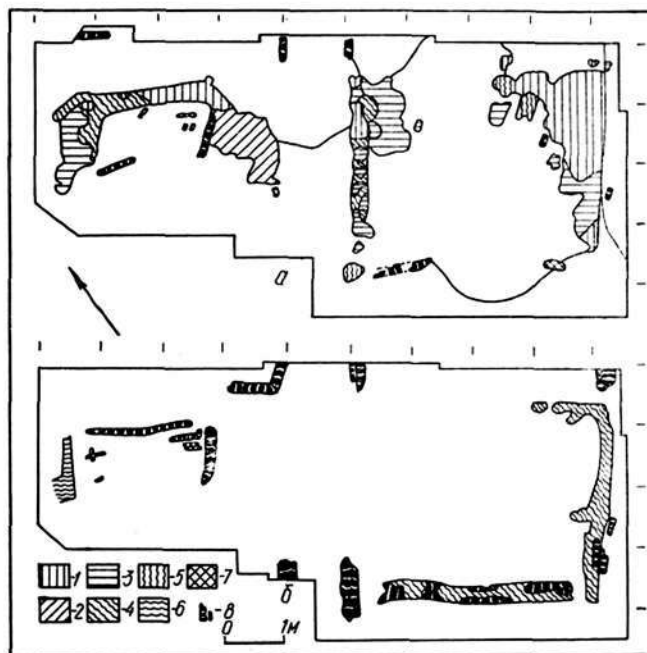

Рис. 72. План пережженного суглинка на месте сгоревших срубов в Дорогинском валу.

Зачистка: а — восьмая, б — девятая и десятая. Суглинок: 1 — пережженный докрасна, 2 — интенсивные вкрапления пережженного, 3 — желтый пережженный, 4 — вкрапления красного и желтого пережженного, 5 — желтый и красный пережженный, 6 — серо-коричневый на фоне перемешанного грунта из серой земли, саж и желтого суглинистого песка; 7 — саж; 8 — обугленное дерево.

жения со скошенными углами прослеживались куски обугленных бревен и контуры двух выступов с внутренней стороны (рис. 70, б; 71).

На уровне восьмой зачистки (60 см) восточное сооружение получило прямоугольные очертания и были обнаружены новые куски бревен от его поперечных и продольных стен, в том числе кусок бревна со стороны рва (рис. 72, а). Остатки западного сооружения сохраняли многоугольную форму, но судя по кускам обугленных бревен за его пределами, это сооружение также находилось внутри прямоугольного сруба.

На уровне девятой зачистки (70 см) очертания пережженного грунта соответствовали выгоревшим бревнам в восточной части восточного сооружения и почти на всем протяжении последнего сохранились остатки бревна от внешней

продольной стены сруба. В основании западного сооружения залегали куски дубовых бревен, очевидно, оставленные строителями как отбросы (рис. 72, б).

После снятия остатков дерева и пережженного грунта на месте западного сооружения появился материковый суглинистый грунт коричневого цвета — строительные остатки исчезли, а по контурам восточного сооружения на глубине 80—85 см местами были расчищены куски нижних обугленных бревен от продольных и поперечных стен сруба и примыкающего к нему с запада промежутка. Остатки дерева лежали под насыпью вала на светло-желтом материковом песке. По этим остаткам длина восточного сруба (внутри) составляла 3,8 м.

Наружний край западного сооружения остался неисследованным — в этой части на валу растут большие сосны с толстыми корнями. Размеры открытых срубов: вдоль вала по 3,6—3,8 м с промежутками 1—1,2 м, ширина 3 м. Концы бревен от поперечных стен уходили в борт раскопа под внутренний склон вала на 20—30 см, т. е. они выступали за линию сооружений примерно на 60—70 см. Срубы были заполнены вдоль стен желтым суглинком с примесью глины, в средней части — менее плотным суглинистым песком с серыми пятнами, а в промежутках — темно-серой землей с примесью черной земли и саж. Промежуток на восточном краю раскопа с самой поверхности состоял из черной земли, насыщенной сажой и угольками в нижней части.

Необычность данной конструкции состоит в многогранности очертаний ее остатков и различии заполнения срубов и промежутков. Срубы заполнялись материковым грунтом из рва, а промежутки — землей из поверхностного слоя, в том числе, очевидно, из внутреннего рва-углубления.

При зачистках раскопа по наружному краю скошенных угловых граней пережженного суглинка неоднократно извлекались многочисленные более плотные куски пережженного грунта с отпечатками дерева, преимущественно расколотого. Конфигурация пережженных пятен свидетельствует, что в четырехугольном срубе отсекали простенками прямые углы и сооружение внутри имело в плане восьмиугольную форму (рис. 68, 2). Простенки из расколотых бревен по углам

обычного сруба, очевидно, выполняли роль стяжек, предназначавшихся для крепления конструкции. Находившийся внутри сооружений светлый материковый грунт с примесью глины во время пожара подвергся обжигу, а темно-серое песчаное заполнение промежутков под действием температуры не изменило своей структуры и цвета.

Еще одна особенность характерна для данного вала: во многих местах на всем протяжении к северо-западу от с. Дорогинка его поверхность неровная, небольшие оплывшие возвышения чередуются с поперечными западинами. Как показали разведывательные раскопки, возвышения содержат пережженный суглинок на месте сгоревших срубов, а западины соответствуют промежуткам между срубами. Непрочный песчаный грунт в промежутках оплыл сильнее, чем плотный пережженный суглинок, панцирем покрывший нижележащие слои менее обожженной насыпи.

Как уже отмечалось, в северо-западной половине Дорогинского вала визуально проследимо чередование участков с бермой и без нее. Дважды вал разрезан в местах, где на поверхности явные признаки бермы отсутствуют. Один из таких разрезов получен траншеей № 2 на раскопе * (рис. 73). От внешнего склона вала шириной в основании 1,1—1,3 м начиналась пологая берма, которая через 3 м переходила в ров с полукруглым дном, углубленным на 1,8 м ниже основания вала. Ширина рва сверху 6 м, в более крутой нижней части — около 4,5 м. Под оплывшим внутренним склоном, первоначальная ширина которого составляла примерно 1,2 м, открыт небольшой ров с пологими стенками и округлым дном, шириной 2 м, глубиной всего 30 см. Ширина вала в основании — примерно 6 м.

Траншея № 1 была прокопана в 735 м от северо-западного конца вала. Сруб шириной примерно 3,5 м был заполнен белым и желтым песком, сохранившимся на высоту 1,4 м с остатками сильно обугленных бревен по краям (рис. 74). Внешний склон внизу состоял из докрасна пе-

* В пределах раскопа при зачистках центральной части вала на западной стенке траншеи оставалась временная бровка, последовательная фиксация которой по мере углубления позволила получить полный разрез вала.

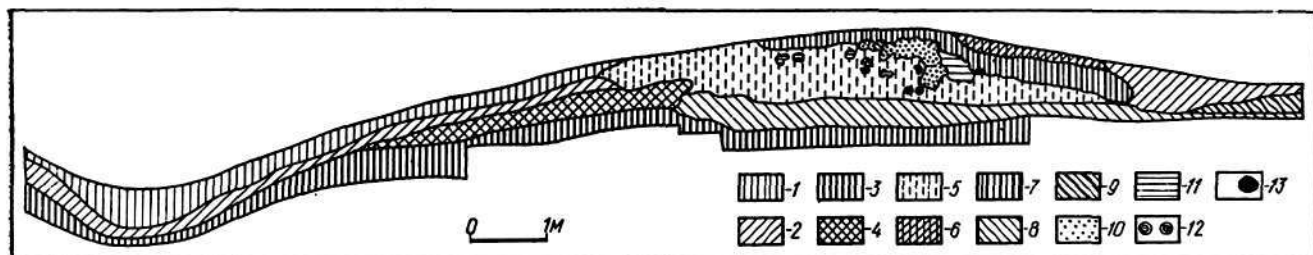

Рис. 73. Профиль западной стенки траншеи № 2 через Дорогинский вал:

1 — черная земля; 2 — темно-серая земля; 3 — желтый суглинок; 4 — серая пережженная земля; 5 — темно-серая земля с желтым суглинком, пятнами кротовин и саж; 6 — частые вкрапления пережженного красного суглинка; 7 — вкрапления пережженного красного суглинка в темно-серой земле; 8 — коричневый суглинок с пятнами белого песка; 9 — темно-серый песок с желтым оттенком; 10 — докрасна пережженный суглинок; 11 — желтый пережженный суглинок; 12 — торцы обугленных бревен; 13 — уголь.

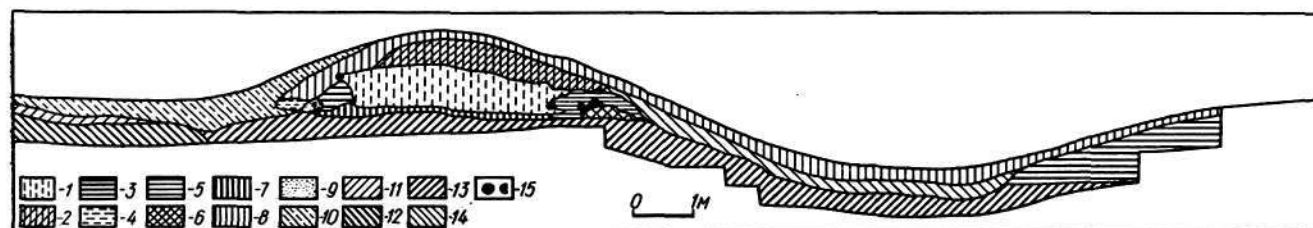

Рис. 74. Профиль восточной стенки траншеи № 1 через Дорогинский вал.

Песок: 1 — белый, 2 — желтый, 3 — светло-желтый, 4 — светло-серый, 5 — желтый с пережженным суглинком и угольками; 6 — докрасна пережженный суглинок с угольками; 7 — темно-серый гумусированный песок; 8 — темно-серый песок; 9 — серый песок с сажой и угольками. Суглинистый песок: 10 — темно-серый, 11 — темно-желтый, 12 — темно-коричневый; 13 — светло-серый песок с коричневыми прожилками; 14 — темно-желтый песок, 15 — торцы обугленных бревен.

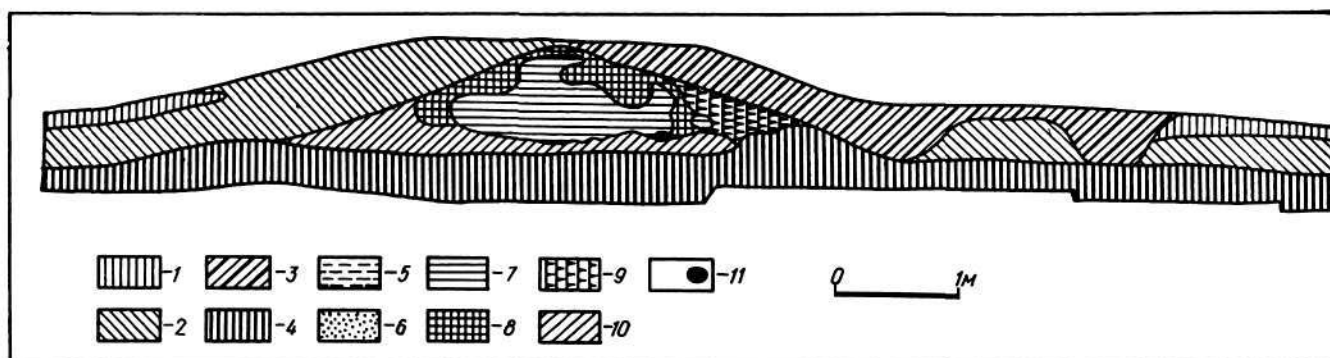
режженного суглинка, а выше — из желтого песка с пережженным суглинком, остатками продольных бревен и углями. Очевидно, внешний склон имел дополнительное крепление.

Внутренний склон шириной всего 80 см из светло-желтого песка также ограничен по краю остатками сгоревших продольных бревен. Перед ним древняя поверхность углублена в виде широкого мелкого рва. В целом ширина вала составляла 6 м.

Ров с внешней стороны открыт в светло-сером материковом песке и имел широкое (3 м) плоское дно с отложениями кверху стенками, шириной около 10 м, глубиной 1,7 м ниже подошвы вала. Заполнен песчаным грунтом на толщину 40 см. Как на современной поверхности, так и в разрезе берма перед рвом отсутствует.

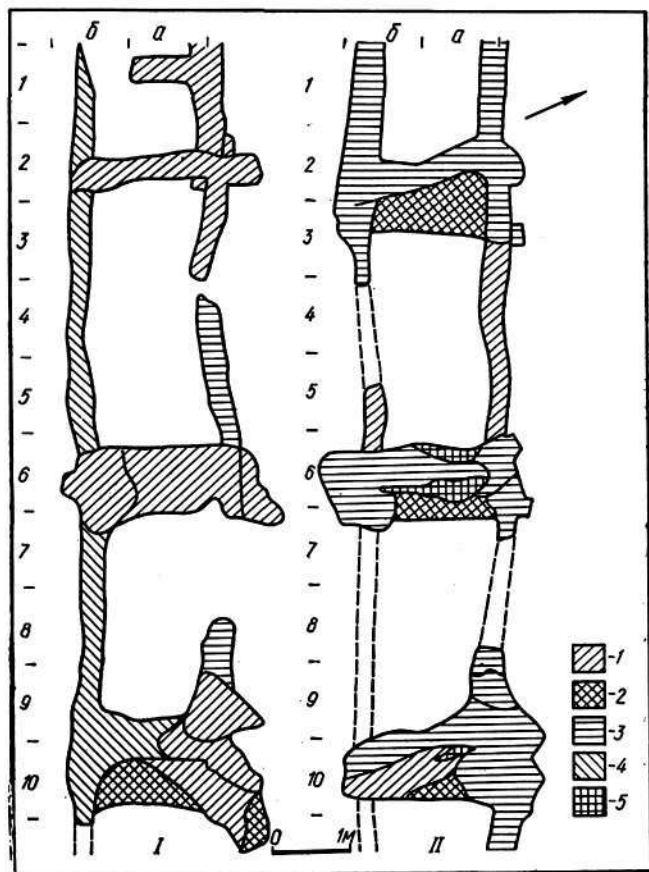
Для проверки характера вала на участках с бермой была заложена траншея № 4 в 225 м северо-западнее траншеи № 2.

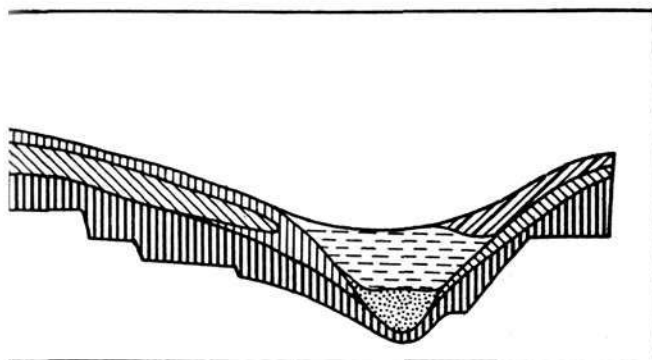
На линии траншеи центральная часть вала состояла из суглинка, пережженного до желтого цвета, который залегает в 10 см под вершиной на глубину 80—85 см — до древней поверхности (рис. 75). По сторонам и в верхней части суглинков перемешан с непережженным темно-желтым суглинистым песком. По внешнему краю внизу сохранилось обугленное дубовое бревно. Судя по пережженности и характеру наслоений оплывшей насыпи, в валу находился сруб шириной внутри 2 м. Первоначальные контуры внутреннего склона невыразительны, ширина его примерно 1 м. Почти аналогичных размеров ограничивался и внешний склон (не более 1,5 м). Ширина вала в основании равнялась около 4,5 м. Широкая (4 м) горизонтальная берма перекрыта тонким слоем сползшей насыпи. Ров лейковидной в разрезе формы с очень пологими вверху и крутыми ниже стенками имел острое округленное дно. Глубина рва 1,5 м.

Нестандартность чередующихся в валу отрезков обусловлена неодинаковой шириной срубов. Для заполнения широких срубов требовалось больше грунта и ров перед ними устраивался более широким и отчасти более глубоким. В местах с узкими срубами ров также был узким, хотя линия рва имела прямое продолжение. За счет уменьшения ширины вала и рва между ними образовывался промежуток в виде бермы. Как видно, эти различия не имели принципиального значения — они не выходили за пределы допустимых отступлений: ширина оборонительной полосы на всем протяжении оставалась стандартной.

Иного типа срубная конструкция открыта в 1981 г. в валу по левому берегу Роси на его восточном отрезке у пгт Стеблев. Раскопки проводились почти на середине длины отрезка, в 1450 м от западного конца, где в повреждении насыпи обнаружился докрасна пережженный суглинистый грунт. При зачистке поверхности вала уже на глубине 25—30 см появились следы пожара. Дерево почти полностью сгорело и частично сгнило, встречались отдельные обугленные куски дубовых бревен, сажа и пятна пережженной суглинистой насыпи. Ниже, на глубине 65—85 см на месте выгоревших срубов обнаружены полосы пережженной глины от трех поперечных стен и северной продольной стены (рис. 76, I; 77, а). На месте южной продольной стены, обращенной в сторону рва, находилась рыхлая серая земля, ближе к поперечным стенам насыщенная кусочками пережженной глины. Наибольшая пережженность выступала по линии поперечных стен,

которые были двойными и наиболее толстыми. В 10 см ниже поперечные стены и северная продольная стена сохранили почти те же очертания, а южная продольная стена на большей части исчезла (рис. 76, 11). На этом уровне путем прирезки было определено местоположение четвертой поперечной стены. После снятия грунта с остатками срубов, появился серый суглинок с желтоватым оттенком — древняя поверхность под насыпью вала.

Срубы очень вытянуты по длине вала. Ширина их вместе со стенами 2 м, а внутри в среднем 1,4 м. Два полностью раскрытых сруба имеют длину внутри по 2,8 м, а вместе со стенами — по 3,2 м. Длина третьего сруба внутри 3,7 м.

Поперечные стены состояли из двух рядов бревен, удаленных друг от друга в среднем на 30—40 см. Судя по наблюдениям во время зачисток, парные поперечные бревна лежали одно ниже другого. Очевидно, они были проложены попеременно между бревнами продольных стен (рис. 68, 3). Срубы крепились в «обло с остатком», концы бревен выступали на углах за линию стен.

Внутри срубы были заполнены темно-серым и темно-желтым суглинком с примесью темно-серой земли и глины. Замечено, что глина находилась внизу по углам, вдоль поперечных стен и

Рис. 76. План срубной конструкции в валу по левому берегу Роси севернее пгт Стеблев:

1 — в нижней части вала, II — в основании вала. 1 — красная пережженная глина; 2 — вкрапления пережженной глины с сажей в темно-серой земле; 3 — пережженная глина в серой земле; 4 — вкрапления обожженной и необожженной глины в серой земле; 5 — сажа.

Рис. 75. Профиль восточной стенки траншеи № 4 через Дорогинский вал:

1 — серо-желтый, 2 — темно-желтый, 3 — темно-серый суглинистый песок; 4 — коричневый суглинок с белыми пятнами; 5 — черная земля; 6 — перемешанный белый, коричневый и темно-серый песок; 7 — пережженный желтый суглинок; 8 — темно-желтый суглинистый песок с пережженным желтым суглинком; 9 — темно-коричневый суглинистый песок, перемешанный с серой землей и вкраплениями пережженного суглинка; 10 — желтый суглинистый песок с темными пятнами и вкраплениями пережженного суглинка; 11 — торец обугленного бревна.

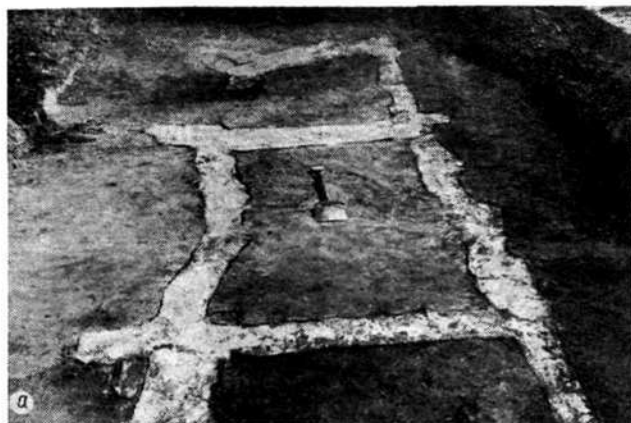
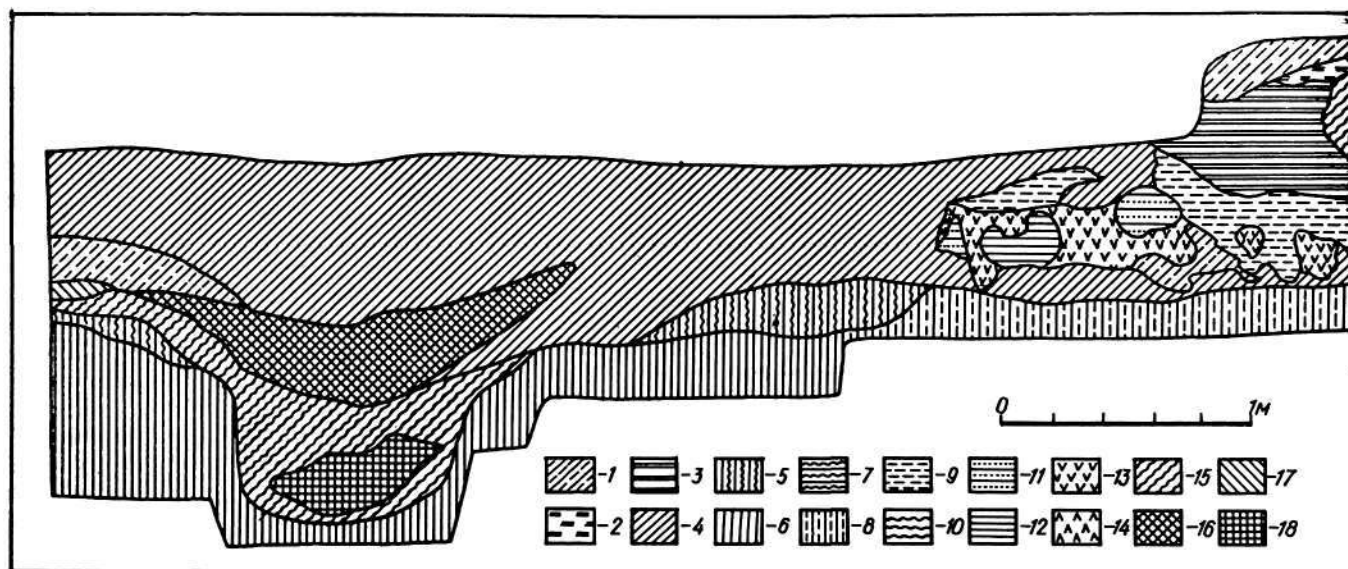

Рис. 77. Вал по левому берегу Роси:

а — пережженный суглинок на месте сгоревшего сруба в нижней части вала севернее пгт Стеблев. Вид с запада; б — контуры заполнения срубов в валу на раскопе у траншеи № 4 западнее пгт Ракитное. Вид с запада.

частично у северной продольной стены; ее, очевидно, специально использовали для придания большей прочности конструкции. В местах скопления глина пережглась до красного, желтого и черного цветов, оставив на углах следы отдельных пересекающихся бревен. Внешняя продольная стена на значительном протяжении не была присыпана глиной и она на этих отрезках прослеживалась хуже. Северная (внутренняя) стена срубов на середине длины также сохранила слабые следы обожженности.

Срубы, первоначально выходившие на поверхность, сгорели в то время, когда они находились уже в ветхом состоянии. Как и в других подобных случаях, дерево внутри вала уплотнилось в результате высыхания, и благодаря плотному глинистому грунту по сторонам стен образовались щели, способствовавшие доступу кислорода и выгоранию полуистлевших бревен.

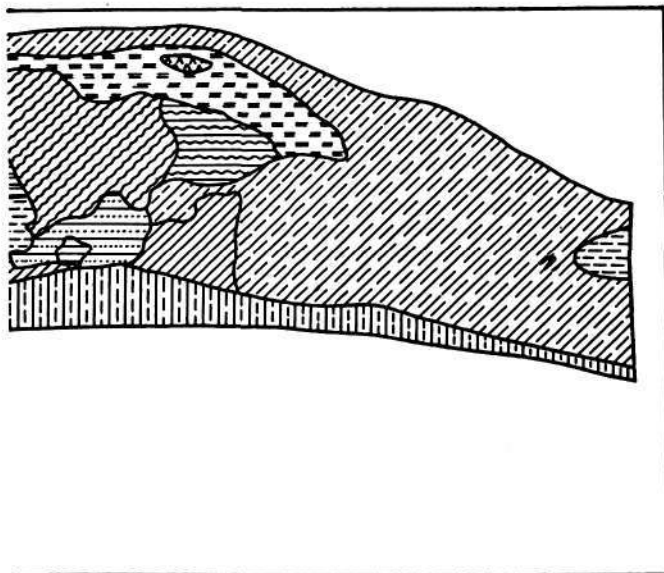
Судя по отпечаткам на глине, дубовые бревна укладывались в сруб с корой. На дне срубов в перемешанном рыхлом грунте выступали коричневые пятна истлевших обрубков и щепы.

По сторонам срубы были присыпаны суглинистым грунтом. Траншея, заложенная вдоль западного борта раскопа, дала поперечный разрез

насыпи вала и рва (рис. 78). Во внутреннюю сторону от сруба древняя поверхность понижалась к долине и определить первоначальную ширину вала в этой части не удалось. С внешней стороны в 1 м перед срубом начинался пологий край рва, который через 80 см круто переходил ко дну. Ширина рва в нижней части 90 см, в верхней — 2,5 м, глубина 1,1 м от уровня древней поверхности.

Разрезы этого же суглинистого отрезка вала в других местах, в частности траншеей № 4, также подтверждают, что первоначальная ширина вала у основания составляла не более 4—4,5 м, глубина рва 1 м (в одном случае 1,5 м), ширина рва сверху не более 3—4 м. Еще меньшие размеры вала на концах отрезка, где он спускался по склонам и также исследовался поперечными разрезами. На всем протяжении отрезка вала зафиксированы следы пожара.

Этот же вал в 1981 г. был разрезан траншеей на отрезке в уроч. Дубки и южнее р. Нехворощ, где на нем не обнаружено следов обожженности. В первой траншее заполнение сруба из светло-желтого песка сохранилось на всю высоту вала — до 1 м и частично сползло в верхней части в сторону внутреннего склона, а в нижней

части — ко рву (рис. 79). Ширина сруба 1,8 м. По его краям находится более темный песок с примесью гумуса. В наружную сторону от сруба начинается пологий спуск шириной около 1,5 м, непосредственно переходящий в неширокий (4 м) ров глубиной 1,2 м. Ширина внутреннего склона вала примерно 1,4 м. Общая ширина основания вала не превышала 5 м.

Во второй траншее заполнение полностью истлевшего сруба также состояло из светло-желтого песка, сохранившегося почти до современной поверхности вала на толщину 1 м (рис. 80). Под

Рис. 78. Разрез остатков вала и рва по линии западной стенки раскопа севернее Стеблева (траншея № 1).

Суглинок: 1 — темно-серый; 2 — светло-серый со следами обожженности; 3 — темно-желтая глина; Суглинок: 4 — серый, 5 — темно-желтый, 6 — желтый, 7 — темно-желтый со следами обожженности, 8 — светло-серый с желтым оттенком, 9 — темно-серый с вкраплениями пережженной глины; 10 — пережженная докрасна глина с серой землей; 11 — пережженная докрасна глина в сером суглинке; 12 — пережженная докрасна глина; 13 — серый суглинок со следами обожженности; 14 — вкрапления пережженной глины в серой земле; 15 — серый суглинок с желтым оттенком; 16 — темно-серая гумусированная земля; 17 — темно-серая земля; 18 — желтый суглинок с углем и сажой.

заполнением, на светло-желтом материковом песке, находились тонкие прослойки грунта, образовавшегося в период строительства вала и законсервированные его насыпью. Ширина истлевшего сруба 2 м. С внутренней стороны он был подсыпан более темным песком на ширину 1,6 м. Перед валом древняя поверхность срезана при устройстве склона и впоследствии оказалась под осунувшейся насыпью вала. С наружной стороны песчаный откос перед срубом был нешироким, так как через 1,1 м начинался ров, шириной: вверху 4,5 м, глубиной 1,9 м. Вал мог иметь ширину примерно 4,5—5 м.

Траншеей был разрезан крайний северо-западный отрезок Стеблевского вала — севернее р. Нехворощ (рис. 81). Вал насыпан из суглинистого грунта. Ядро вала, т. е. заполнение несохранившихся срубов, состоит из темно-желтого суглинка. С наружной стороны перед срубом находится перемешанный грунт из темно-серой земли с темно-желтым суглинком, а внутренний склон сооружен из темно-серой гумусированной земли, очевидно, поверхностного слоя, снятого строителями перед валом. Под срубом залегала

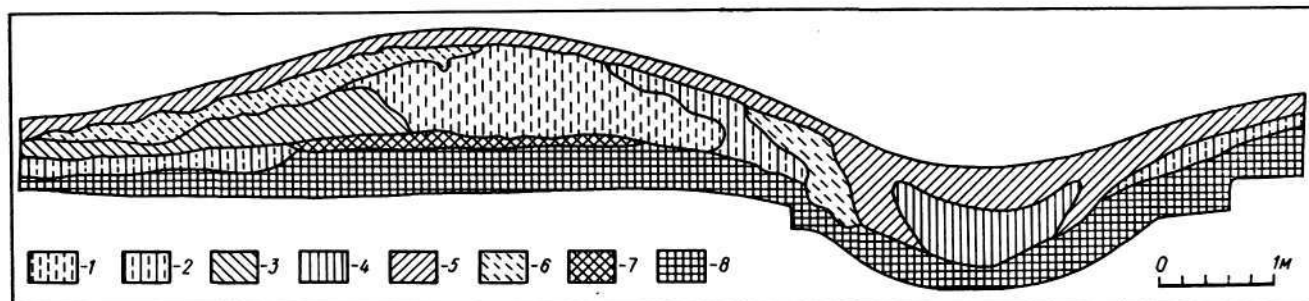

Рис. 79. Профиль восточной стенки траншеи через вал по левому берегу Роси в уроч. Дубки.

Песок: 1 — светло-желтый с серым оттенком, 2 — светло-желтый с темными пятнами, 3 — светло-желтый с примесью гумуса; 4 — черная земля. Песок: 5 — темно-серый, 6 — темно-серый со светло-желтым оттенком, 7 — темно-желтый, 8 — светло-желтый.

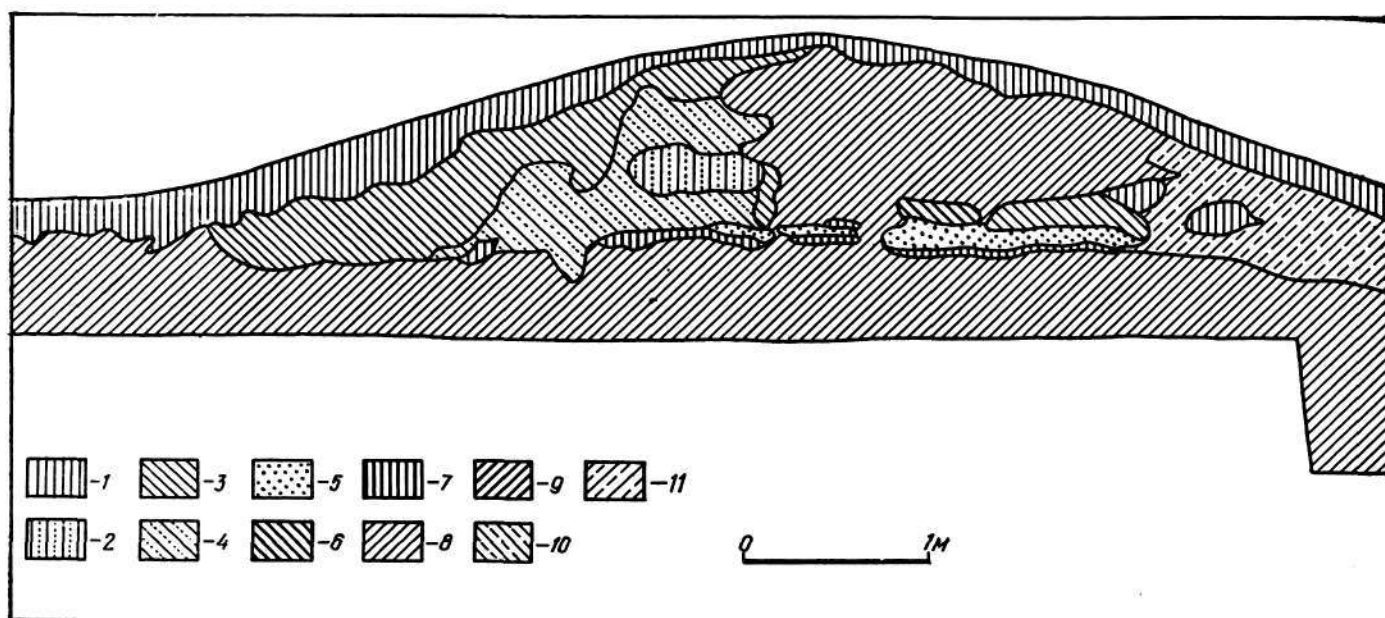

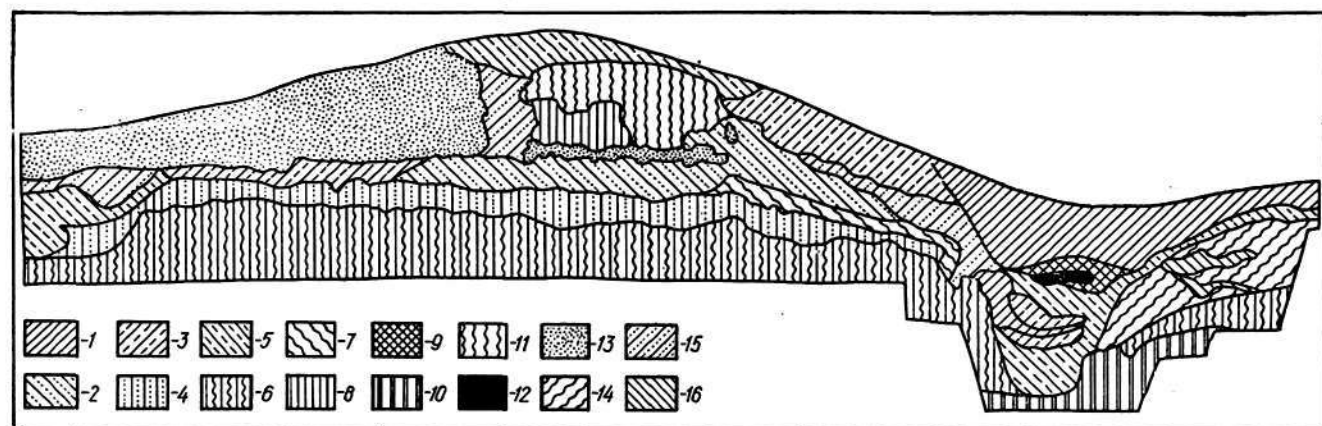
Рис. 80. Профиль северной стенки траншеи через вал по левому берегу Роси южнее р. Нехворощ.

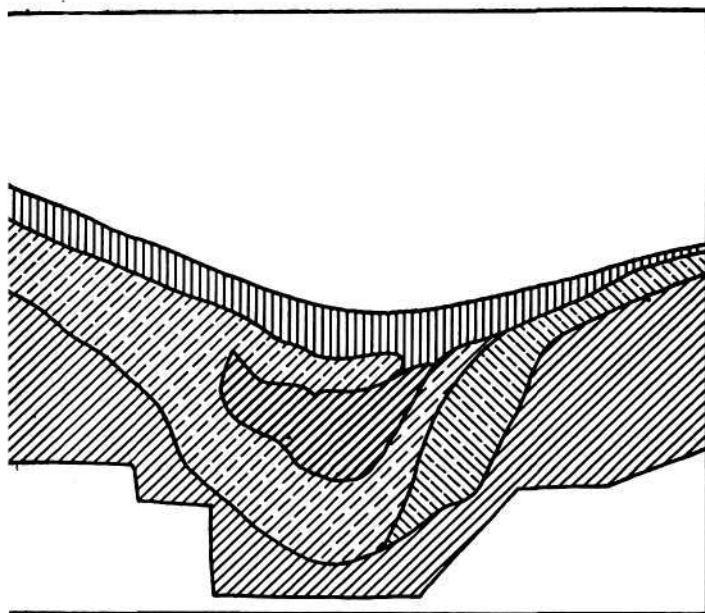
Песок: 1 — темно-серый, 2 — темно-серый с корнями деревьев, 3 — темно-желтый, 4 — серый с коричневым оттенком, 5 — белый, 6 — желтый с гумусом, 7 — белый с гумусом, 8 — светло-желтый, 9 — черный, 10 — темно-желтый с корнями деревьев, 11 — серый.

прослойка аналогичной темно-серой гумусированной земли, которая указывает его ширину — 1,8 м. Максимальная высота сохранившейся насыпи — 1,2—1,4 м приходится не на середину

Рис. 81. Профиль восточной стенки траншеи через вал по левому берегу Роси севернее р. Нехворощ:

1 — темно-серая земля; 2 — темно-желтый суглинок с гумусными пятнами; 3 — темно-серая земля с темно-желтым суглинком; 4 — темно-желтый суглинок с вкраплениями гумусных пятен; 5 — темно-желтый суглинок с серой землей; 6 — темно-желтый суглинок; 7 — темно-желтый суглинок с темно-серой землей; 8 — желтый суглинок; 9 — черная земля с сажой и угольками; 10 — светло-желтый песок; 11 — темно-желтый перемешанный суглинок; 12 — сажка с углями; 13 — темно-серая гумусированная земля; 14 — темно-коричневый суглинок; 15 — темно-серая земля с вкраплениями темно-желтого суглинка; 16 — коричневый суглинок.

сруба, а на его внутренний край; очевидно, заполнение сруба осыпалось в ров. Ширина внутреннего откоса примерно 2 м. С наружной стороны наклонная поверхность через 1,9 м круто переходит в узкую нижнюю часть рва, углубленного на 2 м ниже уровня основания вала. Ширина рва в верхней отлогой части около 5 м, а в начале резкого сужения — 1,8 м.

На участке между селами Саварка и Ольша-

ница в 1980 г. вал разрезан траншеями: № 1 — в 250 м от конца вала у с. Ольшаница и № 2 — через 1,5 м южнее.

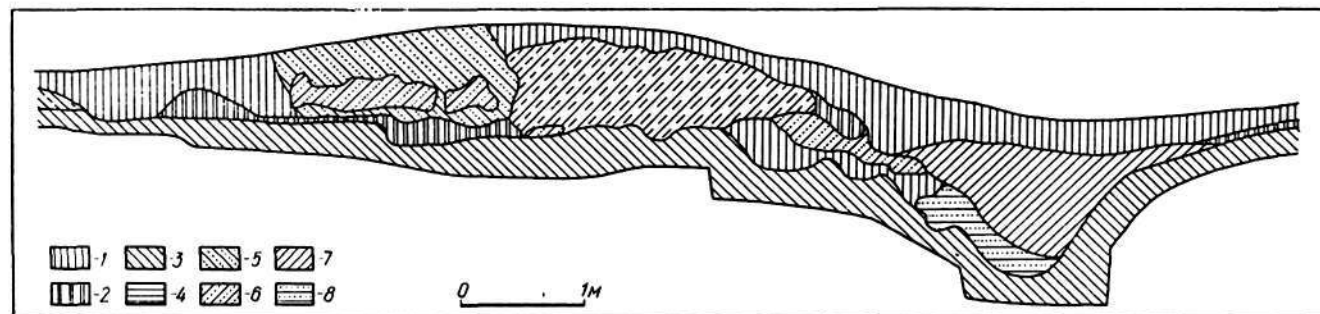
В траншее № 1 заполнение сруба состояло из желтого песка с вертикальной границей со стороны внутреннего склона и нарушенными очертаниями по наружному краю вследствие сползания насыпи в ров (рис. 82). С внутренней стороны перед срубом находилась черная земля, взятая из дернового слоя. Откос был широким (не менее 1,5 м) и сохранился на высоту центральной части вала (0,8 м). По наружному краю сруб был укреплен откосом из черного дернового грунта, сползшего по стенке рва вниз до самого дна. Внешний откос в отличие от внутреннего был очень узким и практически выполнял роль наружной облицовки срубов. Первоначальная ширина вала около 5 м. Ров с крутыми стенками в основной нижней части и узким (40 см) округленным дном был углублен на 1,3 м ниже основания вала. В верхней части песчаные стенки рва отлого выходили на поверхность. Ширина рва вверху около 3,5 м, а на уровне начала крутости — 1,7 м.

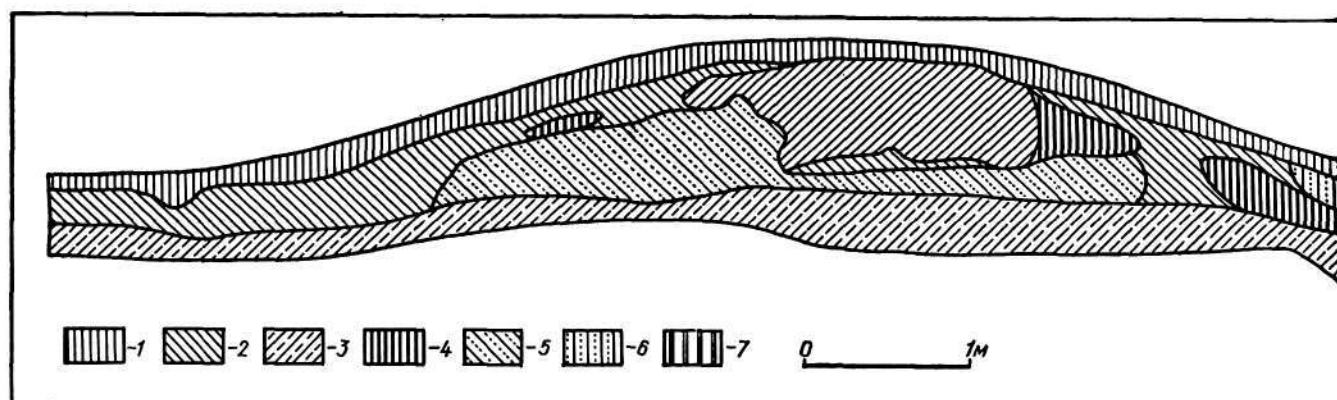
Эта траншея была продлена на 4 м дальше от рва и на 6,5 м во внутреннюю сторону от вала. За рвом древняя поверхность ровная, без заметных повреждений, а на ширину 4 м перед валом — волнистая и понижена, очевидно, в результате снятия дернового слоя.

В траншее № 2 (рис. 83) внутренний склон шириной 1,8 м также насыпан из поверхностного

Рис. 82. Профиль южной стенки траншеи № 1 через вал по левому берегу Роси у с. Ольшаница:

1 — темно-серая земля; песок; 2 — темно-желтый; 3 — желтый; 4 — желтый с гумусированными вкраплениями; 5 — черная земля; 6 — черная земля с синеватым оттенком; 7 — светло-, 8 — темно-серый песок.

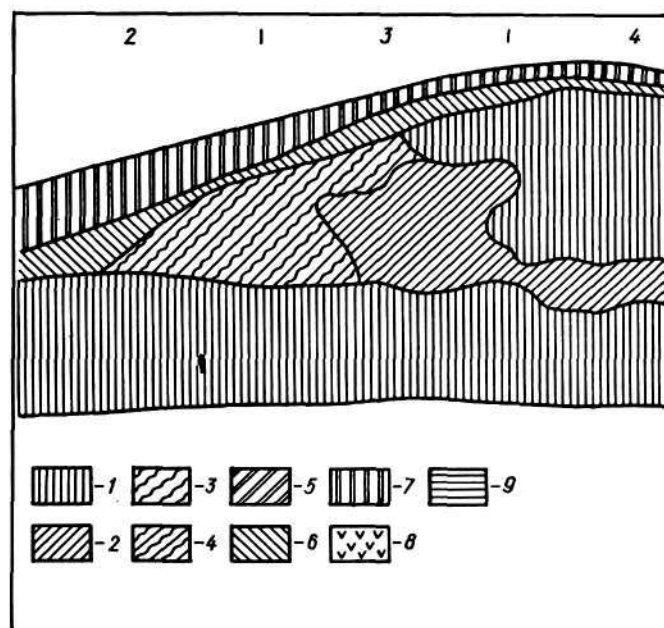
гумусированного грунта, срезанного перед самым валом на 20 см (по отношению к уровню основания вала), а заполнение сруба состояло из желтого песка, закрепленного снаружи узким откосом из гумусированного более плотного песка. Ширина вала составляла около 5 м, а рва — 4 м при глубине 1 м.

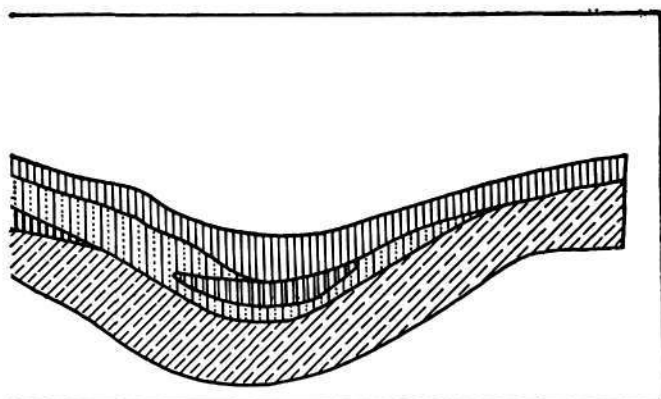
Продолжение вала на последнем, крайнем западном отрезке по левому берегу Роси — между пгт Ракитное и берегом реки, где он получил название, в отличие от двух других, Среднего вала, исследовалось в 1982 г. Отрезок вала был разрезан траншеей № 4 почти посередине длины, в 1600 м западнее пгт Ракитное.

По центру вала обнаружено заполнение несохранившегося сруба из светло-желтого и темно-серого песка, ограниченное по сторонам темно-серым песком (рис. 84). Последний залегал и под центральной частью вала, где он обозначает дневную поверхность, на которой сооружались срубы. Первоначальная ширина вала 4,5—5 м, в том числе на сруб приходилось не более 2 м. Размеры рва с отлогими стенками и острым дном: ширина сверху 4 м, глубина 1,3 м.

Для исследования заполнения срубов в плане к востоку от траншеи по центру вала была сделана прирезка на длину 7 м при ширине 3 м. Под дерновым слоем темно-серого гумусированного песка находился светло-желтый песок заполнения срубов, полоса которого сужалась книзу в результате расползания верхней части насыпи. На глубине 65—70 см зафиксирована полоса

светло-желтого песка шириной 1,5—1,7 м (рис. 77, б; 85), а в 10 см глубже, на дне, она на 5—15 см сузилась по внутреннему (северному) краю. С наружной стороны (ко рву) присыпка срубов состояла из темно-желтого и темно-серого песка, а с внутренней — из темно-серого гумусированного песка. В конфигурации заполнения срубов прослеживается изгиб примерно на гра-

нице квадратов «г» и «д». В этом месте был замечен поворот в направлении вала и до раскопок. Очевидно, здесь находилась поперечная стена между двумя смежными срубами. Если отмеченные особенности достаточны для обобщений, можно полагать, что на исследованном участке вала, как и у Стеблева, срубы имели довольно удлиненные пропорции — с двухкратным превы-

Рис. 83. Профиль южной стенки траншеи № 2 через вал у с. Ольшаница:

1 — темно-серая земля; песок: 2 — темно-желтый, 3 — желтый, 4 — желтый с гумусированными вкраплениями; 5 — темно-серый с коричневатосиневатым оттенком, 6 — серый, 7 — темно-серый.

шением длины над шириной. Раскопки позволили установить, что размеры и устройство Среднего вала и рва у Ракитного такие же, как и на предыдущих участках.

Примерная высота земляного заполнения в срубах

Раскопками получены сведения о ширине валов и срубов, ширине и глубине рвов (табл. 3). Остается выяснить наиболее сложный вопрос — первоначальную высоту валов, в частности высоту земляного заполнения в срубах. Для этого необходимо восстановить площадь поперечного сечения первоначальной земляной насыпи валов, адекватную, в свою очередь, объему насыпи в одном погонном метре вала.

Можно предложить два варианта исчисления объема насыпи: 1) определением сечения рвов,

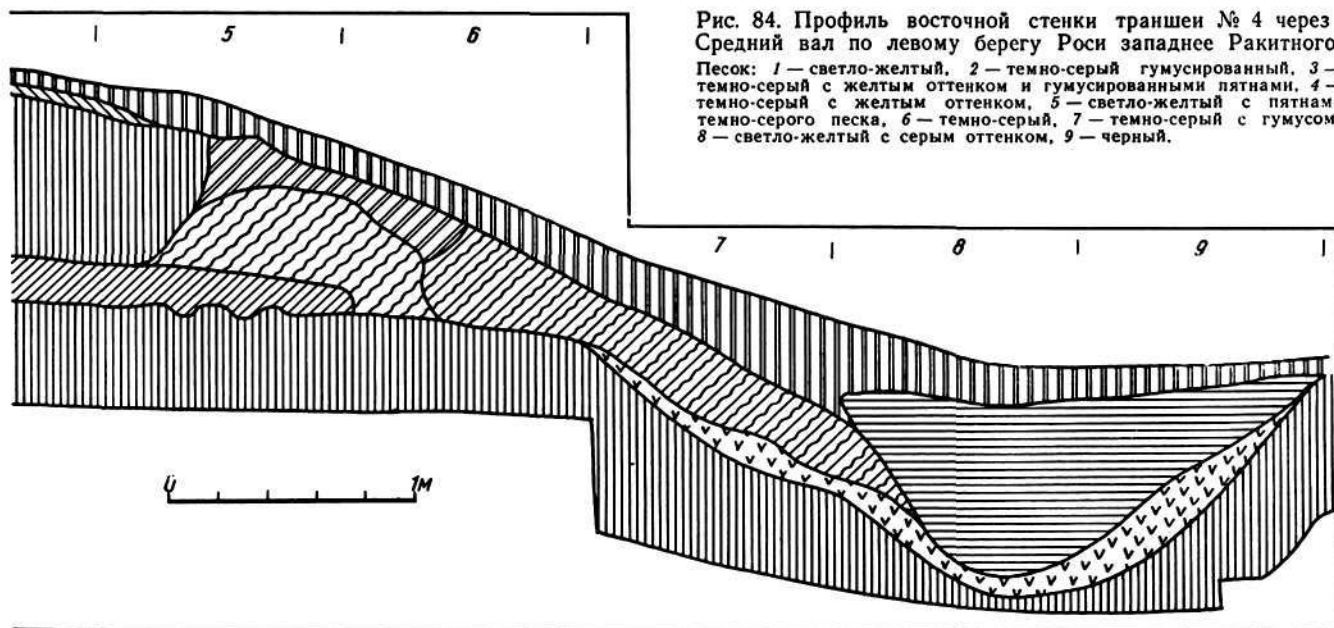

Рис. 84. Профиль восточной стенки траншеи № 4 через Средний вал по левому берегу Роси западнее Ракитного.

Песок: 1 — светло-желтый, 2 — темно-серый гумусированный, 3 — темно-серый с желтым оттенком и гумусированными пятнами, 4 — темно-серый с желтым оттенком, 5 — светло-желтый с пятнами темно-серого песка, 6 — темно-серый, 7 — темно-серый с гумусом, 8 — светло-желтый с серым оттенком, 9 — черный.

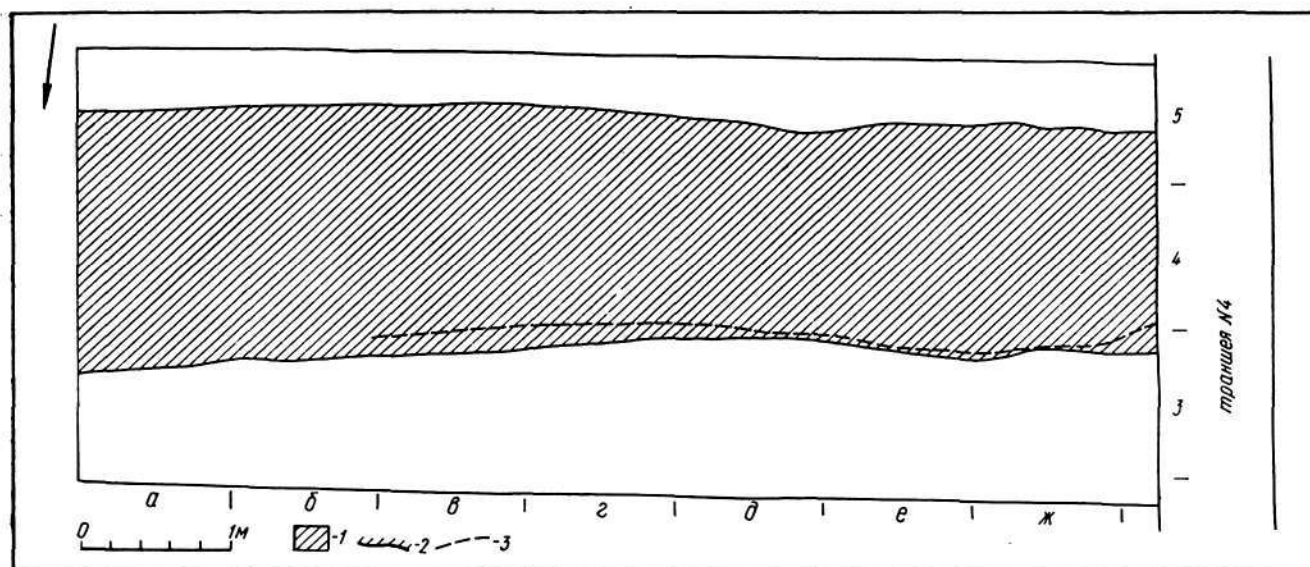

Рис. 85. План заполнения срубов в насыпи Среднего вала по левому берегу Роси на раскопе у траншеи № 4 западнее Ракитного:

1 — светло-желтый песок; 2 — на уровне 65—70 см от современной поверхности; 3 — на уровне 80 см (у основания вала).

грунт из которых использовался для насыпи вала; 2) подсчетом сечения насыпи, оставшейся в валу, и грунта, сползшего в стороны и заполнившего рвы. Второй вариант более приемлем, поскольку валы сооружались, как правило, не только из грунта, высвобождаемого из рвов, но и из земли, взятой в других местах. Недостатком этого метода является то, что заполнение рвов образовалось как в результате сползания насыпи вала, так и наплыва грунта с противоположной, напольной стороны. Различить обе части в заполнении рвов почти невозможно. Но для получения ориентировочных данных воспользуемся этим методом. Сечение рвов, заполнения в них и сохранившейся насыпи в валах по данным траншейных разрезов приведено в табл. 4.

Наиболее сложное устройство I вала в междуречье Стугны — Ирпени у хут. Хлебча. Он состоял из трех срубов — центрального и двух более низких по краям. Вал сопровождался двумя внешними рвами. Небольшой ров, оставшийся не исследованным, заметен на поверхности и с внутренней стороны вала. Сечение двух внешних

рвов, грунт из которых использовался для вала, занимает площадь лишь 4,4 м². Даже если допустить наличие двух небольших внутренних рвов, то все они вместе не дадут и половины сечения сохранившейся насыпи в валу (15,2 м²). Как видим, насыпь вала не ограничивалась грунтом из рвов, а привозилась и из других мест. Для получения приближенных данных о первоначальных размерах вала необходимо к сохранившимся его размерам прибавить количество насыпи, сползшей в стороны и заполнившей рвы. Вся насыпь вполне могла занимать в сечении 21,1 м² (см. табл. 4).

Для данного разреза мы можем применить и иной вариант подсчета. Приняв, что центральный сруб имел ширину 3 м, а дополнительные — по 2 м, при условии максимальной крутизны земляных откосов 45° (рис. 86), получим следующие размеры: высота заполнения центрального сруба 3,5 м (сечение 10,5 м²), высота дополнительных срубов по 1,5 м, которые вместе с земляными откосами дают сечение 12,2 м². В итоге сечение вала при ширине в основании 10 м составило

Таблица 3. Первоначальная ширина валов со срубной конструкцией и размеры открытых при них рвов по данным раскопок, м

Место исследования, вал	Ширина вала и его частей				Размеры рвов				Ширина бермы
	Вал	Сруб	Слоны		Внутренний		Внешний		
			внутренний	внешний	ширина	глубина	ширина	глубина	
Левый берег Стугны									
Заречье									
Траншея № 5	около 8	3,2—3,8	2,2	2,5	2,3	1,3	4	2,6	—
Раскоп		2,8 внутри							
Великая Бугаевка									
Траншея № 1	7	3	2	2	около 2,5	1,2	4	1,25	—
» № 2	7,2	3—3,2	2,2	2	3	0,6	свыше 5,5 *	2	—
» № 3	около 8	3—3,1	2,2	2,2	4	0,6	5	1,9	—
					2	около 1	7—7,4	2,1	—
					свыше 1,2 *		св. 1,6 *	св. 1,3 *	—
Междуречье Стугны —									
Ирпень									
I вал, Хлебча		3							
Траншея № 1	около 10	2—2,2	1,2	1,2			4,6	1,5	—
		2—2,2	1,4	1,4			3,4	1,1	
		2,5	?	1,1			св. 4,4 *	2	2,1
Поперечный вал									
Междуречье Ирпень —									
Тетерева									
I вал, Лупское		2,6—2,7							
Раскоп		внутри							
Траншея № 1	7	3	2	1,7			3,5	1,2	—
Левый берег Ирпень									
Траншея № 2	7	2,6—3	около 2	около 2			около 4	0,85	—
Междуречье Ирпень —									
Тетерева									
IV вал, Грузское									
Траншея	6,5	3,7 внутри	0,6—0,7	1,7	свыше 2,4 *	0,3—0,4	около 8	2,4	1—2
IV вал, Боровка									
Траншея	6,4—6,5	около 4	1,2	1,2			6,2	1,5	3,5
		внутри							
Междуречье Роси —									
Гуйвы									
Фурсы. Траншея № 1,									
раскоп	5,5	2,7 внутри	1—1,5?	1,4	—	—	около 4,5	1,7	—
Ягнятин. Траншея	5,6	3,4?	1,2?	1,2?	—	—	4,5	2	—
Междуречье Унавы —									
Ирпень									
Дорогинка									
Траншея № 1	6	3,5	0,8	1,7	5	0,3—0,4	около 10	1,7	—
Траншея № 2, рас-									
скоп	6	3	1,2	1,1—1,3	2	0,3	6	1,8	3
Траншея № 4	4,5	2	1	1,5			4	1,5	4
Левый берег Роси									
Стеблев									
Раскоп, траншея	4	1,8 (внутри 1,4)	1	1,3?			2,5	1,1	—

* Цифра означает раскрытую часть рва.

Место исследования, вал	Ширина вала и его частей				Размеры рвов				Ширина бермы
	Вал	Сруб	Склоны		Внутренний		Внешний		
			внутренний	внешний	ширина	глубина	ширина	глубина	
Траншея № 4	4	1,9	1,2?	1			около 3	1,1	—
Уроч. Дубки	4,5—5	1,8	1,4	1,3			4	1,2	—
Южнее Нехворощи	4,5—5	2	1,6	1,1			4,5	1,9	—
Севернее Нехворощи	около 5	1,8	2	1,1			5	2	—
Ольшаница									
Траншея № 1	около 5	1,8	1,5	1			3,5	1,3	—
» № 2	около 5	1,8	1,8	1,1			4	1	—
Ракитное. Траншея, раскоп	4,5—5	2 (внутри 1,4)	1,6	1,1			4	1,3	—

Таблица 4. Примерная высота земляного заполнения в срубах по данным поперечных разрезов валов

Место исследования, вал	Сечение рва, м²			Сечение земляного грунта, м²				Сечение грунта без откосов	Примерная высота земляного заполнения в срубах, м
	внешнего	внутреннего	всего	в заполнении рвов		в насыпи вала	всего		
				внешнего	внутреннего				
Междуречье Стугны — Ирпеня									
I вал, Хлебча									
Траншея № 1	2	?	4,4 + ?	3,5	?	15,2	21,1 + ?	19,4 + ?	3,5
	2,4			2,4					
Левый берег Стугны									
Великая Бугаевка									
Траншея № 1	4,8	2,3	15,8	7	3,8	5,4	24,9 + ?	22,9	3,5
	8,7	?	+?	8,7	?				
Траншея № 2	9,3	2,6							
	13	1,6	26,5	?	?	6	?	св. 20	3,5
Междуречье Ирпеня — Тетерева									
IV вал, Грузское	9	около 1	около 10	4 *	1	8—10	13—15	11,5—13	3,2—3,5
» Боровка	5,2			1,5 *	8	9,5	8,1	2,1?	
Междуречье Унавы — Ирпеня									
Дорогунка									
Траншея № 1	10	1	11	2,4 *	1,7	6,9	11	9,2	2,64
» № 2	6,4	0,4	6,8	2,3 *	0,5	5	7,8	7,1	2,37
» № 4	2,7	0,4?	3,1?	1 (берма)	0,5	3,7	5,2	3,6	1,8
Междуречье Роси — Гуйвы									
Фурсы	3,8		3,8	3,8		6	9,8	7,8	2,9
Левый берег Роси									
Стеблев									
Траншея № 1	1,5		1,5	3 — 1 ** = 2		4?	6?	4,65?	3,3?
» № 4	1,5		1,5	1, 8—0, 6 ** = 1,2		4,5	5,7	4,45	около 3

* Без заполнения наружной части рва.

** Часть земляного грунта, предположительно образовавшегося не за счет насыпи вала.

Место исследования, вал	Сечение рва, м²			Сечение земляного грунта, м²				Сечение грунта без отко- сов	Примерная высота зем- ляного за- полнения в срубах, м
	внешнего	внутрен- него	всего	в заполнении рвов		в насыпи вала	всего		
				внешнего	внутрен- него				
Уроч. Дубки	3		3	2,5 — 0,8 ** = 1,7		4,4	6,1	4,25	3
Южнее Нехворощи	4		4	3 — 1 ** = 2		4,5	6,5	4,6	2,87
Севернее Нехворощи	3,5		3,5	2,7 — 0,9 ** = 1,8		5	6,8	4,3	3
Ольшаница									
Траншея № 1	2,1		2,1	2,25 — 0,75 ** = 1,5		4	5,5	3,9	2,79
» № 2	2,5		2,5	1,2 — 0,4 ** = 0,8		4,5	5,3	3,1	2,2
Ракитное	2,4		2,4	1,5 — 0,5 ** = 1		4	5	3,2	2,3

22,7 м². Эта цифра вполне достоверна (в приведенном выше сечении насыпи — 21,1 м² не учтено заполнение внутреннего рва). Выше, в наземной части, срубная оборонительная стена была пустотелой; как и во всех других подобных случаях, сведений о ее высоте раскопки не дали.

Вал сооружен на наклонной поверхности и вместе с обнаруженными рвами имел следующий профиль (рис. 87).

Крупная земляная насыпь была характерной и для вала по левому берегу Стугны общей шириной 7—8 м со срубами шириной 3—3,2 м (см. табл. 3).

В траншее № 1 внешние рвы содержат заполнение сечением 15,7 м², остатки насыпи вала — 5,4 м², а в целом переотложенный грунт по линии разреза занимает около 25 м². Однако крайний внешний ров заполнен не менее чем на половину грунтом, взятым по другую сторону рва и общее сечение насыпи следует уменьшить примерно на 5 м² — с 25 до 20 м².

Рвы в пределах траншеи имеют сечение 15,8 м². Нужно еще учесть оставшиеся не разрезанными второй внутренний ров и наружную часть напольного рва. С дополнениями общее сечение рвов, как и насыпи, составит около 26 м².

Сруб шириной 3 м, заполненный на высоту 3,5 м, займет в сечении 10,5 м². Два откоса по сторонам шириной в основании по 2 м при крутизне 45° получают аналогичную высоту (2 м) и сечение 4 м², а вместе со срубом — 14,5 м². В этом случае верхняя часть сруба на высоту

1,5 м окажется с обеих сторон открытой (рис. 88, а). Данному варианту противоречит не только площадь сечения рвов и насыпи, но и следы ограждения откосов, обнаруживающиеся в разрезе нижней части насыпи вала. Напрашивается второе решение: очевидно, земляные откосы по краям были ограничены крепидой из горизонтальных бревен (или же дополнительными срубами) на высоту 1,5 м и в верхней части достигали уровня внутреннего заполнения срубов (рис. 88, а). При данном варианте сечение насыпи составит 20,5 м².

В траншее № 2 вследствие ежегодной распахивки грунта определить наслоения насыпи во рвах невозможно. Разрезанные четыре рва имеют сечение 26,5 м². Даже для второго варианта остается излишняя насыпь. Она могла заполнять срубы в открытой части, возвышавшейся над откосом (рис. 88, б).

Как видно из табл. 3, рвы вдоль вала по левому берегу Стугны были наиболее крупными, причем с обеих сторон двойными. Им не придавалось особого значения, как оборонительным сооружениям; потребность в земле для насыпи главного препятствия (вала) вынуждала строителей рыть двойные рвы даже с внутренней стороны, а при твердом грунте и наличии соответствующих условий — выбирать его в более удобных местах. Устройство неглубоких рвов, немногим превышающих человеческий рост, требовало меньших физических усилий по выбрасыванию грунта и ускоряло строительные работы. Сооружение двух мелких внутренних рвов вместо одного обычного,

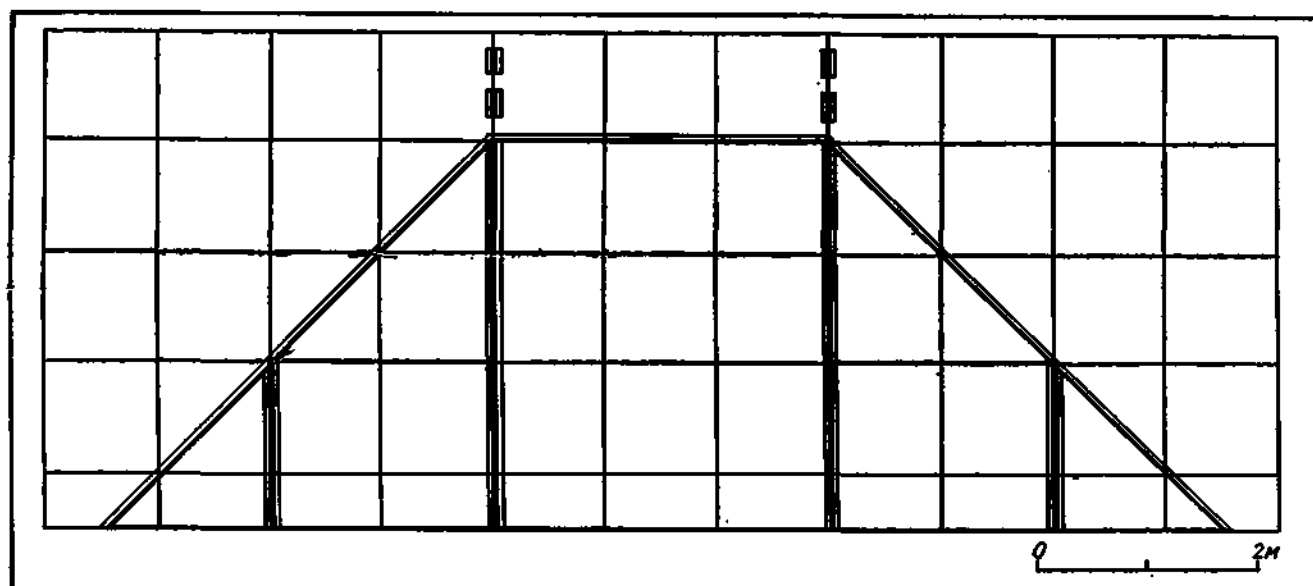

Рис. 86. Сечение нижней части I вала в междуречье Стугны — Плиски по данным траншей № 1 у хут. Хлебча (реконструкция).

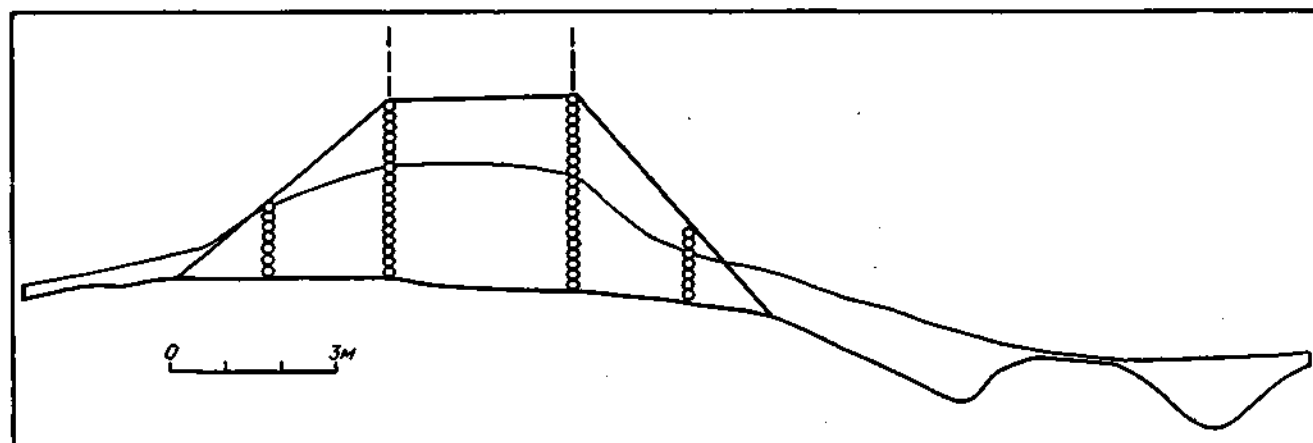

Рис. 87. Реконструкция профиля насыпи вала и двух внешних рвов по данным траншей № 1 у хут. Хлебча. Верхней линией здесь и далее обозначена современная поверхность.

очевидно, диктовалось соображениями более-менее беспрепятственного доступа к валу.

Значительный объем насыпи использовался для строительства IV вала (Ирпень — Тетерев). Сечение внешнего рва у с. Грузское с уче-

том нераскрытого края составляет 9 м^2 , внутреннего — около 1 м^2 , а всего около 10 м^2 . Общее сечение насыпи занимает площадь на одной стенке траншей 13, на второй — 15 м^2 (без наружной части рва, заплывшей не насыпью вала).

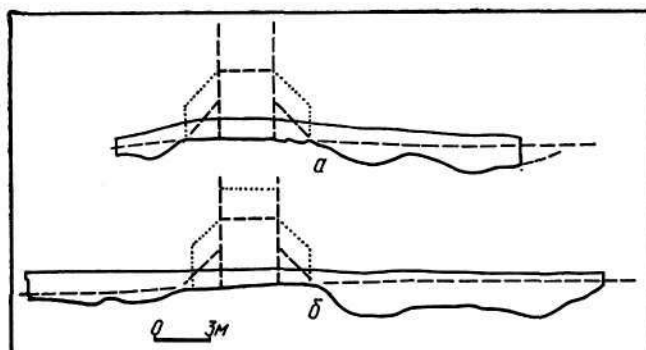

Рис. 88. Примерная реконструкция вала по левому берегу Стугны у с. Великая Бугаевка:
а — траншея № 1; б — траншея № 2 (точками обозначен второй вариант реконструкции).

Сруб при ширине 3,6—3,8 м мог быть заполнен грунтом на высоту 3,2—3,5 м ($11,5\text{—}13\text{ м}^2$); около $1,5\text{—}2\text{ м}^2$ занимали откосы (рис. 89, г).

Этот же вал у с. Боровка сопровождается внешним рвом меньших размеров (5 м^2). Сечение насыпи в валу — 8 м^2 , во рву и на берме (без наружной части рва, заплывшей не насыпью вала) — $1,5\text{ м}^2$. Несмотря на горизонтальную берму, срубы имели значительную ширину (около 4 м), но были заполнены грунтом на меньшую высоту — примерно 2,1 м ($8,1\text{ м}^2$). Остальную площадь ($1,4\text{ м}^2$) занимали откосы (рис. 89, д). Следует отметить, что в больших валах во избежание обвалов для разрезов обычно выбирались пониженные участки. А на линии траншей у с. Боровка размеры вала минимальные, к тому же его вершина повреждена хозяйственными работами. Полученная расчетная высота (2,1 м) земляной части срубов на линии траншей не характерна для вала. На этом же участке юго-восточнее разреза насыпь вала сохранилась на высоту 2,6 м.

В Дорогинском валу по линии траншей № 1, 2 и 4 сечение всей насыпи составляет 11, 7,8 и $5,2\text{ м}^2$, и за вычетом откосов дает высоту заполнения в срубах соответственно 2,64, 2,37 и 1,8 м (сечение 9,25; 7,1 и $3,6\text{ м}^2$) (рис. 89, а, б, в) *.

* Без учета напольного рва на линии траншей № 4, удаленного от вала на 4 м и заполненного, очевидно, не насыпью вала.

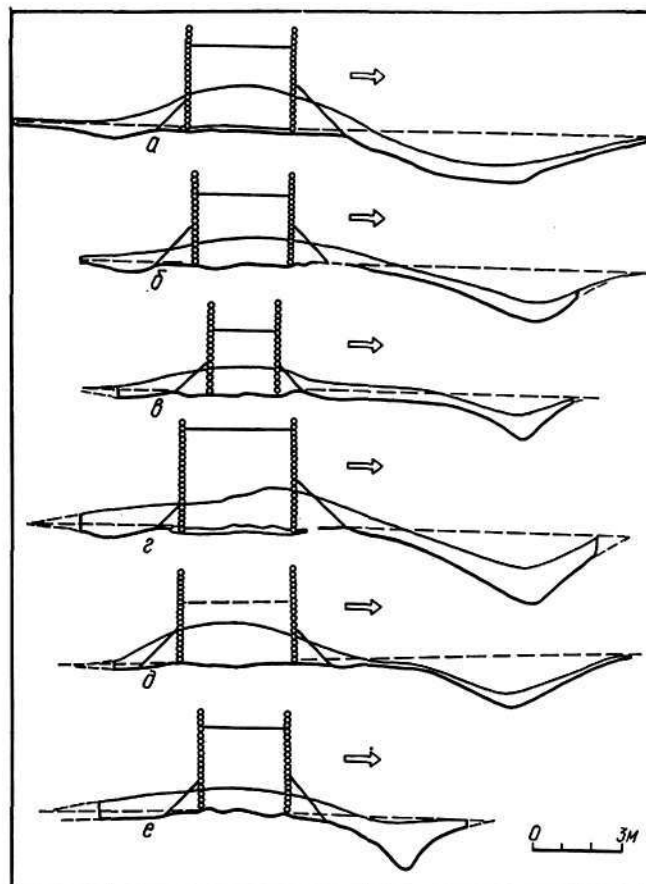

Рис. 89. Примерная реконструкция нижней части срубной оборонительной стены по данным разрезов валов и рвов. Дорогинский вал: а — траншея № 1, б — траншея № 2, в — траншея № 4; IV вал в междуречье Ирпеня — Тетерева: г — у с. Грузское, д — у с. Боровка; е — вал у с. Фурсы, траншея № 1.

Южный вал-ответвление у с. Фурсы на р. Каменка мог иметь земляную насыпь высотой не более 2,9 м (сечение заполнения в срубе $7,8\text{ м}^2$). Как и в других случаях, где контуры рва благодаря плотному грунту сохранили первоначальные очертания, его размеры ($3,8\text{ м}^2$ в сечении) не покрывали объема насыпи вала (рис. 89, е).

Наиболее узкие срубы находились в валу по левому берегу Роси. Разрезы в восьми различных местах дают примерную ширину их заполнения 1,8—2 м, фиксирующую не внутренние, а

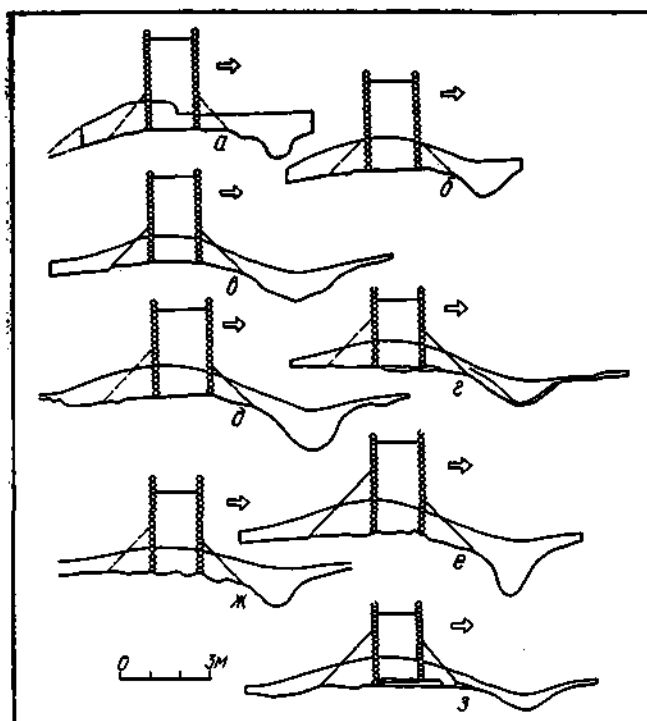

Рис. 90. Примерная реконструкция нижней части срубной оборонительной стены по данным разрезов валов по левому берегу Роси:

Траншеи у пгт Стеблева: а — на раскопе, б — № 4, в — в уроч. Дубки, г — № 4 у пгт Ракитного, д — южнее р. Нехворощ, е — севернее р. Нехворощ, ж — № 1, з — № 2 у с. Ольшаница.

внешние размеры срубов. На двух участках, исследованных в плане, ширина срубов внутри 1,4 м. Очевидно, песчаное заполнение со временем расширилось примерно на 40 см за счет истлевших стен по сторонам. Для узких срубов эта поправка существенна при реконструкции высоты заполнявшего их грунта.

Между срубом и краем рва находилась неширокая (примерно 1—1,1 м) горизонтальная площадка, служившая основанием и опорой наружной земляной присыпки. Пологость при переходе ко рву — результат позднейших осыпей, так как практического назначения она не могла иметь. Откос с внутренней стороны, наоборот, был крупнее, он прослеживался в ряде траншей на ширину 1,5—2 м (см. табл. 3).

Создается впечатление, что срубы в валу по левому берегу Роси достаточно надежно крепились присыпкой только со стороны противоположной рву. Благодаря откосу, насыпь в разрезах вала сохранилась значительно выше по линии внутренней продольной стены, а не внешней.

Ров вдоль этого вала нестандартный и очень небольшой, в сечении 2—3 м² и меньше. В песчаном грунте он, как правило, крупнее. Максимальная ширина его сверху (несомненно, отчасти за счет осыпей) составляет 4—5 м. Но в 0,5 м от поверхности ширина рва в среднем 2,5 м, реже 1,5 или 3 м, дно узкое, почти острое с крутыми (45° и более) стенками. Глубина рва от 1 до 2 м, но в большинстве разрезов — 1—1,3 м. Небольшие размеры рва косвенно могут свидетельствовать о небольшом объеме использовавшегося грунта при строительстве укреплений. Сечение рва ни в одной из траншей не перекрывает сечения сохранившейся в валу насыпи. Кроме того, имеется еще заполнение во рву, нередко составляющее более половины сечения вала. В узком рву объем съехавшей насыпи определить трудно. Предполагаем, что треть объема заполнения, содержащегося во рву, не имеет отношения к насыпи вала. С учетом этой поправки возможная высота земляного заполнения в срубах дана в табл. 4 и на реконструкции (рис. 90). Для отдельных траншей получим следующие измерения: траншея на раскопе у Стеблева — общее сечение насыпи $6 \text{ м}^2 - 1,35 \text{ м}^2$ (откосы) = $4,65 : 1,4 = 3,3 \text{ м}$ — высота земляного заполнения; траншея № 4 у Стеблева — соответственно $5,7 - 1,25 = 4,45 : 1,5 \approx 3 \text{ м}$; траншея там же в уроч. Дубки — $6,1 - 1,85 = 4,25 : 1,4 = 3 \text{ м}$; траншея южнее р. Нехворощ — $6,5 - 1,9 = 4,6 : 1,6 = 2,87 \text{ м}$; траншея севернее р. Нехворощ (у с. Москаленки) — $6,8 - 2,5 = 4,3 : 1,4 = 3 \text{ м}$; траншея № 1 у с. Ольшаница — $5,5 - 1,6 = 3,9 : 1,4 = 2,79 \text{ м}$; траншея № 2 у с. Ольшаница — $5,3 - 2,2 = 3,1 : 1,4 = 2,2 \text{ м}$; траншея у Ракитного — $5 - 1,8 = 3,2 : 1,4 = 2,3 \text{ м}$. Во всех восьми случаях расчетная высота земляной насыпи составляет от 2,2 до 3 м, в том числе в шести — 2,8—3 м.

В рассматриваемых валах мы не учитывали объем поперечных стен, которые находились в насыпи и соответственно увеличивали высоту земляного заполнения. В квадратном срубе со

сторонами 3 м и высотой 1 м две поперечные стены из бревен диаметром 20 см занимают объем 0,942 м³ (10 бревен длиной по 3 м и сечением каждое по 0,0314 м²). За счет этих бревен уровень заполнения в срубах повышается почти на 10,5 %: на каждый метр высоты — на 10,466 см (0,942 м³: 9 м³ общего заполнения).

В валу по левому берегу Стугны срубы были заполнены на высоту не менее 3,5 м, в IV валу междуречья Ирпени — Тетерева — на 3—3,5 м. Первый из них местами и сейчас достигает в высоту 3 м (у с. Заречье, у хут. Хлебча), а второй — 2,6 м (у с. Боровка). На минимальную высоту (не выше 2,4—2,6 м) заполнялись срубы в Дорогинском валу. К настоящему времени высота его в лучше сохранившихся местах (на линии траншеи № 1) 1,4 м.

Высота оборонительных стен не ограничивалась земляной насыпью. Последняя при очень низких откосах-контрфорсах оказывала на стены большое давление. Уплотняясь, она деформировала конструкцию, раздвигая ее в стороны. Не случайно в валу у хут. Хлебча, как, очевидно, и в валу по левому берегу Стугны ставились по краям дополнительные срубы.

Широкие срубы в Дорогинском валу (3—3,6 м внутри) крепившиеся, к тому же, простенками-стяжками по углам, не могли ограничиваться высотой земляного заполнения (2,4—2,6 м). Очевидно, верхняя часть конструкции вала вполне могла составлять 1/3 высоты земляного заполнения, что дает общую высоту около 3,5 м. В остальных валах, кроме, возможно, Среднего вала по Роси с узкими срубами, оборонительная стена была выше, для этого достаточно было добавить два-три венца над земляным заполнением.

Высота земляного грунта в срубах не была одинаковой даже в одном и том же валу. Уменьшение объема насыпи не снижало защитных особенностей сооружения, эффективность которого определялась общей высотой срубов, а не уровнем их внутреннего заполнения. Земляная часть, значительно превышавшая человеческий рост, защищала укрепление от попыток его быстрого разрушения и преодоления, в том числе и с помощью пожара.

Реконструкция вала

Конструкция в валах представлена двумя вариантами. Срубы первого варианта конструктивно не были взаимосвязаны друг с другом. Они стояли в ряд вдоль вала, в промежутки между их поперечными стенами выступали угловые торцы бревен от продольных стен двух соседних срубов. Аналогичная в плане конструкция исследована у с. Заречье на Стугне, в с. Фурсы на Каменке и в пойме Ирпени у с. Лупское. В последнем пункте к тыльной стене срубов примыкала крепида. К тому же конструктивному варианту относятся срубы Дорогинского вала, с той разницей, что углы в них были стянуты простенками (рис. 68, 1, 2).

Второй вариант конструкции представлен взаимосвязанными срубами, которые находились в валу по Роси (рис. 68, 3). Из-за плохой сохранности, детали соединения срубов до конца не выяснены и воспроизведены условно. Во время раскопок достоверно установлено наличие двойных поперечных стен, парные толстые бревна которых находились на разных уровнях и образовывали вместе с бревнами продольных стен взаимосвязанную конструкцию. Такое устройство обеспечивало достаточную устойчивость стен из узких срубов.

Срубная конструкция наиболее характерна для оборонительных валов древнерусских укрепленных пунктов — городищ, и ей посвящено несколько обобщающих работ [160, с. 66—144; 163, с. 114—156; 166, с. 117—128; 71, с. 180—195; 75, с. 291—292].

В отличие от Змиевых валов, в укреплениях городищ, особенно крупных городов, срубы нередко располагались в два и три ряда по ширине вала. Причем, в крепостях один или даже два крайних внутренних ряда срубов не засыпались грунтом, а оставались пустотелыми для укрытия окрестного населения на случай военной опасности (в мирное время некоторые из этих срубов использовались под хозяйственные помещения или жилища). В древнерусских летописях и «Русской Правде» все срубы оборонительной стены именуются «городнями», но в археологической литературе принято относить к городням только срубы, заполненные грунтом, а пустоте-

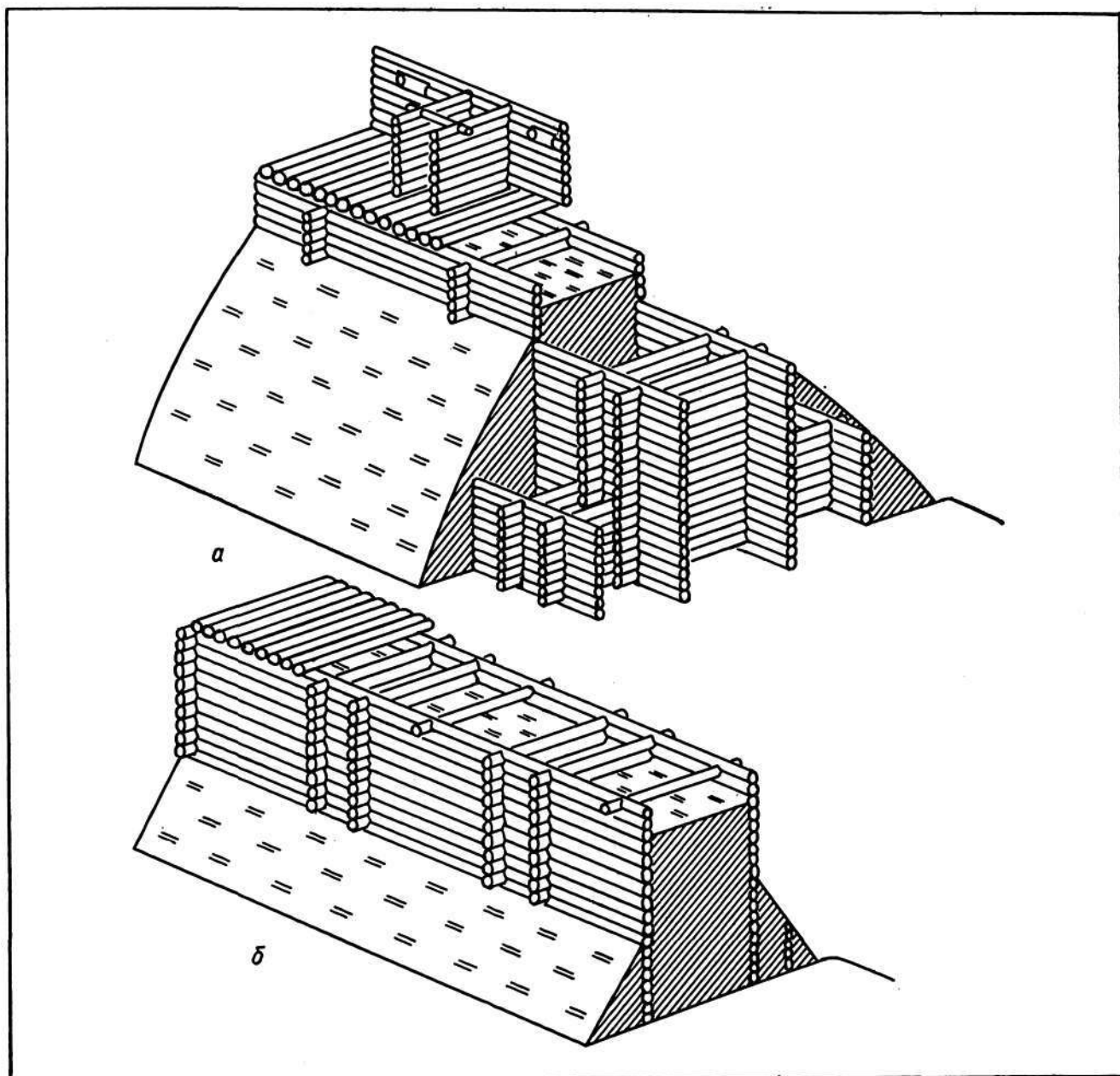

Рис. 91. Змиевы валы срубной конструкции:
 а — с «заборолами»; б — без «заборол».

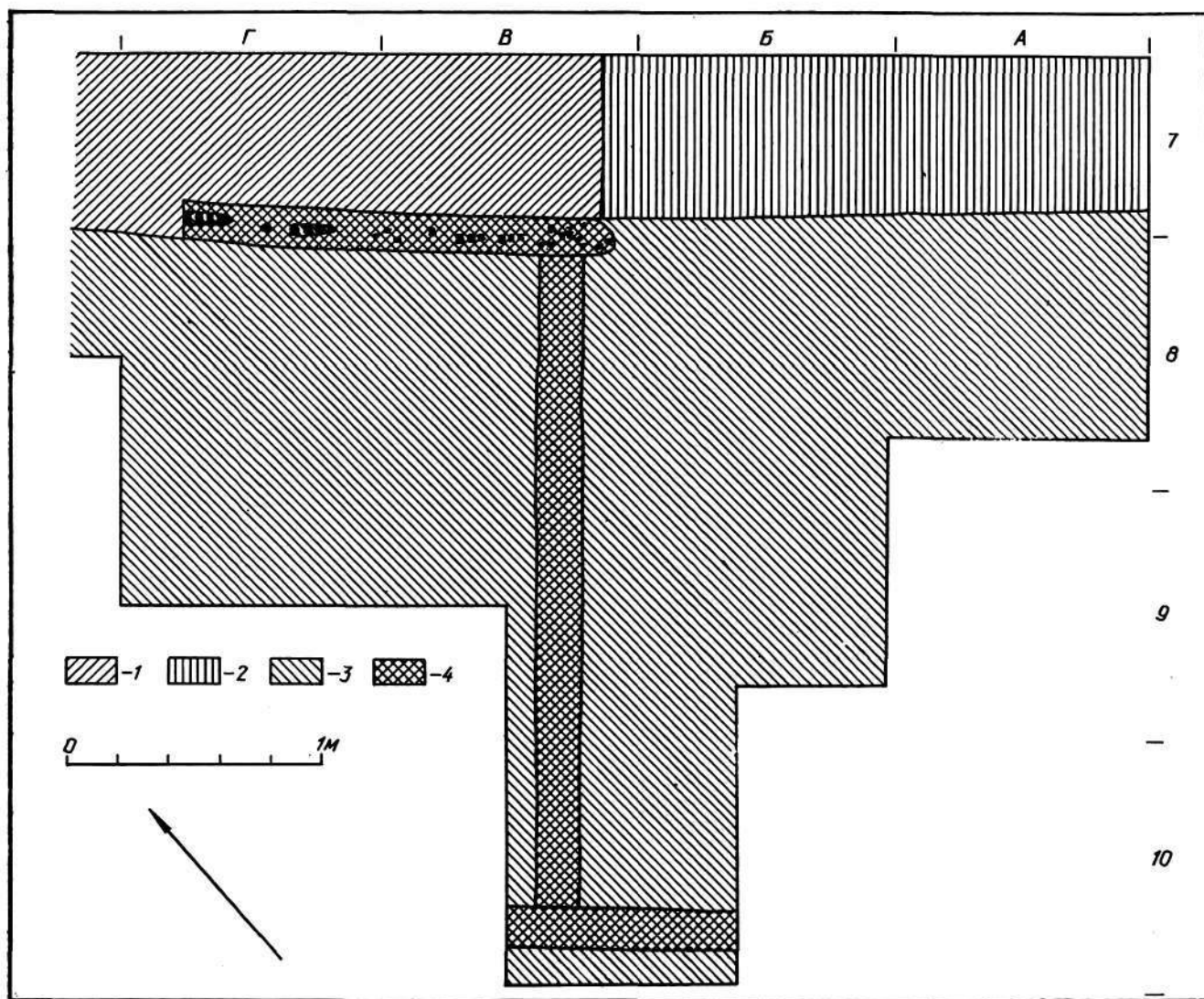

Рис. 92. Остатки конструкций на вершине I вала в междуречье Стугны — Плиски в зачистке у траншеи № 1 возле хут. Хлебча на уровне 40 см от современной поверхности.
Суглинок: 1 — светло-серый, 2 — светло-желтый, 3 — темно-желтый, 4 — с сажой и угольками.

лые срубы, для терминологического отличия от первых, обычно называют клетями [71, с. 180; 75, с. 292]. В Змиевых валах — оборонительных рубежах больших территорий — клеток с внутренней стороны вала не могло быть.

Первый вариант срубной конструкции был характерным для древнерусского оборонительного строительства X—XI вв. Конструкции из отдельных срубов, расчлененных по длине вала, датируются концом X — началом или первой полови-

ной XI в. на городищах древнего Белгорода на Ирпене; Переяславля на Трубеже, городищах у сел Клещинцы на Суле и Веремеевка на Днепре, у пгт Судовая Вишня в верховьях Сана [68, с. 106; 70, с. 115; 71, с. 183; 74, с. 3; 160, с. 75, 82, 144; 166, с. 115, 119; 225, р. 42—49]; первой половиной XI в. — вал «города Ярослава» в Киеве [31, с. 22—38]. В Киеве срубы-городни занимали девять рядов по ширине вала, у с. Веремеевка — три ряда (один — городен и два — клетей), у с. Клещинцы — два (городен и клетей), в Переяслав-Хмельницком открыто три ряда городен, но вал исследован не на всю ширину. В Белгороде в валу находился один ряд городен, а в Судовой Вишне — один ряд клетей. Размеры срубов в основном $3 \times 3,5$ —4 м, реже $3,5 \times 5$, $2,5 \times 3$ —3,5 м.

Аналоги срубам Дорогинского вала со стяжками по углам не известны. При раскопках городищ не встречались и срубы с дополнительной крепидой типа открытой в валу у с. Лупское на Ирпене. Однако крепиды из сырцовых кирпичей исследованы в валах со срубами конца X — начала XI в. на городищах древних Белгорода, Переяславля, Василева (ныне г. Васильков на Стугне) и на городище в с. Заречье на Стугне [157, с. 17—24; 118, с. 106]. Впрочем, многорядные линии срубов в валах городищ и без дополнительного крепления обеспечивали надежную прочность конструкции. В наиболее мощном деревоземляном укреплении эпохи Киевской Руси — валу «города Ярослава» шириной 27 и высотой 11 м срубы по сторонам, как видно по отпечаткам торцов бревен на цемянке Золотых ворот, понижались уступами и выполняли роль дополнительных опор-крепид [31, с. 31, рис. 8], подобно дополнительным срубам в Змиевом валу у хут. Хлебча на Стугне.

Второй вариант конструкции — из взаимосвязанных срубов — характерен для городищ XII—XIII вв. [160, с. 144]. В отличие от Поросского вала срубы оборонительных сооружений городищ имели одинарную, а не двойную поперечную стену [75, с. 291—292, рис. 756]. Такая конструкция исследована на Витачевском южном городище на Днепре (один ряд городен) [140, с. 57], на городищах: Райковецком в бассейне Тетерева (ряд клетей и ряд городен) [36, с. 22—32],

Ленковецком (ряд клетей) [193, рис. 42; и Колуджинском, 212, с. 61—64], на городище летописной Ушицы на Днестре (ряд городен и ряд клетей) [101, с. 69—87, рис. 2]. В целом, эти срубы, в отличие от предыдущего варианта, меньших размеров — 2,5—4,4 м поперек вала и от 1 до 1,5—2 м, иногда 3—4 м вдоль вала. Среди них чаще встречаются только клетей, или клетей, дополненные снаружи рядом городен.

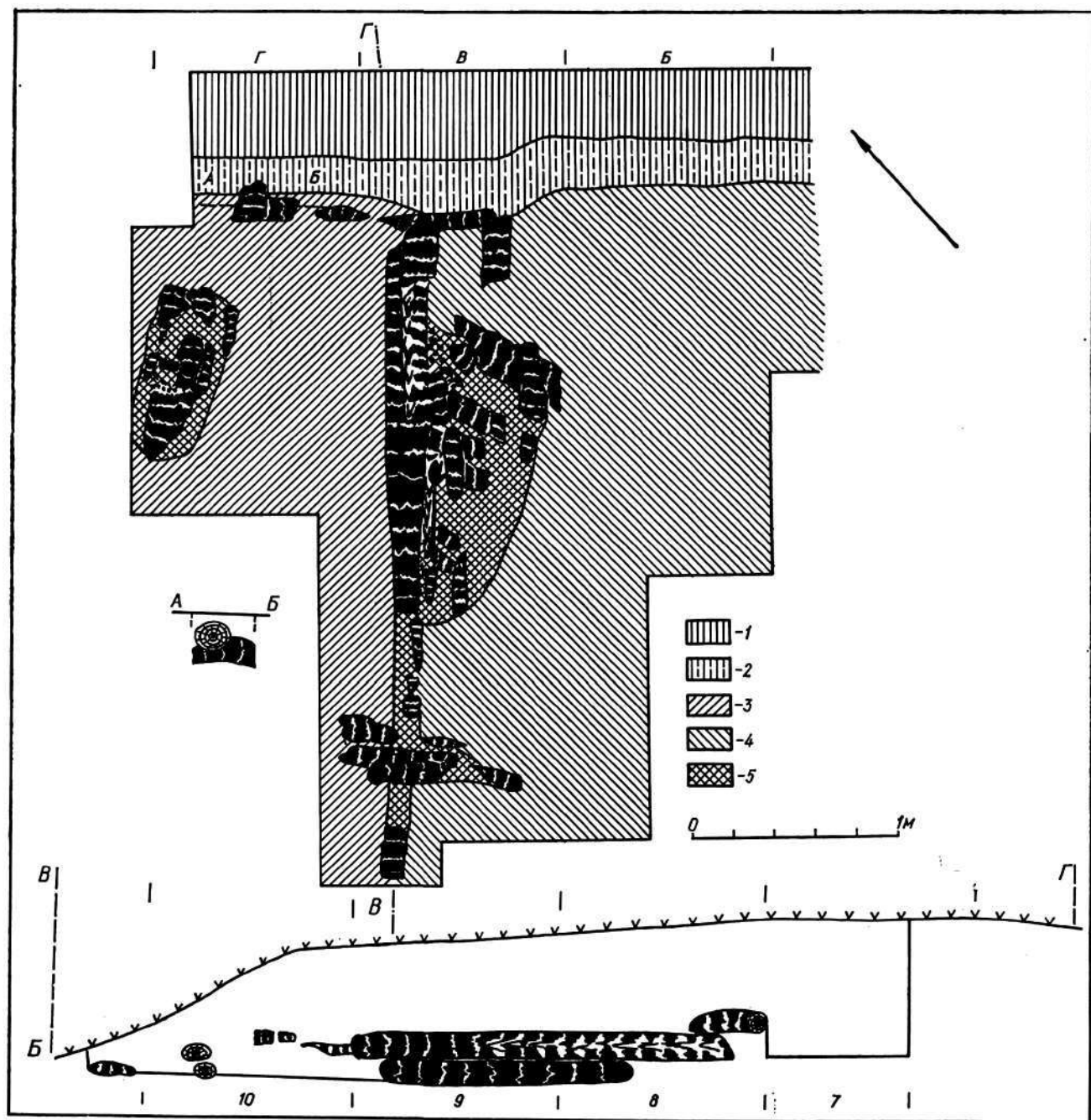
Срубная конструкция, особенно в Среднем Поднепровье, открыта на десятках других древнерусских городищ, однако небольшие по объему раскопки, нередко ограничивавшиеся неполной прорезкой валов, не дают возможности судить о сочетании срубов в плане, характере их горизонтального членения в каждом конкретном случае.

Реконструкция оборонительных стен городищ может дать представление об облике несохранившейся верхней части Змиевых валов.

Известны четыре реконструкции срубных оборонительных стен городищ Среднего Поднепровья: Б. А. Рыбакова и М. В. Городцова (макет), П. А. Раппопорта, М. П. Кучеры и С. А. Высоцкого [160, рис. 91, 94; 161, рис. 108; 71, рис. 7; 31, рис. 8]. Из них три реконструкции относятся к валам с городнями, одна (М. П. Кучеры) дает устройство вала с городнями и клетями. По П. А. Раппопорту, срубы в наземной части были трехстенными (в них отсутствовали стены с внутренней стороны крепости), сверху над ними находились упоминаемые в летописи заборолы (также трехстенные) — боевой ярус, с которого защитники через бойницы в наружной стене поражали атакующего противника. По реконструкциям остальных авторов нижний ярус в наземной части, возвышавшийся над городнями, был продолжением тех же четырехстенных срубов, но не заполненных грунтом; устройство верхнего яруса (заборол) в принципе совпадает на всех реконструкциях; они состояли из наружной продольной стены — своеобразного бруствера с короткими поперечными стенами, служившими опорой конструкции.

Рис. 93. План обугленного дерева на уровне 75 см от современной поверхности в зачистке I вала у траншеи № 1 возле хут. Хлебча.

Суглинок: 1 — светло-желтый, 2 — темно-серый, 3 — светло-серый, 4 — белый, 5 — с сажей и угольками.

На наш взгляд, заборолы над срубами Змиевых валов были излишними. Длинные Змиевы валы не являлись рубежами непосредственного ведения боевых действий. Они заставляли противника маневрировать на десятки километров по фронту, отыскивая уязвимые места для прорыва и это не давало возможности защитникам своевременно предпринимать ответные действия. Оборудовать Змиевы валы на всем протяжении средствами активного противодействия на случай атаки противника не имело никакого смысла. Можно предположить, что только вблизи населенных пунктов, на проездах через валы и в местах наиболее вероятного прорыва на стенах валов устанавливались заборолы с бойницами (рис. 91, а). Основная часть валов, по всей вероятности, не имела боевого яруса, специально предназначенного для ведения обстрела. В этих случаях стена могла оканчиваться бревенчатым покрытием (рис. 91, б).

Есть основания считать, что в верхней части валов продольные стены срубов крепились дополнительными поперечными бревнами, которые стягивали сруб по ширине вала и препятствовали его деформации под тяжестью заполнявшей насыпи. Такие стяжки наподобие «сволоков» срубных жилищ могли находиться на различных по высоте уровнях конструкции.

Оригинальный способ расположения бревен поперечных стен срубной конструкции обнаружен в 1974 г. в верхней части вала у хут. Хлебча на краю северо-западного борта траншеи № 1, которой были разрезаны упоминавшиеся выше три сруба и два внешних рва.

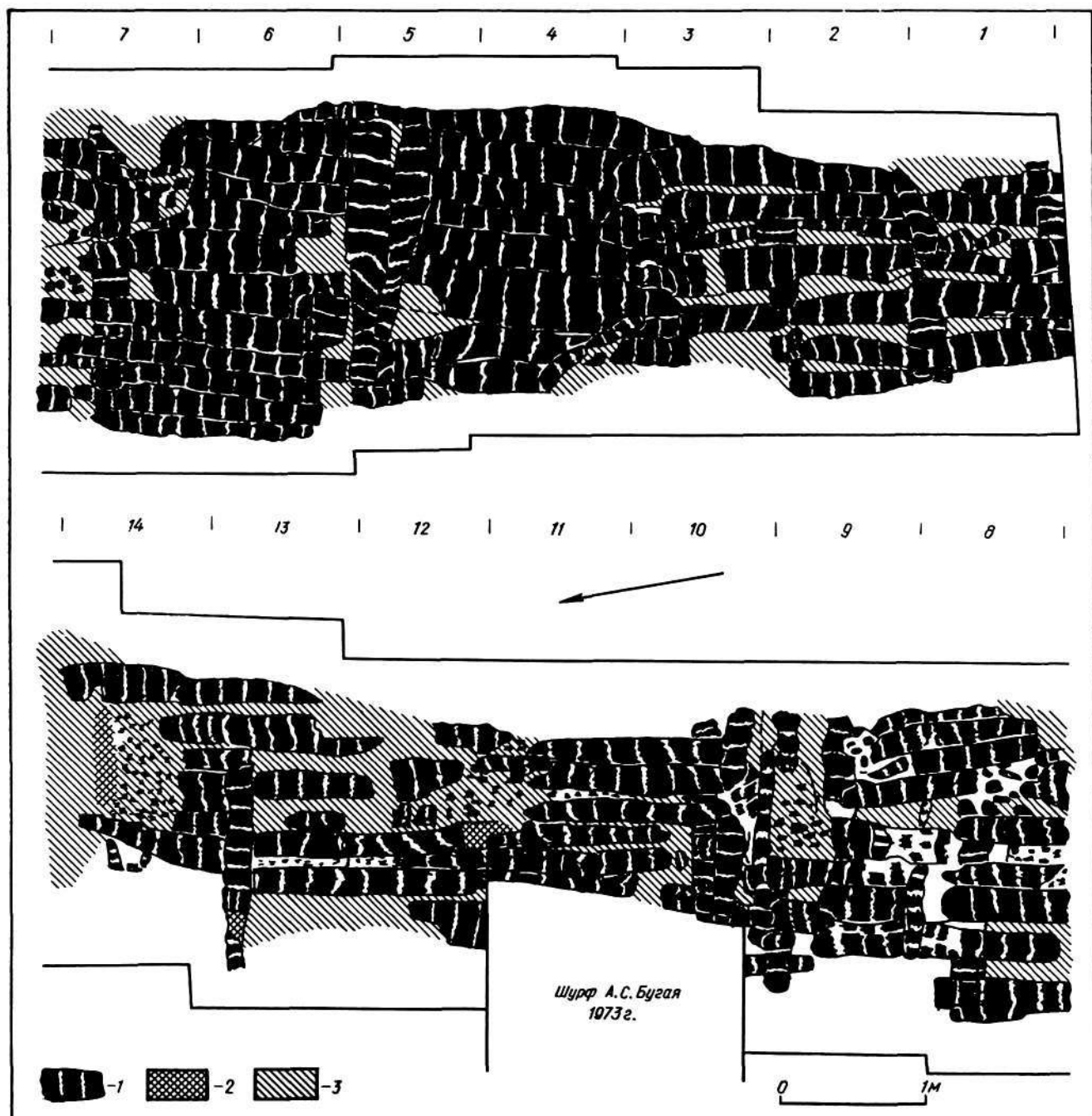
При зачистке поверхности вала в сильно затвердевшем сухом суглинистом грунте на глубине 40 см обнаружились следы двух продольных и одного поперечного бревна в виде полосы темно-серой земли с сажой и угольками (рис. 92). Продольные бревна, удаленные друг от друга на 2,6 м, соответствовали местоположению центрального ряда срубов. Ниже, на глубину до 75 см, лежали перегоревшие бревна. Из них продольные находились на той же линии, как и верхние. Поперек вала обнаружено два скопления обугленного дерева, разделенных промежутком шириной 60—70 см, оба они не совпадали с линией бревна, лежавшего выше. Восточное скопление имело

вид поперечной стены в три венца (рис. 93). Вплотную к ней на разных уровнях примыкало еще несколько параллельных бревен. Здесь же, преимущественно внизу, находились и короткие куски дерева, залегавшие наискось или перпендикулярно к направлению поперечных бревен. Конец западного бревна-простенка путем вруб-ки был закреплен в бревне внутренней продольной стены.

На глубине 75 см от современной поверхности остатки сгоревших конструкций исчезли. Верхняя часть насыпи вала под воздействием дождей и солнца уплотнилась настолько, что с огромным трудом поддавалась лопате и вал ниже не раскапывался. Детально выяснить особенности сгоревшей верхней конструкции не удалось. Но, очевидно, для нее характерно несовпадение как в плане, так и по высоте поперечных бревен, которые располагались на разных уровнях и на разном расстоянии друг от друга. Это усиливало прочность конструкции, удерживало от расползания верхнюю часть насыпи вала. Неясно происхождение коротких кусков бревен, залегавших перпендикулярно поперечному простенку и заходивших под него обгоревшими концами. Они создавали впечатление обрубков, положенных у основания конструкции для ее устойчивости, подобно прокладкам под нижними венцами древнерусских наземных срубных жилищ [164, с. 124—125, 130]. Чередование бревен перекрещивающимися ярусами напоминает особенности перекладной конструкции, о которой речь пойдет ниже. Однако в 155 м северо-западнее от раскопа на поверхности более мягкой суглинистой насыпи осунувшегося вала выступала обугленная поперечная стена. Разрезом с помощью шурфа установлена ее принадлежность обычному срубам. Стена сохранилась в обугленном состоянии на одной линии до самого основания на высоту 1,2 м [98, с. 211, рис. 14, I—III]. Таким образом, на исследованном участке вала у траншеи № 1 возле хут. Хлебча только в верхней части насыпи применялась срубная конструкция с поперечными бревнами, перекрывавшими срубы и не совпадав-

Рис. 94. План сгоревшей перекладной конструкции в валу по левому берегу Днепра у с. Лепляво.

1 — обугленное дерево; 2 — сажка с углем; 3 — песок с сажой.

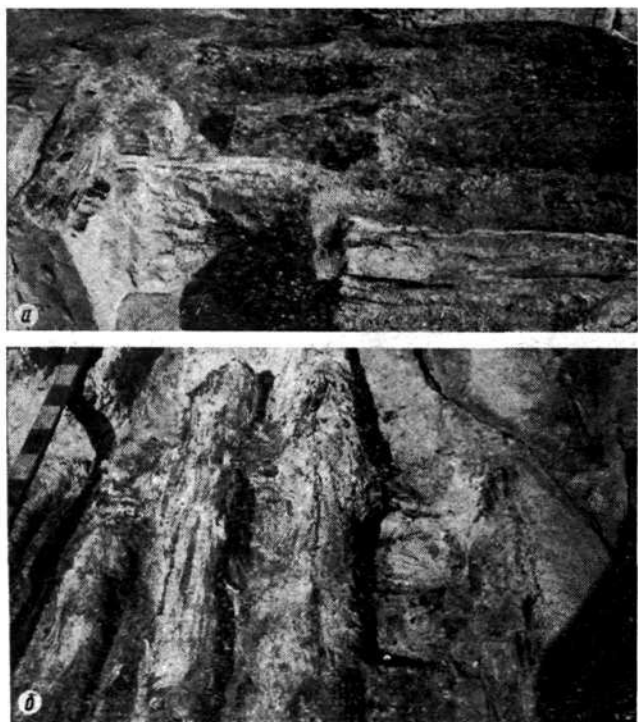

Рис. 95. Обугленная конструкция в валу по левому берегу Днепра у с. Лепляво.

а — кв. 2, 3, вид с запада; б — кв. 6, вид с севера.

шими с поперечными стенами последних. Трудно судить, является ли эта конструкция первоначальной или она сооружена впоследствии (например, взамен пришедшей в негодность оборонительной стены). Важны косвенные данные о возможном устройстве наземной части вала, состоявшей из двух сплошных продольных стен, скрепленных поперечными бревнами более равномерно по всей длине конструкции. В данном случае пустотелая оборонительная стена не имела отдельных клетей-срубов. Этим Змиевы валы, как уже упоминалось, отличаются от оборонительных стен крепостей, для которых в первую очередь нужны были клетки.

Земляные откосы по сторонам срубов были небольшими, не более половины ширины самого сруба. Во многих валах, очевидно, откосы имели бревенчатое крепление. На это могут указы-

вать, как уже отмечалось, следы обожженности по краям некоторых валов и сохранившаяся нижняя часть крепиды перед срубом у с. Лупское.

б) Валу с перекладной конструкцией

Перекладная конструкция состояла из ярусов продольных бревен, уложенных в виде настилов на поперечные бревна-лаги. Она открыта в 13 валах.

Характеристика остатков перекладной конструкции

В 4 км северо-западнее с. Лепляво Каневского р-на Черкасской обл. у бывшего с. Решитки в 1974 г. исследован вал по левому берегу Днепра [98, с. 198—204]. Участок песчаного вала, ныне затопленный водохранилищем Каневской ГЭС, был сильно оплывшим, высотой в среднем 0,3—0,8 м при ширине 8—9 м. Вал разрезан в трех местах траншеями; в раскопе длиной 26 м на глубине 10—20 см обнаружены обугленные остатки конструкции из чередующихся ярусов продольных и поперечных сосновых бревен, занимавших полосу шириной 1,4—2,25 м с разрывом в северной половине раскопа. В южной части раскопа обугленное дерево сохранилось сплошной полосой на длину 15,5 м, а в северной — на длину 4 м [98, рис. 2].

Продольные бревна лежали друг возле друга на поперечных бревнах, разделенных интервалами от 0,6—0,7 до 1,2—1,5 м (рис. 94, 95). Встречались случаи, когда поперечные бревна были уложены почти вплотную. Под давлением несохранившихся верхних наслоений обугленные бревна уплотнились и имели в сечении овальную форму, нередко в местах перекрещиваний они были раздавлены. Взаимно чередующиеся продольные и поперечные бревна сохранились в два-три, местами — в пять ярусов. Диаметр дерева от 15 до 35 см. При разборке конструкции установлено, что длина отдельных бревен равнялась 4 м.

Чередование продольных и поперечных бревен позволяло возводить конструкцию на необходимую высоту. При этом, в одном случае под

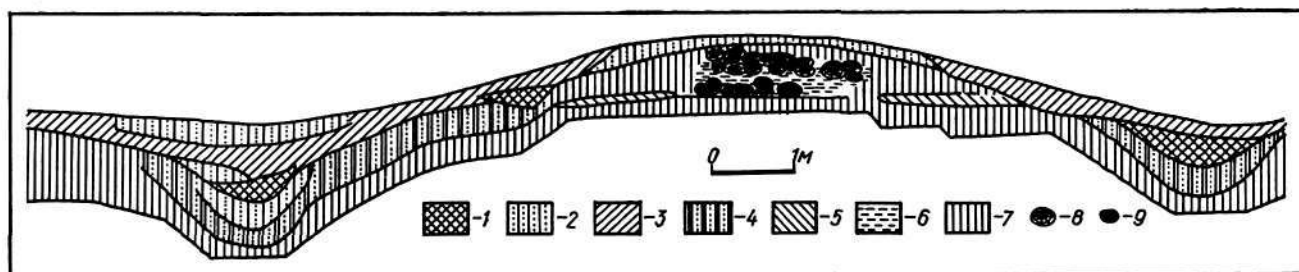

Рис. 96. Поперечный разрез сгоревшей перекладной конструкции в валу у с. Лепляво по линии северной стенки траншеи № 3.

Песок: 1 — темно-серый, 2 — серый, 3 — желтый с темными включениями, 4 — черный с сажой, 5 — светло-желтый, 6 — светло-желтый с серыми пятнами, 7 — темно-желтый с темно-серыми пятнами; 8 — торцы обугленных бревен; 9 — торец гнилого бревна.

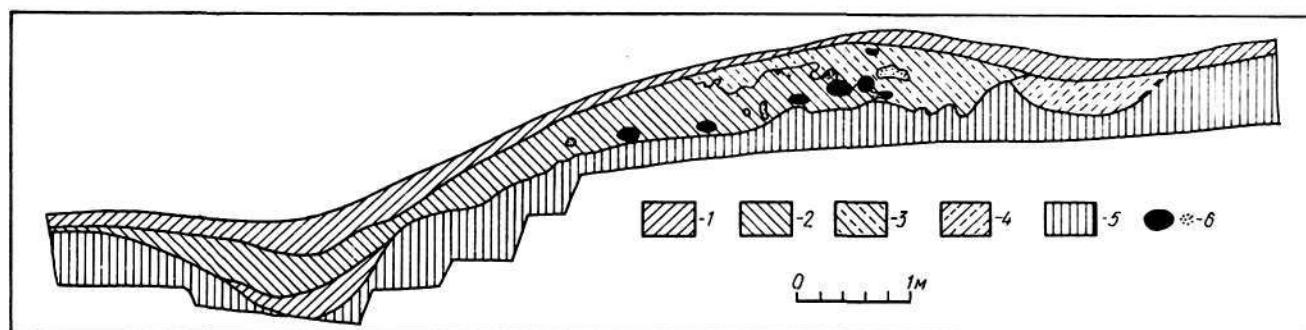

Рис. 97. Разрез вала по правому берегу Бобрицы у с. Заборье.

Песок: 1 — темно-серый, 2 — серый, 3 — серый с темно-серыми пятнами, 4 — серый с желтым, 5 — светло-желтый; 6 — торцы обугленных бревен и угли с сажой.

продольным бревном на конце поперечной прокладки сохранились следы вырубki (кв. 8, внешний край). На кв. 1 среднее продольное бревно, очевидно, предназначалось для поперечной прокладки, но было использовано не по назначению и уложено вырубкой набок (рис. 94). В северной части раскопа на протяжении 6,5 м в двух местах прослежены незначительные остатки пожара.

В лучше сохранившейся части вала, в лесу на линии траншеи № 3 продольные бревна залегали в три яруса (рис. 96). На середине траншеи при разборке конструкции было обнаружено по одному поперечному бревну у основания и между двумя нижними ярусами. Дерево было частично обуглено, одно нижнее бревно истлело.

По сторонам деревянная конструкция была

присыпана материковым белым или светло-желтым песком. В щелях между остатками дерева находился материковый песок с гумусированными пятнами. Первоначальную ширину вала определяет прослойка гумусированного песка, образовавшегося во время строительства и сохранившегося под насыпью вала. Кроме того, остатки конструкций, сползшие к подножию вала, залегают по его краям в виде черного песка с сажой, оконтуривая основание вала [98, рис. 5; 6].

В траншее № 3 конструкция занимала по ширине вала 2 м, внешний откос — 1,6 м, внутренний — не более 2 м. В целом вал имел ширину 5,5 м. Почти такая же ширина (5,5—6,2 м) характерна для вала и на линии траншей № 1 и 2.

Внешний и внутренний рвы имели в сечении полукруглую форму, из них первый был углуб-

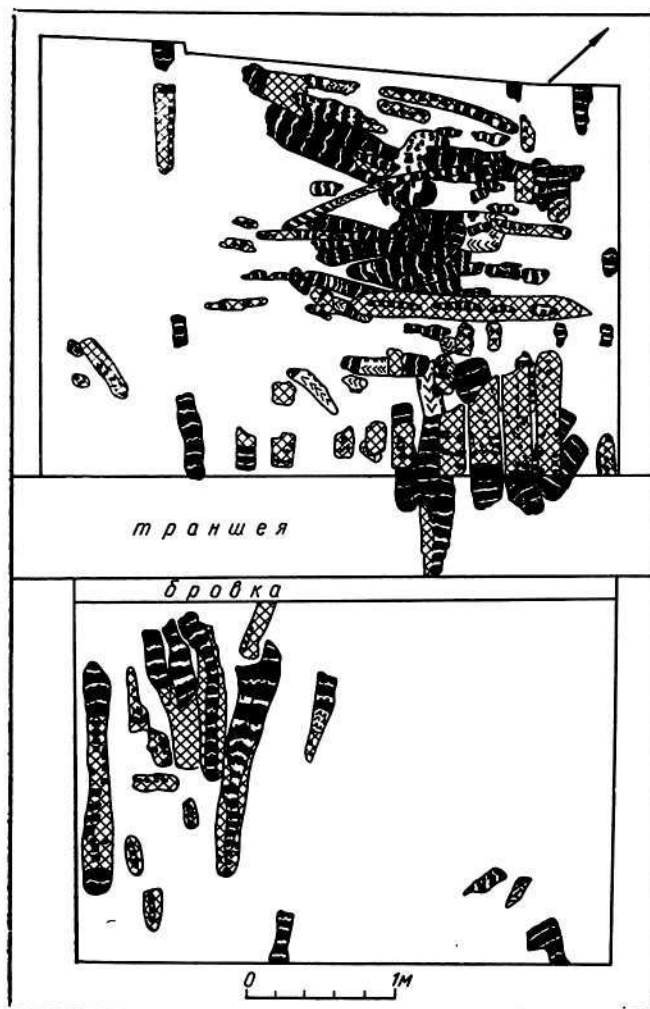

Рис. 98. План обугленных бревен в валу по правому берегу Бобрицы у с. Заборье.

лен на 1,6—1,9 м, а второй — на 0,7—1,3 м ниже основания вала. В ширину внешний ров в траншее № 3 достигал около 4,5 м, в траншее № 2—5,6 м и в траншее № 1 не менее 5 м (края рвов в траншеях № 1 и 2 повреждены обвалами). Ширина внутреннего рва сверху 2,2—3 м. В траншее № 2 перед внешним рвом сохранилась берма шириной 1,8 м, а в траншее № 3 — шириной 1,4 м.

В песчаной насыпи вала по правому берегу Бобрицы у с. Заборье Киево-Святошинского р-на в 1984 г. разрезана сгоревшая конструкция шириной 3 м из дубовых и сосновых бревен. С внутренней стороны обнаружен небольшой ров с полусферическим дном, который четко фиксирует край вала. Напольный ров (от реки) был небольшим — ширина 2,5, глубина 0,9 м, но поскольку он устроен на склоне к пойме, его дно опущено на 2 м ниже основания вала (рис. 97). Между рвом и наружным краем вала находилась берма шириной около 1 м. Первоначально вал мог иметь ширину примерно 4,2 м.

Остатки конструкции были исследованы в плане по обе стороны от траншеи на длину 6 м. На глубине 0,2—0,4 м от современной поверхности большинство сосновых и дубовых бревен залегало в продольном направлении, но в северной части раскопа преобладали поперечные бревна (рис. 98).

В с. Фасовочка Макаровского р-на Киевской обл. в 1975 г. аналогичная конструкция исследована на небольшом отрезке I вала в междуречье Ирпеня — Тетерева. В основании спланированного вала высотой всего 0,6 м на раскопе размером 2—2,8 м вдоль и 4,4—4,6 м поперек вала были расчищены остатки обугленных дубовых бревен, сохранившихся местами в пять ярусов (рис. 99; 100). Бревна лежали рядом вдоль вала или же не совсем параллельно на некотором удалении друг от друга. Поперечные бревна располагались редко, с промежутками в среднем 0,6—0,9 м (не считая самых нижних, залегавших по несколько в ряд, но наискось к направлению продольных).

Толщина бревен от 10 до 30 см, но преобладали кругляки диаметром 12—15 см. На бревнах во многих местах сохранилась кора в развернутом виде. Очевидно, она распрямилась вследствие значительной усадки бревен. Нижние бревна были гнилыми, частично обуглившимися.

По ширине вала конструкция занимала на одном краю раскопа 3,4 м, а на противоположном — 2,8 м. По сторонам она была присыпана плотной желтой глиной, а посередине между бревнами находился мягкий светло-серый суглинистый песок с примесью саж и угольков. Отдельные куски обугленных бревен залегали и в глиняной присыпке со стороны рва (с юго-запа-

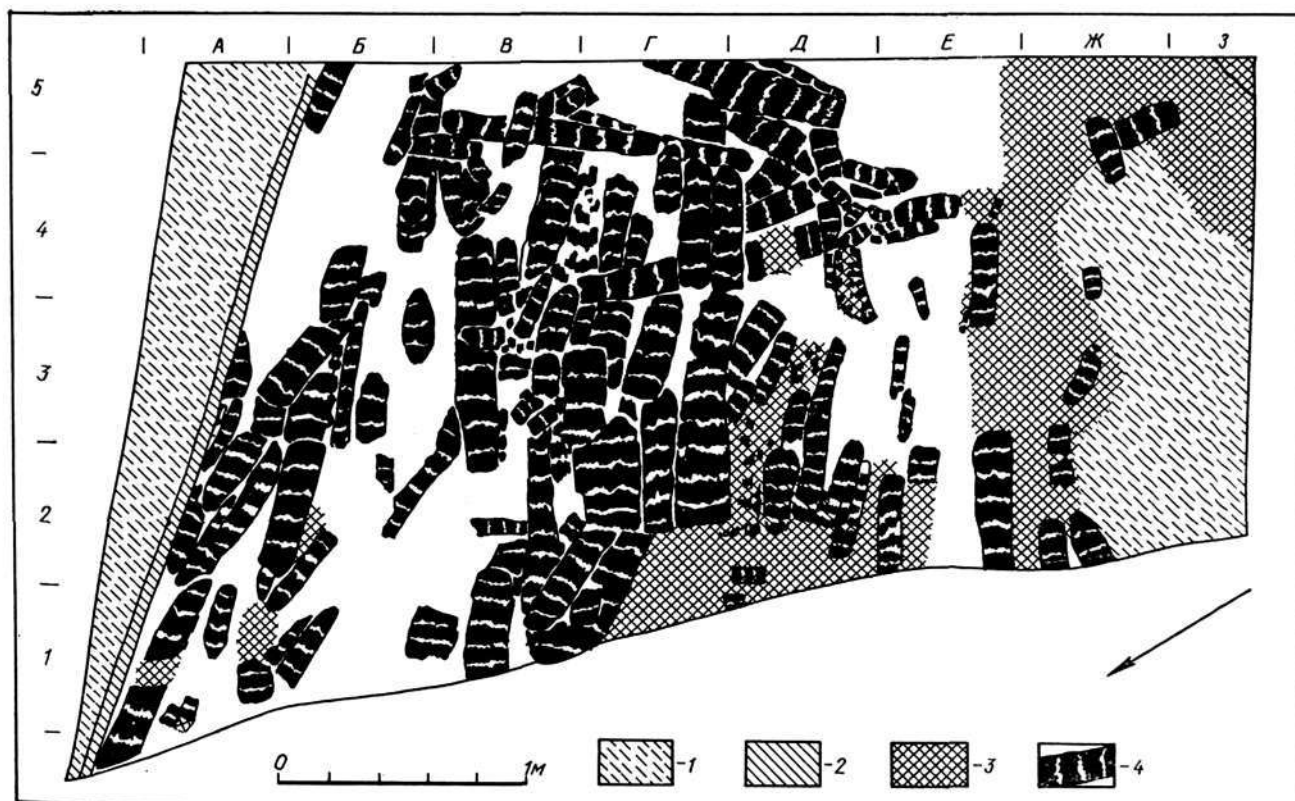

Рис. 99. План обугленных бревен в I валу в с. Фасовочка на р. Здвиж.

1 — желтая глина; 2 — пережженная докрасна глина; 3 — сажа с мелкими угольками; 4 — обугленные бревна.

да). Материк под валом состоит из светло-серого (почти белого) суглинка.

III вал этой же оборонительной системы исследован в 1975 г. в с. Заваловка Макаровского р-на на краю проезжей части улицы, где на поверхности выступала сажа. Насыпь вала в этом месте не сохранилась, только по краю улицы вдоль внешнего рва она имела высоту около 0,5 м.

В раскопе размером 4 м по ширине и 2,7 м по длине вала среди сажистой земли с угольками расчищены куски свыше десяти продольных и трех поперечных перегоревших дубовых бревен. Два поперечных куса лежали рядом, а третий — в 1,6 м от них (рис. 101). Конструкция шириной 3 м находилась в центре вала. Под ней

Рис. 100. Нижний горизонт обугленных бревен в I валу в с. Фасовочка на р. Здвиж. Вид с востока.

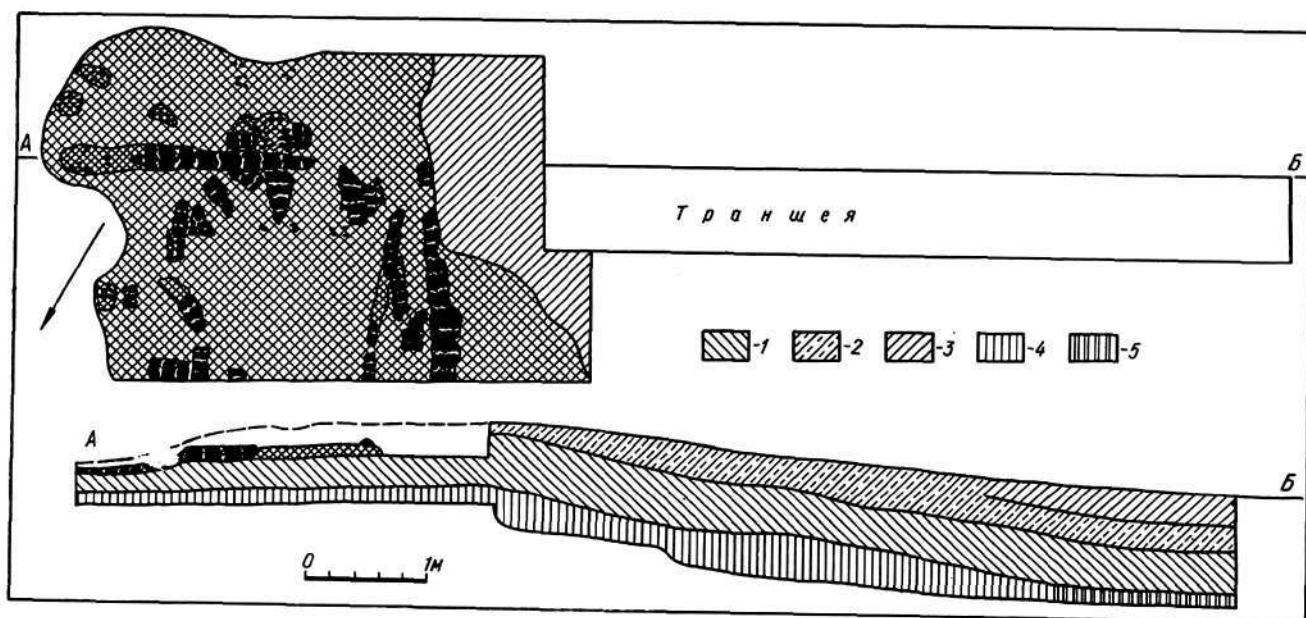

Рис. 101. План и профиль поперечного разреза III вала в с. Заваловка на р. Здвиж.
Песок: 1 — светло-серый, 2 — темно-серый, 3 — серый, 4 — светло-желтый; 5 — болотная руда.

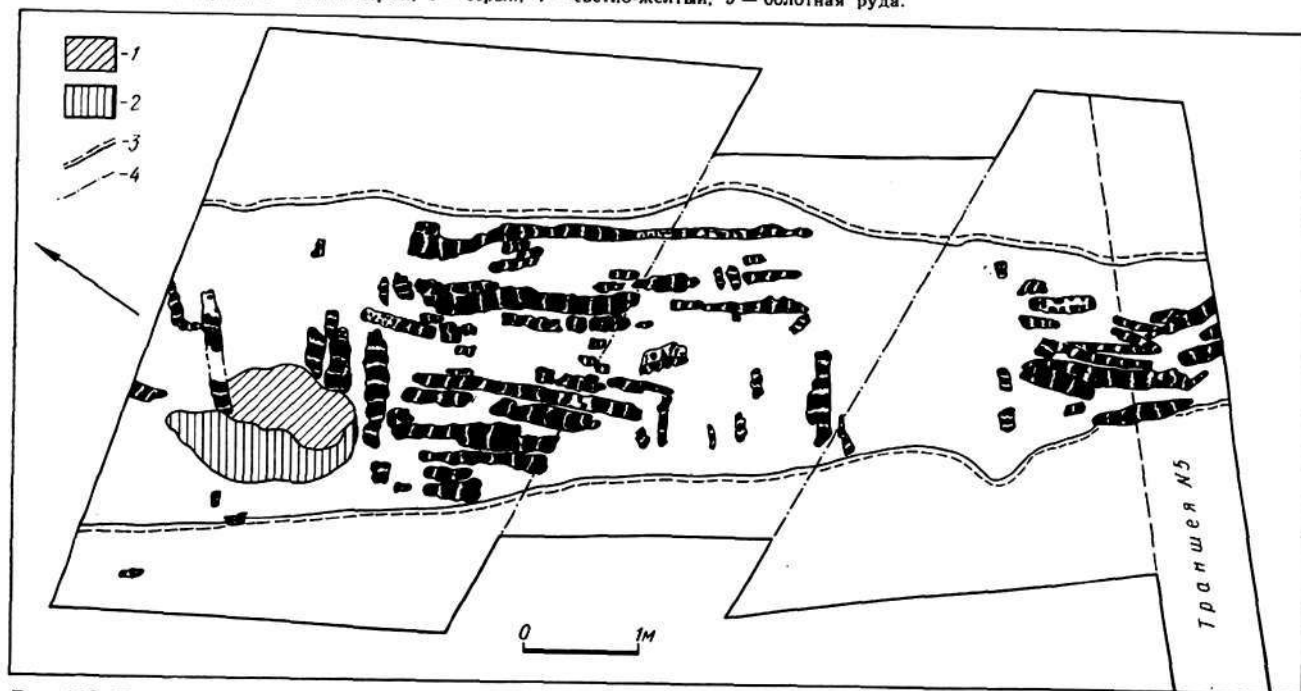
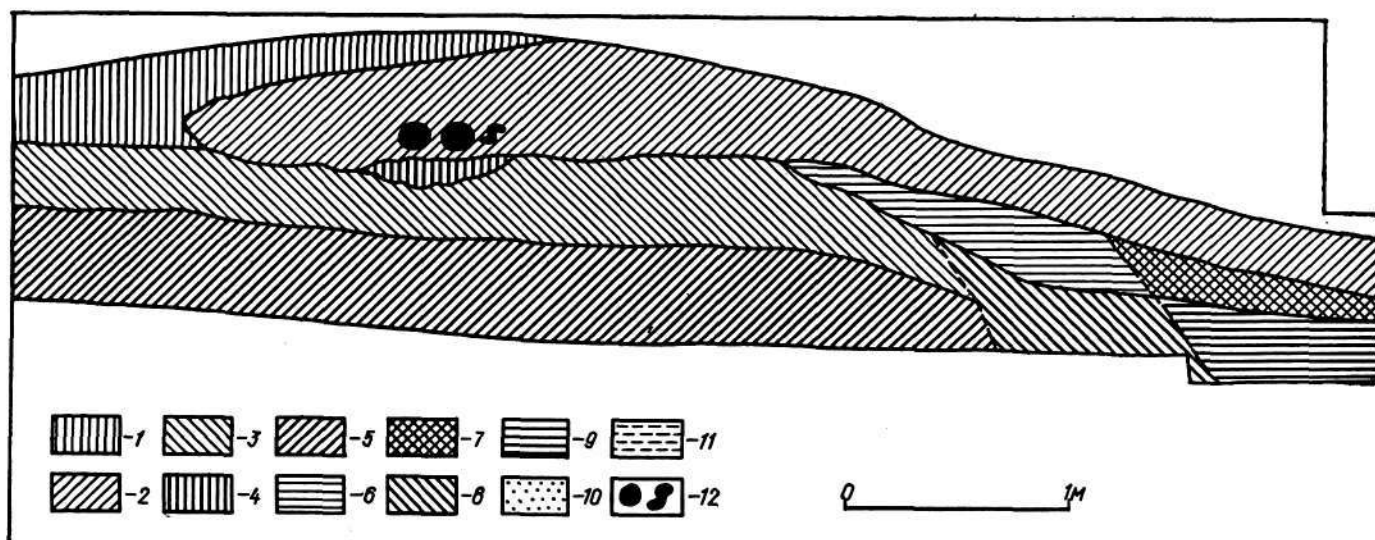

Рис. 102. План обугленных бревен в Дорогинском валу на раскопе у траншеи № 5.
1 — красная и желтая пережженная глина; 2 — пережженная глина в темно-серой земле; 3 — контуры суглинистого грунта со следами в пятнах обожженного суглинка; 4 — края современной дороги.

Рис. 103. Остатки обугленных бревен в Дорогинском валу на раскопе у траншеи № 5. Вид с северо-востока.
а — к северу от дороги; *б* — к югу от дороги.

залегал слой светло-серого песка, толщиной 20 см, ниже которого начинается светло-желтый материковый песок.

Непосредственно к западу от раскопа с помощью траншеи была разрезана внутренняя половина внешнего рва. В 1,2 м от крайнего бревна находилась пологая внутренняя стенка рва, которая через 4,6 м переходила в дно рва, углубленного всего на 1 м, так как ниже залегает очень твердая болотная руда.

В юго-восточной половине Дорогинского вала, в 1 км юго-восточнее пруда на бывшей р. Шкаровка перекладная конструкция была обнаружена в срезе насыпи вала лесной дорогой. На ее проезжей части и по сторонам, насколько позволяло свободное от растущих деревьев пространство, был заложен раскоп длиной 9,5 шириной 4—5 м. На глубине 20—40 см под современной задернованной поверхностью в светло-желтом суглинстом грунте были расчищены куски обугленных дубовых бревен, преимущественно продольных и отчасти поперечных (рис. 102; 103). Бревна находились посередине вала и образовывали полосу шириной 2,6—1 м, а судя по следам обожженности в насыпи, конструкция могла быть несколько шире — от 2,8— до 1,2 м (к югу она сужалась; очевидно, в эту сторону на крайние бревна пожар не распространился). Бревна зале-

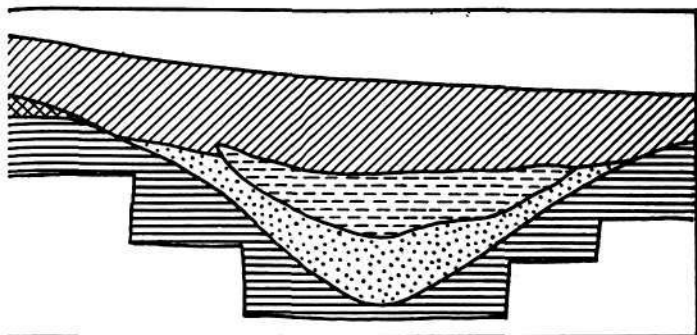
гали в горизонтальной плоскости, но на разных уровнях. Обращает на себя внимание чередование участков с явным преобладанием или продольных, или поперечных бревен. Судя по остаткам, наиболее толстые бревна сохранились на длину 1,5—2 м, а одно (крайнее продольное с восточной стороны) прослежено на длину 3,6 м.

Вал и ров по юго-восточному краю раскопа были разрезаны траншеей № 5 (рис. 104). Насыпь вала из светло-желтого суглинка сохранилась на высоту 0,55 м. Под ней находился слой серого суглинка, переходящего ниже в желтую глину. Через 1 м в наружную сторону от края конструкции начиналась пологая берма шириной 2,8 м, круто переходящая в треугольный в сечении ров. Ширина собственно рва 2,5 м, глубина от основания вала — 1,5 м (от поверхности на внешнем краю рва его дно было углублено на 0,8 м). Первоначальная ширина вала 4—4,5 м.

В Большом валу по левому берегу Роси и его продолжении к Каменке перекладная конструкция открыта в нескольких местах. В 1980 г. вал и ров были разрезаны траншеей в 650 м западнее с. Томиловка. Почти посередине оплывшего вала (несколько ближе к его внутреннему краю) в светло-желтой песчаной насыпи на глубине 30—40 см от современной поверхности обнаружены остатки пожара в виде темно-серого пес-

Рис. 104. Профиль юго-восточной стенки траншеи № 5 через Дорогинский вал.

1 — темно-серая суглинистая земля; 2 — светло-желтый суглинок с сероватым оттенком; 3 — серый суглинок с желтоватым оттенком; 4 — угольки в сером суглинке с желтым оттенком; 5 — желтая глина с темно- и светло-серыми пятнами; 6 — темно-серый суглинок; 7 — темно-желтый суглинок; 8 — желтая глина с темно-желтыми пятнами; 9 — желтая глина; 10 — желтый суглинок с темно-серой землей; 11 — темно-серая земля; 12 — торцы обугленных бревен.

ка с примесью сажи, залегавшего у основания вала на ширину 2—2,2 м при толщине 40—45 см. В этом же слое находились перегоревшие продольные дубовые бревна, частично распавшиеся на уголь (рис. 105). Примерно через 2,2 м во внешнюю сторону от остатков пожара начиналась пологая стенка рва в виде бермы шириной 2,8 м, круто переходившей в нижнюю часть рва с почти плоским дном и отлогим наружным краем. Ширина рва вверху (без наклонной бермы) 6 м, по дну — около 1,4 м. Глубина рва от основания вала 1,4 м.

Во внутреннюю сторону траншея прокопана на длину 4,8 м от края сгоревших конструкций.

При этом, ров или углубление в светло-желтом материковом песке с этой стороны не обнаружены. Первоначальная ширина внутреннего склона вала, судя по его остаткам, могла быть 1,2—1,8 м, а вала в целом — около 5,5 м.

Для исследования конструкции в 1981 г. по обе стороны от траншеи был заложен раскоп на двух участках: № 1 к востоку от траншеи длиной 2,4 и № 2 к западу от траншеи длиной 8 м. Под верхним слоем насыпи из желтого песка на глубине 30—40 см обнажилась полоса шириной 1,2—2 м более темного песка с примесью сажи, мелких угольков и с пятнами отдельных бревен. На уровне 45—65 см ниже верха вала были расчищены остатки сгоревших дубовых бревен, сохранивших первоначальные очертания по пропитанному сажой песку с обугленной в ряде случаев сердцевинной и занимавших по ширине вала 1,3—1,7 м (рис. 106, а; 107). Поверхность горелого слоя на большей части понижалась от центра к краям соответственно поперечному профилю вала. При дальнейшей расчистке на участке № 2 внутри пятен от бревен обуглившиеся куски дерева находились в том же положении, а на участке № 1, по сравнению с верхней предварительной зачисткой, более четко определилось местоположение части нижних бревен, сохранившихся в основном по краям конструкции (рис. 106, б). Бревна залежали вдоль вала и реже поперек или наискось к его линии.

В 1982 г. этот же вал был разрезан траншеей № 2 в 2,4 км западнее пгт Ракитное (или в 2 км от восточного конца вала). Как и у с. Томиловка, остатки сгоревшей конструкции находились не в

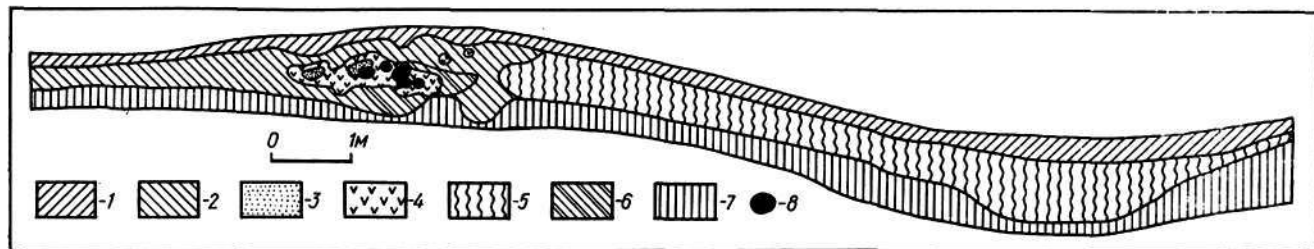

Рис. 105. Профиль восточной стенки траншеи через Большой вал по левому берегу Роси у с. Томиловка.

Песок: 1 — темно-серый, 2 — светло-желтый с гумусными вкраплениями, 3 — черный с сажой, 4 — темно-серый с примесью сажи, 5 — светло-желтый с незначительными гумусными вкраплениями, 6 — светло-желтый с примесью серой земли, 7 — светло-желтый материковый, 8 — торцы обугленных бревен.

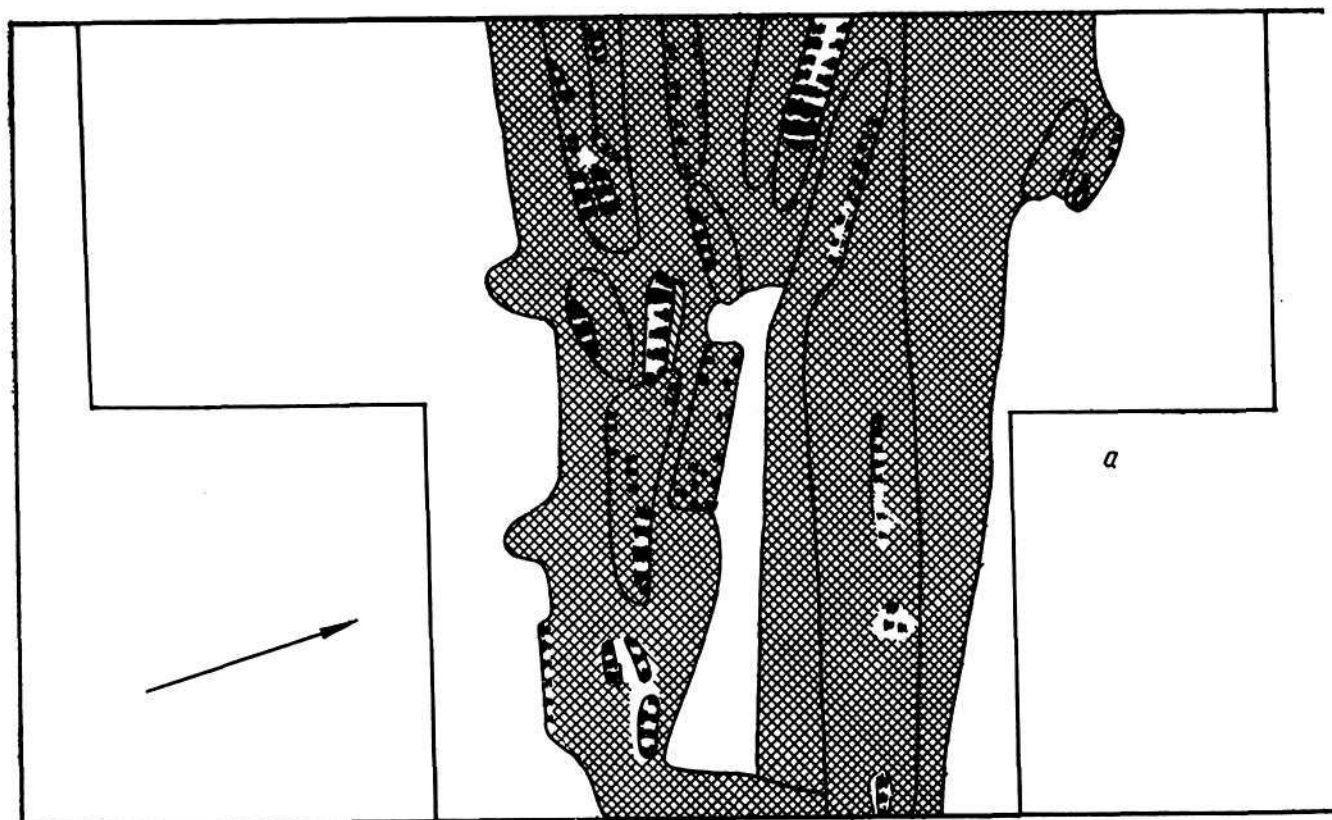

Рис. 106. Остатки обугленных бревен в валу у с. Томиловка (участок I):

a — на глубине 30—40 см от современной поверхности; *b* — в основании вала. 1 — обугленное дерево; 2 — сажа.

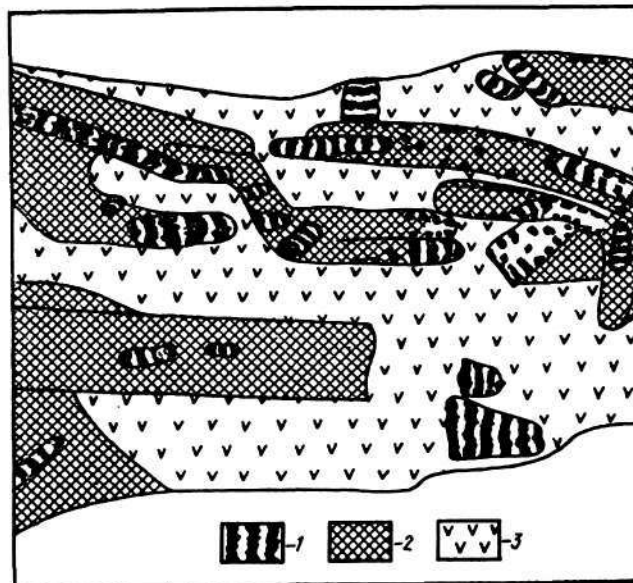
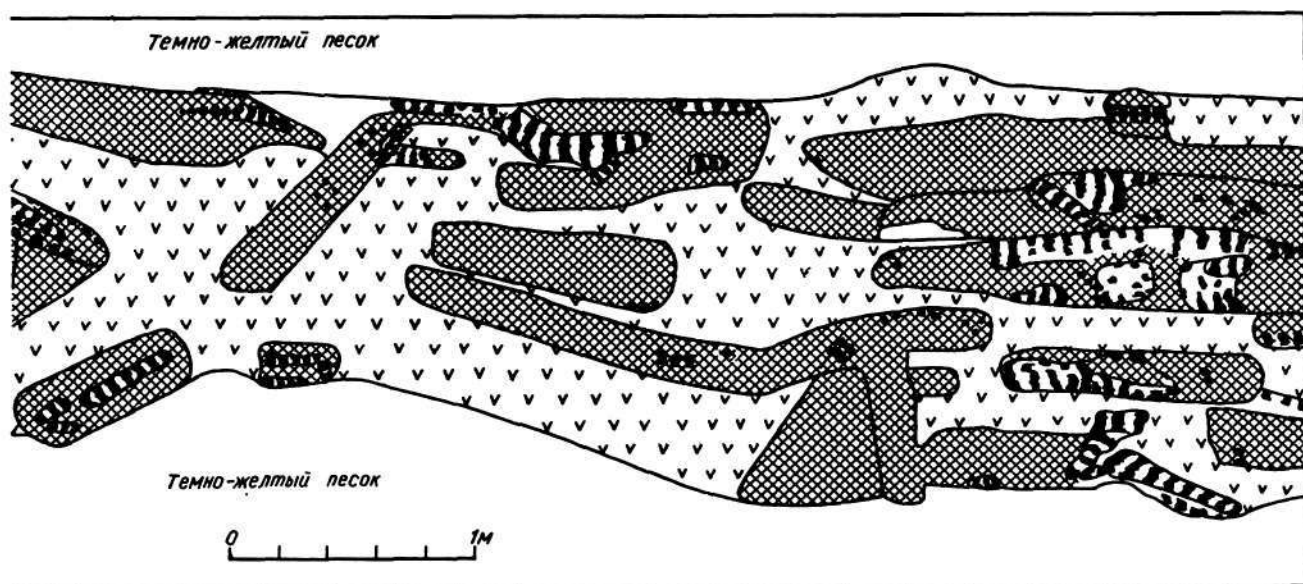
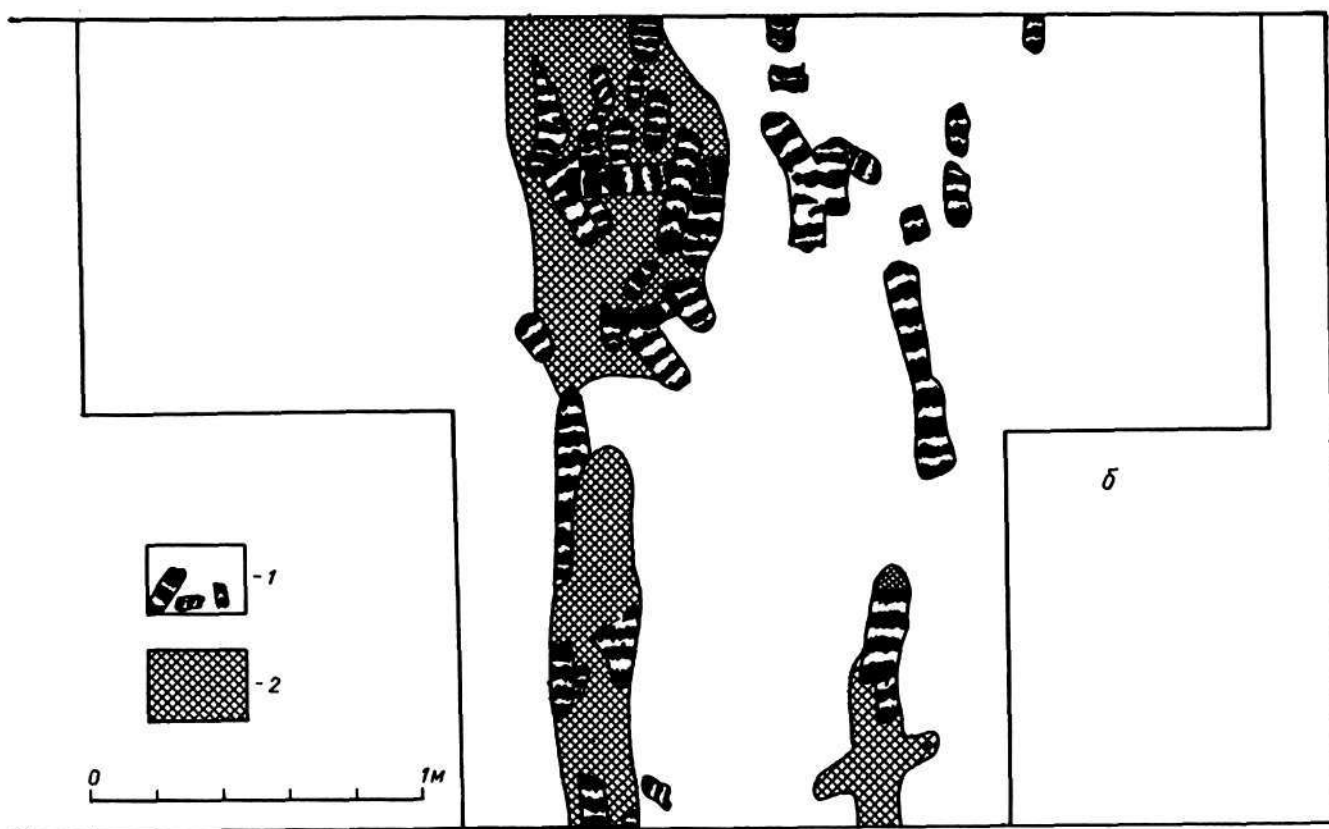

Рис. 107. Остатки обугленных бревен в валу у с. Томиловка на глубине 45—65 см от современной поверхности (участок II):

1 — обугленное дерево; 2 — сажа; 3 — желтый песок с гумусными пятнами.

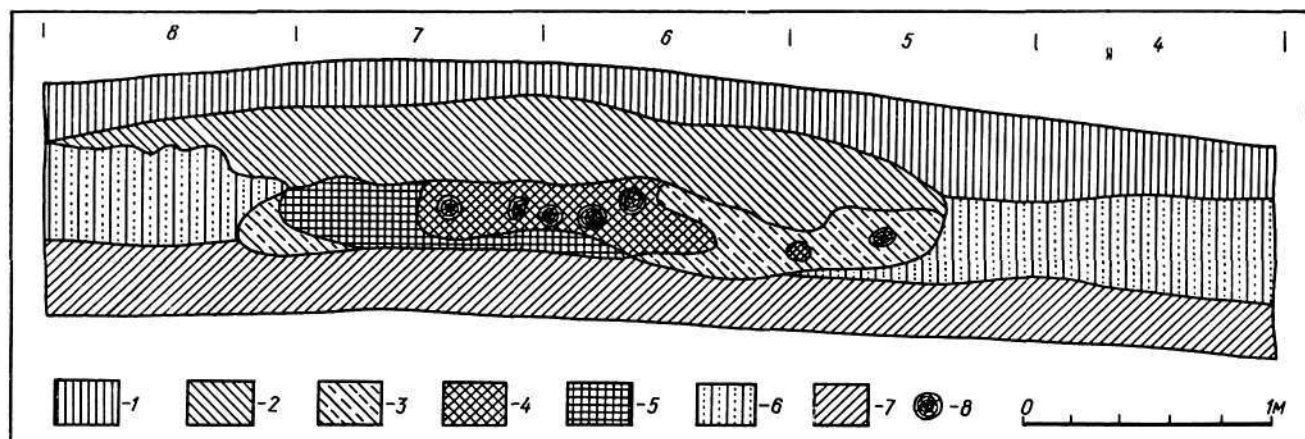

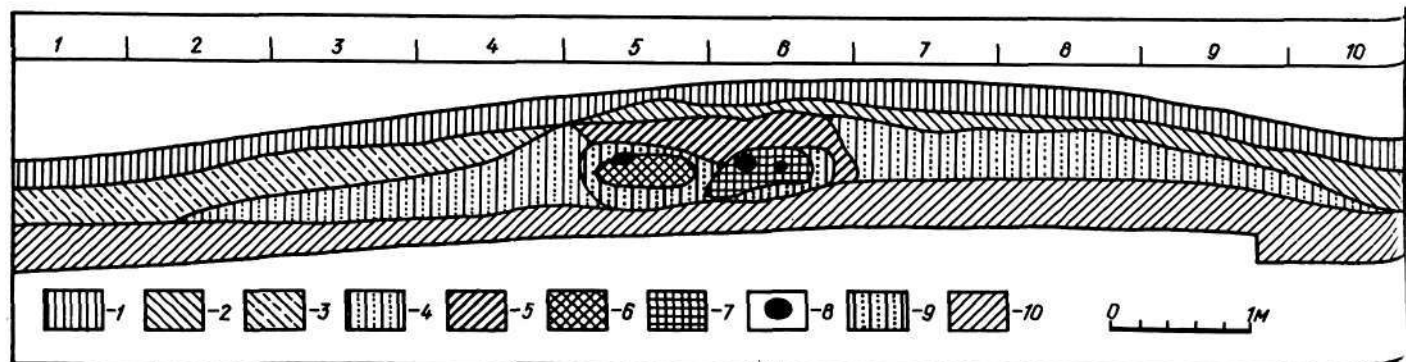
Рис. 108. Профиль отрезка западной стенки траншеи № 2 через Большой вал западнее Ракитного.

Песок: 1 — темно-серый, 2 — темно-желтый, 3 — темно-желтый с гумусом, 4 — черный с сажой, 5 — темно-желтый с примесью саж, 6 — желтый, 7 — светло-желтый; 8 — торцы обугленных бревен.

самом центре вала, а ближе к его внутреннему краю. Песчаная насыпь на месте конструкции выделялась более темным цветом, а ниже в ней залегали продольные куски сильно обугленного дубового дерева. В пропитанном сажой песке в срезе западного борта траншеи выделялись семь торцов, а в срезе восточного борта — три (рис. 108; 109). Ширина конструкции 2 м. Через 2 м от нее начиналась берма, шириной 1 м, отлого переходившая в ров шириной 6 м с почти острым дном, углубленным на 1 м от основания вала.

Внутренний склон шириной примерно 1,5 м состоял, как и внешний, из желтого песка; ров перед ним отсутствовал. В ширину вал занимал примерно 5,5 м.

В 1982 г. у с. Фурсы в основном валу (в 100 м западнее от места ответвления южного вала) на раскопе $4,6 \times 3,5$ м были обнаружены куски сильно обугленных продольных и частично поперечных дубовых бревен, занимавших полосу шириной 2,2 м (рис. 110). Дерево находилось на глубине 60—70 см от вершины вала. Второй, нижний ярус распавшихся на куски продольных и местами поперечных бревен залегал на глубине 80 см по середине конструкции; его ширина — до 1,1 м. Как вверху, так и ниже некоторые куски дерева были ориентированы наискось к линии вала. В большинстве случаев удалось расчистить только сердцевину бревен и судить об их первоначальной толщине трудно. Наиболее крупные

сохранились на ширину 32 см. Насколько удалось проследить, поперечные бревна укладывались с интервалами от 0,6 до 1,8 м, местами они находились друг возле друга. Возможно, первоначально конструкция была шире: черный суглинистый песок, в котором находились остатки дерева, занимал по ширине вала 2,4—2,9 м.

По восточному краю раскопа вал и ров были разрезаны траншеей № 2 (рис. 111). По краям слоя с деревом залегал светло-желтый и желто-серый суглинистый песок; материк под валом состоит из темно-желтого суглинка. Примерно в 1,6 м от конструкции начинался ров с довольно крутыми стенками, выкопанный в суглинке на глубину 1,8 м от основания вала и шириной сверху 5 м. Во внутреннюю сторону траншея была продлена на 5,5 м от слоя с остатками дерева. Первоначальные очертания края вала расплывчаты.

Траншеей № 3 этот же вал был разрезан в 125 м к востоку от ответвления южного вала. Куски обугленных продольных дубовых бревен залегали по середине вала на глубине от 16 см до 1,1 м (рис. 112). Насыпь вала из темно-серого суглинистого песка имела внизу, как и в других валах с перекладной конструкцией, черный цвет шириной у основания 3 м. Под вершиной вала обнаружено только два рядом расположенных бревна, крайние при оплыве насыпи могли не сохраниться, но кажется более правдоподобным, что сверху конструкция суживалась; часть бревен при расползании верхней части вала сместилась в наружную сторону и находилась за пределами конструкции. В плане уцелевшие продольные бревна на линии траншеи залегали на раз-

личных уровнях по два рядом с более значительными промежутками между парами (рис. 113, а). В оборвавшейся части конструкции в наружном южном склоне вала на крайнем бревне сохранился кусок второго, верхнего, бревна. Ближе к внутреннему краю между двумя продольными бревнами лежал в сместившемся наклонном положении обугленный кусок распавшегося поперечного бревна. Среди нижних бревен, уплотненных давлением насыпи, наиболее толстые имели диаметр 20—25 см.

В 1,5 м от остатков конструкции начинался ров, в профиле треугольный, с узким (30 см) округленным дном, глубиной 2 м ниже основания вала, шириной сверху около 6 м, выкопанный в светло-желтом суглинке, а ниже — в светло-желтой глине. Внутренний широкий склон вала из светло-желтого суглинистого песка оплыл и контуры его определить не удалось. Первоначальная ширина вала около 6 м.

Аналогичная конструкция обнаружена в 1984 г. в северо-западной части этой же оборонительной линии — в Попельнянском валу у с. Великие Лесовцы. В суглинистом валу траншеей перерезаны сильно перегоревшие продольные бревна, залегавшие на глубине 38—90 см от современной поверхности и образывавшие кладку шириной 3 м (рис. 113, б).

В 1985 г. обугленные остатки конструкции шириной 3 м из продольных и частично поперечных дубовых бревен исследованы в валу по правому берегу Сулы в пойме Слеспорода юго-восточнее с. Вязивок Лубенского р-на Полтавской обл. (рис. 114). Поперечным разрезом открыты внешний и внутренний рвы глубиной соответственно 1,5 и 0,7 м, шириной 5,5 и 3 м. Первоначальная ширина вала 5,4 м.

Кроме остатков однорядной конструкции, в некоторых валах обнаружена двухрядная перекладная конструкция, отличающаяся от первой тем, что по краям вала находились две параллельные бревенчатые кладки, промежутки между которыми заполнялся грунтом.

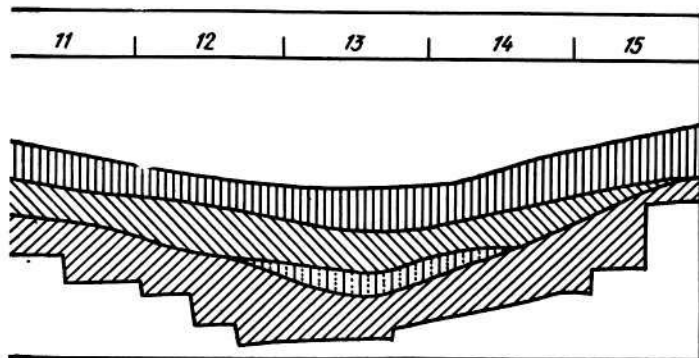

Рис. 109. Профиль восточной стенки траншеи № 2 через Большой вал западнее Ракитного.

Песок: 1 — темно-серый, 2 — темно-желтый, 3 — темно-желтый с серым, 4 — желтый, 5 — темно-желтый с гумусом, 6 — черный с сажой, 7 — темно-желтый с сажой; 8 — торец обугленного бревна; 9 — темно-желтый с примесью черного песка, 10 — светло-желтый.

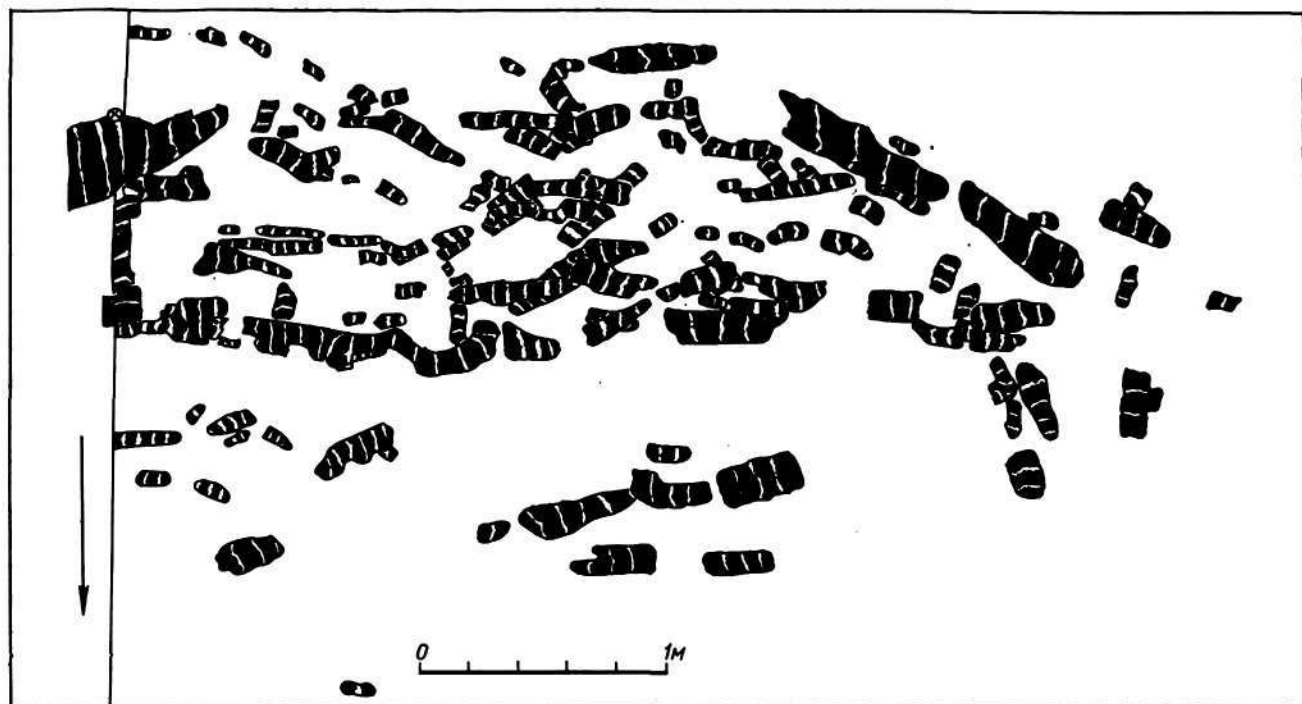
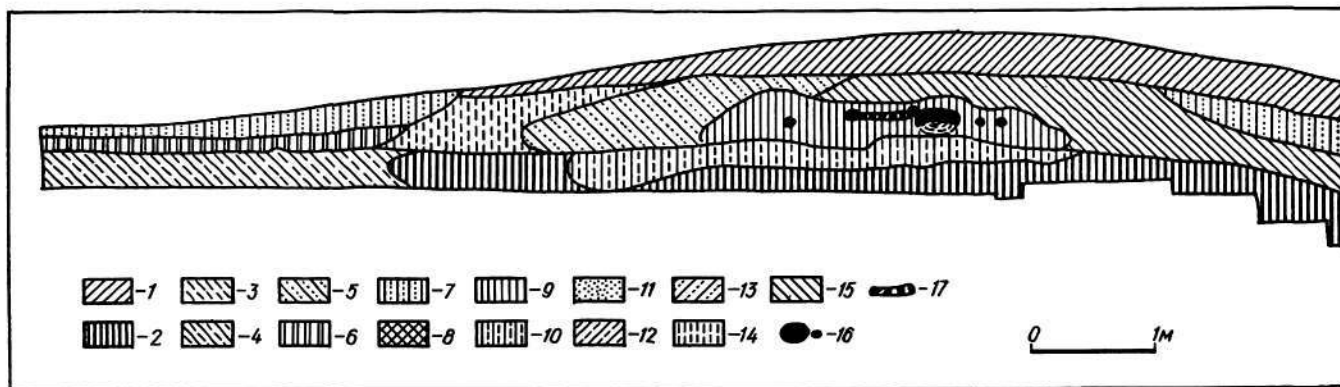

Рис. 110. План сгоревшей перекладной конструкции в основном валу на раскопе у траншеи № 2 возле с. Фурсы.

Такая конструкция открыта в 1974 г. в I валу между хут. Хлебча и с. Плисецкое в траншее № 2 на расстоянии 290 м на север от места отклонения поперечного вала [98, с. 205—209, рис. 8—11]. Траншея была прокопана на пони-

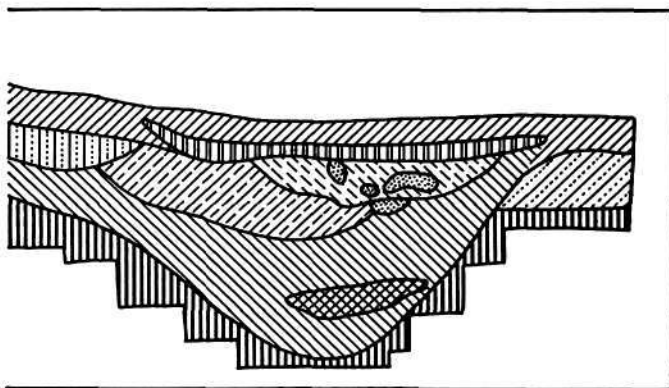
женном участке вала (на месте более ранней траншеи А. С. Бугая), где его насыпь из белого песка сохранилась на высоту 80—90 см (рис. 115). Древнюю поверхность под валом отличает прослойка серого песка, ниже которого начинается

белый материковый песок. По краям вала в обеих стенках траншеи были обнаружены обугленные торцы продольных дубовых бревен. С внешней стороны обугленные остатки дерева занимали в ширину 1,2 м, а с внутренней — 1 м. Бревна, обращенные к центру вала, находились выше остальных. Промежуток между двумя кладками шириной 3,5—3,7 м был заполнен насыпью.

Край внешнего откоса в период разрушения вала после пожара определяет прослойка черной земли с сажей, образовавшаяся за счет сползания к подножию вала распадающихся верхних обугленных бревен конструкции. Ширина откоса составляла примерно 1,3 м. Далее начиналась отлогая стенка рва, через 2,3 м круто переходящая в его нижнюю часть с округленным дном. Глубина рва 2,45 м от основания вала и 1,75 м от уровня поверхности на наружном краю. Ширина рва сверху без отлогий внутренней стенки-бермы 5 м, по дну — 0,6 м. До пожара ров заполнился темно-серой землей на толщину 0,5 м. Ее перекрывает слой интенсивного разрушения обугленных конструкций — из черной земли с сажей, толщиной 28 см, на котором залегает слой черной земли такой же толщины. В верхней части на высоту 70 см ров заполнен серым песком, съехавшим из вала. Первоначальная ширина вала примерно 8 м.

Для исследования конструкции в плане по обе стороны траншеи на свободных от леса местах был заложен раскоп (рис. 116). К югу от траншеи внутренняя кладка раскрыта на длину 11,5 м (участок «а»), внешняя — на длину 4,4 м (учас-

ток «в»). Севернее траншеи исследован внешний ряд конструкции на длину 4,6 м (участок «б»).

Оба ряда состояли из продольных бревен, уложенных друг возле друга на поперечные бревна-лаги, которые чередовались отдельными скоплениями. Судя по плохо сохранившимся остаткам, поперечные бревна прокладывались между продольными в определенных местах, чаще не по одному, а по несколько в ряд. На участке «б» остатки настила из поперечных бревен имели в одном месте ширину 2 м. В другом месте на этом же участке под продольным бревном сохранились две поперечные лаги, удаленные друг от друга на 15 см; верхняя лага была уложена на продольное бревно на линии промежутка между нижними лагами. Скопления поперечных бревен чередовались с интервалами 1—1,5—2 м и более.

В двух различных местах прослежены вырубки: в одном случае (участок «б» кв. 4) верхнее продольное бревно было закреплено в нижнем поперечном, а в другом, наоборот, поперечная лага была врубана в нижнее продольное бревно (участок «в» кв. 3/4). Вырубки в бревнах прямоугольные. В обоих случаях они приходились на крайние внутренние бревна конструкции. Наружные края деревянных кладок сохранились хуже. Как правило, концы поперечных бревен в сторону склонов выступали за линию продольных стен. Лучше сохранившиеся куски бревен имели диаметр 30—38 см. Два продольных бревна на участке «а» оказались расколотыми из одного толстого ствола; они лежали рядом плоскостью вверх, их ширина по 32 см, причем, одно прослежено на длину около 4 м. Обе конструкции в различных местах имеют неодинаковую ширину. Обычно они шире в местах наличия поперечных бревен. В промежутках между последними крайние продольные бревна, обращенные к центру вала, под давлением насыпи сместились в стороны. Очевид-

Рис. 111. Профиль восточной стенки траншеи № 2 через основной вал у с. Фурсы.

1 — темно-серый песок; 2 — темно-желтый суглинок; 3 — темно-серый плотный суглинок; 4 — светло-желтый суглинок; 5 — светло-желтый суглинистый песок; 6 — темно-серый гумусированный песок; 7 — темно-желтый песок; 8 — темно-желтый плотный суглинок; 9 — черный суглинистый песок; 10 — желтый суглинок с темно-серыми пятнами; 11 — черная земля; 12 — темно-серый гумусированный суглинок; 13 — темно-серый суглинок с желтоватым оттенком; 14 — серый с желтым оттенком суглинистый песок; 15 — желто-серый суглинистый песок; 16 — торец обугленного дерева; 17 — обугленное дерево.

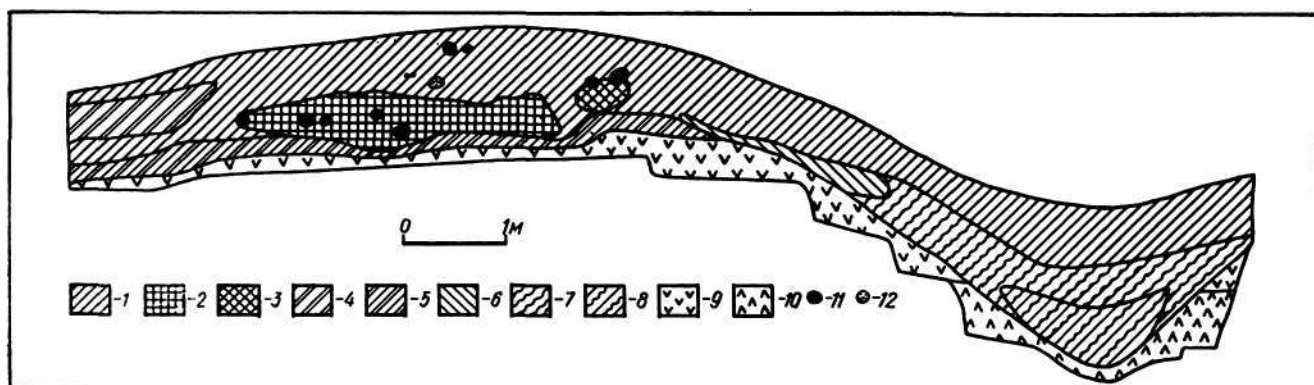

Рис. 112. Профиль восточной стенки траншеи № 3 через основной вал у с. Фурсы.

1 — темно-серый песок; 2 — черный суглинистый песок с сажей; 3 — темно-желтый суглинок с гумусом и примесью саж; 4 — светло-желтый суглинистый песок; 5 — светло-желтый гумусированный суглинок; 6 — серый гумусированный песок; 7 — серый суглинистый песок; 8 — темно-серый суглинистый песок; 9 — светло-желтый суглинок; 10 — светло-желтая глина; 11 — торец обугленного бревна; 12 — серый песок с сажей.

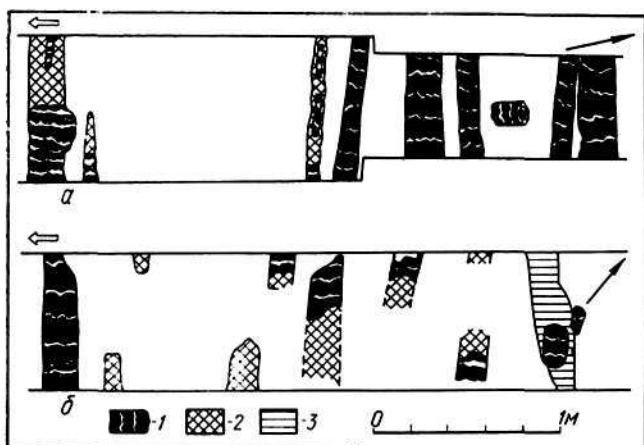

Рис. 113. План остатков обугленных бревен:

а — вал у с. Фурсы; б — Попельнянский вал у с. Великие Лесовцы.
1 — обугленное дерево; 2 — сажа и угли; 3 — пережженная глина.

но, конструкция деформировалась после пожара. Об этом свидетельствует характер смещения продольного бревна на кв. 2,3 участка «в», которое разломилось почти поперек и одна его половина, удерживаемая лагами, осталась на месте, а вторая оказалась сдвинутой к центру конструкции. Разлом, несомненно, произошел в то время, когда дубовое бревно находилось уже в обугленном состоянии.

Остатки продольных бревен во внутреннем ряду занимали ширину 1,4 м, а в наружном — 1,1 м. Пространство между двумя стенками, образованными с применением перекадной конструкции и отстоявшими друг от друга на 3,3—3,5 м, было заполнено песком. Очевидно, в отдельных местах обе стены были скреплены поперечными стяжками. Разрезом вала по линии поперечных бревен на участках «а» и «в» их продолжения в промежутке между кладками не обнаружено.

На противоположном конце этой же оборонительной линии, на участке между селами Плисецкое и Перевоз, аналогичная конструкция частично исследована в 1983 г. в вале в 750 м восточнее р. Ирпень. Обугленные конструкции были обнаружены в обрыве старого карьера, уничтожившего внешний (южный) склон вала. Зачисткой обрыва удалось установить, что остатки сильно сгоревших сосновых и дубовых бревен залегают в наружном склоне вала в поперечном и продольном направлениях (рис. 117—119). В основании склона со стороны, обращенной к центру вала, находилось несколько продольных обугленных дубовых бревен в виде расплывшейся стены, в которой были закреплены обломившиеся концы сосновых поперечных бревен. В 40 см выше основания вала и ближе к его середине из карьера выступали три продольных дубовых бревна, ле-

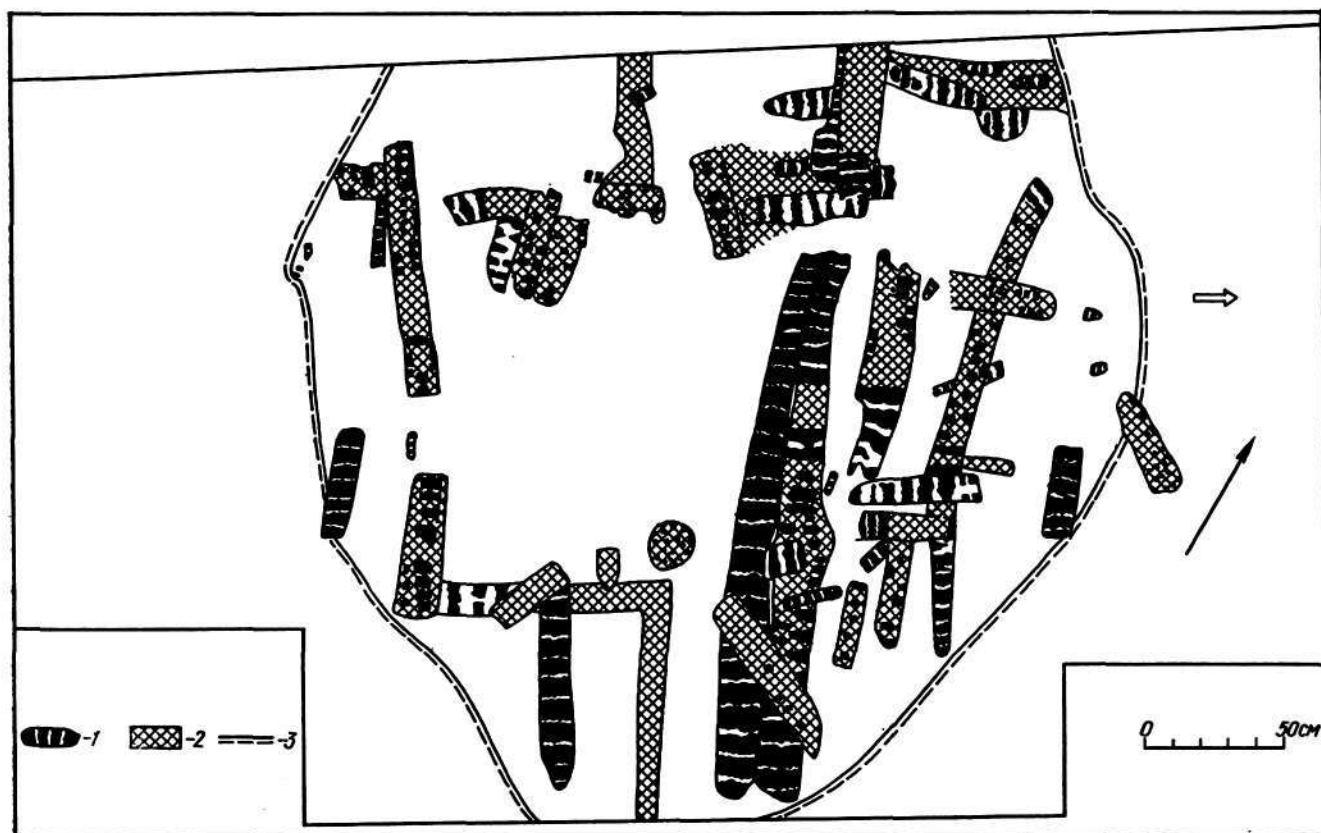

Рис. 114. План остатков обугленных бревен в Посульском валу у с. Вязовок:

1 — обугленное дерево; 2 — темно-серый песок с сажой; 3 — граница слоя пожара.

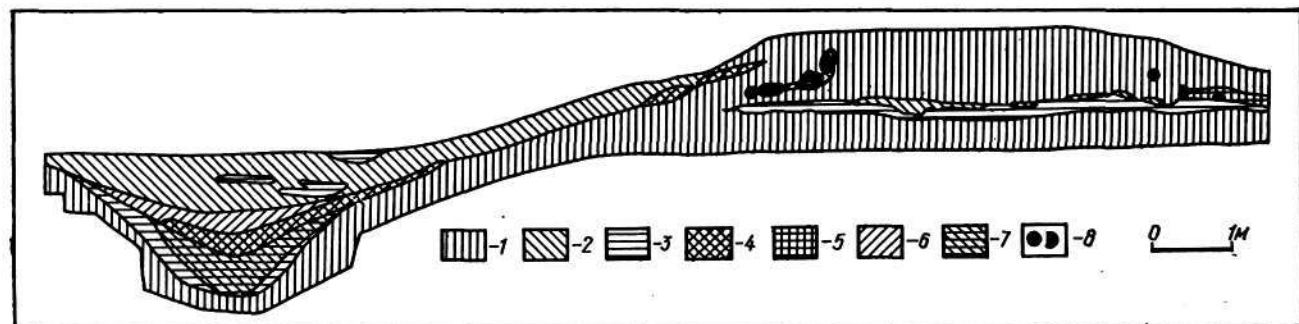

Рис. 115. Профиль северной стенки траншеи № 2 через I вал в междуречье Стугны — Плиски у хут. Хлебча.

Песок: 1 — белый, 2 — серый, 3 — белый с серыми пятнами; 4 — черная земля с сажой; 5 — белый песок с вкраплениями угольков и саж; 6 — черная земля; 7 — темно-серая земля; 8 — торцы обугленных бревен.

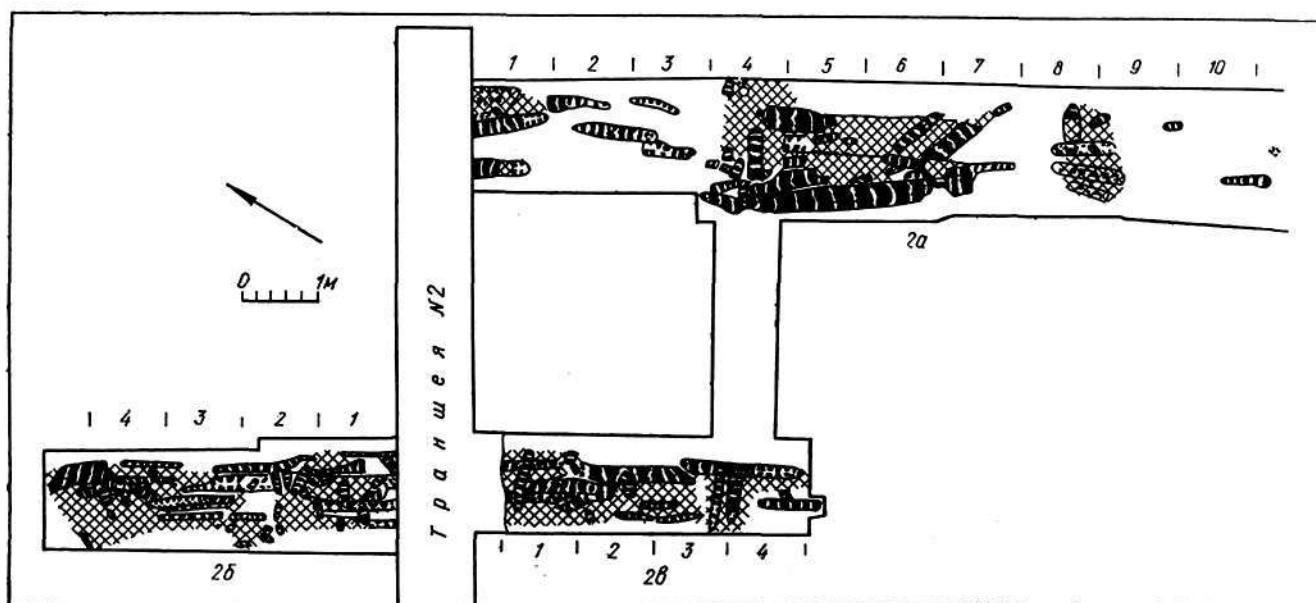

Рис. 116. План раскопа № 2 с остатками двухрядной перекладной конструкции в I валу в междуречье Стугны — Плиски у хут. Хлебча.

жащих друг на друге в виде второй стены, располагавшейся уступом по отношению к внутреннему краю нижнего яруса конструкции. В наружную сторону от них понижались соответственно склону поперечные сосновые бревна в виде нескольких настилов, разделенных по ширине и высоте продольными бревнами.

Насыпь вала в центральной части состояла внизу из желтого песка с серыми пятнами, а от основания остатков второй продольной стены и выше — из светло-желтого песка. В наружном склоне, в том числе между остатками дерева, находился серый песок. Под валом на древней поверхности сохранилась темно-серая песчаная прослойка, ниже которой начинался светло-желтый материковый песок.

Дерево на склоне вала образовывало перекладную конструкцию из продольных и поперечных бревен. Остатки его сохранились на высоту 80 см (от самого низа насыпи) и принадлежат 8—10 ярусам.

Впоследствии на свободной площади между растущими деревьями к западу от места зачистки был заложен раскоп размером 3,5 м по ши-

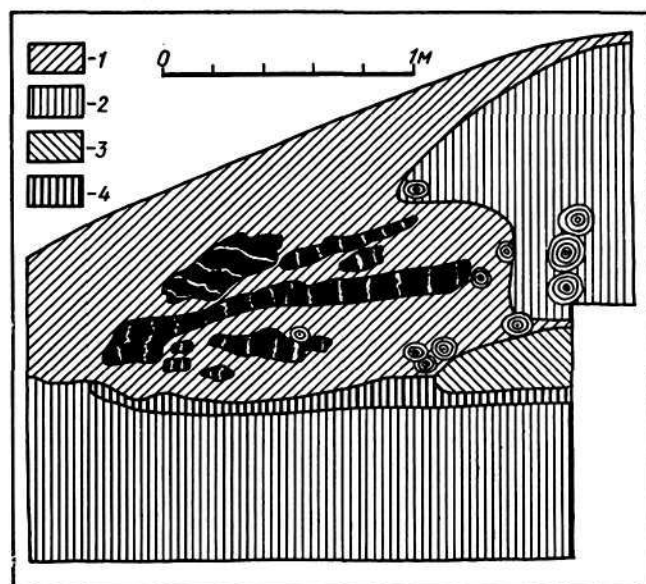

Рис. 117. Остатки сгоревшей перекладной конструкции в зачистке вала у с. Перевоз.

Песок: 1 — серый, 2 — светло-желтый, 3 — желтый, 4 — темно-серый.

Рис. 118. Обугленные бревна в зачистке вала у с. Перевоз. Вид с юго-востока.

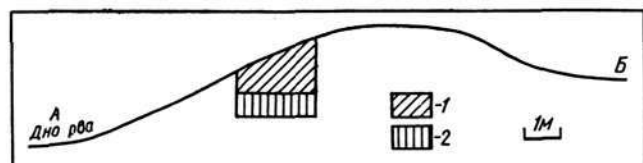

Рис. 119. Местоположение зачистки в профиле вала у с. Перевоз:

1 — насыпь вала; 2 — материк.

рине вала и 2,6 м по его длине. Кроме внешнего склона в раскоп вошел и край центральной части вала (рис. 120). Уже на глубине 12—15 см от современной поверхности местами появился уголь, а по краю центральной части вала, в северо-западном углу раскопа, в 3—4 см под современной поверхностью лежал кусок сильно обугленного поперечного дубового бревна. Ближе к краю склона на глубине 20—40 см было расчищено свыше десяти обугленных толстых кусков продольных сосновых бревен и несколько поперечных сосновых и дубовых (рис. 121), понижавшихся соответственно склону с севера на юг через уступ высотой 30 см. После снятия остатков бревен, раскоп был снова углублен, но нижние куски дерева оказались раздавленными и сильно сгоревшими. В отличие от верхних, они лежали поперек вала и ближе к краю склона, причем толстые были сосновые, а более тонкие — дубовые.

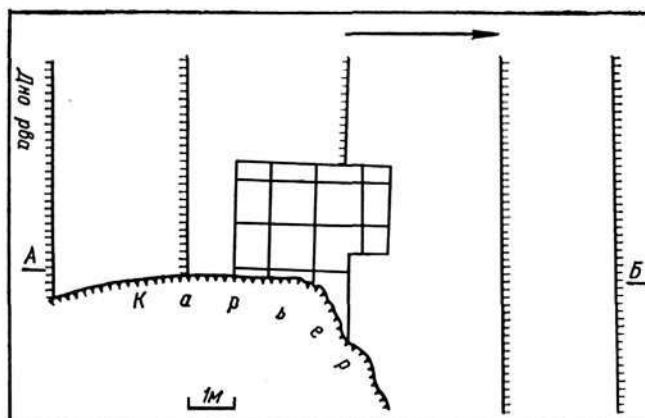

Рис. 120. План раскопа в месте зачистки вала у с. Перевоз.

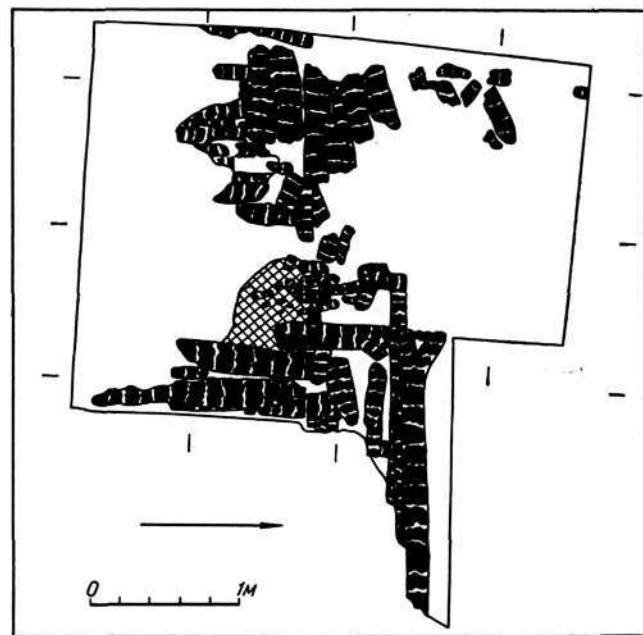

Рис. 121. Остатки сгоревшей конструкции в раскопе на внешнем склоне вала у с. Перевоз.

Три продольных бревна второго снизу яруса, обнаруженные в обрыве карьера в виде стены, были расчищены на длину 2,2 м. В них закреплялись некоторые поперечные бревна,

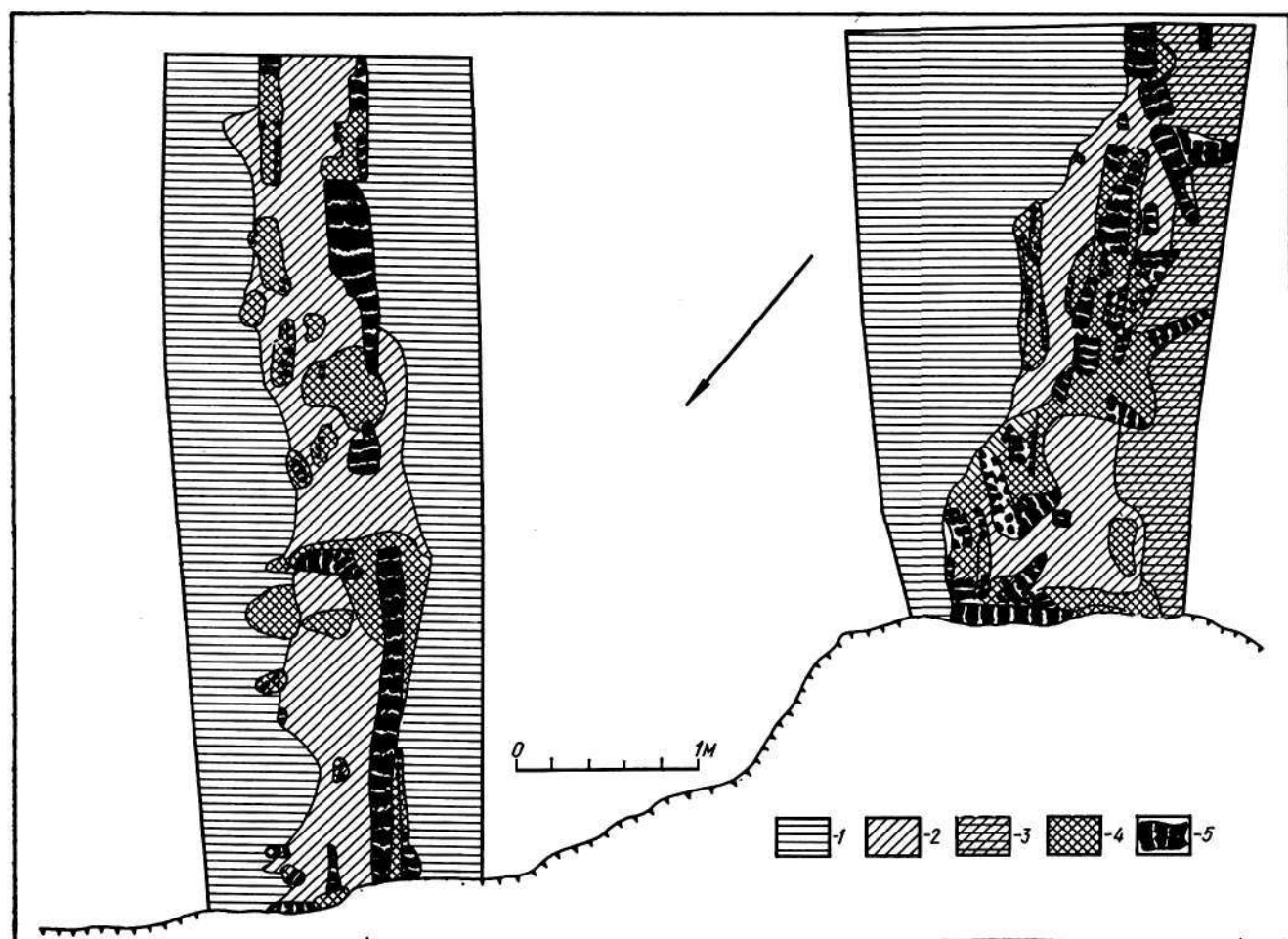

Рис. 122. План двухрядной перекладной конструкции во II валу в междуречье Ирпеня—Тетерева у с. Калиновка II (раскоп № 2):

Песок: 1 — желтый, 2 — с примесью саж или обожженными пятнами, 3 — серый, 4 — с сажей; 5 — обугленное дерево.

сильно разрушенные концы которых выступали за пределы внутреннего края конструкции.

Сопоставление поперечного профиля вала в зачистке карьера с исследованными в плане остатками дерева показывает, что конструкция сверху сужалась. Кладка из продольных и поперечных бревен наращивалась на определенную высоту и последовательно передвигалась ближе к центру вала. С внутренней стороны, примыкавшей к песчаному заполнению, она сужалась че-

рез уступы с вертикальными продольными стенками; аналогичное ступенчатое устройство могло иметь и склон, но только в нижней части, которая закрывалась земляным откосом. Выше по склону продольные и поперечные бревна, разделенные слоями земли, очевидно, постепенно отодвигались с каждым новым ярусом, образуя скат с ровной поверхностью.

В валу у с. Перевоз исследована внешняя часть вала. Аналогичное устройство должна бы-

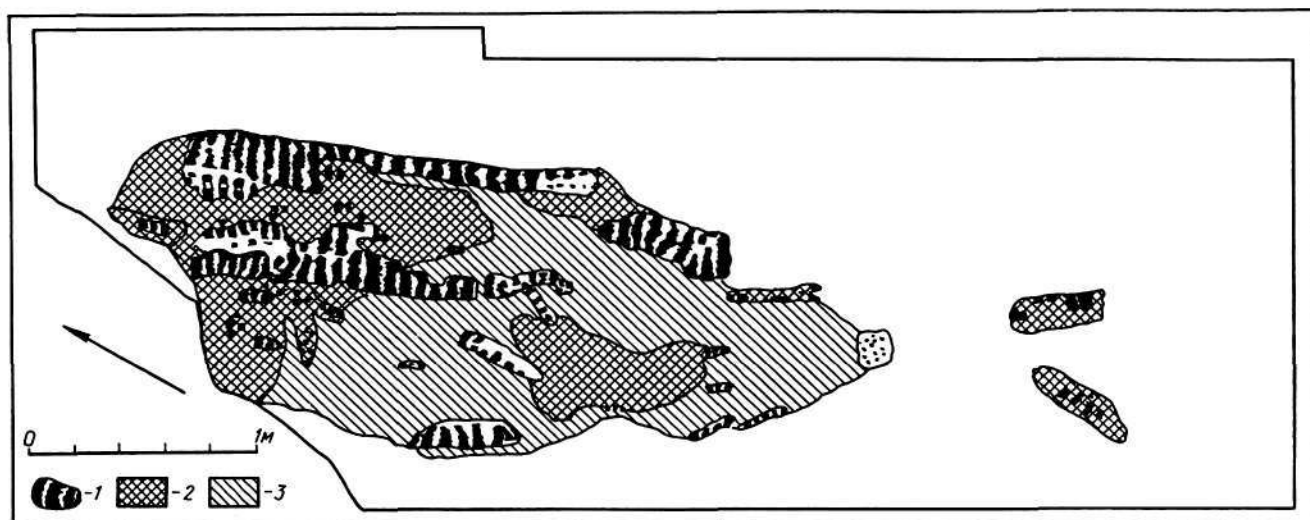

Рис. 123. Остатки наружной бревенчатой кладки во II валу в междуречье Ирпеня—Тетерева у правого берега р. Здвиж (раскоп № 1):

1 — обугленное дерево; 2 — песок с сажей; 3 — светло-желтый песок со следами пожара.

ла иметь и его противоположная сторона под внутренним склоном.

Наружный край бревенчатой кладки в основании конструкции, очевидно, совпадал с окончанием темно-серой прослойки под насыпью вала в зачистке карьера. Если это так, то ширина кладки внизу равнялась примерно 1,3—1,4 м. Можно предположить, что такие же размеры выдерживались и выше. На уровне трех продольных бревен, сохранившихся в виде стены, противоположные концы расчищенных поперечных бревен отстояли от нее на 1,5—1,7 м, однако эти бревна оборвались и частично съехали по склону.

В исследованном месте ширина вала в основании 10 м и высота в центре 1,75 м. Если вычесть оплывшую нижнюю часть внутреннего склона и отложить отмеченную выше ширину бревенчатой кладки, то расстояние между двумя рядами конструкции будет составлять внизу около 4 м. Поперечное бревно на вершине вала указывает на наличие стяжек между двумя рядами кладок, которые сверху сближались и в верхней части переходили в однорядную конструкцию.

Двухрядная перекладная конструкция откры-

та в 1975 г. во II валу междуречья Ирпеня—Тетерева в срезе карьера у с. Калиновка II в 720 м от южного конца вала, примыкавшего к пойме правого берега р. Здвиж. Вдоль вала по краям его центральной части был заложен раскоп № 2 из двух участков: «а» — с внутренней стороны длиной 4,5 и «б» — с наружной — длиной 3,2 м, шириной соответственно 1,6 и 2 м (рис. 122). На участке «а» на глубине 43—67 см от современной поверхности открыто два обугленных продольных дубовых бревна на расстоянии 20—25 см друг от друга, а между ними — отдельные мелкие куски третьего бревна. Остатки поперечных бревен сохранились только в двух местах, разделенных промежутком в 1,1 м; они залегали по два-три рядом. Менее перегоревшее продольное бревно со стороны вала имело диаметр 25 см. Остатки конструкции занимали по ширине 60—80 см.

На участке «б» в северной части находились куски от четырех продольных бревен, а под ними — одно поперечное. В южном направлении конструкция отклонялась кнаружи. Здесь четко прослеживалось вначале одно бревно, но глубже обнаружены остатки трех смещенных продоль-

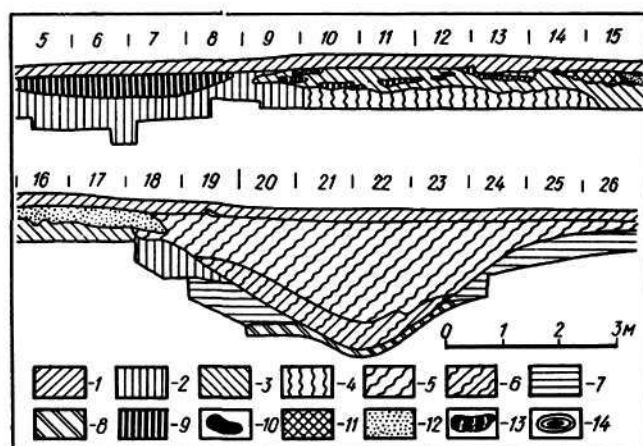

Рис. 124. Разрез южного ответвления IV вала в междуречье Ирпень — Тетерева у с. Сосновка:

1 — темно-серая земля (пахотный слой); 2 — темно-серый суглинистый грунт с желтоватым оттенком; 3 — темно-серый и желтый перемешанный грунт; 4 — темно-серый суглинистый грунт с пятнами кротовин (желтого песка); 5 — серая гумусированная земля; 6 — серая земля с вкраплениями желтого песка; 7 — желтый песок с вкраплениями серой земли; 8 — светло-желтый суглинистый песок; 9 — черная земля; 10 — вкрапления красного пережженного суглинка; 11 — темно-серая суглинистая земля с вкраплениями пережженной глины; 12 — серая гумусированная земля с вкраплениями угольков; 13 — обугленное дерево; 14 — торец обугленного бревна.

ных бревен и трех поперечных. Ширина остатков кладки 80 см, местами — 1,2 м.

Промежуток между кладками шириной 2,8 м в северной части и 4 м в южной заполнен желтым песком, как и внутренний склон вала, а наружный был насыпан из серого песка. Ширина центральной части вала (промежутка вместе с кладками) 5,2 м с юга и 4,8 м с севера.

Вал на месте раскопа шириной 11 м оплыл, его насыпь сохранилась на высоту 0,8 м от основания. Современный склон вала продолжается от конструкции во внутреннюю сторону на 4 м, а в наружную — на 3—3,5 м.

Остатки наружной конструкции в этом же валу были исследованы в 600 м севернее раскопа № 2. На месте выхода углей в поврежденной насыпи вала в 1975 г. был заложен раскоп № 1 вдоль внешнего склона на длину 5 м при ширине 2 м (рис. 123). В северной части раскопа на глубине 40—50 см в светло-желтом песке лежали сильно перегоревшие куски четырех продольных дубовых бревен, занимавших по ширине

1,3 м. Местами находились раздавленные остатки поперечных бревен. Вал сильно оплыл и сохранился на высоту 0,75 и ширину 11,5 м. Расстояние между конструкцией и современным краем рва 1,7 м, в древности этот промежуток был более узким. Шурфовкой сильно оплывшего внутреннего склона вала следов пожара не обнаружено.

Раскопками 1983 г. обнаружены остатки двухрядной перекладной конструкции в почти полностью распаханном южном ответвлении IV вала у с. Сосновка, входящем в оборонительную систему междуречья Ирпень — Тетерева. Траншеей в 1 км севернее р. Ирпень было разрезано основание вала из темно-серой земли, перемешанной с желтым суглинистым грунтом и прослойками чернозема (рис. 124). В этом слое на внутреннем краю вала находились остатки двух обугленных поперечных дубовых бревен, лежавших друг на друге, и кусок продольного бревна. По внешнему краю вала на месте сгоревшей конструкции залегала темно-серая суглинистая земля с мелкими вкраплениями пережженного грунта и крупными пятнами обожженного докрасна суглинка. Далее в наружную сторону находилась почти горизонтальная берма, перекрытая серой гумусированной землей с вкраплениями угольков, частично съехавшей в ров и образовавшейся после пожара в результате разрушения конструкции. Верхняя часть основания вала вместе с остатками конструкций перепажана на толщину в среднем 25 см. Ширина остатков внутреннего ряда конструкции около 1 м, наружного — 1,2 м; ширина бермы не менее 1 м, примерно 1,4 м занимал откос. Расстояние между кладками 3,7 м. В 80 см перед внутренним рядом конструкции начиналось понижение в виде небольшого рва шириной 4 м, глубиной 30—40 см, заполненное черной гумусированной мелкоструктурной землей.

Материк в верхней части состоит из темно-серого суглинистого грунта с желтоватым оттенком. Под валом, кроме краев, этот материк изрыт кротовинами, заполненными желтым песком, который залегает значительно ниже. Кротовины косвенно свидетельствуют о первоначальной ширине вала. Они образовались в период его существования: под толщей насыпи грунт

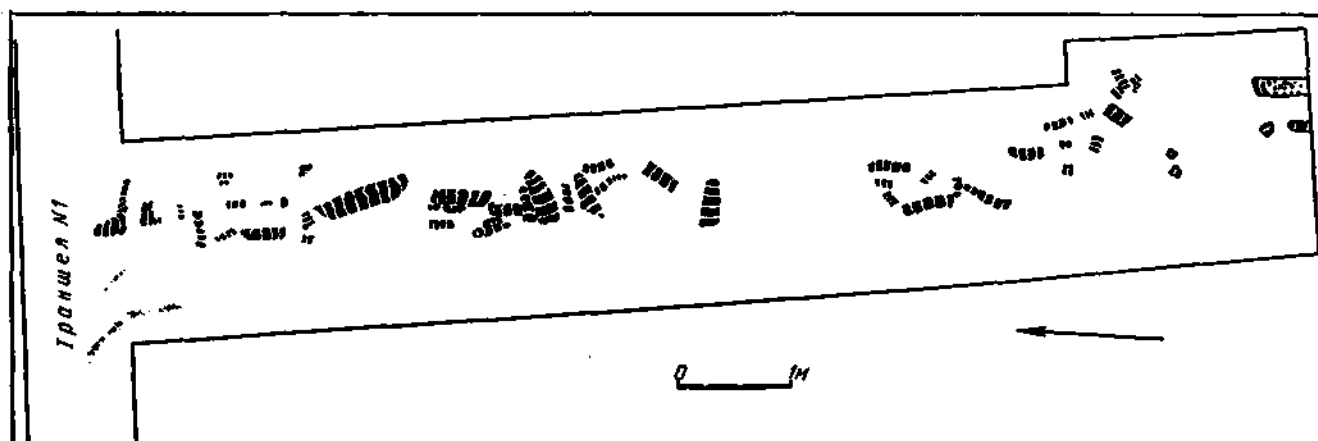

Рис. 125. План остатков внутренней бревенчатой кладки в южном ответвлении IV вала у с. Сосновка.

никогда не промокал. По краям вала, куда проникала влага и где в зимнее время резко понижалась температура, кротовины в верхнем материковом слое отсутствуют.

Внешний ров шириной сверху 8 м имел симметричный треугольный профиль с острым дном, углубленным на 2,4 м ниже основания вала.

Для проверки характера конструкции был зачищен внутренний край вала на длину 10 м к югу от траншеи. На всем протяжении непосредственно под пахотным слоем обнаружены куски сильно обугленных дубовых бревен, часть из них была срезана плугом (рис. 125). Дерево залегало в продольном и поперечном направлениях поперек в среднем шириной 0,8—1 м с нечеткими краями. Местами сохранились куски четырех параллельных продольных бревен. Поперечные бревна группировались по нескольку (до четырех) в ряд или располагались через 50—60—80 см. Обнаружены участки с интервалами между группами поперечных бревен в 1,8 м.

Остатки сгоревшей двухрядной перекладной конструкции исследованы в 1984 г. в Котлярьском валу на левом берегу Унавы напротив с. Великие Лесовицы. Обе кладки с узким промежутком (1,7—1,8 м) расчищены на длину 4,7 м (рис. 126). Местами в них прослежено по четыре продольных бревна, залегавших рядом в два яруса. Поперечные лаги встречались редко, не-

которые из них находились ближе к центру вала и первоначально могли скреплять обе кладки. Склоны вала сильно оплыли и восстановить их очертания, как и ширину бермы, оказалось невозможным. Ров у края заболоченной поймы шириной не менее 5 м был неглубоким (при раскопках в нем выступила вода).

Аналогичная конструкция обнаружена с помощью траншеи еще в двух оборонительных линиях, но ввиду очень плохой сохранности она в плане не исследовалась.

В валу по левому берегу Днепра у бывшего с. Бубнов Золотоношского р-на Черкасской обл. (разрез 1979 г.) остатки сгоревшей конструкции имели вид сместившихся к краям и раздавленных продольных и отчасти поперечных бревен. Посередине вала насыпь из светло-желтого песка сохранилась на высоту 1,2 м. С обеих сторон находились рвы: наружный — шириной 7,5, глубиной 1,5 м и внутренний — шириной 4, глубиной 1,2 м. Расстояние между рвами — 7,2 м, такой была и первоначальная ширина вала в основании.

Следы двухрядной перекладной конструкции открыты в валу между Днепром и Тетеревом у с. Барахты Васильковского р-на Киевской обл. на правом берегу Стугны и у с. Ходорков Попельнянского р-на Житомирской обл. на левом берегу Ирпеня.

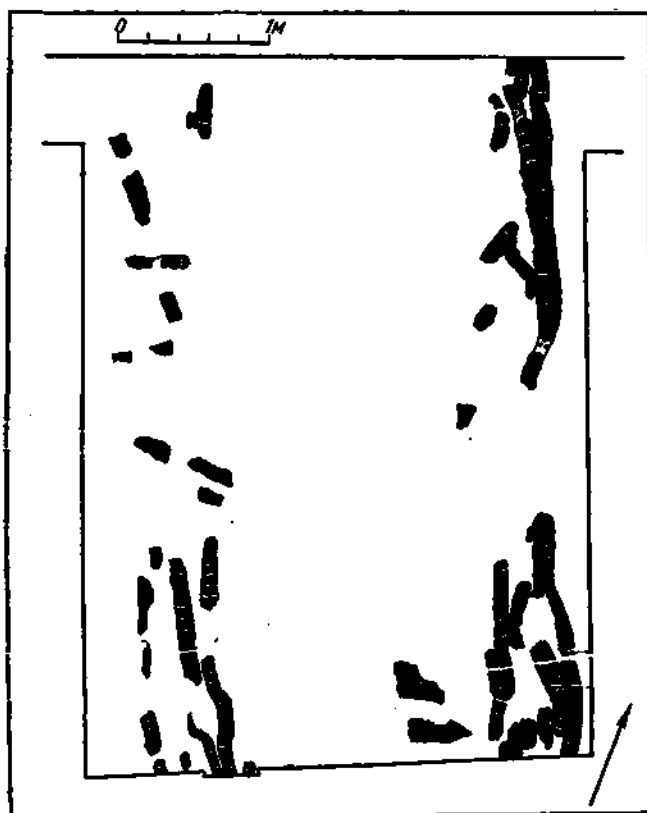

Рис. 126. План остатков конструкции в Котлярском валу у с. Великие Лесовцы.

У с. Барахты в 1982 г. траншеей № 1 были разрезаны по краям вала две кладки с торцами сгоревших продольных бревен в виде разрозненных округлых угольных пятен и пережженной глины шириной с наружной стороны 1,1 м, с внутренней — до 80 см. Между деревянными кладками, удаленными примерно на 3 м друг от друга, находилась светло-желтая глина. Внутренний склон вала прорезан военным окопом. Треугольный ров с южной напольной стороны шириной 4,6 м был углублен на 2,7 м от уровня основания вала и на 2,1 м от современной поверхности. Ширина почти горизонтальной бермы 2,7 м.

В 2 км западнее с. Ходорков в 1984 г. во внутреннем склоне распаханного суглинистого

вала разрезаны остатки сильно обугленных продольных бревен. В наружной части вала находилась вторая конструкция, очевидно, сгнившая — ее местоположению соответствует более темная окраска насыпи. Первоначальная ширина вала 7,5 м. С внутренней стороны он был ограничен небольшим рвом-углублением, а с наружной — пологой бермой и рвом шириной 4,5, глубиной 1,3 м.

Этот же вал разрезан в 230 м восточнее на полностью распаханном участке с культурным слоем древнерусского селища. На линии траншеи почти посередине вала обнаружена упомянутая хозяйственная яма, которой повреждена нижняя нераспаханная часть слоя с сажей и дубовыми углями сгоревшей наружной конструкции (см. рис. 39). Внутренний край вала определен по распространению культурного слоя селища. С этой стороны остатки дерева не сохранились. Ширина вала в основании 8 м, бермы — около 2,5 м, рва — около 4,5 м (разрезан на ширину 3,5 м) при глубине 1,8 м от основания вала.

Для перекладной конструкции характерна техника чередования ярусов из продольных и поперечных бревен. В большинстве случаев продольные бревна настилались на поперечные лаги (Решитки, Фасовочка, Заваловка, Томиловка, Фурсы, Великие Лесовцы), но в отдельных случаях в обоих направлениях бревна попеременно укладывались в виде настилов (Дорогинка, Заборье, Перевоз). В некоторых валах поперечные лаги группировались по две-четыре на близком расстоянии друг от друга (Хлебча, Калиновка, Сосновка, Вязивок). В целом, в Змиевых валах основным элементом деревянной конструкции являлись продольные бревна, а поперечные использовались как прокладки и значительно реже — как настилы.

Продольные бревна размещались рядом или в 20—30 см друг от друга, а поперечные с интервалами от 60 см до 1,5 м и более. В отдельных местах крайние продольные бревна крепились врубками с поперечными.

Сведения об остатках однорядной конструкции дали раскопки 7 валов (табл. 5). Ширина бревенчатой кладки неодинакова даже на одном и том же участке раскопа, что объясняется не

Таблица 5. Первоначальная ширина валов с однорядной перекладной конструкцией и размеры открытых при них ровов по данным раскопок, м

Место исследования, вал	Ширина вала и его частей				Размеры ровов				Ширина бермы
	Вал	Кон- струк- ция	Склоны		внутренний		внешний		
			внутрен- ний	внешний	ширина	глубина	ширина	глубина	
Левый берег Днепра									
Решитки, раскоп		1,4—2,25							
траншея 1	6	1,5	1,1—1,6		3	1,2		1,9	
» 2	5,6—6,2	2	1,3—1,5	2,5—2,9	2,2—2,4	0,6—0,7	5,6	1,8	1,8
» 3	5,5	2	1,9	1,6	3	1,3	4,5	1,6	1,4
Правый берег Бобринцы									
Заборье. Траншея, раскоп	4,2	3	0,6	0,5	1,3	0,35	2,5	2	1
Междуречье Ирпеня — Тетерева									
I вал, Фасовочка									
Раскоп		2,8—3,4							
III вал, Заваловка. Траншея, раскоп		3		1,2				1	
Междуречье Унавы — Ирпеня									
Дорогинка. Траншея, раскоп	4—4,5	1,2—2,8	1?	1			2,5	1,5	2,8
Междуречье Роси — Гуйвы									
Большой вал по Роси									
Томиловка									
Траншея	5,5	2—2,2	1,5?	2?			6	1,4	2,8
Раскоп		1,3—1,7							
Ракитное									
Траншея	5,5	2	1,5?	2?			6	1	1
Основной вал									
Фурсы									
Траншея № 2, раскоп	5,5	2,4—2,9	1,4?	1,6			5	1,8	
» № 3	6	3	1,5?	1,5			около 6	2	
Попельнянский вал									
Великие Лесовцы, траншея	6?	3	1,5?	1,5?			5	1,5	
Правый берег Сулы									
Вязивок. Траншея, раскоп	5,4	3	1,2	1,2	3	0,7	5,5	1,3	

только степени ее сохранности, но и несоблюдением стандарта при строительстве. В валах по левым берегам Днепра, Роси и Дорогинском валу ее ширина 2 м (хотя местами отмечена ширина 1,2 и 2,8 м), в валу у с. Фурсы западнее вала-ответвления — в среднем 2,5 м (2,4—2,9 м), а в этом же валу восточнее ответвления и у с. Великие Лесовцы, а также в I и III валах междуречья Ирпеня — Тетерева, в валу на р. Бобринца и в пойме Слепорода на Суле ширина конструкции составляет 3 м.

Откосы, как и в валах со срубами, были неширокими — от 1,2 до 1,6 м, в некоторых случаях до 2 м, и первоначально валы имели ширину в основании 5,6—6 м, а Дорогинский и Боб-

рицкий — 4—4,5 м. Внутренний небольшой ров открыт только у валов вдоль Днепра, Сулы и Бобринцы. Ширина внешних ровов 5—6 м, их пологий внутренний край обычно переходил в берму шириной 1,4—2,8 м. Глубина ровов 1—2 м.

Двухрядная конструкция открыта в валах шести оборонительных линий. Кладки в виде стен из продольных бревен, уложенных на поперечные лаги, или же из чередующихся продольных и поперечных бревенчатых настилов находились по краям насыпи, удерживая ее от расползания. Обе стены этой конструкции были узкими — 0,8—1,4 м, по ширине они не превышали применявшиеся в валах однорядные конструкции. В большинстве случаев бревенчатые

Таблица 6. Первоначальная ширина валов с двухрядной перекладной конструкцией и размеры открытых при них рвов по данным раскопок, м

Место исследования, вал	Ширина вала и его частей					Расстояние между кладками	Ширина конструкции с промежутком	Размеры внешнего рва		Ширина бермы
	Вал	Кладка		Склон				ширина	глубина	
		внутренняя	внешняя	внутренний	внешний					
Междуречье Стугны — Ирпеня										
I вал, Хлебча	8	1 1,4	1,2	1,2?	1,3	3,5—3,7 3,3—3,5	5,8 5,8	5	2,45	2,3
Траншея № 2			1,1							
Раскоп										
Перевоз			1,3—1,4							
Зачистка, раскоп										
Междуречье Ирпеня — Тетерева										
II вал, Калиновка	8	0,6—0,8	1,3	0,8	1,4?	2,8—4	4,8—5,2	8	2,4	Не менее 1 м
Раскоп I			0,8—1,2							
» II										
IV вал, Южное ответвление. Сосновка										
Траншея	8	1 0,8—1	1,2	0,8	1,4?	3,7	5,9	8	2,4	Не менее 1 м
Раскоп										
Междуречье верховий Унавы — Ирпеня										
Котлярский вал, Великие Лесовцы	6—7	0,7—1,1	0,7	широкие		1,7—1,8	2,9—3	5	0,7	?
Траншея, раскоп										
Вал по левому берегу Днепра										
Уроч. Бубнов. Траншея						2,7?		7,5	1,5	
Междуречье Днепра — Тетерева										
Баракты. Траншея № 1	7	0,8	1,1	1?	1?	3	около 5	4,6	2,7	2,7
Ходорков »	7,5	1?	1,8?			2,3	5,1?	4,5	1,3	1,8
» » № 3	8	?	1,8?					около 4,5	1,8	около 2,5

кладки отстояли внизу на 3—4 м друг от друга. В целом ширина деревоземляного вала в основании составляла 5—6 м, а с учетом земляных откосов — около 7—8 м (табл. 6).

Двухрядная перекладная конструкция имела то же назначение, что и срубная — обе они заключали внутри земляную насыпь. При этом в перекладной конструкции, в отличие от срубов, не было поперечных стен. Судя по раскопкам, обе автономные продольные стены перекладной конструкции должны были крепиться поперечными бревнами-стяжками, располагавшимися в различных по длине и высоте местах конструкции. Применялся, очевидно, и простейший вариант, когда в обоих рядах кладки отдельные более

длинные поперечные лаги выступали в промежуток и крепились в нем земляной насыпью.

Двухрядная конструкция находилась только в нижней части вала. Кверху оборонительная стена суживалась и увенчивалась обычной однорядной конструкцией.

Внешние рвы были крупнее, чем при валах с однорядной конструкцией — шириной 4,5—8, глубиной 1,5—1,45 м. Берма оставалась такой же — горизонтальной или наклонной, шириной 1,5—2,5 м. Рвы-углубления с внутренней стороны сохранились на поверхности или же обнаружены в разрезах почти вдоль всех валов с двухрядной конструкцией (кроме Котлярского вала).

Реконструкция валов

Перекидная конструкция в истории оборонительного строительства Среднего Поднепровья не известна. Но в IX—XII вв. она широко применялась западными славянами в устройстве оборонительных стен крепостей и городов. В немецкой литературе этот строительный прием получил название ростконструкции (решетчатой конструкции), в польской — руштовой, или пшедкладковой (перекидной) конструкции [218, S. 216; 215, s. 434; 216, s. 215]. В отличие от западнославянского решетчатого или перекидного устройства деревоземляных укреплений, валы со срубной конструкцией принято именовать «русским» типом [216, s. 212]. В валах западнославянских городищ часто встречается и срубная конструкция, однако она применялась, в основном, как вспомогательный элемент перекидной конструкции.

Перекидная конструкция длительное время считалась особенностью фортификации Польского государства. Впоследствии она была открыта на славянских городищах на территории современной ГДР. Вариантом руштовой конструкции является так называемое «гаковое» крепление когда отдельные ярусы продольных бревен, особенно нижних, удерживались от расползания с помощью обрубленных сучьев в виде крюков (гаков) на концах поперечных лаг. Этот прием известен на славянских памятниках на территории как ПНР, так и ГДР, но наибольшее распространение он получил на территории Великопольши — колыбели польской государственности, что дало основание В. Хенселю считать его польской особенностью руштовой строительной техники [216, s. 225, 227].

Как и в Змиевых валах Среднего Поднепровья, в западнославянских укреплениях перекидная конструкция состояла из неплотных настилов бревен, уложенных на лаги. Однако последними являлись не поперечные бревна, а продольные. Объясняется это, очевидно, различной шириной оборонительных стен. Применение поперечных настилов в Змиевых валах с их узкой конструкцией замедляло строительство. Укладка же в продольном направлении избавляла от необходимости рубки бревен на короткие отрезки.

В устройстве широких стен на городищах соответственно использовались для поперечных настилов и более длинные стволы деревьев. Впрочем, поперечные настилы встречались и в Змиевых валах, где они всегда чередуются с продольными ярусами. Чередование, очевидно, повышало прочность и устойчивость сравнительно узкой конструкции.

На городищах западных славян, как и в Змиевых валах, каждый ярус дерева покрывался слоем песка или глины [216, s. 125].

На полностью раскопанном городище Торнов на левобережье р. Шпрее в древнеславянской Лужицкой области на территории ГДР, где хорошо сохранились нижние бревна оборонительной стены, кладка состояла из настилов поперечных бревен, уложенных на продольные лаги. Поперечные бревна (некоторые с оставленным суком на конце) находились на расстоянии около 20 см друг от друга, а продольные — 1,6—2,4 м. Автор раскопок И. Херрманн сделал графическую реконструкцию стены, согласно которой (рис. 127, а) высота стены без заборол составляла не менее 5 м и ширина в основании по публикации 1966 г. — 4,8 м, по публикации 1967 г. — 5,8 м [217, III. 5; 218, S. 216, III 5, а]. С внутренней стороны в стене находились помещения в виде казематов шириной 2,4 м. Вверху конструкция сужалась, снаружи в ней был устроен боевой ход. Предположительно стена увенчивалась вторым, верхним, боевым ходом.

Стена аналогичного устройства исследована И. Херрманном в этой же области на городище Форберг. Отличие ее, по данным автора, состояло в том, что снаружи к ней примыкал откос решетчатой конструкции, который имел глиняное покрытие и предохранял стену от размывов рядом протекавшего ручья [218, S. 216]. На реконструкции стены из Торнова продольные лаги расположены снизу доверху на одной линии, а на реконструкции стены Форберга, как и стен других городищ [218, III. 5, в, с; 6], продольные лаги, кроме трех вертикальных рядов, показаны и в их промежутках, причем в различных по высоте местах. Очевидно, это отличие объясняется более значительной шириной стены в Форберге (7,2 м). Оба городища автор датирует VIII в. н. э. Аналогичная конструкция открыта

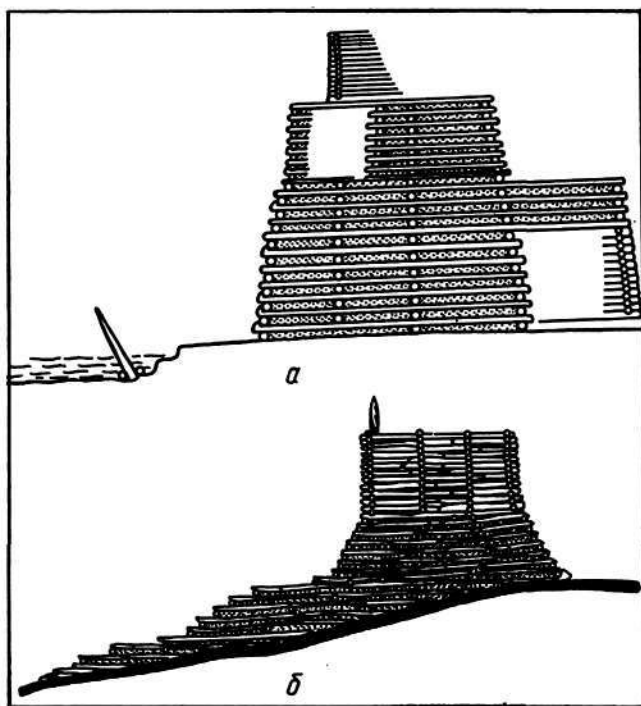

Рис. 127. Оборонительные стены перекладной конструкции: а — на древнеславянском городище Торнов (VIII в. н. э., по И. Херрманну); б — в Гнезно (X—XI вв. н. э., по В. Хенселю).

западнее Одры и на ряде других городищ (свыше 15) IX—XI, реже XI—XII вв., в том числе в сочетании с иными конструктивными элементами [218, S. 239—242]. По мнению исследователя, ростконструкция вначале ограничивалась только областью лужичан, а затем начала проникать и к соседним славянским племенам на территории современной ГДР [218, S. 222]. На территории ПНР древнейшая перекладная конструкция открыта на городище IX в. в Далешине (Великопольша) [216, s. 225].

Примером устройства древнепольских деревоземляных оборонительных сооружений может служить реконструкция стены X—XI вв. в Гнезно [216, III. 14]. Нижняя часть ее представляла собой обычную решетчато-перекладную конструкцию, которая слегка сужалась кверху и увенчивалась срубной надстройкой (рис. 127, б). Важно отметить, что все обнаруженные остатки

перекладной конструкции (в хорошо сохранившемся или обугленном состоянии) находились в валах. При этом только некоторые из них, судя по реконструкциям И. Херрманна, имели откос с одной (наружной) стороны, а в целом ряде случаев земляных присыпок по краям стен не было. Аналогичное мнение высказывает и В. Хенсель [215, s. 434]. В Змиевых валах достоверные остатки земляных откосов прослежены неоднократно. И. Херрманн считает, что перекладная конструкция позволяла возводить стену высотой до 10 м [218, S. 222].

Известны отдельные случаи применения перекладной конструкции за пределами западнославянских земель. Накаты бревен, уложенные поперек вала, обнаружены в детинце Новгорода Великого, где они предположительно датируются 1116 г. [8, с. 12—15]. В основании вала древнего Минска сохранились девять накатов поперечных бревен, уложенных в 20—30 см друг от друга на продольные лаги. Автор раскопок предположительно датирует конструкцию XI в. [50, с. 156]. Подобная конструкция известна и на территории Латвийской ССР [224, S. 80].

Во всех случаях бревенчатая кладка по ширине вала образовывала единую конструкцию. Применение двухрядной конструкции в валах городищ неизвестно. С другой стороны — в Змиевых валах не обнаружено «гакового» крепления, возможно, в обугленном состоянии оно не сохранилось. Только в одном месте (Решитки) в кладке находилось бревно с крюкообразной вырубкой на конце в виде «курицы». Аналогичные «курицы» открыты в срубах вала Новгородского детинца, в той его части, которая, согласно летописи, была заложена в 1044 г. [8, рис. 4, с. 11].

Исследование перекладной конструкции в валах городищ дает сравнительный материал для суждения о первоначальном облике Змиевых валов.

В перекладной конструкции, в отличие от срубов, находились бревна самой различной толщины, как нижние, так и верхние части стволов. Можно допустить, что использовались бревна диаметром в среднем 20 см, из них продольные укладывались в 10 см друг от друга, а поперечные — через 1 м и, таким образом, клад-

ка шириной 2 м содержала в каждом ярусе семь продольных бревен (рис. 128). Погонный метр одного яруса из продольных бревен занимал объем $0,2198 \text{ м}^3$ ($7 \times 0,0314 \text{ м}^2$), а яруса из поперечных — $0,0628 \text{ м}^3$ ($1 \times 2 \text{ м} \times 0,0314 \text{ м}^2$)*. В условной конструкции высотой 3 м будет находиться восемь ярусов продольных бревен и семь — поперечных (рис. 128). Объем дерева в погонном метре этой конструкции составит $2,198 \text{ м}^3$ ($0,2198 \times 8$) + ($0,0628 \times 7$), а земли — $3,802 \text{ м}^3$ (общий объем конструкции 6 м^3 минус $2,198 \text{ м}^3$ дерева). Если учесть прослойки земли между ярусами, выравнивавшие поверхность для укладки каждого последующего яруса и допустить, что они имели толщину по 5 см, то их объем между 14 ярусами составит $1,4 \text{ м}^3$ ($0,05 \times 14 \times 2 \text{ м}^2$). За счет прослоек высота конструкции увеличится на 70 см ($5 \times 14 \text{ см}$). Всего на погонный метр конструкции шириной 2 м и высотой 3,7 м будет приходиться $5,2 \text{ м}^3$ земли и $2,198 \text{ м}^3$ дерева, или $1,4 \text{ м}^3$ земли и $0,594 \text{ м}^3$ дерева на высоту 1 м.

Вал и ровы по левому берегу Днепра в месте раскопок у с. Решитки лучше всего сохранились на линии траншей № 3. На этой линии сечение ровов составляет 6 м^2 (4 — внешнего и 2 — внутреннего). Остатки насыпи в валу (без обугленных бревен) в сечении составляют $2,5 \text{ м}^2$, заполнение ровов — 6 м^2 (4,4 — внешнего и 1,6 — внутреннего, а всего — $8,5 \text{ м}^2$) (табл. 7), т. е. этого грунта было достаточно для возведения вала с сечением насыпи $8,5 \text{ м}^2$ (или объемом $8,5 \text{ м}^3$ на пог. м). По принятым выше нормам земляной грунт в конструкции высотой 3,7 м должен был занимать в сечении $5,2 \text{ м}^2$. Оставшиеся $3,3 \text{ м}^2$ ($8,5 - 5,2$) приходились на откосы: внутренний — шириной 1,9 м ($1,8 \text{ м}^2$) и внешний — 1,6 м ($1,28 \text{ м}^2$).

В расчетах приняты максимально возможные данные. Откосы могли быть и более узкими, с крутизной менее 45° ; в съехавшей с вала насыпи какую-то часть занимают разложившиеся остатки обугленного дерева; внешний ров оказался полностью засыпанным, очевидно, в результате хозяйственной деятельности; в верхней части

* Мы не учитываем концы поперечных лаг, которые должны были выступать наружу за линию крайних продольных бревен не менее чем на 20 см.

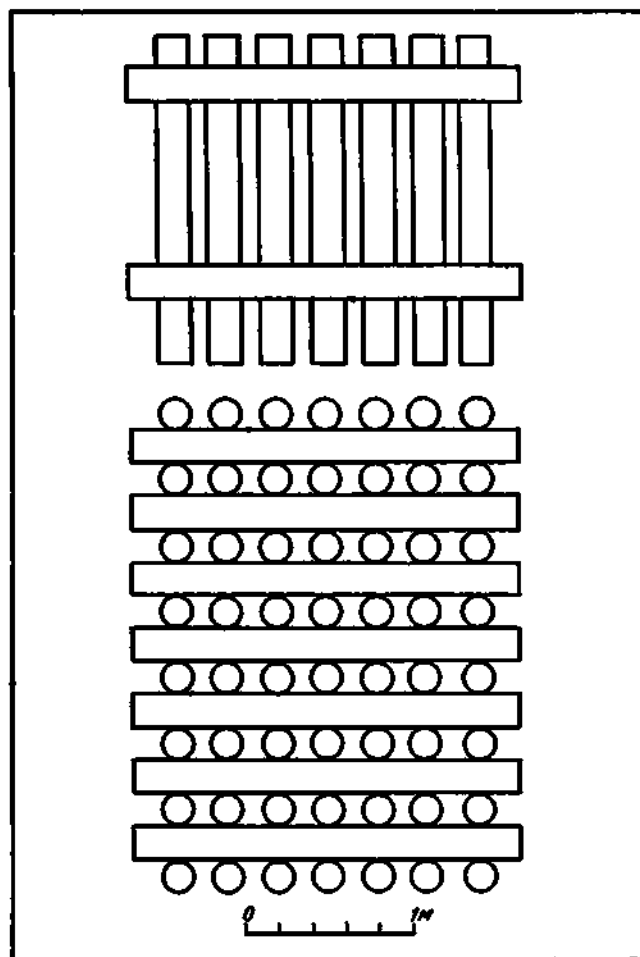

Рис. 128. Примерная схема однорядной перекладной конструкции шириной 2 м (план и профиль).

конструкции бревна могли располагаться реже, чем в основании и т. п. Возможное завышение исходных данных перекрывается тем, что перекладная конструкция не могла иметь одинаковую ширину по всей высоте, кверху она, несомненно, сужалась (рис. 129, а). Перекладная техника позволяла возводить стены такой же высоты, что и срубные, но различной в профиле формы (рис. 130). В случае необходимости сверху возводилась надстройка типа заборол.

Таблица 7. Примерное сечение грунта в деревоземляных валах с однорядной перекладной конструкцией (м²) и возможная высота валов

Место исследования, вал	Сечение рвов		Сечение земляного грунта				Возможное сече- ние грунта в конструкции (без откосов)	Возможная высо- та деревоземля- ной конструкции, м
	внешнего	внутрен- него	во рвах		в насыпи вала	всего		
			внешнем	внутрен- нем				
Левый берег Днепра								
Решитки, траншея № 3	4	2	4,4	1,6	2,5	8,5	5,42	3,7
Дорогинский вал								
Траншея № 5	2,6	—	2,32	—	1,88	4,2	3,2	3
Левый берег Роси								
Ракитное, траншея № 2	3	—	2,08 *	—	4,68	6,76	4,63	3,3—3,5
Томиловка, траншея	ок. 6	—	3,5 *	—	5,5	9	5,87	3,8
Фурсы, траншея № 2	4	—	3 *	—	5	8	5,72	3,7
» » № 3	6	—	3,5 *	—	6	9,5	7,25	не менее 3,7
Правый берег Бобринцы								
Заборье	1,5	0,3	1,6	0,3	2,5	4,4	4,1	2,5—3
Правый берег Сулы								
Вязивок	5,3	1	3,4 *	1	4	8,4	не менее 7,65	не менее 3,7

* Без заполнения наружной части рва

Попытаемся рассмотреть архитектурные особенности и защитные возможности этой конструкции на других примерах. Следует оговорить, что для реконструкции формы, как и высоты сооружения, мы не располагаем достаточным материалом и приводим его в порядке сравнения.

В Дорогинском валу общее сечение насыпи составляет 4,2 м² (табл. 7). По принятым выше нормам, этого объема земли достаточно для возведения конструкции (без откосов) шириной 2 м на высоту 3 м (1,4 м³ на 1 м высоты). В Дорогинском валу ширина бревенчатой кладки составляла в среднем 1,8 м. С учетом более узкой верхней части в высоту она могла достигать не менее 3 м (рис. 129, б).

Большой вал по левому берегу Роси содержит остатки конструкции, шириной в среднем 2 м. У пгт Ракитное (траншея № 2) насыпь занимает в сечении около 7 м², а в траншее у с. Томиловка — 9 м². В обоих случаях остатки конструкции находились не посередине сохранившегося вала, а ближе к внутреннему склону, который первоначально, очевидно, был небольшим. Следует полагать, что наземная часть конструкции суживалась кверху с одной, внутренней, стороны (рис. 129, в, г).

Сечение насыпи основного вала у с. Фурсы за ответвлением от южного вала (траншея № 2) составляет 5 м², заполнения рва — 6 м² при сечении рва 4 м². Трудно определить, насколько ров заполнился насыпью вала и какая часть его заполнения имеет иное происхождение. Траншея находилась возле разрыва в валу на месте старой лесной дороги. Очевидно, какая-то часть насыпи вала была перемещена в ров при устройстве проезда. В рассматриваемом валу нормальное заполнение рва могло соответствовать $\frac{3}{4}$ его сечения, т. е. занимать 3 м², тогда конструкция шириной 2,2 м могла иметь высоту 3,7 м (рис. 129, д) *.

В этом же валу (траншея № 3 перед южным ответвлением) остатки восстанавливаемой насыпи занимают в сечении 9,5 м² (см. табл. 7). Наружный откос мог быть максимальной ширины — 1,5 м, равной промежутку между конструкцией и рвом. Аналогичными размерами, очевидно, ограничивался и внутренний откос. Ширина конструкции 3 м, а вместе с откосами вал в поперечнике мог занимать 6 м (см. табл. 5). Если на

* По сравнению с конструкцией шириной 2 м площадь поперечного сечения земляного грунта увеличится на 1/10 и составит 5,72 м² (5,2+0,52).

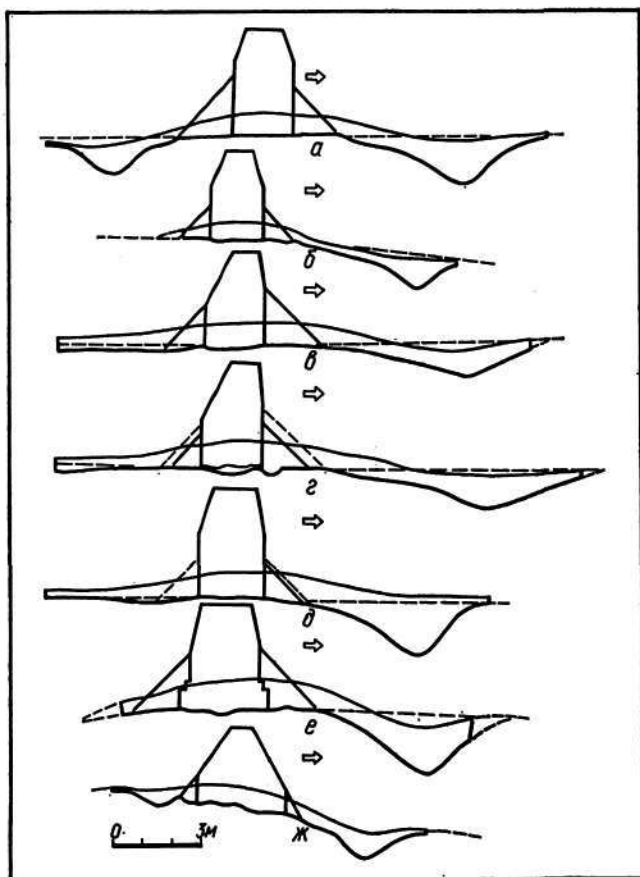

Рис. 129. Примерные профили валов с однорядной перекладной конструкцией:

а — вал по левому берегу Днепра, траншея № 3 у с. Лебяжье; б — Дорогинский вал, траншея № 5; в — Большой вал по левому берегу Роси, траншея № 2 западнее пгт Ракитное; г — Большой вал по левому берегу Роси, траншея у с. Томиловка; д — основной вал у с. Фурсы, траншея № 2; е — основной вал у с. Фурсы, траншея № 3; ж — вал по правому берегу Бобрлицы у с. Заборье.

этом основании устроить вал из одной только земли при крутизне склонов 45° , то идеальная фигура равнобедренного треугольника высотой 3 м составит сечение площадью 9 м^2 . По нашим расчетам, в перекладной конструкции шириной 2 м и высотой 1 м площадь грунта в сечении занимает $1,4 \text{ м}^2$. В конструкции шириной 3 м она увеличится на $\frac{1}{2}$ и составит $2,1 \text{ м}^2$ ($1,4 + 0,7$) при высоте 1 м. Площадь сечения грунта в рассматриваемом валу (без откосов) — $7,25 \text{ м}^2$.

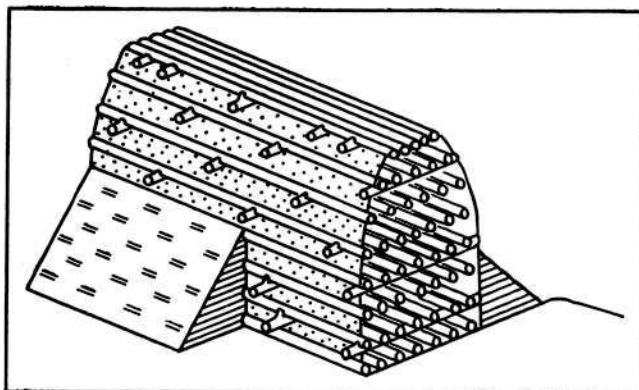

Рис. 130. Примерная реконструкция Змиева вала с однорядной бревенчатой кладкой.

Его достаточно для возведения прямоугольной в профиле конструкции высотой $3,45 \text{ м}$ ($7,25 : 2,1$). Широкая в основании (3 м) она через уступ суживалась кверху и вполне могла быть высотой не менее $3,7 \text{ м}$ (рис. 129, е).

Оплывшая песчаная насыпь в валу по р. Бобрлица у с. Заборье занимает в сечении $4,4 \text{ м}^2$, из которых $4,1 \text{ м}^2$ (за вычетом очень узких откосов) приходится на конструкцию шириной в основании 3 м. Это дает прямоугольную фигуру высотой около 2 м ($4,1 : 2,1$), а при коническом профиле сооружение могло быть высотой $2,5$ — 3 м (рис. 129, ж). Сравнительно широкое основание конструкции объясняется устройством вала на склоне, по самому краю крутого уступа к пойме; при этом недостаточная высота конструкции компенсировалась с напольной стороны за счет естественной крутизны склона.

Валы с двухрядной конструкцией были наиболее высокими. Широкие в основании, они имели коническую форму. Перекладная техника возведения стен по краям земляной насыпи позволяла придавать сооружению асимметричность за счет увеличения крутизны фронтальной стороны.

Попытаемся реконструировать южное ответвление IV вала у с. Сосновка в междуречье Ирпеня — Тетерева и I вал у хут. Хлебча в междуречье Стугны — Ирпеня, шириной в основании по 8 м. Вал из одной земли при такой ширине и наклоне сторон под углом 45° будет иметь высоту 4 м и сечение 16 м^2 .

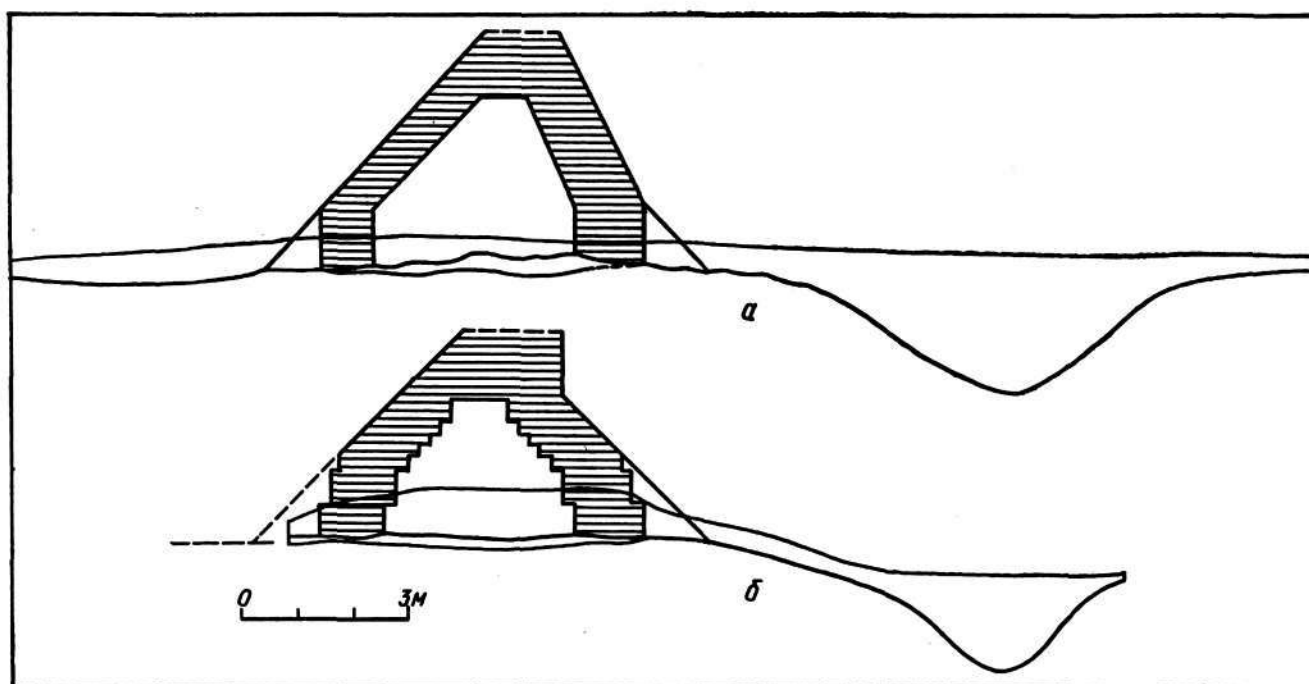

Рис. 131. Примерные профили валов с двухрядной перекладной конструкцией:
 а — южное ответвление IV вала у с. Сосновка; б — I вал в междуречье Стугны — Плиски, траншея № 2 у хут. Хлебча.

Таблица 8. Примерное сечение грунта в деревоземляных валах с двухрядной перекладной конструкцией, м²

Место исследования, вал	Сечение рвов		Сечение земляного грунта				Возможная высота деревоземляной конструкции, м
	внешнего	внутреннего	во рвах		в насыпи вала	всего	
			внешнем	внутреннем			
Междуречье Ирпня — Тетерева							
Южное ответвление IV вала. Сосновка.							
Траншея	9	1,25	11	3	3	17	Не менее 4 м
Междуречье Стугны — Ирпня							
I вал. Хлебча. Траншея № 2	5	?	5	?	5	10 + ?	Не менее 4 м

Возможное сечение насыпи вала у Сосновки (с учетом заполнения во рвах) — 17 м² (табл. 8) *. Ширина двух рядов бревенчатой

* Несмотря на то что вал и напольный ров искусственно спланированы под распушку, указанное сечение не случайное, поскольку насыпь вала равномерно перемещена в ров на всем отрезке поля.

кладки составляет не менее 2 м. По известным уже расчетам, в перекладной конструкции шириной 2 м и высотой 3,7 м дерево занимает в сечении 2,198 м². В любом случае сечение вала вместе с деревом превышало 16 м², высота вала составляла не менее 4 м. Труднее представить очертания конструкции в профиле. Очевидно, в

верхней части она имела коническую форму. При этом наружный край конструкции мог быть значительно круче внутреннего (рис. 131, а).

У хут. Хлебча (траншея № 2) остатки насыпи занимают в сечении 10 м². Две деревянные стены шириной 1,2 м каждая при высоте 4 м должны были составить сечение 2,5 м². Остальные 3,5 м² (16—12,5 м²) могла занимать оплывшая насыпь, оставшаяся за пределами траншеи (внутренний склон со рвом и второй наружный ров). Конструкция в профиле могла быть пирамидальной с углом наклона 45° и ступенчатым основанием, присыпанным земляными откосами. Отвесный наружный край в верхней части усиливал неприступность сооружения (рис. 131, б).

Двухрядная перекладная конструкция, как и трехрядная срубная, применялась для устройства наиболее крупных валов.

в) Сравнительные данные о валах срубной и перекладной конструкций

Рассматривая устройства валов, отметим, что срубная конструкция встречается реже, чем перекладная (табл. 9). Срубы открыты в 9 валах, а перекладная конструкция — в 13 (в том числе в 6 — двухрядная).

Самые мощные укрепления находились по левому берегу Стугны (срубная конструкция), в междуречье Стугны — Ирпеня и Барахтянско-Фастовском валу (двухрядная перекладная конструкция). Последняя открыта также в валу по левому берегу Днепра, во II валу и южном ответвлении IV вала в междуречье Ирпеня — Тетерева, Котлярском валу. В Левобережном Днепровском валу, кроме двухрядной, использовалась и однорядная конструкция. Очевидно, оба варианта перекладной конструкции находились и в некоторых валах междуречья Ирпеня — Тетерева.

По имеющимся данным можно утверждать, что из однорядной перекладной конструкции состоял вал по Вите — Бобрице и Большой вал по Роси с его продолжением к западу (в с. Фурсы и пгт Попельня). Только срубы, кроме упомянутого вала по левому берегу Стугны, находились в Среднем валу по Роси и, по-видимому, в IV валу междуречья Ирпеня — Тетерева и юж-

Таблица 9. Распространение типов конструкций в валах

Вал	Конструкция		
	срубная	перекладная	
		одно- рядная	двух- рядная
Витянско-Бобрицкий		+	
Стугнянский	+		
I в междуречье Стугны — Ирпеня	+		+
Поперечный в междуречье Стугны — Ирпеня	+		
Черногородский по левому берегу Ирпеня	+		
I в междуречье Ирпеня — Тетерева	+	+	
II „ „ „			+
III „ „ „		+	
IV „ „ „	+		
Сосновское ответвление IV вала			+
Дорогинский	+	+	
Барахтянско-Фастовский			+
Большой вал по Роси и Попельнянский		+	
Котлярский			+
Ягнятинский	+		
Средний вал по Роси	+		
Днепровский		+	+
Посульский		+	
Всего	9	7	6

ном ответвлении Поросского вала, сохранившемся в селах Фурсы и Ягнятин (не считая коротких валов — Поперечного у хут. Хлебча и Черногородского).

Срубная и перекладная конструкции имели место в одних и тех же валах. В I валу междуречья Стугны — Ирпеня у хут. Хлебча в траншее № 1 была открыта конструкция из трех срубов, а в 330 м северо-западнее, в траншее № 2, — двухрядная перекладная. В I валу междуречья Ирпеня — Тетерева в с. Фасовочка находилась однорядная перекладная конструкция, а на южном конце этого вала у с. Лупское — срубная, Дорогинский вал в северо-западной его половине имел срубное устройство, а в юго-восточной — перекладное.

Существование двух строительных приемов можно объяснить несколькими причинами. Для срубов необходим был хороший строительный материал, как это видно на примере раскопок вала в пойме Ирпеня, где использовались ство-

Таблица 10. Примерный расчет строительных материалов на пог. м деревоземляной конструкции высотой 3,7 м

Тип конструкции	Размеры, м		Объем, м³			Соотношение, %		Соотношение дерева к зем- ле, %
	Ширина	Длина (для срубов)	дерева	земли	всего	дерева	земли	
Переkladная однорядная	2	—	2,2	5,2	7,4	29,73	70,27	42,3
»	3	—	3,3	7,8	11,1	29,73	70,27	42,3
Срубная	3	3	2,82	8,3	11,12	25,4	74,6	34

лы деревьев без сучьев. Кроме того, срубы возводились только из дубовых бревен. При отсутствии на трассе вала строевого дубового леса или наличии соснового прибегали к переkladной конструкции. В устройстве срубов тонкие верхние части стволов не использовались. Для возведения переkladной конструкции в сочетании с земляными прослойками были пригодны бревна различной толщины, в том числе обрубленные ветви.

Выше отмечалось, что в погонном метре переkladной конструкции шириной 2 м и высотой 3,7 м могло содержаться 2,2 м³ дерева и 5,2 м³ земли (или 42,3 % дерева по отношению к объему земли). В аналогичной конструкции шириной 3 м указанный объем увеличится наполовину и составит 3,3 м³ дерева и 7,8 м³ земли.

Попытаемся выяснить объем строительных материалов в срубной конструкции. Для удобства расчетов допустим, что срубы размерами 3×3 м сооружались из продольных и поперечных бревен одинаковой длины — по 4 м. Сруб высотой 3,7 м будет состоять из четырех стен высотой по 3,5 м (остальные 20 см занимает покрытие из одного яруса настила), в каждую из которых войдет по 17,5 бревен (при диаметре всех бревен 20 см). В итоге 70 бревен на пог. м составят объем 2,198 м³ ($70 \times 0,0314$ м³). Земляное заполнение в срубах на пог. м может занимать минимальный объем 8,302 м³ при условии, что в общий объем сруба ($3,5 \times 3 = 10,5$ м³) входят и стены.

Один пог. м сплошного поперечного покрытия включает пять бревен общей длиной 20 м (5×4 м), объемом 0,628 м³. Всего на 1 пог. м срубной конструкции приходится 2,826 м³ дерева ($2,198 + 0,628$), или 34 % по отношению к объему земляного грунта (8,302 м³).

Полученные данные можно принять в качестве примерных норм (табл. 10), так как положенные в основу расчетов параметры имеют в разных валах отклонения в ту или иную сторону. Во избежание возможного завышения конечных результатов, мы не учитывали земляные откосы (а в них находилось и деревянное крепление), за счет которых объем конструкции увеличивается в среднем на 1,5—3 м³ на пог. м.

Из соотношения объема строительных материалов вытекает, что на пог. м однорядной переkladной конструкции с усредненной шириной 2,5 м приходится: дерева 2,75 м³, земли — 6,5 м³, а в срубной, соответственно, больше — 2,82 м³ и 8,3 м³. Кроме того, переkladная техника позволяла возводить конструкцию с узкой вершиной, что также давало экономию строительных материалов.

По сложности устройства техника переkladной и срубной конструкции одинакова. Горизонтальная кладка бревен проще срубного крепления. Однако покрывать слоем земли каждый новый ярус бревен значительно сложнее, чем засыпать срубы, заранее возведенные на определенную высоту. При переkladной конструкции плотничьи и земляные работы осуществлялись одновременно как единый трудовой процесс, а при срубной — они выполнялись раздельно и допускали более дифференцированную специализацию строителей. В целом производительность труда при возведении срубной конструкции должна быть выше, чем при переkladной. С другой стороны — переkladная конструкция, очевидно, отличалась достаточной прочностью. Установлено, что ширина срубной конструкции во всех валах (кроме Среднего вала по Роси) в пределах 3 м, а для однорядной переkladной конструкции характерны два стандарта: 3 и 2 м.

т. е. более узкая перекладная конструкция приравнивалась к более широкой срубной, и в функциональном отношении обе они должны были быть равноценными. Если это так, то замена срубной конструкции перекладной давала экономический эффект: почти на 17 % (1,87 м³ на пог. м) снижалась потребность в строительных материалах.

Нормы расходования лесоматериала на возведение двухрядной перекладной конструкции в принципе оставались те же, что и при устройстве 3-метровой однорядной, поскольку оба ряда бревенчатой кладки не превышали указанной ширины. Однако земляного грунта в двухрядной конструкции использовалось в два раза больше, чем в однорядной (в среднем 13 м³ на пог. м).

Деревянные конструкции почти во всех рассмотренных выше валах сгорели, но в самой нижней части, перекрытой насыпью вала, законсервировались в обугленном состоянии. В одних местах бревна сохранились лучше, в других — перегорели сильнее и распались на уголь или сажу. Обычно пожар охватывал большие участки валов или целые оборонительные линии. Вместе с тем в ряде случаев в валах не обнаружено следов пожара и остатков дерева, которое полностью сгнило (III вал междуречья Ирпеня — Тетерева у с. Юров на южном берегу р. Здвиж, IV вал у с. Боровка, Фастовский вал у с. Потиевка, валы в с. Ягнятин и по левому берегу Днепра в уроч. Чубуки под Переяслав-Хмельницким, на большем протяжении — Средний вал по левому берегу Роси).

Причины обугленности дерева достаточно ясны. Бревна не поджигались во время сооружения валов для обжига насыпи, как принято считать по отношению к Змиевым валам; не обугливали их и для более длительной сохранности, защиты от гниения, как иногда считают. Эти ошибочные мнения обычно высказываются или воспринимаются всеми, кто не знаком с историей изучения памятников раннесредневекового военного зодчества. Причиной заблуждений служат два обстоятельства. Во-первых, незнание или сомнение в достоверности того факта, что обугленные бревна, как и в валах городищ, принадлежат остаткам деревянной конструкции

определенного типа. Хорошо сохранившаяся срубная конструкция в валу у с. Лупское должна окончательно рассеять эти сомнения. Во-вторых, до сих пор оставался не выясненным вопрос, как дерево могло гореть в земляной насыпи? При рассмотрении сгоревших срубов в Среднем валу по левому берегу Роси у пгт Стеблев нами уже отмечались условия, в которых происходил пожар. На этом участке нижние бревна находились в суглинистой насыпи и сгорели в то время, когда они в результате высыхания и тления уплотнились, а по их сторонам на стыке с затвердевшей суглинистой насыпью образовались щели, способствовавшие доступу воздуха. В других местах остатки обугленных срубов также были расчищены в суглинистом грунте (вал по левому берегу Стугны у с. Заречье, Дорогинский вал, вал у с. Фурсы).

Использовавшийся в строительстве сырой материковый пластичный суглинок (или глина) при высыхании сохранял отпечатки бревен срубной стены, а усыхающие вместе с корой сырые бревна отходили от грунта, оставляя пустоты. В подвижном песчаном грунте эти пустоты не сохранились.

Перекладная конструкция подверглась пожару и в рыхлой песчаной насыпи (у с. Решитки, хут. Хлебча, у сел Перевоз, Калиновка, Заваловка, Заборье, Большой вал по левому берегу Роси, вал по левому берегу Сулы в пойме Слепорода).

Пожары оборонительных стен возникали не сразу после их постройки и не одновременно. В междуречье Ирпеня — Тетерева во всех валах, причем на удаленных друг от друга участках, имеются следы пожара. То же характерно для валов по левому берегу Стугны и междуречья Стугны — Ирпеня, а также для вала по р. Бобрница, Большого вала по Роси и вала по левому берегу Днепра, валов в верховьях Унавы. Пожар деревоземляных сооружений, особенно перекладной конструкции, был наиболее возможен в период, когда оборонительные стены находились уже в ветхом состоянии.

О конструктивных особенностях Змиевых валов дает представление сравнение их с валами иных типов, в устройстве которых дерево не применялось.

2. ЗЕМЛЯНЫЕ ВАЛЫ

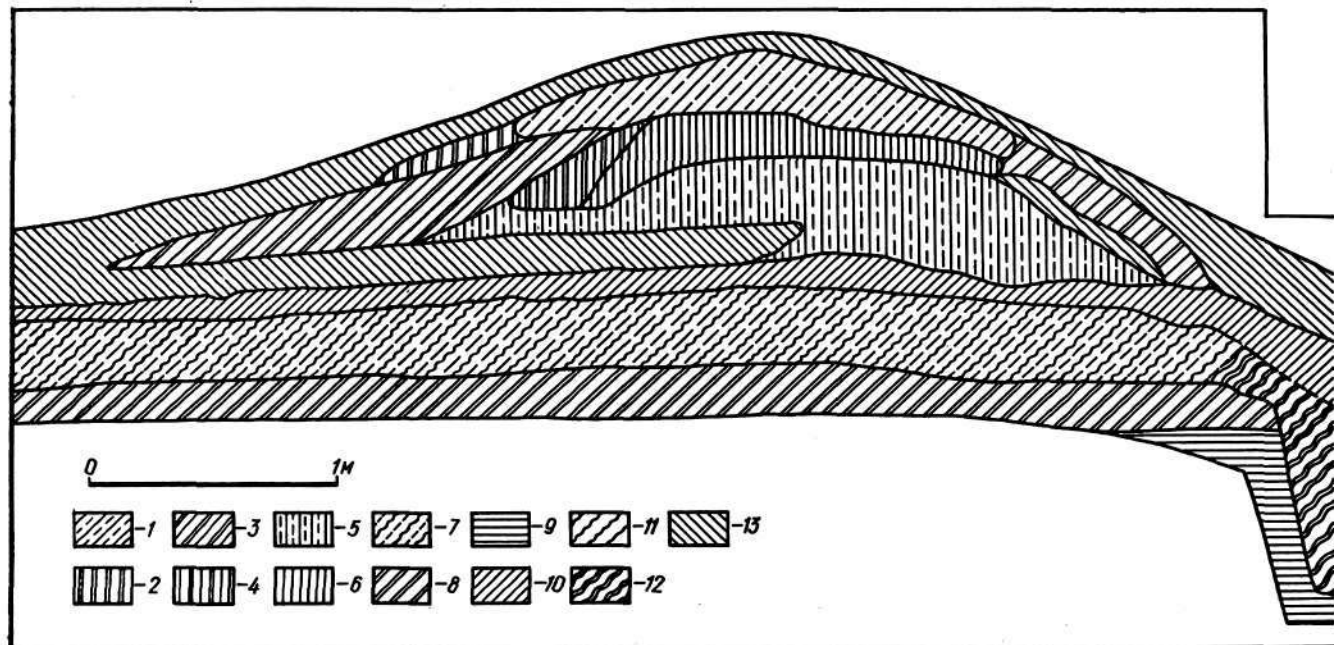
Часть валов, о которых шла речь во II главе, была сооружена без применения деревянных конструкций. Их обычно объединяют со Змиевыми валами, но в действительности они относятся к более позднему времени. Исследовались три типа таких валов: Малый вал по левому берегу Роси; двойные (седловидные) валы у пгт Стеблев, у сел Томиловка и Пилипча на Роси, а также у с. Застugna на Стугне; южное ответвление Змиева вала по левому берегу Стугны в с. Великая Бугаевка.

Малый вал по левому берегу Роси исследовался в 1982 г. в 100 м от юго-восточного конца (траншея № 1) и в средней части — в 1,5 и 2 км от западного конца (траншеи № 3 и 7).

Первоначальная ширина вала 3,5—4 м. В сохранившейся части на высоту 80—90 см состоит из трех дугообразно перекрывающих друг друга слоев грунта: в траншеях № 1 и 3 — песка, в траншее № 7 — песка, суглинка с песком и глины с примесью песка (рис. 132). С южной стороны, от Роси, вдоль вала находился ров шириной

риной сверху 3,4—3,6 м, глубиной 1,2—1,4 м. Посередине внутренней стенки рва, ниже основания вала был установлен частокол из вертикальных бревен. От последних четко сохранился ровик, глубиной 70—80 см, шириной сверху 28—40, внизу 20—23 см.

В 1981 г. у пгт Стеблев траншеями № 1 и 2 вал был разрезан в средней части, где он имеет седловидную форму со рвом посередине и его размеры наиболее крупные. Треугольный в сечении ров шириной сверху 2,4—2,5 м был углублен на 1 м от древней поверхности. Вал по северному краю рва в траншее № 1 сохранился на высоту 60 см и насыпан из белого и светлосерого песка, который залегает двумя частично перекрывающимися друг друга слоями. Первоначальная ширина вала в основании примерно 3,5—4 м. Вал по южному краю рва срезан полевой дорогой, и сохранился только нижний слой насыпи из белого песка. В ширину вал достигал 2,5 м. В траншее № 2, в 350 м восточнее траншеи № 1, на участке лучшей сохранности (в лесу) вал по северному краю рва шириной 3,5, высотой 0,5 м состоит из трех перекрывающих

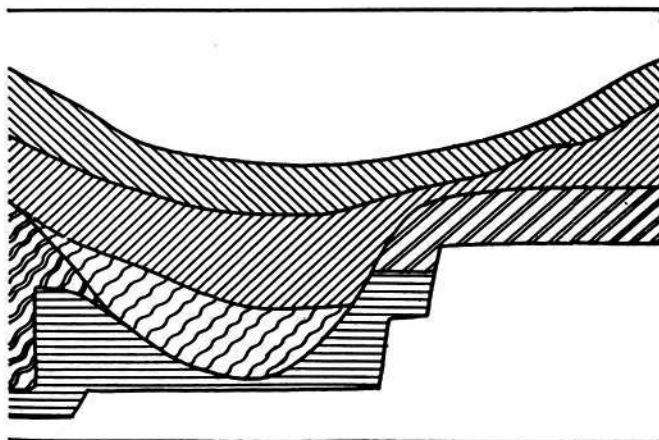
друг друга слоев песка различных оттенков, а вал по южному краю, шириной примерно 2 м, насыпан из серо-коричневого песка и сохранился на высоту 30 см (рис. 133).

Вал у с. Томиловка по краю поймы левого берега Роси был разрезан в 1983 г. на участке, где он одинарный — в 12 м от его западного конца. Насыпь сохранилась на высоту 65 см и состоит внизу из темно-серой земли, перекрытой сверху серой землей. Первоначальная ширина вала 2,5—3 м. Размеры рва со стороны Роси: ширина сверху 2,2, глубина 0,95 м.

У с. Пилипча в 1984 г. разрезан основной, более крупный вал по северному краю рва, в 15 м от его западного конца. Вал насыпан из наклонных, конусообразно расположенных слоев суглинка, перекрывающих друг друга по центру и образующих узкую вершину. Верхние наслоения сползли по склонам. Ширина вала 5—5,5 м, насыпь сохранилась на высоту 1,3 м (рис. 134). Ров с южной стороны углублен на 2,4 м ниже основания вала. В заполнении на краю рва находились остатки двух дубовых обугленных бре-

Рис. 132. Профиль восточной стенки траншеи № 3 через Малый вал по левому берегу Роси.

Песок: 1 — темно-желтый, 2 — желтый с серым, 3 — желтый с темно-серым, 4 — белый с серым, 5 — светло-серый, перемешанный с темно-серым, 6 — белый, 7 — серый с желтоватым оттенком (материк), 8 — серый плотный с коричневыми прожилками, 9 — темно-желтый плотный с коричневыми прожилками и светло-серыми прослойками, 10 — серый, 11 — светло-серый, 12 — желтый с серым оттенком, 13 — темно-серый.

вен, сползших вместе с земляным грунтом с вершины вала.

Застугнянский вал разрезан в 1982 г. в двух местах: в 160 м и в 1,5 км от берега Стугны. Первоначальные размеры рва: ширина сверху 2,3—2,6 м, глубина — 1 м. Валы почти спланированы; западный шириной примерно 3 м, восточный меньше.

У с. Великая Бугаевка на левом берегу Стугны в 1982 г. был разрезан большой южный вал в 100 м от соединения его со Змиевым валом. Хотя насыпь в самой нижней средней части на высоту 1 м не была исследована, устройство вала устанавливается достаточно полно (рис. 135).

Вал сооружался способом послойного наращивания насыпи. Первоначально по краю надпойменной террасы было насыпано возвышение из белого песка, шириной у основания около 5 м, высотой 1,3 м, перекрытое сверху и по сторонам слоем коричневого суглинка, а затем слоем светло-коричневого песка с внутренней стороны и слоем глины с песком и включением мелких камней (жорствой) — с внешней. Получилась треугольная в разрезе насыпь с острой вершиной шириной у основания 7,2 м, высотой 2—2,1 м. После этого на внутренний склон поочередно накладывались толстые слои коричневого суглинка, затем — светло-коричневого песка и снова суглинка. Основа вала из различных по составу наклонных слоев грунта увенчивалась тремя почти горизонтальными присыпками плотной белой и желтой глины, а внешний склон был покрыт желтой глиной с мелкими камнями. Таким образом, вал состоял из нескольких наслоений различной прочности грунта, наращиваемых по ширине (во внутреннюю сторону) и по высоте, и был перекрыт на склонах и сверху плотным глиняным панцирем. Ширина вала у основания составляла около 15 м, высота — не менее 3,6 м. У подножия на внутреннем склоне имеются другие наслоения грунта, которые перекрывают дневную поверхность перед валом; они образовались, очевидно, в результате сползания насыпи из верхней части склона. Перемешанный слой белой и желтой глины на вершине вала является более поздним выбросом насыпи из расположенного рядом проезда, устроенного в

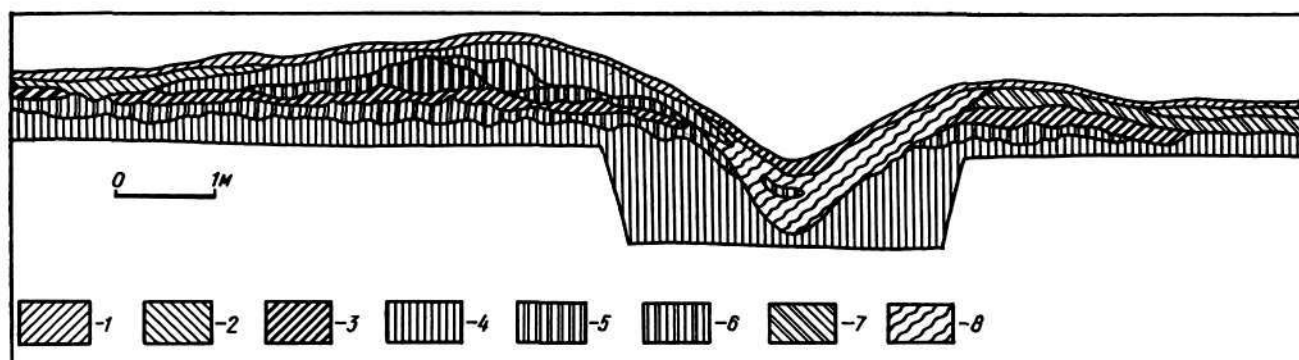

Рис. 133. Профиль восточной стенки траншеи № 2 через северный вал у пгт Стеблев:

1 — серая земля с вкраплениями белого песка; 2 — серая земля; 3 — темно-серая земля; песок: 4 — белый; 5 — белый с серой землей; 6 — белый с гумусными пятнами; 7 — серо-коричневый; 8 — серый с белым.

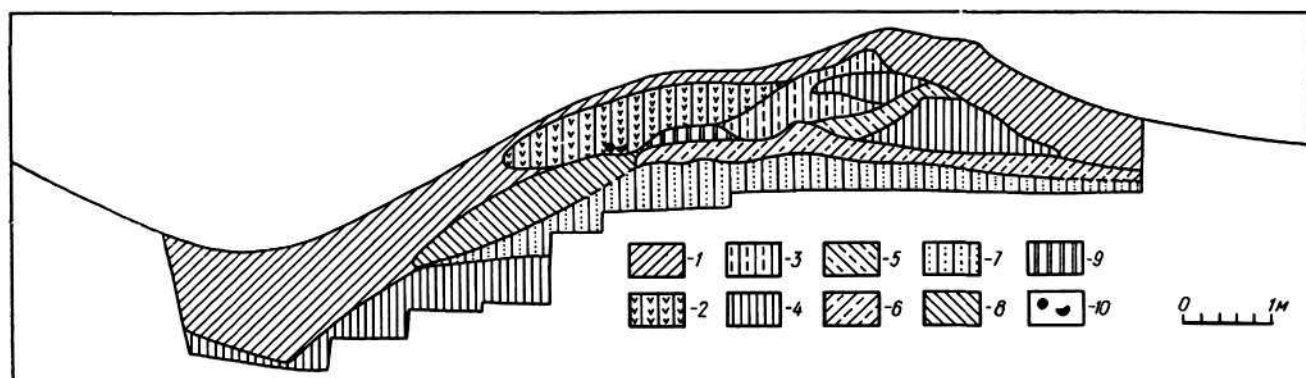

Рис. 134. Профиль западной стенки траншеи через вал у с. Пилипча:

1 — темно-серая земля; 2 — светло-желтый суглинок с примесью серой земли; 3 — светло-желтый суглинок с темно-серыми пятнами; 4 — светло-желтый суглинок; 5 — серая земля со светло-желтым суглинком; 6 — темно-серая гумусированная земля; 7 — светло-желтый суглинок с темно-серым суглинком; 8 — серая земля с примесью светло-желтого суглинка; 9 — темно-серый суглинок; 10 — торцы обугленных бревен.

валу жителями села. Возможно, что наслоения в траншее у внутреннего подножия вала аналогичного происхождения.

Структура данного вала, как и Малого по Роси и седловидных, коренным образом отличается от устройства Змиевых валов. Насыпь последних имеет вертикальное членение от находившихся в них деревянных срубных или перекладных конструкций. Чисто земляные валы отличаются послойно-горизонтальной структурой насыпи.

* * *

Исследование различных типов валов наглядно показывает, насколько четко выделяются в отдельную группу Змиевы валы, отличающиеся от остальных сооружений своей протяженностью, планировкой, конструкцией и функциональными особенностями.

Установлено, что находившиеся в Змиевых валах обугленные бревна и участки обожженного грунта образовались не в результате вы-

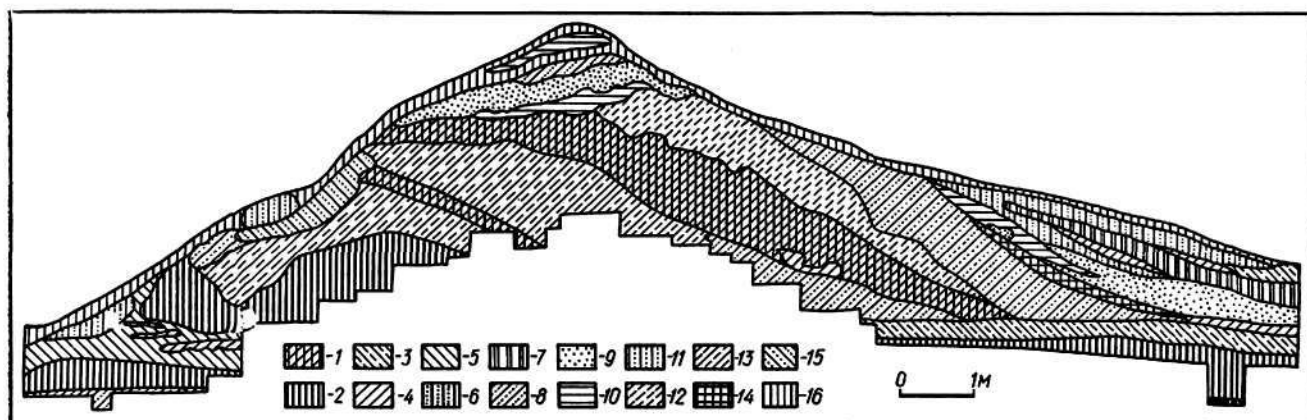

Рис. 135. Профиль северо-западной стенки траншеи № 4 через южный вал у с. Заречье.

Песок: 1 — светло-коричневый, 2 — белый, 3 — серый, 4 — темно-серый, 5 — светло-серый, 6 — светло-желтый, 7 — черный; глина: 8 — желтая, 9 — белая, 10 — белая с желтой, 11 — желтая с темно-серым песком; 12 — темно-желтый плотный суглинок; 13 — коричневый суглинок; 14 — щебень (мелкие камни) с желтой глиной; 15 — желтая и белая глина с песком и щебнем; 16 — темно-серая земля.

жигания деревьев на трассе строительства валов, они не связаны с преднамеренным обжигом земляной насыпи, а происходят от сгоревших деревянных конструкций. Внешне безликие длинные возвышения оказались интересными памятниками деревоземляной фортификации. Как уже отмечалось, трактуя сообщение Брунона, многие исследователи полагали, что Змиевы валы были земляными сооружениями с частоколом наверху. До появления каменных стен, по справедливому заключению Ф. Энгельса, наиболее древней и распространенной формой укреплений был палисад из вертикально вкопанных столбов [6, с. 326]. Раскопки показали, что Змиевы валы имели более сложное устройство. Они возводились с помощью срубов и бревенчатых настилов — самых совершенных строительных приемов среди известных типов деревоземляных конструкций. Срубное и перекладное устройство городских оборонительных стен занимало господствующее положение на территории Восточной Европы в конце I — начале II тыс. н. э., т. е. в эпоху сложения и упрочения славянских государств. Срубная конструкция, открытая в Змиевых валах, находит полные аналоги в древнерусских городищах Среднего Поднепровья. Перекладная конструкция до раскопок Змиевых валов в Среднем Поднепровье не была известна,

хотя нет никаких оснований отрицать ее древнерусское происхождение.

Существует мнение, что прототипом перекладной конструкции являлись лесные засеки и что эта конструкция в разных местах могла иметь самостоятельное развитие [223, S. 200—204]. Обращает на себя внимание открытие перекладной конструкции в валах Новгорода и Минска. В этих крупных центрах древнерусской культуры с высоким уровнем развития плотничьего ремесла постоянным обновлением бревенчатых настилов, городских улиц не могло быть места для заимствования перекладной конструкции, более простой по сравнению со срубной. Следует полагать, что перекладная конструкция в Змиевых валах местного, древнерусского происхождения.

Ответ на вопрос, почему эта конструкция не нашла применения в укреплениях древнерусских городищ Среднего Поднепровья, заключается в особенностях устройства их крепостных стен, максимально приспособленных для нужд обороны. Во всех крепостях Южной Руси, подвергавшейся постоянным набегам кочевников, по внутреннему периметру срубных оборонительных стен находился сплошной ряд срубных помещений-клетей. В них укрывалось в период опасности население, постоянно проживавшее за

пределами крепости-убежища. Перекладная техника не отвечала требованиям возведения таких клетей. На территории Польши, как и в северорусских землях, удаленных от степи, не известны случаи устройства клетей в оборонительных стенах городищ. Очевидно, не случайно в указанных регионах, в частности на территории Польши, достаточного развития не получила и срубная конструкция укреплений. Вместе с тем, перекладная конструкция в Змиевых валах с исключительным преобладанием продольных бревен и многочисленными случаями применения двух рядов бревенчатой кладки существенным образом отличается от перекладной конструкции, известной по раскопкам валов городищ. Общее только в идее устройства препятствия с помощью бревенчатых настилов. Эта техническая идея получила самостоятельное решение в устройстве Змиевых валов.

Деревоземляные стены Змиевых валов в целом ниже аналогичных стен (без заборол) крепостей, хотя в некоторых случаях они могли быть одинаковой высоты (валы со срубами на обычных городищах Среднего Поднепровья, со-

хранившиеся в удовлетворительном состоянии, достигают в высоту до 3 м, как и вал со срубами по левому берегу Стугны). Дополненные относительно неглубокими, но широкими рвами, Змиевы валы были неприступны для конного войска кочевников.

Особенностями конструкции, небольшими размерами и узким рвом выделяется Средний вал по Роси. Ни в одном из других валов эти отличия не повторяются. Очевидно, Средний вал не был сплошным, поскольку на восточном отрезке в районе Стеблева оба его конца упираются в Рось. Однако по всем характерным признакам вал относится к типу Змиевых, являясь их разновидностью. Ему нет аналогов среди межевых и оборонительных заграждений более позднего времени.

Результаты исследований показывают, что различия в устройстве валов могут использоваться при датировке этих памятников, подобно тому, как особенности строительных материалов и различия в технике кладки служат общепризнанными показателями возраста древних каменных сооружений.

РОЛЬ ЗМИЕВЫХ ВАЛОВ В ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

1. ЗМИЕВЫ ВАЛЫ — СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТИП ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПРОТИВ КОЧЕВНИКОВ

Рассмотренные выше данные свидетельствуют о том, что Змиевы валы являлись оборонительными сооружениями. Их наружные рвы, указывающие фронтальную сторону, всегда обращены к югу или юго-западу. Основную защитную функцию выполняли деревоземляные стены, о размерах которых можно судить предположительно. Они возвышались в среднем на 3,5—4 м, хотя некоторые могли достигать и 3 м.

Строительство большой протяженности непрерывных и многорядных линий валов поглощало огромные материальные ресурсы, было жизненно необходимым мероприятием по защите от особо опасного противника. О военно-оборонительном назначении валов говорит и их устройство, повторяющее конструктивные особенности оборонительных стен городищ-крепостей. Оборонительные рвы, в отличие от рвов городищ, не были глубокими (в среднем 1,5—2 м)*. Недостающий объем грунта для насыпи покрывался за счет снятия поверхностных слоев перед валом, устройства небольшого внутреннего рва, а иногда и повторных рвов (левый берег Стугны). Внешний ров обычно имел пологий внутренний край наподобие бермы и внутренняя половина рва была значительно шире наружной части. Стенки рва круто переходили в узкое, почти острое дно. При всех валах, кроме Среднего вала по Роси, ров представлял довольно

* Глубина рвов с напольной стороны древнерусских городищ от 3 до 5,5 м, а в среднем — 4—4,5 при ширине 7—15 м.

широкое препятствие. С учетом бермы, его наружный край отстоял от оборонительной стены на 7—12 м (а на левом берегу Стугны — до 15—17 м). Все же внешние рвы Змиевых валов имели вспомогательное оборонительное значение и основным препятствием служила деревоземляная стена. В противном случае для устройства последней грунт не должен был выбираться из разных мест.

Специфичность Змиевых валов в том, что они, в отличие от валов городищ, не предназначались для непосредственного ведения боевых действий, тем более силами пеших воинов, а были стационарными укреплениями, рассчитанными на задержание кочевнической конницы в случае ее попыток прорваться к населенным пунктам, в первую очередь, к наиболее важным политическим и экономическим центрам Среднего Поднепровья.

Легкая иррегулярная кавалерия восточных народов, по замечанию Ф. Энгельса, «была неспособна к правильному бою» [5, с. 304]. Достижению грабительских целей отвечала особая тактика боевых действий, расчет на нападение врасплох и безнаказанное поспешное возвращение в степь. Войско кочевников не нуждалось в защитном вооружении, а обычным их наступательным оружием вплоть до позднего средневековья оставался лук со стрелами. При кочевом быте все мужчины становились искусными всадниками, они же являлись и воинами. Содержавшиеся на подножном корму лошади, добывавшие и в зимнее время траву из под снега, отличались выносливостью и неприхотливостью, способностью преодолевать расстояния с большой скоростью. Во время походов каждый кочевник имел не менее двух лошадей и для выигрыша в скорости попеременно их менял*. При этом быстрота движения позволяла кочевникам уклоняться от невыгодного встречного боя и применять обманные маневры. Тактическое преимущество кочевников заключалось в скорости их легковооруженной конницы.

* В своем «Поучении детям» Владимир Мономах вспоминает о поражении половцев у Прилук около 1080 г., когда они «не смеши ни коня лояти в руце и бежаша на Сулу» (т. е. половцы в панике ускакали, не захватив запасных, ловодных коней) [141, с. 103; 177, с. 56].

В древнерусских летописях отсутствуют сведения о скоростных качествах всадников-печенегов и половцев. Из зарегистрированных событий известно, что набеги кочевников совершались в виде молниеносных рейдов [163, с. 167]. О внезапности появления, стремительности грабительских действий и поспешности отступления кочевников сообщают византийские писатели XI—XIII вв. Феофилакт Болгарский характеризовал печенегов следующим образом: «Их набег — удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать» [29, с. 119]. Так же отзывался Евстафий Солунский и о половцах: «Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать». Половец «в одно и то же время близок, и уже далеко отступил... Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз» [29, с. 120; 199, с. 163]. О военных приемах мадьяр, обычных для кочевников, писал византийский император Лев Мудрый. Войско мадьяр делилось на небольшие отряды, отличавшиеся подвижностью и инициативой. В начале сражения они поражали неприятеля тучей стрел, стремясь рассеять его строй. Если это не удавалось, то мадьяры обращались в ложное бегство. Как только преследовавшее их войско рассыпалось, они совершали внезапное нападение и принуждали спасавшегося неприятеля к подлинному бегству [12, с. 349].

В XIV—XVIII вв. опасным врагом России и Украины было Крымское ханство, войско которого состояло из кочевого, а в последствии и частью оседлого населения, которое по уровню оснащенности средствами и тактическим особенностям ведения боевых действий почти не отличалось от воинственных орд причерноморских кочевников древнерусского времени.

О состоянии военного дела у крымских татар узнаем из сообщений дипломатов и военных специалистов, служивших у польских королей и литовских князей в XVI—XVII вв. [106; 30; 16], они дополняют сведения о характере военных действий кочевников.

Крымское войско было вооружено луками и саблями, но если верить сочинению Литвина, их

имел не каждый воин (у одних были только «палки костяные или деревянные, другие перепоясаны пустыми ножнами без оружия»). Щитами и копьями они вовсе не пользовались. Выступали без возов и обозов, с минимальным запасом провианта, поедая выбившихся из сил лошадей. Зато каждый воин запасался несколькими свежими ремнями для вязания пленных и вел на поводу по две запасные лошади. Спасаясь от погони, они на самом быстром ходу перепрыгивали с утомленной лошади на свежую и с большой легкостью отрывались от противника [106, с. 11; 16, с. 330—333].

О тактических приемах крымского войска при встрече с противником известно следующее: «В начале атаки они стараются всегда обойти левое крыло неприятеля для того, чтобы удобнее выпускать стрелы. Часто, уже обращенные в бегство, они останавливаются, обращаются на врага, преследовавшего их и рассыпавшегося в погоне, и таким образом, уже побежденные, вырывают победу из рук победителей. Но наши одолевают татар, если приходится сражаться с ними в правильном строю, без хитростей и коварства» [106, с. 12].

Татары «не встречают неприятеля лицом к лицу, сомкнутым строем и в боевом порядке, а только беспрерывно нападают и отступают. То вдруг яростно и неудержимо набрасываются на неприятеля, затем также внезапно обращаются в бегство, и это их самый опасный прием» [30, с. 81].

По сообщению Боплана, от войска крымского хана, скрытно углубившегося в соседнюю страну, отделялось по несколько небольших отрядов, которые устремлялись в стороны для грабежа. При возвращении с добычей, то же повторяли вновь выделяемые отряды. Продвигаясь в избранном направлении, войско сохраняло основные силы на случай встречи с неприятелем и одновременно все его воины поочередно участвовали в грабежах [16, с. 334—335]. Боплан отмечает, что вторгшееся войско старается по возможности избежать встречи с противником, никогда не начинает наступательной битвы, даже защищается в случае крайней необходимости и для безопасности никогда не возвращается тем путем, которым вошло в край [16, с. 336].

И далее: «Поляки не могут преследовать их, так как их лошади имеют более короткое дыхание» [16, с. 340].

Сведения современников убеждают, что охранять государственные границы от набегов легковооруженной конницы обычными средствами было невозможно, даже в период существования регулярных армий, вооруженных огнестрельным оружием.

Для эпохи Киевской Руси Змиевы валы являлись наиболее эффективным средством защиты от кочевников, они были серьезным препятствием, широким фронтом перекрывавшие пути для проникновения подвижной легкой конницы.

Кочевники южнорусских степей не прибегали к штурму укреплений. Тактика их набегов ограничивалась «изъездом» или «облежанием» [160, с. 147—148; 161, с. 158—159; 163, с. 157]. «Изъезд» достигался внезапною нападения, позволявшем «с хода» ворваться в ворота и овладеть укрепленным пунктом. Если же этот маневр не удавался (защитники заблаговременно получали сведения об опасности), тогда приступали к пассивной осаде — «облежанию»: располагались под укреплением и держали жителей в окружении до тех пор, пока они, отрезанные от внешнего мира и источников воды, не сдавались неприятелю. При превосходстве сил защиты осада снималась.

Эти тактические принципы захвата крепостей и городов были характерны для печенегов, половцев, торков и оставались господствующими в Восточной Европе вплоть до XIII в. [160, с. 151; 161, с. 158; 163, с. 167].

Кочевники не предпринимали боевых действий за овладение Змиевыми валами, не осаждали их, поскольку эти сооружения не могли иметь постоянной защиты на всем протяжении. Перед противником стояла задача скрытно и, по возможности, беспрепятственно преодолеть преграду; ведь от нее только начинался полный неожиданный дальнейший путь движения.

Большую угрозу для деревоземляных укреплений представляли пожары, следы которых, как отмечалось выше, обнаружены во всех исследовавшихся линиях валов. То же самое характерно и для южнорусских городищ. Мы не знаем ни одного из этих памятников, укрепле-

ния которых не были бы уничтожены огнем. Из летописи известно, что кочевники жгли не только города, но и неукрепленные села, монастыри. Можно предположить, что и оборонительные стены Змиевых валов поджигались кочевниками. Однако это скорее происходило во время возвращения их из неудавшихся рейдов. Встретив непреодолимое препятствие, противник мог безнаказанно поджечь высохшие стены валов, но это ему не сулило успеха: нужно было выждать окончание пожара, причем, и после него нагромождение свежих руин не позволяло лошадям взобраться на вал, а тем более перепрыгнуть через него (широкий ров перед валом увеличивал расстояние). Кроме того, пожар способствовал обнаружению противника сторожевыми постами. Можно полагать, что кочевники предпочитали не пользоваться пожаром в целях внезапного преодоления препятствий. И это прекрасно сознавали строители Змиевых валов. Судя по расположению валов на Правобережье Днепра, кочевники обходили их, пытаясь отыскать брешь для прохода. Валы расходятся от Днепра к северо-западу и западу веером. Подойдя с юга ближе всего к Киеву, противник вынужден был обходить валы в западном направлении, удаляясь от Киева. В случае прохода через передовую линию в таком же направлении шли последующие линии. Характерны веерообразные ответвления и поперечные отрезки валов в междуречье Ирпеня — Тетерева, создававшие целый лабиринт препятствий на наиболее уязвимом киевском направлении в южной части междуречья. Конфигурация Среднего вала по Роси, отрезки которого упирались концами в берег реки, также имела целью воспрепятствовать обходу заграждения.

Валы задерживали продвижение противника, на их обход и поиски проходов требовалось время. А это вносило неопределенность в маршрут движения, расстраивало планы противника и способствовало его обнаружению. Тем самым сводились на нет тактические замыслы кочевников избежать встречного боя и воспользоваться внезапностью нападения для «облежания» того или иного города. Даже в случае прорыва эффект внезапности терялся. Валы создавали для противника опасность на обратном пути,

облегчали преследование его древнерусским войском.

Змиевы валы, оставаясь пассивным средством защиты, находились под контролем древнерусских сторожевых отрядов. Крепости в линии валов служили не только опорными пунктами для отражения противника, но и несли охрану оборонительных рубежей. На участках без крепостей или значительно удаленных от последних, а также на наиболее опасных направлениях сторожевой службой для обзора местности использовались высокие курганы или огромные насыпи. Эти сооружения сохранились местами возле валов в междуречье Ирпеня — Тетерева (см. рис. 9). Два из них расположены по обе стороны I вала напротив пгт Макарова. Городище в Макарове является остатками летописного Здвиження, через который проходила древняя дорога из Киева во Владимир-Волинский [78, с. 196]. Аналогичный курган сохранился на высоком плато у с. Бышев между IV валом и его южным ответвлением, откуда просматривались подступы с юго-запада. По свидетельству И. Фундуклея, вблизи Фастовско-Барахтянского вала у с. Порадовка находились курганы «Двух братьев» и «Змиева Могила» [206, с. 25]. Они могли служить для наблюдения за обезлесенным Перепетовым полем и охраны вала у Василевской дороги. Большой, но значительно распаханный курган расположен перед Котлярским валом между Унавой и Ирпнем. Специальные насыпи, или древние курганы, использовавшиеся для сторожевой службы, находились и в других местах, но они не сохранились.

В связи с этим представляет интерес сообщение Брунона о расставании с Владимиром на южной границе Руси, укрепленной Змиевым валом. Пройдя «длинное заграждение», — писал Брунон, — Владимир «стал на одном холме («colle»), мы стали на другом» [33, с. 12]. Очевидно, речь идет о двух курганообразных сторожевых насыпях. Так считает и автор перевода этого латинского текста, называя их «сторожевыми курганами» [33, с. 7].

Длинные валы не являются исключением для Среднего Поднепровья. Известны они по Днестру и Пруту в Хмельницкой и Черновицкой областях, в бассейне Южного Буга в Черкасской

и Одесской областях, на территории Молдавии, в Подунавье [220, s. 170—171; 34, с. 160; 227, с. 99]. За этими валами закрепилось название Траяновых и большинство исследователей относит их по традиции к римскому времени.

Болгарские археологи считают, что валы на юге Молдавии и в бассейне нижнего течения Дуная сооружены древними болгарами в VII—IX вв. [226, с. 13—18; 227, с. 99—102]. Это подтверждают данные исторической географии, свидетельство староболгарского источника XI в. о сооружении Аспарухом большого препятствия между Дунаем и Черным морем, а также находки в отдельных валах керамики или других предметов IX—X вв. [226, с. 11—16; 227, с. 101]. Под одним из этих валов открыта гробница IV в. н. э., что исключает возможность датировки их римским временем [226, с. 12].

К более позднему времени относится и вал по западному берегу Днестровского лимана севернее Белгорода-Днестровского, на одном из участков перекрывающий селище I—III вв. н. э. [39, с. 57—103].

Длинные валы на юго-западе Польши по заданной границе Шленска гипотетически связываются с именем Болеслава Храброго и образованием Польского государства [215, s. 444]. В том же значении рассматриваются два вала на территории ВНР между Дунаем и Тисой в 20—30 км южнее современной польской границы [219, s. 135].

Указанные валы вместе со Змиевыми ограждают с запада и севера обширную область причерноморских степей, в течение тысячелетий подвергавшихся набегам кочевников с востока. Их скотоводческое хозяйство, по мере увеличения численности племенников, нуждалось в новых пастбищах. Как отмечал К. Маркс, «давление избытка населения на производительные силы» вынуждало кочевников с плоскогорий Азии вторгаться в Европу [4, с. 568]. Если в течение I тыс. н. э. сравнительно небольшие волны кочевников вклинивались по причерноморскому коридору далеко на запад и исчезали в водовороте бурных событий эпохи «переселения народов» или переходили к оседлости, то в конце I тыс. в Восточной и Юго-Восточной Европе возникли государства, перед которыми стояла проб-

лема защиты своих границ. Появление в IX в. многочисленных орд печенегов, а затем половцев вынудило соседние с кочевниками государства строить длинные заграждения.

Длинные оборонительные земляные валы сооружались в начале II тыс. н. э. Булгарским государством на Волге. Они сохранились на территории Чувашской и Татарской АССР. В линии одного вала обследовано типичное для булгар квадратное городище с булгарской материальной культурой. Зафиксированы валы длиной по несколько десятков километров возле самой столицы — г. Булгар и других древнебулгарских городов [194, с. 65; 203, с. 29]. Несомненно, валы служили защитой от набегов кочевников прикаспийских степей.

Длинные заграждения сооружались до тех пор, пока существовали кочевники. Среди североприморских оборонительных линий какая-то часть могла возникнуть в более позднее время для защиты от набегов конницы Крымского ханства. На территории бывшего Булгарского государства, кроме ранних валов, имеются и позднесредневековые длинные земляные заграждения седловидной формы [203, с. 29, 67]. Они были направлены, очевидно, против Ногайской орды.

Красноречивым примером строительства длинных заграждений против набегов кочевников являются так называемые «засечные черты». Они возводились в XVI—XVII вв. Русским государством со стороны степи для отражения рейдов конницы Крымского ханства и Ногайской орды [128, с. 121, 124, 201; 55, с. 140—145; 56, с. 165, 173]. В начале XVI в. оборонительная линия длиной свыше 250 км под названием «берега» проходила в 150 км от Москвы по Оке и Угре между Козельском и Переяславль-Рязанским. В 60-х годах XVI в. южнее «берега» создается Большая засечная черта длиной 500 км между верховьями Дона и Сурой (левый приток Волги). В 1635—1646 гг. еще южнее строится аналогичной длины Белгородская засечная черта от Ахтырки на Ворскле до Тамбова; в 1648—1654 гг. она была продлена на 500 км к северо-востоку до бывшего Симбирска на Волге. В 1683—1684 гг. на восточном фланге Симбирской засечной черты сооружается южное ответ-

вление длиной 300 км через Пензу к Сызрани на Волге. В 80-х годах XVII в. была построена Оскольская (Цареборисовская) защитная линия длиной 200 км от устья Оскола вверх по Северскому Донцу и затем к западу по р. Мжа до р. Коломак [13, с. 69; 183, с. 25]. В этих линиях широко использовались лесные завалы (засеки), которые чередовались с надолбами (на болотах); на обезлесенных суходолах те же надолбы в виде двух рядов частокола («частика») присыпались в нижней части грунтом и сопровождалась рвами. На наиболее опасных и ответственных участках сооружались валы с редутами и раскатами [183, с. 26—30; 128, с. 136—202; 56, с. 101, 160].

Оборонительные линии XVI—XVII вв., с включением засек и частоколов, по фундаментальности уступали Змиевым валам. Однако их обязательным компонентом являлись узловые пункты обороны — крепости, в которых несли службу сторожевые полки. Необходимо учитывать также защитную эффективность огнестрельного оружия (пищали, пушки), которого не было в период функционирования Змиевых валов. Возросшая активность обороны в XVI—XVII вв. позволяла использовать против Крымского ханства разнообразные, но, в целом, более простые типы заграждений.

На западных и северо-западных рубежах России в XVI—XVII вв. возводились мощные каменные крепости против артиллерии соседних государств. При строительстве деревоземляных укреплений со стороны Дикого поля учитывались особенности тактики и боевых средств противника; само строительство было обусловлено необходимостью защиты огромной по протяженности границы от вторжения быстрой татарской конницы [56, с. 158].

Близким аналогом Змиевым валам может служить и «украинская линия» 1731—1735 гг., сооруженная русским правительством против крымских кочевников между Днепром и Северским Донцом, остатки которой состоят из сплошного рва с двумя валами (иногда одним валом с внутренней стороны) и бастионами для пушек [65, с. 147—149]. С перемещением границы России к югу «украинская линия» потеряла стратегическое значение и в 1768—1774 гг.

вместо нее была сооружена «днепровская линия» между Днестром и Азовским морем [14, с. 36]. После 1783 г., с включением Крыма в состав России, строительство подобных линий прекратилось*.

Примеры использования сплошных линий военно-инженерных заграждений против легковооруженной маневренной конницы крымского хана показывают, насколько своевременным и рациональным средством защиты являлись Змиевы валы в эпоху Киевской Руси.

2. РОЛЬ ЗМИЕВЫХ ВАЛОВ В ЗАЩИТЕ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ ОТ ПЕЧЕНЕГОВ

а) Вторжение печенегов в Причерноморье и взаимоотношения их с Русью

Основные сведения о печенегах до половины X в. содержатся в трактате византийского императора Константина Багрянородного [15, с. 5—20]. По его данным, ранее печенеги обитали между реками Волгой и Уралом. К концу IX в. под давлением узов (торков) они расселились от низовьев Дона до низовьев Дуная**, изгнав мадьяр из междуречья Днестра — Серета на территорию современной Венгрии.

Печенеги в середине X в. делились на восемь округов (колен), по четыре на Правобережье и Левобережье Днестра. Округа, возглавлявшиеся «великими князьями», делились на сорок частей, которые управлялись князьями.

Левобережные печенеги соседствовали с узам, хазарами, аланами и византийскими владениями в Крыму, а правобережные — с Болгарией, Венгрией, Русью и подвластными Руси ултинами (уличами), дравленинами (древлянами) и лензенинами — (волянцами)***. От Руси печенеги отстояли на один день пути [15, с. 16]. Со-

* Важно отметить, что «украинская линия» по монументальности уступала Змиевым валам — в ее земляных валах отсутствуют деревянные конструкции [91, с. 17—22].

** По другим источникам печенеги вторглись в Северное Причерноморье в 889 г. [12, с. 350].

*** Загадочные «лензенины» К. Багрянородного стали предметом дискуссии в польской литературе. Попытки отождествить их с западнотатарским племенем «ляхов» не увенчались успехом [222, с. 22—45]. По нашему мнению, «лензенины» следует отождествлять с «волянцами»; возможно, это имя было воспринято византийцем на слух как «лыняне». Имя племени по соседству с древлянами быть не могло.

гласно схеме Б. А. Рыбакова, воспроизводящей географию Восточной Европы по К. Багрянородному, наиболее северный округ печенегов находился между Южным Бугом и Днестром [168, с. 10]. По мнению С. А. Плетневой, кочевья печенегов в направлении Руси к югу от Киева могли простирались до Роси — эта река оставалась нейтральной [136, с. 24]. На Левобережье Днестра печенеги занимали территорию от Черного моря до низовьев Сулы, среднего течения Псла, верховьев Ворсклы и по Северскому Донцу до Дона [135, с. 192].

Как отмечал К. Багрянородный, русы старались жить в мире с печенегами. Без мира они не могли отлучаться в дальние походы и безопасно проезжать днепровские пороги в торговле с Византией. Однако «печенеги в силе воевать со всеми народами» и часто нападали на Русь, Венгрию и Болгарию [15, с. 5, 8]. Об агрессивности печенегов сообщает Феофилакт Болгарский: «жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны» [29, с. 119]. Печенегов опасалась и Византия, натравливая их на Русь и Болгарию.

О восточных, левобережных, печенегах сведений очень мало. По К. Багрянородному, они могли грабить Херсонес и другие византийские владения в Крыму. Основываясь на арабских источниках, М. И. Артамонов считал, что активность этих печенегов направлялась главным образом на восток — против хазар, буртасов, алан и других народов Подонья, Поволжья и Северного Кавказа [12, с. 352].

Печенеги упоминаются в древнерусской летописи начиная с 915 г. В этом году они впервые проникли на Русь и «створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю» [142, стб. 32]. Игорь воевал с печенегами в 920 г., а в 944 г. они участвовали, как наемники, в походе Игоря на Византию.

Агрессивность печенегов резко возрастает во второй половине X в., когда они, очевидно, не без одобрения Византии используют свою воинственность и вероломство против Руси.

Огромные силы печенегов в 968 г. обложили со всех сторон Киев: «...и оступиша Печенизи город в силе тяжьце, бещисленное множество около города; и не бе лзе вылести из града, ни вес-

ти послати, и изнемогаху людье голодом и водою...» [142, стб. 53]. Силы действительно были неравными. Киевский князь Святослав находился с дружиной в Переяславце на Дунае. В осаде выжидала исхода событий престарелая Ольга с малолетними внуками, в том числе будущим князем Владимиром. Все же печенеги отошли от Киева, но недалеко: на Лыбеди нельзя было коня напоить из-за их присутствия. Киевлянам пришлось посылать за Святославом с упреком: «ты, княже, чужеземца ищешь и блюдеши, а своея ся лишиши». Возвратившийся с дружиной Святослав «собрав вой и прогнаша Печенегы в поле» [142, стб. 55]. В 972 г. печенеги по подсылке византийцев убили Святослава на Днепровских порогах.

В последующие годы, при Владимире Святославиче, печенеги усилили натиск как на Правобережье, так и на Левобережье Днепра. В 980 г. они воевали против Владимира сразу же после вступления его на киевский престол. В 993 г. печенеги прошли Сулу и были разгромлены на Трубеже в районе современного Переяслав-Хмельницкого. В 996 г. Владимир воюет с печенегами под Василевым на Стугне. Для защиты Киевщины («бе бо рать велика беспересту») Владимир в 997 г. отправляется в Новгород «по верхние вое» — за подкреплением из северных областей Руси. Узнав об отъезде великого князя, печенеги неожиданно подошли к Белгороду и обложили его [142, стб. 112]. В 1015 г. больной Владимир посылает против печенегов, «идушим на Русь», своего сына Бориса, но последний «не обретшу Печенег» [142, стб. 115, 118]. В 1016 и 1019 гг. Святополк в борьбе против своего брата Ярослава дважды призывал на помощь печенегов, но оба раза они были разбиты Ярославом (у Любеча и у Переяслава) [142, стб. 129, 131].

Последний раз печенеги прорвались на Русь в 1036 г. и обложили Киев. Ярослав находился по делам в Новгороде. Узнав о случившемся, он возвратился в Киев и с «вой многы» в ожесточенной битве нанес печенегам сокрушительное поражение. Спасаясь бегством, множество печенегов утонуло в реках, а оставшиеся в живых, по словам летописца, «пробегоша и до сего дни» [142, стб. 139].

Печенеги отошли в Причерноморье. Вскоре в степях между Днепром и Дунаем они сосредоточили все свои силы, куда под давлением узлов переместилась и левобережная часть их орд. В самой печенежской среде начались раздоры и византийскому императору пришлось разрешить двум ордам в 20 тыс. человек поселиться на Правобережье Дуная, в расчете образовать из них заслон против западных же соплеменников [200, с. 80]. Однако в 1048 г. 800 тыс. печенегов самовольно вторглись в пределы империи. Пришельцы поселились на Балканах и временами играли важную роль в военных мероприятиях Византии. Но чаще они не признавали власти императора, совершали опустошительные наезды в глубь государства, грабили и уводили в плен жителей. Не удавалось усмирить печенегов и военными средствами. Как справедливо отмечал Ф. И. Успенский, должно было смениться несколько поколений, прежде чем потомки причерноморских печенегов отвыкнут от обычаев кочевой жизни, примутся за сельское хозяйство и смешаются с местным населением [200, с. 83].

История печенегов показывает, насколько опасным было соседство с ними для европейских государств. Изгнав за Карпатские горы мадьяр и прочно обосновавшись на юге Восточной Европы, печенеги с конца X в. усиливают наступление на Русь.

Борьба Древнерусского государства с печенегами сводилась не только к ведению боевых действий. В конце X в. в Среднем Поднепровье началось массовое оборонительное строительство. Летопись под 988 г. сообщает: «И рече Володимир: «Се не добро есть — мало городов около Киева». И нача ставити города по Десне и по Оустрь и по Трубешеву и по Суле и по Стугне, и нача на рубати мужи лутшии от Словен и от Кривич и от Чюдин и от Вятич, и от сих насели грады; бе бо рать от печенег и бе воюяся с ними и одоляя им» [142, стб. 106].

О строительстве укреплений при Ярославе Мудром узнаем из краткого сообщения летописи под 1032 г.: «...Ярослав поча ставити города по Рси» [142, стб. 137].

Этими лаконичными упоминаниями исчерпываются летописные сведения об оборонитель-

ном строительстве киевских князей. Летописцы не считали нужным описывать события, в которых принимали участие массы народа. Главной их задачей было «восхваление воинственных монархов и их сражений» [180, с. 7]. Монахи-летописцы обошли вниманием и Змиевы валы, которых сами не видели. Но именно эти сооружения произвели впечатление на иностранца Брунона в 1008 г. Недостающие сведения летописей восполняют данные археологических исследований.

б) Ведущее место Змиевых валов в системе обороны Среднего Поднепровья конца X — первой половины XI в.

О тесной связи Змиевых валов с системой обороны Среднего Поднепровья конца X — первой половины XI в. свидетельствуют археологические данные о находящихся в их линии городищах. В этом плане представляет интерес сводная карта древнерусских городищ [102, с. 12—16, рис. 2; с. 28—92; 103—163] и Змиевых валов Среднего Поднепровья (см. рис. 44).

Древнерусские оборонительные линии в указанном регионе делятся на три типа, состоящие из: 1) Змиевых валов и городищ; 2) Змиевых валов и 3) городищ.

Мы уже знаем, что со Змиевыми валами по Вите и Бобринце, по левому берегу Стугны и междуречью Стугны — Ирпеня, междуречью Ирпеня — Тетерева, по левому берегу Днепра, по правому берегу нижней Сулы, по левому берегу Роси от Ракитного до Белой Церкви сочетаются городища, наиболее ранний культурный слой которых датируется концом X — первой половиной XI в. Среди всех городищ в линии Змиевых валов только городище в Черногородке на левом берегу Ирпеня датируется более поздним временем — XII—XIII вв.

Отсутствуют городища в линии таких валов: Барахтянско-Фастовско-Житомирском, Дорогинском, Попельнянско-Зарубинецком, Котлярском, в несохранившемся валу в междуречье Ротка — Каменки. В Ягнятинском валу находятся только два городища на пересечении им Раставицы. Остается неясным отношение к валу уже упоминавшихся городищ без культурного слоя на

р. Красная (в селах Красное 2-е и Василев), у подножия которых небольшие селища возникли позже вала.

Оборонительные линии из одних городищ (без Змиевых валов) сооружались как в XI в., так и в XII—XIII вв. Цепочки ранних древнерусских городищ известны в четырех районах: по правому берегу нижней Десны, правому берегу Трубежа, в бассейне верхнего течения Сулы, по левому берегу среднего и нижнего течения Роси. В других местах Среднего Поднепровья единичные городища XI в. не образуют оборонительных линий (см. рис. 44).

Позже складывается пятая оборонительная система, представленная городищами западнее Переяслав-Хмельницкого в междуречье Альты и Днепра. Часть этих укрепленных пунктов возникла в XI в., а часть — в XII в. [79, с. 21—31]. Со второй половины XI—XII в. продолжалось строительство городков по левым притокам нижнего и среднего течения Роси — от Росавы до Ротка, составивших второй, внутренний рубеж Поросской оборонительной линии. В конце XI—XII в. эта линия была дополнена новыми крепостями по левому берегу нижнего течения Роси, и по западному притоку Роси — р. Раставице. Одновременно возводятся опорные пункты по правому берегу Днепра, образовавшие вместе с более ранними городками укрепленную линию от устья Стугны до устья Роси.

Оборонительные линии из городищ конца XI—XII в. нигде не сочетаются со Змиевыми валами. В этот период оборонительное строительство осуществлялось вне связи с ними. В XII—XIII вв. на Правобережье Днепра возникают десятки укрепленных пунктов западнее ареала Змиевых валов, покрывая густой сетью междуречье Тетерева — Случи вплоть до верховьев Южного Буга [81, с. 62—72]. Более ранние древнерусские городища в этом районе не известны, кроме городища у с. Гульск, входящего в область древлянских укреплений, основанных в X или на рубеже IX—X вв. [85, с. 75, 80].

Если исходить из хронологии древнерусских городищ, то Змиевы валы как на правой, так и на левой частях Среднего Поднепровья не выходят за пределы распространения укрепленных пунктов, основанных киевскими князьями в X—

XI вв. и, за небольшим исключением, сопровождаются городищами только этого раннего периода.

Различия в характере оборонительных линий — и территориальные, и хронологические — следует рассматривать во взаимосвязи с данными исторической географии. Это дает возможность более конкретно определить место Змиевых валов в системе обороны Среднего Поднепровья, их роль в истории древнерусского населения Киевщины.

Общезвестно, что в конце X — начале XI в. южная граница Киевской Руси в Среднем Поднепровье проходила на Левобережье по Суле, а на Правобережье — по Стугне, всего в 30 км от Киева [176, с. 165]. Как свидетельствует летопись, в связи с печенежской угрозой при Владимире началось создание внутренних и пограничных укрепленных линий для защиты Киева и южных пределов государства. В это время строятся оборонительные линии из валов и городищ на Правобережье: ближайшая к Киеву Витянско-Бобрицкая и следующая за ней — по левому берегу среднего течения Стугны и в междуречье Стугны — Ирпеня. Очевидно, при Владимире началось и не позже первой трети XI в. завершено строительство оборонительной полосы из валов и городищ в междуречье Ирпеня — Тетерева вместе с Черногородским валом по левому берегу Ирпеня. Этим самым было создано сплошное полукольцо защиты Киева с юга и юго-запада шириной по фронту 100 км. С внутренней стороны ближние подступы к Киеву охраняли с юга укрепленные пункты на месте современных Пироговского и Китаевского городищ, расположенных на краю надпойменной террасы правого берега Днепра, а с юго-запада — мощная крепость Белгород на Ирпене. На участке между Днепром и Бугаевкой по левому берегу Стугны, длиной 20 км, вал отсутствовал как и укрепления-городища*. Объясняется это, очевидно, тем, что указанный участок был надежно перекрыт с юга. В 7 км южнее устья Стугны на

правом берегу Днепра находилась древнейшая крепость Витичев, основанная еще до Владимира и известная в середине X в. Константину Багрянородному. Она определяла южные пределы древнейшей, «внутренней» Руси [175, с. 7]. Между устьем Стугны и Витичевым находились еще два древнерусских укрепленных пункта — Треполь и Халеп, которые существовали уже в XI в. и, возможно, были основаны еще в конце X — начале XI в. Наличие укреплений, в частности Витичева, южнее Стугны определило начало двум последующим линиям Змиевых валов, продолжавшихся западнее в пределах «внешней» Руси — по правобережью Стугны и по р. Красная. Сплошная правобережно-стугнянская линия в междуречье Днепра — Тетерева перекрыла доступ к двум предыдущим; вторая внешняя линия двумя отрезками в междуречьях Днепра — Ротка (по р. Красная) и Ротка — Каменки образовала еще одну дополнительную преграду, но только на наиболее опасном направлении — с юга. Обе внешние линии относятся по времени к первому периоду оборонительного строительства, начатого Владимиром и продолженного, очевидно, в первое десятилетие правления Ярослава. Концом этого периода следует датировать неоконченный Дорогинский вал в междуречье Унавы — Ирпеня, который, подобно двум предыдущим отрезкам по Красной и между Ротком и Каменкой, должен был служить дополнительным препятствием с юго-запада. В частности, он перекрывал уязвимое звено на стыке двух глубокоэшелонированных систем заграждений из Стугнянско-Ирпенской и Витянско-Бобрицкой линий с востока и Ирпенско-Тетеревских с запада. Опасность Унавско-Ирпенского коридора состояла и в том, что он проходил по западному краю «Перепетова поля» и, будучи залесенным, позволял беспрепятственно приблизиться к Ирпеню у устья Унавы, где защита состояла только из одного Черногородского вала.

Обе внешние линии валов, как и Дорогинский вал, лишены городищ. Кроме Витичева и, возможно, летописных Треполя и Халепа, в первые десятилетия XI в. в пределах территории, очерченной внешними линиями валов шириной по фронту 150 км, существовал укреплен-

* Мощная крепость Тумашь на левом берегу Стугны у современного с. Старые Безрадычи (в 15 км от Днепра) была основана не ранее первой трети XI в. [154, с. 114; 155, с. 146; 78, с. 186; 84, с. 19—20].

ный пункт на Грубском скифском городище в бассейне Тетерева, заселенном еще в IX в. и являвшимся до середины X в. древлянским «градом» [156, с. 114]. Это мощное укрепление, на некрополе которого открыты древнерусские дружинные погребения рубежа X—XI вв., находилось в 10 км с внутренней стороны перед валом. Напротив его, в 3,5 км с наружной стороны перед валом, расположено городище у с. Яроповичи с культурным слоем XI—XIII вв.; в 800 м южнее обнаружено селище с керамикой IX—X вв. [156, с. 108]. Исследователи отождествляют это городище с Ярополчем, упомянутым в летописи под 1160 г. Не исключено, что оно связано с именем брата Владимира — Ярополка, княжившем в Киеве до 980 г. Даже если это укрепление возникло до начала или в первой половине XI в., становится очевидным, что две внешние оборонительные линии Змиевых валов являлись самостоятельными защитными рубежами; единичные укрепленные пункты на противоположных концах Днепровско-Тетеревского вала могли выполнять только вспомогательную оборонительную функцию.

С 1032 г., на втором этапе оборонительного строительства, началось укрепление южной границы Руси на Правобережье Днепра по Руси и создание новых линий Змиевых валов для защиты Среднего Поднепровья с юго-запада. Возникает новая южная волость Руси на Правобережье — Поросье. В нижнем и среднем течении Руси была построена 90-километровая цепь пограничных городков-крепостей. Основав на западном фланге этого рубежа центральный город Поросья — Юрьев [176, с. 167], Ярослав дополнил его линией вала к востоку по Руси только на 25 км — до окрестностей современного пгт Ракитное. Но к западу от Юрьева вал тянулся на 80 км, пересекая Каменку, верховья Унавы и достигая Гуйвы. Ягнятинское ответвление этого вала дублировало перекрытие междуречья Руси — Гуйвы в 20 км южнее, а Котлярское ответвление преграждало доступ к востоку по узкому коридору в междуречье Унавы и Ирпеня. На первом этапе строительства укрепленных линий западной границей защиты Среднего Поднепровья служила р. Тетерев, к которой примыкают два более ранних вала. На втором эта-

пе этой границей стал южный приток Тетерева — р. Гуйва, в которую упирались концами две последующие линии.

Новые оборонительные линии Змиевых валов, как и две предыдущие, западнее Руси (т. е. за пределами «Русской земли» в узком смысле слова) [180, с. 71], не включали в свой состав укрепленных пунктов. Только внешняя линия при пересечении Раставицы сопровождалась двумя укреплениями-городищами, расположенными друг против друга по обеим сторонам реки в 400 м с внутренней стороны Змиева вала в с. Ягнятин. Оба городища содержат культурный слой XI—XIII вв. [82, с. 42] и отождествляются с Неятином, упомянутым в летописи под 1071 г. Время основания этого населенного пункта, судя по керамическому материалу, вполне может быть отнесено к 30-м годам XI в. Кроме Ягнятина, в пределах территории, охваченной двумя новыми валами, среди укрепленных пунктов, возникших в XI в., известны два городища на р. Каменке — в селах Трилеса и Мазепинцы [78, с. 187]. Еще одно городище с археологическими материалами второй половины XI—XIII вв. [78, с. 189; 87, с. 46] находится в 4 км с внешней стороны от крайнего южного (Ягнятинского) вала — в с. Малая Сквирка при впадении Сквирки в Рось. Три последних городища не входили в линию Змиевых валов.

Западнее Гуйвы вплоть до верховий Горыни (за которой начиналась древнейшая волость «Русской земли» в бывших владениях волян) на протяжении свыше 150 км городища XI в. не известны, и южная граница Руси на этом отрезке оставалась в XI в. незащищенной. В 75 км юго-западнее крайнего внешнего Змиева вала, в среднем течении Южного Буга, с X в. существовала компактная группа из пяти десятков крепостей-городищ летописных уличей. Но под напором печенегов укрепления были оставлены жителями и в начале второй половины XI в. с появлением половцев пришли в полное запустение [207, с. 156; 93, с. 382].

Несколько иной характер имели оборонительные мероприятия на Левобережье Днепра. По данным исследователей, все зафиксированные летописью нападения печенегов, кроме

993 г., исходили из Западного объединения [135, с. 214]. Восточное объединение печенегов было слабее Западного и раньше прекратило существование. Однако выдвинутые далеко к югу левобережные владения Древнерусского государства требовали защиты границ не только со стороны степи, но и по Днепру южнее устья Стугны. Поэтому наиболее длинный Змиев вал защищал Левобережье не с юга, а с запада, проходя по левому берегу Днепра. Кроме того, южная граница Руси на Левобережье, которая в конце X в. проходила по Суле, была укреплена Змиевым валом только в нижнем течении, т. е. со стороны, прилегающей к Днепру*.

Возводя укрепления по Стугне и Суле, было бессмысленным оставлять беззащитным 165-километровый днепровский участок границы между этими реками. Днепровский левобережный вал, начинающийся напротив устья Стугны севернее Витачевского городища, по сути, составлял одну оборонительную линию с Днепровско-Тетеревским валом и являлся наиболее грандиозным сооружением эпохи Владимира; он продолжался на 24 км ниже устья Сулы до современного пгт Градижск, перекрывая Левобережье от вторжения печенегов со стороны правого берега Днепра, в той его части, которая в конце X — начале XI в. оставалась неукрепленной.

В линии Змиева вала на Левобережье Днепра находились укрепленные пункты, перечисленные нами в III главе. Наиболее густо они располагались в нижнем течении Сулы, где на отрезке вала длиной 80 км (по прямой) насчитывается 12 городищ XI—XIII вв., подавляющее большинство которых относится к эпохе Владимира. Севернее и северо-восточнее — по среднему и верхнему течению Сулы, Псла и Ворсклы вплоть до Северского Донца находились более ранние укрепленные поселения северян, представленные роменской археологи-

* Сведения В. Г. Ляскоронского о наличии Змиева вала на Левобережье Днепра южнее Сулы — по правому берегу р. Орель — ошибочны [114, с. 1—3, 78—79]. Нашими исследованиями 1985 г. установлено, что отрезки этого вала с бастиянами для огнестрельного оружия связаны со средневековыми крепостями и относятся к завершающему этапу строительства так называемой украинской оборонительной линии 1731—1735 гг.

ческой культурой IX—X вв. Значительная их часть к концу X в. пришла в запустение, но часть продолжала функционировать. Наличие северянского населения, вклинивавшегося далеко к юго-востоку от древнерусских центров Среднего Поднепровья, было одной из причин несовпадения линии государственной границы Руси на Правобережье (по Стугне) и Левобережье (по Суле). При Владимире сплошная оборонительная линия из Змиева вала и крепостей тянулась от устья Сулы до современного г. Лубны (летописный г. Лубно). Этот пункт являлся крайним юго-западным укреплением, основанным на Суле северянами. На городище в г. Лубны кроме древнерусских материалов XI—XIII вв. обнаружены более древние отложения роменской культуры [66, с. 145; 107, с. 263—264; 190, с. 323]. Южнее Лубнов северянские городища отсутствуют. Отдельные обломки керамики роменской культуры на некоторых из них (например, на городище летописного Воиня в устье Сулы) свидетельствуют о том, что среди жителей, поселенных Владимиром во вновь основанных укрепленных пунктах, были и выходцы из северян. Севернее г. Лубны — в среднем течении Сулы и по ее правобережному притоку р. Ромен известен целый ряд типичных городищ роменской культуры (см. рис. 44). Почти все они были реконструированы в течение XI в. и дополнены новыми опорными пунктами. Начало древнерусского оборонительного строительства на менее опасном северном участке Посульской линии, обновление северянских укреплений, восходит, несомненно, к концу X — началу XI в., но было оно закончено, судя по материалам городищ, позже основания оборонительной линии по нижнему течению Сулы. В XI—XII вв. возникли укрепленные пункты и в верхнем течении Сулы. На Левобережье, в отличие от Правобережья, граница по Суле, определившаяся в конце X в., не менялась, хотя на северном участке она и не была столь определенной, как на южном. Сула оставалась пограничной линией основной территории Переяславского княжества (возникло в середине XI в.) и в XII—XIII вв.

Таким образом, как на Правобережье, так и на Левобережье Змиевы валы занимали веду-

щее место в системе обороны Среднего Поднепровья конца X — первой половины XI в. Все правобережные оборонительные линии, кроме участка в нижнем и частично среднем течении Роси, состояли из Змиевых валов. При этом крепости находились только в ближайших к Киеву линиях. На первом этапе оборонительного строительства против печенегов были возведены Змиевы валы на наиболее опасных направлениях вдоль левого берега Днепра и в нижнем течении Сулы, не прикрытом со стороны степи северянскими укрепленными пунктами. Осуществление этих мероприятий создавало условия для прочной оседлости населения и хозяйственного освоения территории*.

3. ЗАЩИТА ЮЖНОЙ РУСИ ОТ ПОЛОВЦЕВ

а) Создание оборонительного заслона из торков

После разгрома печенегов под стенами Киева в 1036 г. и с уходом их в Подунавье обстановка на южной границе Руси в течение почти двух десятилетий оставалась спокойной. Во второй половине XI в. в Южное Поднепровье вторглись с востока торки (узы). В 1055 г. переяславский князь Всеволод победил торков у Воиня в устье Сулы. В 1060 г. Всеволод вместе с киевским князем Изяславом, черниговским — Святославом и полоцким — Всеславом «поидоша на конях и в лодьях на Торкы», но последние «убоялись и побегоша» [142, стб. 151, 152].

* Немногочисленное северянское население юго-восточнее Сулы, уцелевшее от хазарского притеснения и печенежских вторжений и частично прикрывавшее древнерусские владения в верхнем Посулье, оставалось за пределами государственной территории Руси. В условиях активизации внешней опасности защитить эту окраинную полупустынную область Древнерусское государство не могло. На рубеже XI—XII вв., судя по восстановлению части запустевших северянских укреплений, началось хозяйственное освоение указанной области феодалами Переяславского и, очевидно, более сильного Новгород-Северского княжеств. Однако оно не было закончено. По летописным данным, Засульская окраина, остававшаяся за оборонительным рубежом Древнерусского государства, так и не получила определенного политического статуса в составе Руси. Во второй половине XII в. автор «Слова о полку Игореве» отнес эту область к «землям незнаемым» [176, с. 100].

Теснимые с востока половцами и преследуемые Русью, торки отошли на запад к границам Византии [136, с. 24]. Многочисленные орды торков переправились через Дунай на византийские земли и совершали грабительские набеги в глубь империи [200, с. 82]. Часть торков обратилась за помощью к Руси и во второй половине XI в. была поселена в бассейне Роси и у Переяславля. В источниках упоминаются также черниговские сородичи торков — коуи.

Поросские торки несли пограничную службу — охраняли южные пределы Киевщины от набегов половцев; в военном отношении они подчинялись киевскому князю. Вместе с торками были поселены беренден и часть печенегов, оказавшихся на пути движения половцев и искавших от них спасения. По данным анализа погребений, оставленных кочевниками на Правобережье Среднего Поднепровья, а также летописным сведениям, торки жили по левым притокам Роси (вплоть до Днепра). Основная часть печенегов обитала в верховьях Росавы и на ее левом берегу, а берендеев — в нижнем течении Росавы и по западным притокам Роси [136, с. 25, рис. 8]. В 40-х годах XII в. три народности объединились в союз, выступающий в древнерусских летописях под названием «Черных клобуков». С образованием черноклобукского союза поросские кочевники превратились из федератов киевского князя в его вассалов [135, с. 218].

Торки, беренден и печенеги несли охрану южных границ правобережной Киевщины совместно с древнерусским населением. Во второй половине XI—XII в. киевские князья построили в Поросье и по правому берегу Днепра ряд укрепленных пунктов. По левому притоку Роси — Росаве — известны городища в селах Емчихе, Пиляве (XI—XIII вв.), Масловке (XII—XIII вв.) [195, с. 225—226; 83, с. 45—46]. Два городища XII—XIII вв. расположены между Росавой и Днепром — у с. Грищенцы [133, с. 50—51; 134, с. 218]. Линия укрепленных пунктов на удалении от Роси, по ее левым притокам, продолжалась на запад, где находилась столица Черных клобуков Торческ конца XI—XIII вв. (на р. Гороховатка у современного с. Шарки), а также крепости XII—XIII вв. на месте городищ у современных сел Пишки, Жит-

ние Горы, Чепелиевка и Песчаная [17, с. 64; 78, с. 191; 82, с. 39, 41—42; 83, с. 48—49; 174, с. 243]. В конце XI—XII в. рядом укреплений было дополнено нижнее течение Роси — городища в Кононче, Межириче, Сахновке, Набутове, Половецком [45, с. 151—154; 47; 72, с. 174; 82, с. 10—12, 15; 151, с. 87]. Остатками укреплений по правому берегу Днепра между древним Витичевым и устьем Роси, возведенных в конце XI—XII вв., являются городища Южное Витачевское, Иван-Гора у Ржищева, в Уляниках, у Балыко-Щучинки, Ходорова, Зарубинцев (восстановлено более древнее укрепление), в Малом Букрине, у Григоровки, в Каневе, Княжья Гора у Пекарей [102, с. 63—77]. Большинство городищ Поросья содержит незначительный культурный слой и служили одновременно крепостями и убежищами для небоеспособного черноклобукского населения на случай половецких набегов. Города-крепости находились под управлением киевских князей, но известны случаи, когда предводители Черных клобуков добивались передачи для них «лепших» городов Поросья.

Левобережные, переяславские торки впервые упоминаются в летописи под 1080 г., когда они попытались освободиться от власти переяславского князя Всеволода. Последний посылает на торков своего сына — черниговского князя Владимира, который «победи Торки» [142, стб. 196]. Часть переяславских торков была поселена в районе Переяславля. В 1125 г. Ярополк, предотвращая нападение половцев на переяславских торков «повеле гнати люди и Торкы в Баручь и в прочая грады» [142, стб. 289—290]. Баруч, городище которого не сохранилось, отождествляется с современной Барышевкой на Трубеже [188, с. 288]. Известны и другие городища, в окрестностях которых жили торки.

Западнее Переяславля были поселены летописные турпеи. Главным укрепленным пунктом в этой части Левобережья был летописный Саков (приблизительно в районе современных сел Салькова или Старое Бориспольского района Киевской обл.) [196, с. 7]. В летописи под 1150 г. говорится, что переяславский князь Ростислав «гна к Сакову и стони Турпее у Днеп-

ра» [142, стб. 398]. Между Переяслав-Хмельницким и Киевом в междуречье Трубежа — Днепра тремя рядами расположена упоминавшаяся выше компактная группа городищ [79, с. 21—31]. Северо-восточный ряд по Трубежу состоит из городищ в Гайшине, Пристромах, Русанове, Перемогее, Светильне, Заворичах [76, с. 20]. Юго-западный ряд вдоль поймы Днепра образуют городища в Старом, Головурове, Воронкове, Процеве. Посередине параллельно двум предыдущим рядам цепочкой с юго-востока на северо-запад вытянуты городища в Веселиновке, Любарцах, Иванкове, Борисполе. Часть этих укреплений возникла в XI в., а часть (Перемогая, Светильня, Веселиновка, Иванков, Старое, Головуров, Воронков, Процев) — в конце XI — XII в. [79, с. 21—31].

Городища западнее Переяслав-Хмельницкого образовывали на левом берегу Днепра продолжение Правобережной оборонительной линии, и защищали Киев с юго-востока. Почти все городища двух юго-западных рядов, расположенные между поймами Альты и Днепра с их богатыми выпасами, имеют незначительный культурный слой и сопровождаются очень маленькими селищами. Они служили, несомненно, крепостями-убежищами турпеев и других тюркских орд, занимавшихся скотоводством и коневодством; эти кочевники использовались киевскими и переяславскими князьями в качестве воинского контингента как против половцев, так и в междоусобных войнах.

По сведениям начала XX в. рядом с городищем у с. Головуров на краю днепровской поймы были заметны следы огромного древнего водоема в уроч. Карань [132, с. 25, рис. 2]. Название этого урочища (тюркское «кара» означает «черный») — еще одно свидетельство проживания в указанном районе сородичей Черных клобуков (турпеев). Подобные тюркские названия сохранились в топонимике с древнерусского времени в устье Трубежа (бывшее с. Корань) и восточнее Переяслав-Хмельницкого (р. Каратулька, села Великая и Малая Каратуль).

По мнению В. Г. Ляскоронского и К. В. Кудряшова, переяславские торки кроме других районов должны были обитать вдоль левого

берега Днепра между устьями Сулы и Трубежа, где проходили половцы во время набегов на Переяславль [65, с. 128; 111, с. 20—27]. Археологическими данными трудно подкрепить такое мнение. На указанном отрезке вдоль левого берега Днепра, как и в нижнем течении Сулы во второй половине XI—XII в. строительство новых крепостей не проводилось.

Черниговских торков (их иногда не отделяют от переяславских) исследователи размещают в междуречье верхний Остра, правых притоков Сулы и левых притоков Сейма [111, с. 16—18]. Полагают также, что в менее заселенном черниговском Задесенье (междуречье Остра — Сейма) со значительным количеством болот и солончаковых почв были поселены черниговские «свои поганые» — коуи [52, с. 79]. Очевидно, среди известных городищ в этой области какая-то часть принадлежала поселенцам-кочевникам.

Приняв торков, Южная Русь перешла к новой форме организации обороны. Если на Правобережье Днепра с помощью кочевников было завершено укрепление южной границы по Роси, то на Левобережье, где южная граница была укреплена еще во времена Владимира, кочевники использовались для защиты Переяславля и ближних подступов к Киеву. Промежуточная цепь укреплений по правому берегу Днепра перекрывала доступ на Киевщину с востока.

Таким образом, со второй половины XI в. при сыновьях Ярослава стратегия обороны Среднего Поднепровья получила новое содержание. Привлечение кочевников и строительство новых крепостей позволили создать мощный глубокоэшелонированный заслон на пути к жизненно важным центрам Южной Руси, в первую очередь Киевщины. В XII в. юго-западные пределы Киевской земли вплоть до границ с Галицко-Волынским княжеством покрываются густой сетью опорных пунктов. Змиевы валы в междуречье Днепра — Тетерева, как и вал по левому берегу Днепра превратились в тыловые сооружения и утратили военно-стратегическое значение.

Этот этап оборонительного строительства, продолжавшийся на всей территории Руси с обособлением отдельных княжеств и преследо-

вавший цель закрепления и хозяйственного освоения новых волостей и уделов, в Среднем Поднепровье совпал с половецкой угрозой.

6) Борьба против половцев. Возобновление строительства Змиевых валов

В середине XI в. вслед за торками к западу двигались половцы (куманы). Наиболее раннее и наиболее сильное объединение половцев сложилось в бассейне Северского Донца и Приазовье, к концу XI в. возникли Приднепровское, Лукоморское (на р. Молочной) и другие объединения [138, с. 57; 139, с. 57]. Как отмечал С. М. Середонин, половцы кочевали между Доном и Дунаем, даже между Волгой и Дунаем, хотя на Правобережье Днепра они бывали реже [182, с. 171]. Согласно схеме Б. А. Рыбакова, составленной по данным сицилианского географа середины XII в., а также сведениям древнерусских летописей и «Слова о полку Игореве», Кумания делилась на две части: Белую и Черную. Белая Кумания занимала территорию от низовьев Дуная до Днепра и захватывала прилегающий к Днепру участок Левобережья. Черная Кумания находилась севернее и северо-западнее Азовского моря, включая бассейн Северского Донца и простираясь до Волги [169, с. 43, рис. 156].

Впервые половцы у границ Южной Руси появились в 1055 г. История их пребывания в восточноевропейской степи и взаимоотношений с Древнерусским государством детально разработана С. А. Плетневой [137, с. 260—300]. Исследовательница выделяет четыре периода в истории половцев: середина XI — начало XII в.; 20—60-е годы XII в.; вторая половина XII в.; конец XII — первые десятилетия XIII в. Левобережные половцы совершали частые нападения на Среднее Поднепровье в течение первого, второго и третьего периодов [137, рис. 2, 4, 6]. На правом берегу половцы обычно обходили Русь с юго-запада, двигаясь по забужскому степному коридору на территорию Галицко-Волынского княжества. Объясняется это, по мнению С. А. Плетневой, наличием лесного массива южнее Роси, являвшимся естественной защитой от степняков [137, с. 269]. Кроме того, с 1146 г. в летописи

упоминаются «дикие половцы», размещавшиеся западнее верховий Роси, по предположению С. А. Плетневой,— в верховьях Южного Буга [137, с. 282]. Они придерживались прокиевской ориентации; не являясь вассалами киевского князя, «дикие половцы» отчасти выполняли функции черных клобуков, заслоняя Южную Русь от остальных кочевников. С их поселением в указанном районе в летописи только дважды (1173 и 1190 гг.) упоминается о набегах половцев через Забужье на Киевщину и Поросье [137, с. 282]. Проникали половцы на Киевщину и по правому берегу Днепра через нижнее течение Роси, особенно в третьем периоде [137, рис 6].

По подсчетам П. Голубовского, из 46 крупных набегов, совершенных половцами самостоятельно, без приглашения древнерусскими князьями, 19 приходится на Переяславскую землю, 16 — на Киевскую (в том числе 12 — на Поросье), 7 — на Чернигово-Северскую и 4 — на Рязань [35, с. 86].

Первый натиск половцев на Южную Русь приходится на вторую половину XI в. В 1061 г. они вошли в Переяславское княжество и победили встретившего их князя Всеволода. В 1068 г. три Ярославича — Изяслав, Святослав и Всеволод выступили против половцев на р. Альта у Переяслава и потерпели поражение. Эта неудача явилась поводом к восстанию киевлян 1068 г. В 1078 г. половцы участвовали в междоусобице южнорусских князей, в 1079 г. Роман Тмутараканский подошел с половцами к Воиню (в устье Сулы), но Всеволод заключил мир с половцами. В 1092 г. «рать велика бяше от Половецк отсюду» [142, стб. 206]. В 1093 г. киевский князь Святополк с черниговским Владимиром Мономахом и Переяславским Ростиславом были разбиты половцами у Треполя, после этого половцы сожгли Торческ. В 1095 г. половцы «стояша... лето все» около Юрьева «мало не взяша его» [142, стб. 219]. Когда жители Юрьева убежали к Киеву, половцы сожгли опустевший город. В 1096 г. половцы напали на Киев и Переяславль.

В начале XII в. древнерусские князья переходят к тактике активной обороны — дальним походам в глубь степей для разгрома половцев

в местах их кочевий. Инициатором и руководителем этих походов был переяславский князь Владимир Мономах [130, с. 23; 28, с. 58, 89; 171, с. 45—46]. По подсчетам И. У. Будовнича, Владимир Мономах предпринял 26—27 военных походов против половцев и приобрел огромный военный опыт [28, с. 86—87]. В 1103 г. в походе на Сутин (р. Молочная, впадающая в Азовское море) [65, с. 91—92] русские разгромили огромные силы половцев (в бою пало 20 ханов, одного хана взяли в плен) [142, стб. 252—255]. В 1109 г. Владимир Мономах снарядил войско на Северский Донец, где было взято 1000 веж [142, стб. 260]. Сокрушительные удары по этому же объединению были нанесены в 1111 и 1116 гг. В 20—60-е годы XII в. половцы не совершали самостоятельных походов на Русь, но как союзники принимали активное участие в междоусобных войнах древнерусских князей. Последние, «только-что разгромившие половцев на всех направлениях, вновь помогали им набираться физических и моральных сил» [137, с. 275].

Третий период русско-половецких отношений — вторая половина XII в. — характеризуется взаимными грабительскими набегами, совместными походами, мирами, взаимными браками [137, с. 282].

В этот период окончательно оформляются крупные половецкие союзы, половцы овладевают городами Крыма и Тамани [137, с. 297]. Восстановив силы, они возобновляют серию опустошительных набегов на Среднее Поднепровье. Ослабленные внутрифеодальными распрями, древнерусские князья утратили инициативу в борьбе с противником. Активизация половцев стала угрожать торговле Руси с югом и востоком, они начали «изымать» Греческий путь (по Днепру), Солоный (вдоль правого, а затем левого берега Днепра в Крым) и Залозный (из Киева к устью Дона) [65, с. 103—109]. В ответ древнерусские князья в 1170 г. совершают дальний поход: на Орели и Самаре разгромили половцев и «взяша полону множество, якоже всим Руским воем наполнитися до избытка, и колодники и чагами и детми их, и челядью и скоты и конми...» [142, стб. 540]. В 1172 г. половцы проникли в глубь Киевщины «и взяша

села без оучьта с людьми и с мужи и с женами, и коне и скоты и овьще погнаша в Половье» [142, стб. 556]. Но отряды русского войска и берендеев вышли навстречу половцам, разгромили их и отняли скот и пленников. То же повторилось в 1173 и 1177 гг. Взаимные походы состоялись в 1174, 1183, 1184, 1185, 1187, 1190 гг., а отдельные — в 1179, 1191, 1193 гг. Только в конце XII в. южнорусским князьям удалось умиротворить половцев, привлекая их в походы против других древнерусских княжеств.

История русско-половецких взаимоотношений позволяет предположить, что именно в третий период возобновилось строительство Змиевых валов.

Опасная обстановка сложилась в Поросье в конце XII в. в связи с изменой киевскому князю черноклобукского хана Кунтувдея, сбежавшего в 1190 г. к половцам. Вместе с половецкими ханами он в течение нескольких лет совершал опустошительные набеги в Поросье.

Очевидно, Средний вал по Роси, перекрывающий культурный слой поселения XI — начала или первой половины XII в. (в районе пгт Стеблев), был сооружен во второй половине или в конце XII в. Он служил передовым защитным рубежом на подступах к укрепленным пунктам черных клобуков с их вежами.

Можно полагать, что в связи с активизацией половецких вторжений во второй половине XII в. были возведены и валы в междуречье Ромна и Сейма на Левобережье Среднего Поднепровья (см. рис. 27). Из семи укреплений-городищ, известных по р. Ромен, шесть возникли в течение XI в., а одно (у с. Гайворон) — в XII в. [92, с. 45, 64; 121, с. 75]. Остатки двух валов в верховьях Ромна находятся в непосредственной близости от городища середины XI — XIII в. у с. Шевченко [92, с. 36, 64] и городища XII—XIII вв. у с. Кошары [120, с. 316]. Третий, северо-восточный отрезок вала проходил вблизи городища конца XI—XIII в. у с. Грузское (хут. Кросна) [125, с. 286]. Городища разделяли черниговское Задесенье (в междуречье Остра — Сейма) и переяславское Посемье* (в междуречье верховий Сулы — Сей-

* От древнерусского названия р. Семь (современная р. Сейм).

ма) [52, рис. 2]. С начала XII в. Посемье неоднократно переходило из Переяславского княжества в Черниговское. Обе области представляли опасный коридор для проникновения половцев и занимали в системе обороны древнерусских земель важное стратегическое место. Через степную часть южного Посемья — летописное «поле» — и затем Задесенье в XII в. проходил путь половцев к Чернигову и другим левобережным центрам Среднего Поднепровья [108, с. 175; 176, с. 90; 52, с. 79, 96, 97]. Очевидно, доступ к Задесенью через междуречье Ромна — Сейма был дополнительно прегражден Змиевыми валами, остатки которых еще существовали до недавнего времени и известны по данным обследований конотопского историка-краеведа И. А. Лысого. Как отмечалось выше, исследователи полагают, что в черниговском Задесенье могли жить коуи. Наличие валов на стратегически важном оборонительном направлении делает такое предположение вполне вероятным.

В четвертом периоде половцы не предпринимали самостоятельных походов на Русь, а в качестве союзников участвовали в междоусобных войнах древнерусских князей за пределами Среднего Поднепровья [137, с. 297].

В 1222 г. половцев начали уничтожать и теснить на запад орды Чингиз-хана. Обессиленные, они обратились за помощью к Руси*. В битве на Калке (1223) половцы и древнерусские полки были разбиты. Впоследствии остатки половцев вошли в состав Золотой Орды.

4. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗМИЕВЫХ ВАЛОВ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Из рассмотрения взаимоотношений Руси с кочевниками вытекает, что Змиевы валы сооружались в периоды крайнего обострения внешнеполитической обстановки.

* Спасаясь от преследований, хан Котян «с иными князми и со останком Половецъ прибегоша идеже зовется вал Половецкий» [143, стб. 504]. Судя по упоминаниям о Котяне в летописи, он до этого кочевал «в сравнительной близости от Киева, скорее всего, в приднепровских степях» [137, с. 299]. Очевидно, Котян подошел к валу огромного городища раннежелезного века у сел Хижинцы и Журжинцы южнее Роси (Лысянский р-н Черкасской обл.).

В первый период массового оборонительного строительства, начатого Владимиром, Змиевым валам придавалось исключительное значение. Появление грабительских орд печенегов и их глубокие рейды к столице Руси потребовали принятия срочных мер по защите Среднего Поднепровья.

Печенеги были первым опасным противником, вступившим на территорию Руси. До этого киевские князья вели наступательные действия вдали от Среднего Поднепровья.

Угроза со стороны печенегов довольно остро ощущалась уже в княжение Святослава Игоревича. Известно, что этот князь отстаивал экономические и политические интересы Руси за пределами Древнерусского государства, провел жизнь в дальних походах и мало интересовался внутренними делами своей страны. Он разгромил Хазарский каганат, заключил мир с Дунайской Болгарией и Волжской Булгарией, а также с Византией. Однако Святослав пренебрег опасностью, исходившей от непосредственных соседей Руси — печенегов, которыми и был вероломно убит. По словам Б. А. Рыбакова, «его сыну осталось оградить Русь от печенегов, что он блестяще и выполнил» [171, с. 41].

В княжение Владимира эта задача стала настоящей необходимостью Древнерусского государства, важнейшим условием поступательного развития экономики, социальных отношений и культуры Древней Руси. Владимир укрепил за государством окраинные племенные княжения восточных славян и широко пользовался правом верховного собственника древнерусских земель. В столицах старых племенных княжений он посадил управителями двенадцать своих сыновей. При Владимире было введено христианство, упрочившее идеологическую основу раннефеодальной монархии.

Молодое Древнерусское государство, приступившее к внутренней консолидации восточнославянских земель и защите своей территории от соседних с запада раннефеодальных государств, не могло нормально функционировать, не приняв решительных мер по отражению усилившейся печенежской угрозы с юга, где граница оставалась открытой.

По определению С. А. Плетневой, печенеги

в Причерноморских степях находились в основном на стадии таборного кочевания. Они не имели постоянных баз — зимников и летников во время сезонных перегонов скота на новые пастбища, а передвигались на кибитках (вежах) вместе со своими семьями [139, с. 25, 30]. Постоянно сменяя места обитания, печенеги оказывались неуловимыми для соседей. Нанести удар по ним, предпринять наступательные действия для разгрома врага в его кочевьях было невозможно. Сами же печенеги беспрепятственно вторгались на Русь. Отогнанные в степь, они вновь неожиданно появлялись в Среднем Поднепровье. Попытки встретить их на подходе к границам Древнерусского государства также не имели успеха. Летопись только один раз — под 1015 г. упоминает о намерении Владимира выступить против «идуших на Русь» печенегов, но отыскать их в степи не удалось [142, стб. 115, 118]; очевидно, осторожные кочевники сумели скрыться и избежать встречного боя.

От нового врага пришлось только защищаться, причем, не в открытом бою, и не у стен Киева, Переяславля или Белгорода, а ценой ограждения всей среднеднепровской округи. Впервые встал вопрос об укреплении границы государства южнее Киева. Тактика обороны от печенегов носила пассивный характер. И этой тактике наиболее полно соответствовали защитные линии из Змиевых валов.

По вполне справедливому мнению П. П. Толочко, печенеги в поисках пастбищ могли вторгаться на Русь вместе со своими стадами и вежами. Хотя летописи прямо и не говорят об этом, способ ведения печенегами кочевого хозяйства в X в., несомненно, толкал их на захват новых пастбищ, в том числе в Среднем Поднепровье. Примеры отторжения печенегами соседних территорий известны из истории Византии. В таком случае Змиевы валы были преградой не только для печенежской конницы, но и препятствием для прогона их стад, защитой от попыток расширить кочевья и утвердиться в непосредственной близости от столицы Руси.

По утверждению Б. А. Рыбакова, оборона Руси «от натиска сорока печенежских племен стала для народа в самом прямом смысле слова вопросом жизни и смерти» [180, с. 161]. В этих

условиях начались вынужденные работы по созданию оборонительных рубежей в Среднем Поднепровье. Строительство крепостей на широких пространствах по левым и правым притокам Днестра не могло решить задачу, поскольку оно обременялось несколькими условиями: требовало значительного времени, больших людских ресурсов для комплектования многочисленных воинских гарнизонов и огромных расходов на их содержание. Каждая крепость X—XI вв. сопровождалась еще обычным неукрепленным поселением. Только таким путем достигалось закрепление государством подвластных территорий. Города-крепости основывались в ходе хозяйственного освоения и колонизации новых земель, они одновременно были административными центрами на этих землях. Крепости, кроме того, кочевники беспрепятственно обходили, используя свое преимущество в скорости.

Начатое Владимиром и продолженное Ярославом строительство Змиевых валов позволило создать глубокоэшелонированную оборону южнее, юго-восточнее и юго-западнее Киева. Линии Змиевых валов на наиболее опасных направлениях были дополнены крепостями, служившими, по выражению Б. А. Рыбакова, «как бы башнями» в сплошной защитной стене [176, с. 166].

Большинство же линий валов на Правобережье не имело в своем составе опорных пунктов. На огромных пространствах в междуречье Стугны — Ротка — Каменки — Тетерева, остававшихся до 30-х годов XI в. за пределами «внутренней» Руси, Змиевы валы были единственным средством защиты Правобережья Среднего Поднепровья. Под их стенами по всему фронту основывались редкие поселения, положившие начало использованию пустующих земель, хозяйственному закреплению их за Древнерусским государством. Это позволило вскоре передвинуть границу киевского Правобережья на Рось.

При Ярославе темпы строительства Змиевых валов не снижались, но возведение крепостей в Среднем Поднепровье резко сократилось. Сказывался недостаток людских ресурсов для пополнения гарнизонов, заселения порубежных районов. Переселение жителей из других областей Руси, предпринятое Владимиром, уже теря-

ло свое значение, очевидно, в связи с дальнейшим развитием феодальных отношений. К тому же, с 1024 по 1036 г. — до конца пребывания печенегов у границ Руси Ярослав не владел левобережной частью Поднепровья. Летопись свидетельствует, что для закрепления южной границы по Роси этот князь поселял на ней пленных. Змиевы валы по-прежнему оставались наиболее рациональным средством защиты от кочевников.

Согласно летописи, при Владимире на Левобережье Днестра строились укрепления по Десне, Остру и Трубежу, полукольцом защищавшие Киев с востока, а также оборонительная линия по Суле, перекрывавшая путь на Левобережье с юга. На правом же берегу был известен только один оборонительный рубеж по Стугне. Исследованиями Змиевых валов и городищ установлено, что этот рубеж продолжался от Стугны к Ирпеню и затем к Тетереву, ограждая Киев с юга и запада. Его дублировала еще одна — внешняя линия вала между Днепром и Тетеревом. Существовала и третья — крайняя внутренняя оборонительная линия южнее Киева по рекам Вита и Бобрица. Еще одна оборонительная линия проходила вдоль левого берега Днестра. Все эти линии, кроме расположенных на второстепенном направлении — восточнее Киева, включали Змиевы валы и защищали Среднее Поднепровье с юго-запада, со стороны правобережных печенегов.

Южным оборонительным рубежом времени Ярослава на Правобережье, ограждавшим Русь от печенегов, считается Рось. Змиевы валы свидетельствуют, что этот рубеж продолжался западнее к р. Гуйва.

Глубокоэшелонированная система укрепления из Змиевых валов позволила Древнерусскому государству отразить натиск печенегов и удержать за собой Среднее Поднепровье. После 997 г. печенеги в течение четырех десятилетий не совершали нападений на Русь*. Этот факт красноречиво говорит о том, что в обострившейся стратегической обстановке Древнерус-

* Если бы подобное событие имело место, то оно нашло бы отражение в летописи. Ведь попытку печенегов совершить нападение на Киевщину в 1015 г., приглашение Святополком на помощь печенегов в борьбе против Ярослава в 1016 и 1019 гг. летописец не оставил без внимания.

ским государством были приняты глубоко обоснованные и единственно правильные меры защиты. В 1036 г. орды печенегов все же рискнули прорвать или обойти оборонительные линии валов и обложили Киев. Но это обернулось для них полным и окончательным разгромом. Под напором древнерусского войска печенеги обратились в паническое бегство и лишь незначительная часть оставшихся в живых достигла степи; остальные были истреблены или утонули в реках, прорываясь через оборонительные рубежи.

Городища-крепости как укрепленные части поселений можно было постоянно поддерживать в исправном состоянии, быстро восстанавливать после пожаров силами самих жителей. Защитные линии из Змиевых валов выполняли оборонительные функции до тех пор, пока на них сохранялись деревянные стены. С перенесением в 30-х годах XI в. границы на Русь валы на Правобережье Днепра оказались в глубоком тылу и не восстанавливались. Упоминаемые в летописи в конце XI—XII в. два вала южнее Стугны уже не имели оборонительного значения, их беспрепятственно проходили древнерусские войска и половцы. К концу XI в. на них уже не было деревянных стен, их рвы оплыли, а насыпи осели*.

Недолговременным оказался и вал по левому берегу Стугны. В XI в. жители поселения у современного с. Великая Бугаевка сбрасывали в ров руины глинобитных печей. Расположенная недалеко в линии вала крепость у современного с. Заречье утратила оборонительное значение в начале XI в. и более не восстанавливалась. Выше отмечалось незначительное количество находок XII в. на городищах XI—XII в. в линии Змиевых валов вблизи Киева севернее Стугны и Ирпеня (Плисецкое, Боярка, Бышев, Мотыжин, Макаров). В насыпи вала в верхнем течении Ирпеня у с. Ходорков Попельнянского р-на Житомирской обл. в XII—первой половине

* В таком же значении топографических ориентиров упоминаются в конце XI—XII в. два вала скифского городища под современным Переяслав-Хмельницким. Как уже отмечалось, при строительстве укреплений древнего Переяслава в конце X в. эти валы могли быть приспособлены для защиты города.

XIII вв. жителями рядом расположенного поселка была устроена хозяйственная яма; к этому времени вал, как оборонительное сооружение, уже не функционировал. Можно полагать, что валы, возведенные против печенегов, ко времени появления половцев находились в разрушенном состоянии.

Продуманная система Змиевых валов в сочетании с естественными преградами, в ряде линий дополненная укрепленными пунктами, оправдывала свое назначение. Сыграв важную защитную роль в критический период борьбы с печенегами, Змиевы валы вскоре пришли в запустение. Этому способствовали не только пожары, но и изменившиеся условия организации борьбы против кочевников.

Второй период оборонительного строительства проходил в новой исторической обстановке. Дальнейшее развитие производительных сил, увеличение численности населения привело к выделению на Руси феодальных княжеств.

Начавшийся во второй половине XI в. период феодальной раздробленности создал новую проблему взаимоотношений между княжествами. К угрозе со стороны половецкой степи прибавились опустошительные княжеские междоусобицы. Стали обычным явлением внутрифеодальные войны за овладение городами и уделами, захват в плен соотечественников — подданных других княжеств. Это отвлекало большие силы от борьбы против половцев. Последние нередко выступали даже союзниками в княжеских междоусобицах. Оборонительные сооружения против кочевников — Змиевы валы не отвечали интересам защиты от внутренних соседей. Каждое княжество заботилось о создании собственных крепостей и феодальных замков, организации собственного войска. Оборонительное строительство начало осуществляться в пределах княжеств. В погоне за источниками доходов феодалы отказались от непродовольственных расходов по содержанию в крепостях воинских гарнизонов. По совершенно справедливому утверждению Б. А. Рыбакова, к концу XI в. на территории Южной Руси появился новый вид крепостей без постоянного гарнизона. В них поселялись воины только в момент опасности [176, с. 167]. В XII в. количество таких крепо-

стей на территории южнорусских княжеств неуклонно возрастает. Они были необходимы как для борьбы с половцами, так и для внутрикняжеских усобиц. Часть этих крепостей в более безопасных северо-западных районах Киевщины использовалась феодалами для извлечения доходов за счет поселения в них несвободных (попавших в личную зависимость) должников — «закупов» [48, с. 34].

Защита Киевщины, подвергшейся половецкой угрозе с обеих сторон степного Поднепровья, была дополнена воинским контингентом торков. Вновь основанные, но лишенные постоянных гарнизонов, древнерусские крепости служили для торков опорными пунктами на случай половецких набегов. В итоге центральная часть Среднего Поднепровья покрывается сетью новых крепостей и феодальных замков, которые образовывали единую стратегическую линию обороны по среднему и нижнему течению Роси, правому берегу Днепра и левому его берегу — по междуречью Днепра и Трубежа.

В начале XII в. древнерусские князья переходят к тактике активной обороны — организации походов в глубь степей для разгрома половцев в местах их кочевий. Перенесение военных действий за пределы Древнерусского государства было самым надежным средством обеспечения безопасности Южной Руси. При Владимире Мономахе, сплотившем военные силы княжеств на борьбу с половцами, эта тактика, как отмечалось выше, принесла блестящие результаты. Переход Руси к наступательным действиям был обусловлен стабилизацией половецких кочевий. В конце XI в. половцы находились на второй стадии кочевания [137, с. 282; 138, с. 57; 139, с. 30, 57], когда у них уже определились маршруты ежегодных сезонных кочевий с постоянными зимниками и летниками. С появлением у кочевников постоянных сезонных стойбищ они стали уязвимыми для Руси [139, с. 57].

Исследователи обратили внимание, что княжеские походы в степь предпринимались ранней весной: после зимовки лошади половцев сильно тощали и это лишало их основного преимущества — быстроты движения. Разгромленные ранней весной, половцы не были в состоянии совершать

набеги на Русь в летние и осенние месяцы [28, с. 89—91].

С наступлением феодальной раздробленности происходят изменения и в составе княжеского войска [213, с. 111, 382; 189, с. 187—188]. В ранний период Киевской Руси основное ядро войска — дружина находилась при дворе князя. В XI—XII вв. кроме постоянных отрядов князя, остававшихся при его дворе, существовали воинские отряды вассалов князя из осевших на земле бояр-дружинников, служилых и удельных князей. В результате, вооруженные силы Руси — дружины и полки — в количественном и качественном отношении возросли. При согласованности действий между отдельными княжествами они могли успешно громить половцев на их же территории.

Однако как в оборонительном строительстве, так и в организации военных сил каждое княжество полагалось на собственные ресурсы. Закрепощение феодалами свободных крестьян-общинников начало сужать социальную базу боеспособных «воев». В этих условиях князья уделяют особое внимание созданию постоянного резерва конных воинов из крестьян-смердов. Недавно Б. А. Рыбаков убедительно доказал, что смерды «Русской Правды» и древнерусских летописей были особой категорией лично свободных сельских жителей, пользовавшихся княжеской землей и выполнявших различные повинности в пользу князя [177, с. 47—58]. «Одной из основных функций (и повинностей) смерда было участие в княжеских военных походах в качестве конного воина, кмета. Это предполагает элементарное владение оружием, обладание собственными запасами провианта и фуража, так как вплоть до XVII вв. в войсках не было общих продовольственных обозов» [177, с. 55]. В XI—XII вв. смерды исчислялись многими тысячами [177, с. 55]. Княжеские смерды — «вои-кмети» — в порядке самообеспечения в любое время были готовы войти в крепость в качестве княжеской «засады» или выступить в поход с княжеской дружиной. Из летописи известно, какое большое значение конному войску смердов придавал Владимир Мономах. Без участия смердов он не решался выступать в глубь степей, не останав-

ливаясь даже перед снятием их с весенних полевых работ [142, стб. 252—253, 265].

Походы Владимира Мономаха на многие десятилетия обеспечили безопасность южнорусской границы. По словам летописца, этот князь разгромил основные силы половцев, изгнал хана Острога в Обезы (Абхазию), а побежденный хан Сырчан вынужден был владеть нищенское существование на Дону (Северском Донце), занимаясь рыбной ловлей [142, стб. 716].

Внешнеполитические успехи Владимира Мономаха были достигнуты ценой больших усилий. Империя Владимира Мономаха и его сына Мстислава становилась уже анахронизмом и в 1132 г. Киевская Русь раскололась навсегда [171, с. 48]. Новый половецкий напор во второй половине XII в. совпал с началом неукротимого процесса феодального дробления внутри княжеств [171, с. 57], застал княжескую Русь политически разобщенной и неразборчивой в определении истинного противника. Поглощенные вотчинными делами, князья были не в состоянии подняться до уровня общерусских интересов. Окрепшие половцы снова получили возможность опустошать Южную Русь.

В этот период возобновились походы южнорусских князей в глубь степей. Но среди них уже не было полководца объединенных дружин. Стоял вопрос не о сплочении Руси, а удержании от распада отдельных княжеств. Сепаратные походы в степь ограничивались захватом стад и пленников, то есть стимулировались теми же причинами, что и внутрифеодальные войны — жадной наживы, обогащения. Было достигнуто равновесие во взаимных нападениях между кочевниками и Русью. Оттеснить же половцев от государственной границы, а тем более разгромить их объединения, древнерусские князья не смогли. Несмотря на возросшее количество крепостей и постоянное проживание в их окрестностях торческого и древнерусского населения, существенные изменения в методах защиты от кочевников, контроль над степью был потерян. В этот период на Руси становится популярным призыв к древнерусским князьям «загородить Полю ворота». Опыт подсказывал, что оборонительные рубежи на наиболее опасных направлениях половецких набегов необходимо дополнить

Змиевыми валами. И они были сооружены киевскими и черниговскими князьями по Роси и в междуречье Ромна — Сейма. Новые валы не были сплошными и отличались от классических старых меньшими размерами. Они олицетворяют эпоху дробления Руси на княжества и уделы с их корыстолюбивыми владетелями. В XII в. не строили уже и крупных крепостей и крупных каменных храмов. Закономерный процесс феодализации общества привел к измельчению административно-политической структуры Руси и, соответственно, к мелкомасштабности оборонительного и монументального строительства. Однако и на этот раз применение Змиевых валов было глубоко продуманным и обоснованным мероприятием. Новыми валами ограждались, в первую очередь, «свои поганые» — торки. Этим решались две назревшие и взаимосвязанные задачи: укреплялась внешняя безопасность Южной Руси и усиливалась опека над конным войском внутренних кочевников, которые, подобно древнерусским вассалам-феодалам, начали терять «верноподданность» правящему князю-сюзерену.

Таким образом, возведение Змиевых валов было закономерным явлением в истории Киевской Руси, тесно связанным с внешнеполитической обстановкой, внутренними политическими и социально-экономическими условиями существования Древнерусского государства. Змиевы валы являлись составной частью древнерусских оборонительных сооружений, важнейшим средством защиты от кочевников. Они восполняют пробел в изучении системы обороны Среднего Поднепровья, выяснении масштабов внешней опасности, роли стратегического фактора в истории населения южнорусского побережья, по-новому освещают характер и значение мероприятий Древнерусского государства по организации защиты Киевщины.

Последствия строительства валов против печенегов сказались незамедлительно. Трудно представить судьбы Среднего Поднепровья в истории Древнерусского государства, если бы печенеги имели возможность беспрепятственно вторгаться на Киевщину и после 907 г. Наличие Змиевых валов позволило не только защитить столицу Руси, но и расширить и закрепить территорию Древнерусского государства в Среднем

Поднепровье. В более позднее время строительством подобных сооружений — «засечных черт» — Русское государство в борьбе с Крымским ханством продвинуло свои границы в Северное Причерноморье.

5. ЗМИЕВЫ ВАЛЫ — ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ТРУДОВЫХ И РАТНЫХ БУДНЕЙ НАСЕЛЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

а) Строительство Змиевых валов — мероприятие общегосударственного характера

В истории Древней Руси Среднее Поднепровье занимает особое место. В нем находилась «Русская земля» — историческое ядро Древнерусского государства. Здесь находилась и столица Руси — Киев, в окружении которого быстро развивались другие экономические и культурные центры. В то же время Среднее Поднепровье было открыто с юга для вторжения степных кочевников. С образованием Киевской Руси эта угроза стала одним из важнейших внешнеполитических факторов существования Древнерусского государства.

Ранний период древнерусской истории совпал по времени с появлением в Причерноморских степях кочевников-печенегов. Затем их сменили торки и половцы. Защита Среднего Поднепровья со столицей Руси — Киевом — осуществлялась государственной властью. Важное место в решении этой задачи занимало строительство Змиевых валов.

Напомним, что классические сооружения — валы против печенегов были тесно связаны с естественными препятствиями. Обычно вдоль рек они проходят на склоне к пойме по линии максимального падения поверхности к речной долине, или же находятся на краю надпойменной террасы. В этих случаях склон на пониженной наружной стороне эскарпировался и под ним устраивался ров. Валы в междуречьях приспособлялись к особенностям рельефа, в подавляющем большинстве случаев они обходят пониженные участки местности. В результате и вдоль рек, и на водоразделах эти памятники

имеют извилистую конфигурацию. Использование защитных особенностей рельефа было для строителей валов важнее выпрямления трассы этих сооружений и, в конечном итоге, сокращения их протяженности. Обусловленные топографией местности отклонения в конфигурации валов имели допустимые пределы и не нарушали заданного направления, которое диктовалось стратегическими соображениями и заранее указывалось строителям валов. Применение двух устойчивых типов деревянных конструкций — срубной и перекладной, говорит о стандартизации строительных работ и глубоком знании технологии строительного дела.

Для планирования и реализации оборонительного строительства нужна была четкая организация рекогносцировочной и инженерно-фортификационной служб. Устройство деревянных конструкций, к тому же из тщательно обработанных бревен, как об этом свидетельствуют сохранившиеся срубы в торфянистой пойме Ирпени, требовало достаточного числа квалифицированных плотников. В больших количествах применялся труд лесорубов и особенно землекопов. Сложность строительных работ не ограничивалась их организацией, привлечением больших людских ресурсов, кооперацией работников различных специальностей. Нужны были немалые материальные средства для содержания строителей, изъятых из сферы производительного труда. С подобной широкомасштабной задачей в конце X — начале XI в. вполне могло справиться Древнерусское государство. Известно, что на Русь в составе княжеской администрации приходились так называемые городники, которые осуществляли непосредственное руководство крепостным строительством. Согласно «Русской Правде», за работу по возведению оборонительных стен крепостей они получали плату деньгами и натурой [213, с. 259, 387; 160, с. 177]. Так было и со Змиевыми валами, строительство которых проводилось при участии специалистов-фортификаторов — городников. Из летописи и по данным раскопок могильников мы знаем, что вновь возводимые города-крепости в Среднем Поднепровье Владимир заселял не только местным населением, но и жителями более северных земель Руси — новгородскими словена-

ми, кривичами, чудью, вятичами, радимичами, дреговичами и др. [142, стб. 106; 172, с. 72; 176, с. 168; 180, с. 163; 126, с. 17—18]. Потребность в строителях валов удовлетворялась за счет того же источника. Это была феодальная повинность, сопряженная с переселением не только строителей, но, очевидно, и их семей. Селища на трассе валов с культурным слоем XI—XIII вв. у сел Великая Бугаевка на Стугне, Лупское, Ходорков и Корчище на Ирпене могли быть основаны строителями валов. Подобных селищ, которые обнаруживаются случайно, было значительно больше.

У с. Нежиловичи Макаровского р-на Киевской обл., где сближаются II и III Змиевы валы, в 1900 г. исследовался небольшой могильник из 14 курганов двух типов [165, с. 201—203]. Курганы первого типа (всего 6) ко времени раскопок напоминали оплывшие конусы высотой 1—1,5 м, диаметром около 11 м с глубоким ровиком по краю. Под их насыпью на уровне древней поверхности находилось по одному человеческому скелету. Курганы второго типа (8) имели форму бугров высотой всего 0,5 м, диаметром в среднем 9,5 м. Ровиков вокруг них не было. Все три раскопанных кургана второго типа содержали на уровне древнего горизонта остатки сожжения в бревенчатых камерах-гробницах. Два типа курганов, различающихся по форме насыпи и обряду погребения, принадлежали двум этнографическим группам населения, причем неместного происхождения. Общеизвестно, что на Правобережье Среднего Поднепровья с IX—X вв. бытовал обряд ингумации не на уровне древней поверхности, а в подкурганных ямах. Тем более не был характерным для этого района обряд кремации. В пределах современной Киевской обл. в разные годы исследовано свыше 530 курганных захоронений IX—XII вв. местного населения и переселенцев из других территорий. Из них только свыше 20 курганов содержали остатки сожжения, относящиеся к раннему периоду существования Древнерусского государства [126, с. 6—7].

Курганные захоронения у с. Нежиловичи датируются по сопровождающим вещам (крупная керамика с волнистым орнаментом, посеребренные и позолоченные стеклянные бусы-

ны, бронзовые лунницы, железный топор с сильно вытянутым полукруглым лезвием, бронзовые пряжки и др.) X—XI вв. К этому времени в более северных районах Руси, куда медленнее проникало христианство, еще сохранялся курганный обряд кремации, а также ингумации не в погребальной яме, а на горизонте.

В двух курганах первого типа у с. Нежиловичи при скелетах находились серебряные семилучевые серьги, являющиеся характерной особенностью украшений радимичей. Очевидно, в этих курганах были погребены женщины — выходцы из земли радимичей. Переселенцам какой-то другой восточнославянской этнографической группы принадлежали курганы с обрядом сожжения. Судя по наличию деревянных погребальных камер, исследователи считают, что среди погребенных нежиловичского могильника находились воины [126, с. 12—13]. Подтверждением является находка боевого топора при одном из погребенных.

Нежиловичский могильник, находившийся на возвышении среди болот почти рядом с валами (см. рис. 9), возник, несомненно, в связи с их строительством. Не исключено, что воины охраняли валы, причем, в том месте, где они, очевидно, прерывались болотами и где существовала опасность проникновения противника. Недалеко от могильника должно было находиться поселение; очевидно, оно уничтожено застройкой современного села.

Жителей, осевших на трассе валов или проживавших вблизи них, было явно недостаточно для покрытия потребностей в рабочей силе. В первую очередь, это относится к валам, в линии которых нет городищ или же их находится очень мало. Можно полагать, что при сезонном характере строительства основной контингент работников вербовался со стороны и на зиму возвращался в свои семьи. Работающие находились по существу все время в движении, меняя местопребывание по мере возведения вала. В этих условиях ежедневные переходы и переезды к месту постоянного жительства были бессмысленны и нерациональны. Находясь в постоянном движении, на удалении от родных мест, при максимальном рабочем дне, длившемся от зари до сумерек, рабочие люди должны

были получать питание на месте строительства. Без этого тяжелый физический труд был неэффективен. Очевидно, для этих целей содержался скот, выпасавшийся в поймах рек и перегонявшийся вслед за строителями. Остальные продукты питания могло поставлять государство за счет сборов с населения. В пору княжения Владимира и Ярослава в Киев поступала дань со всех концов государства. В этот период киевский великий князь был верховным собственником всех земель Руси и располагал достаточной властью и материальными средствами для организации обороны страны не только с юга, но и с запада, севера и востока, используя при этом раннефеодальное право сбора дани и право введения трудовых повинностей вплоть до насильственного переселения жителей в пределах государства.

Возможно, что на строительстве Змиевых валов в какой-то мере применялся и труд военнопленных. В целом же строительные работы основывались не на рабовладельческом социально-экономическом укладе, а на раннефеодальной форме эксплуатации крестьян-общинников и других категорий зависимого населения. Киевская Русь была обществом феодальным. Рассматривая отработочную систему в помещичьих хозяйствах после реформы 1861 г. как остатки крепостничества, В. И. Ленин указывал, что в России «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабелили смердов еще во времена «Русской Правды»)» [1, с. 199]. В другом месте, разоблачая левых народников, игнорировавших марксистское учение о социально-экономических формациях, В. И. Ленин писал, что в России крепостничество длилось с IX по XIX в. [2, с. 237].

Государство в антагонистическом обществе — это, по выражению В. И. Ленина, — «организованное насилие», «средство для подчинения и эксплуатации угнетенного класса» [3, с. 75]. Таким государством была и Киевская Русь. Древнерусские князья-феодалы и боярство не были бескорыстными добродетелями народных масс. Они заботились о защите жизней и хозяйства непосредственных производителей материальных благ в погоне за увеличением своих доходов, поступающих от подвластного на-

селения. «Во всех странах Европы,— писал К. Маркс,— феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством вассально зависимых людей. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» [7, с. 729].

Но в вопросе строительства оборонительных рубежей инициатива государственной власти отвечала интересам широких слоев трудящихся. Население Киевской Руси, испытав на себе последствия вражеских вторжений, поддерживало оборонительные мероприятия государственной власти, предпочитая нелегкий физический труд пленению и угону в рабство своих соотечественников. Недаром древнерусский эпос воспекает время Владимира Святославича с его богатырскими заставами, ратными и трудовыми подвигами воинов, ремесленников-кузнецов и земледельцев [38, с. 7—9; 170, с. 86—89, 152; 180, с. 118].

Государственный характер имело строительство Змиевых валов и в XII в. Феодалы-вотчинники стремились обзавестись городками-замками — оплотами господства в своих уделах. Поздние Змиевы валы возводились не мелкими феодалами, а отдельными княжествами. Они были необходимы правящим князьям как для отражения половецких набегов, так и для защиты внутренних кочевников, поселенных на государственно-княжеских землях.

Остается обратиться к вопросу о количестве работников, участвовавших в строительстве Змиевых валов.

б) Примерная продолжительность строительных работ. Объем трудовых затрат

Подсчеты объема труда приводились П. А. Раппопортом по отношению к оборонительным валам древнерусских городищ [161, с. 213—214]. В основу были положены нормы земляных, лесозаготовительных и плотничьих работ XIX в. В переводе на современную метрическую систему, за один чел.-день предусматривалось в сред-

нем вынуть 4,5 м³ земляного грунта, или заготовить 1,3 м³ строительных лесоматериалов, или обработать и уложить в срубную конструкцию 0,72 м³ бревен. Кроме того, вынутую из рва землю необходимо перенести на вал и уложить в деревянные конструкции. Для этой работы принимаем предложенную П. А. Раппопортом норму, равную объему вынутого за рабочий день грунта.

Примерный объем строительных материалов на пог. м Змиевых валов определен нами выше (см. табл. 10). На устройство срубной однорядной конструкции шириной 3 м (мы не учитываем более поздний вал по Роси со срубами шириной около 2 м) приходится 8,3 м³ земли и 2,9 м³ дерева. На возведение перекладной однорядной конструкции шириной 3 м требовалось на погонный метр 7,8 м³ земли и 3,3 м³ дерева, а для аналогичной конструкции шириной 2 м соответственно 5,2 и 2,2 м³. В двухрядной перекладной конструкции, которая не имела стандартной ширины, дерева содержалось примерно столько же, что и в однорядной (шириной 3 м), но земляного грунта использовалось больше, чем в срубах (сечением в среднем 13 м²). Поскольку в одних и тех же валах могли находиться однорядная, двухрядная конструкции и даже срубы, отклонения в объеме строительных материалов, израсходованных на сооружение валов с различными параметрами и конструктивными типами необходимо усреднить. Можно считать, что на пог. м вала с перекладной конструкцией расходовалось земли 8,66 м³ ($5,2 + 7,8 + 13 = 26 : 3 = 8,66$), а дерева — 2,93 м³ ($2,2 + 3,3 + 3,3 = 8,8 : 3 = 2,93$). Усреднив эти данные с кубатурой срубной конструкции, получим объем земляного грунта 8,46 м³ ($8,66 + 8,3 = 16,93 : 2 = 8,46$) и объем дерева 2,87 м³ ($2,93 + 2,82 = 5,75 : 2 = 2,87$), а всего 11,33 м³ на пог. м вала. В табл. 10 не учтено дерево, применявшееся в земляных откосах, крепидках, а также возможные случаи устройства заборол. Нами учтен только объем бревен, использованных в конструкции, хотя при возведении срубов оставались завалы строительных отбросов. Таким образом, минимальная норма расходования стройматериалов на пог. м вала составит: 8 м³ земли и 3 м³ дерева.

П. А. Раппопорт полагает, что нормы XIX в., отражавшие более высокий уровень организации труда, чем в Киевской Руси, и гораздо лучшее качество строительных инструментов, следует уменьшить вдвое [161, с. 214]. С этим можно согласиться только относительно земляных и лесозаготовительных работ. В Киевской Руси не было железных лопат. Орудие землекопа, так называемое «рыльце», изготовлялось из дерева и на его рабочий край насаживалась железная пластинчатая оковка. Отрывать «рыльцем» ров, особенно в суглинистом грунте, да еще при наличии свежих пней и корней деревьев, было значительно труднее, чем железной лопатой. Не знали в Киевской Руси и поперечной пилы — топор оставался единственным орудием лесоруба. Что касается строительных работ, то нет оснований уменьшить вдвое производительность труда древнерусского плотника по возведению срубных конструкций. Для наглядности представим себе конкретное количество лесоматериала, заключающегося в половинной норме — 0,36 м³ (0,72:2). Срубы сооружались из бревен, длиной в среднем 4 м, диаметром 20 см. Одно такое бревно занимало объем 0,1256 м³ ($0,0314 \times 4$), а три бревна (0,3768 м³) уже соответствуют половине дневной нормы использования дерева на устройство сруба одним плотником в XIX в. Три бревна имеют шесть концов, торцы которых необходимо было обрубить. На это уходило максимум три часа (древнерусский топор по производительности труда почти не отличался от топора XIX в.). На вырубку чашек и укладку бревен в сруб также требовалось не более 3 часов. При 12-часовом рабочем дне и кооперации труда плотник X—XI вв. мог вполне подготовить и уложить в сруб столько бревен, сколько их заготавливал лесоруб (0,65 м³). Следует учитывать, что более простая перекладная конструкция возводилась быстрее (для продольных бревен, составляющих основной объем древесины, использовались стволы различной длины, в том числе более мягкая порода дерева — сосна). Нельзя уменьшать вдвое и норму переноски грунта и укладки его в валу. Эта работа не зависела от качества инструментов. Опыт массового строительства валов под-сказывал работающим не менее рациональные

способы переноски земли, чем их применяли в XIX в.

На постройку отрезка Змиева вала длиной 1 км необходимо было использовать земли 8000 м³, дерева — 3000 м³. Для этого требовалось чел.-дней: 3555 — на выемку земляного грунта (8000:2,25); вдвое меньше (1777,5) — на переноску и укладку этого грунта в валу; 4615,3 — на заготовку лесоматериала и подноску его к месту строительства (3000:0,65) и столько же на сооружение деревянной конструкции, всего — 14 563,6.

Общая длина Змиевых валов ранней конструкции (исключая более поздний Средний вал по левому берегу Роси) составляла 927,5 км (см. табл. 1). Для их сооружения необходимо было затратить 13 507 739 чел.-дней (14 563,6 × 927,5). П. А. Раппопорт считает, что строительный сезон длился в году примерно 200 дней [161, с. 214], а Э. Ковальчик уменьшает его до 150 дней [220, с. 152]*. Полагаем, что большого объема срочные работы по сооружению Змиевых валов могли выполняться в течение 200 дней в году и на них приходилось 67 538 чел.-дней (13 507 739:200), т. е., такое количество рабочих было необходимо для строительства валов в течение одного года. А сооружение отрезка вала длиной 1 км требовало затрат труда 72,818 чел.-лет (14 563,6:200).

Начало строительства крепостей при Владимире зафиксировано в летописи под 988 годом. Строительство при Ярославе, не столько феноменальное по начинанию, сколько заслуживавшее внимания в связи с его проведением на новых местах — в бассейне Роси, отмечено 1032 годом. Начиная с этого времени при Ярославе должны были быть построены следующие валы, связанные с бассейном Роси и изолированные от остальных линий, ставших внутренними: вал по левому берегу Роси от Ракитного до Белой Церкви и далее к северо-западу через Каменку и Унаву к Гуйве; Ягнятинский вал, ответвляющийся от указанной линии к юго-западу через Каменку и Раставицу; Котлярский вал, ответвляющийся от первого вала в верховьях

Унавы. Все валы взаимосвязаны и возводились одновременно, они образуют самостоятельную оборонительную систему. Длина валов составляет 206 км. Для их строительства требовалось 15 тыс. чел.-лет. Как долго строились указанные валы?

Специалисты утверждают, что блестящая победа Ярослава над печенегами в 1036 г. фактически уничтожила их Западное объединение, а вместе с ним и печенежскую опасность [135, с. 216—217]. Вряд ли строительство валов продолжалось после 1036 г. Появившиеся в начале второй половины XI в. торки не представляли угрозы для Руси. Они перешли на службу к киевским князьям и их использовали в обороне против половцев. Сооружая крепости по Роси, Ярослав не мог оставить беззащитной территорию по западным притокам этой реки. Если строительство действительно продолжалось 4 года, то ежегодно в нем принимали участие 3750 человек.

Строительство более ранних валов общей длиной 721,5 км также осуществлялось быстрыми темпами. Начатое Владимиром, это строительство было окончено Ярославом, но оно не могло длиться непрерывно с 988 по 1032 гг., а проводилось через определенные промежутки. Иначе валы не оправдывали бы себя, так как вместо них можно было построить не менее тысячи мощных крепостей, или создать между Днестром и Тетеревом оборонительную линию из полутора тысяч крепостей обычных размеров, которые за полустолетие можно было постепенно заселить небольшими гарнизонами как за счет древнерусского населения, так и наемников-варягов, которых охотно привлекал на военную службу Ярослав Владимирович [171, с. 42].

Вспомним свидетельство летописи под 988 г. о том, что Владимир начал строительство крепостей для защиты Киева не по одному какому-либо рубежу, а одновременно по нескольким рекам, как ближним к столице Руси, так и пограничным — «по Десне и по Оустрь и по Трубешеву и по Суле и по Стугне» [142, стб. 106]. Так было и со Змиевыми валами.

Ко времени Владимира можно отнести валы вдоль южной границы Руси конца X — начала XI в. — по левому берегу Днестра и ниж-

* Автор учитывает только летний сезон, но лесозаготовительные работы могли проводиться и в зимнее время.

ней Суле, а также по левому берегу Стугны на Правобережье. Валы в междуречье Стугны — Ирпеня являлись непосредственным продолжением одновременного с ними Стугнянского вала. Вал между Днестром и Ирпнем по Вите и Бобрице, находившийся всего в 18 км к югу от Киева, служил непосредственной защитой столицы Руси и не мог возникнуть позже других. Наконец, наиболее прямой Барахтянско-Фастовский вал между Днестром и Тетеревом, являвшийся продолжением левобережного Днестровского вала, был логическим завершением оборонительной системы киевского Подднестровья времени Владимира*. Длина трех правобережных линий вместе с левобережной составляет 500 км.

Единственным рубежом защиты Киева с юго-запада была фланговая система в междуречье Ирпеня — Тетерева, состоящая на наиболее опасном участке центральной части водораздела из четырех валов. Во времена Владимира эта сторона не могла оставаться без защиты. Заградительная полоса не теряла значения и с возникновением более южных внешних валов при Ярославе. В случае обхода последних с запада, противник, потратив много сил на преодоление длинного пути, оказывался в глубине Руси перед лабиринтом ирпенско-тетеревских валов. Попытка прорваться к востоку по водораздельному плато вдоль верхнего течения Здвижа наталкивалась на глубокошелонируемую оборону: преодолев внешнюю линию, противник вынужден был тратить время на поиски путей для обходного маневра; при прорыве же следующей линии, он попадал в кольцо, выбравшись из которого и дойдя до последней, внутренней линии, оказывался в полукольце, с выходом, как и в первом случае, только в обратную сторону — к западу.

Водораздельная ирпенско-тетеревская защитная полоса, равная по количеству линий всем валам, начинающимся у Днестра на главном направлении с юга, не могла возникнуть одно-

временно. Но при Владимире какая-то часть ее уже существовала. Допустим, что при Владимире на этом направлении была создана одна линия вала длиной 30 км. Тогда общая длина валов времени Владимира составляла примерно 530 км, на устройство которой понадобилось затратить 38 593 чел.-года.

Судя по свидетельству Брунона, к 1008 г. в Среднем Подднестровье уже существовала линия вала по южной границе Руси. Это дает основание полагать, что к указанному времени строительство Змиевых валов, предпринятое Владимиром не ранее 20 лет назад, было полностью закончено. Оно могло длиться максимум 11 лет при ежегодном участии 3508 человек.

В период между началом XI в. и 1032 г., очевидно, возникли остальные валы общей длиной 191,5 км (927,5—736). Эти валы состоят из отдельных и сравнительно коротких отрезков, перекрывающих, как правило, междуречья. Таковы валы между Днестром и Ротком (по р. Красная), между Ротком и Каменкой, отсекавшие проходы через летописное Перепетово Поле; Дорогинский вал между Унавой и Ирпнем. В этот же период окончательно оформляется водораздельная ирпенско-тетеревская система валов и, возможно, сооружается Черногогородский промежуточный вал по левому берегу Ирпеня. О более позднем происхождении Дорогинского вала можно судить по его незавершенности. Наличие бермы в этом валу типологически сближает его с крайним западным и, по-видимому, наиболее поздним IV валом и его южным ответвлением в междуречье Ирпеня — Тетерева.

Летописный рассказ 1093 г. о боевых действиях русских и половцев южнее Стугны свидетельствует, что оба вала в районе Треполя, в том числе вал по Красной, находились в одинаковой степени запустения и их уже никто не восстанавливал.

Вполне допустимо промежуточные водораздельные валы между Днестром, Ирпнем и Росью, представлявшие собой не сплошные линии, а изолированные отрезки или дополнения к уже существовавшим валам, отнести ко времени совершенствования оборонительной системы конца X — начала XI в. Это могло произойти по-

* Полагаем, что этот вал проезжал Брунон на второй день пути из Киева к печенегам. Перед этим ночевали, очевидно, в патрональном городе Владимира — Василеве на Стугне.

сле смерти Владимира (1015 г.), в княжение Ярослава, но раньше начавшегося при нем в 1032 г. осуществления нового плана строительства оборонительных рубежей. Изолированность отрезков валов позволяла возводить их одновременно или отчасти в непрерывной последовательности. Эти работы могли выполнить 3486 человек в течение четырех лет (13 944 : 4).

Участие в строительстве валов примерно 3500 человек в течение 19 лет было тяжелым бременем для периода Киевской Руси (кроме валов, в это же время основывались многочисленные крепости, и не только в Среднем Поднепровье).

Если допустить, что из каждой семьи к строительству привлекался один мужчина, феодальной повинностью было охвачено 3,5 тыс. семей.

На территории Среднего Поднепровья в пределах владений Древнерусского государства известно примерно 107 городищ с примыкающими к ним селищами, которые можно считать синхронными Змиевым валам, т. е. существовавшими на рубеже X—XI вв. или в первой половине XI в. Из них 34 находятся на Правобережье и 73 — на Левобережье, в том числе 44 (по 22 на Правобережье и Левобережье) в линии валов или в районе их местонахождения. Отметим, что на подавляющее большинство древнерусских городищ имеется археологическая характеристика. Речь может идти о десятке неучтенных или давно разрушенных городищ первой половины XI в.

В целом, древнерусских поселений интересующего нас времени, располагавшихся отдельно от укреплений, в Среднем Поднепровье было немного. В период интенсивного оборонительного строительства власти селили подданных на государственных землях под стенами сооружаемых крепостей. Это не только диктовалось необходимостью защиты от кочевников, но и способствовало переходу крестьян-общинников в зависимое положение от военно-феодальной верхушки общества. Нам известно в Среднем Поднепровье не более 35—40 селищ без городищ, которые можно отнести к XI в. [102, с. 28—92; 103—176]. Степень изученности этих памятников не позволяет определить, какие именно существовали в первой половине XI в. Но все же допустим, что все они

возникли одновременно — в конце X — начале XI в.

Сельские поселения древнерусского времени, как и вообще раннего средневековья, включали от 5—6 до 20, редко до 30 дворов. Средней нормой для славянских поселений X—XII вв. принято считать 13—14 дворов [221, с. 239]. Однако плотность застройки и размеры селищ с культурным слоем XI в. при крепостях-городищах в Среднем Поднепровье позволяют увеличить эту цифру. Условно можно принять, что в каждом из известных нам около 150 населенных пунктов проживало по 20—25 семей, способных высвобождать одного взрослого работника. В таком случае, теоретически каждая семья вынуждена была участвовать в строительстве Змиевых валов. Практически подобная мобилизация исключалась. В ходе оборонительных мероприятий и колонизации поселения возникали заново и их жители были заняты местным строительством. Случайные летописные данные указывают, что такие крупные укрепленные центры Среднего Поднепровья, как Белгород и Переяславль были заложены в то же время, первый в 992, а второй — в 993 г. [142, стб. 106, 108]. К строительным работам привлекались, несомненно, и жители более древних городов — Киева, Чернигова, Вышгорода. Использовался также, как уже отмечалось, труд переселенцев из более северных районов страны.

Защита Южной Руси, служившей заслоном всех остальных земель государства [176, с. 159], обеспечивала условия для мирного труда населения Среднего Поднепровья, роста городов, поступательного развития древнерусской экономики и культуры, дальнейшей консолидации древнерусской народности.

Возведение огромной протяженности Змиевых валов было мероприятием вынужденного характера, которое оказалось посильным для могущественного Древнерусского государства. Поистине гигантские для того времени планы оборонительного строительства были глубоко продуманы и гениально претворены в жизнь стараниями тысяч народных умельцев. Эти творения древнерусской эпохи являются ценными памятниками истории и культуры и заслуживают бережного отношения к их остаткам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Змиевы валы, овеянные легендами и впечатляющие своей грандиозностью, давно привлекают внимание исследователей. Но все попытки получить о них научную информацию не имели успеха. В течение полутора столетий усилиями краеведов на любительском уровне была решена лишь задача первичного картографирования валов. Этот источник страдал существенным недостатком, так как любой продольный вал или даже вал замкнутой конфигурации, ограждающий большое городище, считался Змиевым. Эклектизм в определении типологических признаков препятствовал выяснению географических пределов этих памятников. Исследователи однозначно и убедительно излагали легенды о валах, в остальном мнения расходились. А время не щадило валов, разрушение их вызывало тревогу, особенно в последние десятилетия в связи с интенсивным использованием земельных угодий и массовым строительством.

Предпринятое впервые в археологической практике изучение Змиевых валов не было легким занятием. Оно потребовало определенных профессиональных навыков, опыта исследования оборонительных сооружений. Кроме того, сами по себе валы, как специфические памятники археологии, не содержат необходимой исторической информации. Для их осмысления понадобилось изучение иных памятников, привлечение новых источников, комплексное исследование проблемы.

Нами исследованы современное состояние

валов, их топографическое и географическое местоположение, типологические особенности, определены исчезнувшие части. В итоге восстановлен план местонахождения 23 продольных валов, которые объединяются в 9 оборонительных линий*. Кроме несохранившегося вала между Ротком и Каменкой, не раскапывались остатки вала, занятого современной дорогой, между верховьями Красной и Ротком, а также ответвление от вала между Стугной и Ирпенем у с. Плисецкое и отрезок Поросского вала между Унавой и Гуйвой (Зарубинецкий вал).

Исследования 8 оборонительных линий, в том числе раскопки 19 валов на 50 различных участках позволили установить их особенности: фронтальную направленность в сторону степного юга, большую протяженность, эшелонированность в глубину, в том числе с помощью веерообразного разветвления в местах возможного обхода противником, устройство с применением двух повторяющихся типов деревянных конструкций. Во всем этом обнаруживается единство военно-инженерного решения общей стратегической идеи.

Совокупность различных данных свидетельствует о том, что Змиевы валы относятся к древнерусской эпохе. Существует версия о более раннем происхождении этих памятников, в которой выдвигаются три аргумента: 1) умолчание летописью факта строительства Змиевых валов; 2) упоминание в летописи валов как уже заброшенных сооружений; 3) наличие Змиевых валов не только в Среднем Поднепровье, но и южнее и юго-западнее территории Древнерусского государства.

Умолчание летописью факта строительства Змиевых валов можно объяснить по-разному. Летописцы отнюдь не все заносили в летопись. В данном случае летописец сообщает о начале оборонительных мероприятий при Владимире («нача ставити городы»), а не их завершении, когда к возведению Змиевых валов, возможно, еще не приступали. Возможно, они уже находились в начальной стадии строительства и были

* Без городищ раннежелезного века у с. Ходосовка (Круглик) на р. Вита и у Переяслав-Хмельницкого (Каракульское), которые были использованы в качестве дополнения Змиевых валов.

объединены летописцем с привычным до этого основанием «городов». К тому же, мы не знаем, как во времена Владимира и Ярослава назывались Змиевы валы, имевшие вид крепостной стены. В Киевской Руси любое искусственное оборонительное сооружение называлось «городом». Все государственные укрепления строились под руководством «городников», срубы оборонительных стен назывались «городнями». Поэтому и объединение летописцем двух типов оборонительных сооружений (крепостей и Змиевых валов) в одном термине «город» вполне возможно.

Змиевы валы упоминаются в летописи под термином «валы» начиная с 1093 г., когда они уже превратились из деревоземляных стен в оплывшие насыпи. И это не вызывает каких-либо сомнений: функционирующая деревоземляная стена крепостей в летописи ни разу не названа «валом». Однако запустение Змиевых валов к 1093 г. не дает оснований считать, что они находились в этом состоянии сотни лет и возникли задолго до образования Древнерусского государства. Для этого достаточно было и нескольких десятков лет.

Исследователи, трактующие летописные упоминания о Змиевых валах в пользу возведения их в более раннее время, чем эпоха Киевской Руси, не обратили внимания на летописное название этих сооружений. Но именно неоднократное упоминание в летописи Змиевых валов под названием «валы» не свидетельствует об их глубокой древности. В период Киевской Руси эти сооружения не именовались Змиевыми, они еще не были предметом мифологии. Подлинность их происхождения по традиции удерживалась в памяти поколений. Забвению этой традиции способствовало не только время, но и трагические события 1240 г. В новых исторических условиях о таинственных валах сложили легенду. По внешнему виду Змиевы валы, уходящие вдаль и теряющиеся на горизонте, действительно создают впечатление бескрайней борозды, пропаханной гигантским плугом, потянуть который могло только фантастическое существо.

По мнению исследователей, миф о кузнеце возник еще в начале железного века [178, с. 232; 179, с. 540, 544]. Но нам неизвестно, связывался ли он со Змием, а так же с какими-

либо земляными сооружениями. Украинская легенда о Змиевых валах с христианскими святыми-кузнецами Кузьмой — Демьяном и Борисом — Глебом, выковавшими плуг для Змия, относится к более поздней эпохе, чем Киевская Русь (в древнерусское время покровителем огня и кузнечного дела был Сварог) [179, с. 540]. Далее, сказания эпохи Киевской Руси, связанные со Средним Поднепровьем, сохранились на русском Севере [180, с. 145—169]. Между тем, среди них нет легенды о Змиевых валах. Насколько нам известно, термин «Змиевы валы» появляется в источниках начиная с XVIII в.

Что касается области распространения Змиевых валов, то она ограничивается только Средним Поднепровьем. Исследователи не видели разницы между Змиевыми валами с одной стороны, и Траяновыми, позднесредневековыми и некоторыми городищами раннежелезного века — с другой. Установлено, что оборонительная система Змиевых валов полностью согласуется с данными исторической географии Руси в Среднем Поднепровье и эти сооружения нигде не выходят за пределы территории Древнерусского государства. Длинные валы юго-западнее Среднего Поднепровья вплоть до Молдавии расположены в меридиальном направлении, и территориально и функционально не связаны со Змиевыми валами, которые образуют уникальную самостоятельную оборонительную систему. Они, словно тетива нескольких огромных луков, опоясывали Киевщину сплошным полукольцом со стороны степи и были специфическим средством защиты от кочевников.

Змиевы валы не требовали постоянного контингента защитников. Они сами по себе служили препятствием и в этой роли оправдывали свое назначение, когда с появлением печенегов южная граница Руси оставалась неукрепленной. Выполнение оборонительных функций без непосредственного привлечения воинских подразделений высвобождало людские ресурсы для обороны узловых укрепленных пунктов — вновь возводимых городов и крепостей.

Еще одна особенность Змиевых валов — это то, что они были качественно новым историческим типом древних оборонительных сооружений. Укрепления-городища, предназначавшиеся

для защиты отдельных общинных поселений, появились на современной территории УССР еще в энеолите (трипольская культура). В лесостепной зоне Украины сохранились большие племенные городища скифского времени — высшая ступень в развитии оборонительного строительства доклассового общества с его ограниченными социально-экономическими возможностями. Строительство сплошных защитных рубежей на больших территориях было под силу только для политической организации с централизованным управлением, классовыми социальными отношениями и более высоким уровнем общественного производства. Змиевы валы олицетворяют эпоху суровых испытаний общества, организованного не по племенному, а по территориальному признаку, с достаточно развитой социальной структурой, значительным по объему совокупным прибавочным продуктом, собственным экономическим потенциалом. Они были построены не рабами-военнопленными, а феодально-зависимым населением Киевской Руси.

В результате археологических исследований такие вопросы, как местоположение, планировка, конструктивные особенности, хронология, назначение Змиевых валов, место их в оборо-

нительной системе Среднего Поднепровья и роль в истории Древнерусского государства в работе рассмотрены на достаточном количестве фактических данных. Выяснение частных датировок оборонительных линий, реконструкция их внешнего вида, определение объема строительных материалов и трудовых затрат — эти вопросы рассмотрены в пределах возможной достоверности и представляют интерес в сравнительном плане.

Опыт изучения Змиевых валов имеет важное значение для археологического исследования длинных валов в других регионах, в первую очередь Траяновых на Юго-Западе УССР, а также в Молдавской ССР и соседних странах Юго-Восточной Европы.

В результате экспедиционных исследований Змиевых валов древнерусская археология пополнилась новым типом источников. Эти памятники, хотя и с большим опозданием, нашли свое место в исторической науке. Их изучение вносит значительный вклад в освещение истории населения Среднего Поднепровья, древнерусского оборонительного строительства, вопросов социально-экономического и культурного развития Киевской Руси.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— М.: Политиздат, 1967.— 791 с. (Полн. собр. соч.; Т. 3).
2. *Ленин В. И.* Левонародничество и марксизм // Полн. собр. соч.— Т. 25.— С. 235—237.
3. *Ленин В. И.* Карл Маркс // Там же.— Т. 26.— С. 46—93.
4. *Маркс К.* Вынужденная эмиграция.— Кошут и Мадзини.— Вопрос об эмигрантах.— Избирательные подкупы в Англии.— Г-н Кобден // Маркс К., Энгельс Ф.— Соч.— 2-е изд.— Т. 8.— С. 565—571.
5. *Энгельс Ф.* Кавалерия // Там же.— Соч.— 2-е изд.— Т. 14.— С. 296—325.
6. *Энгельс Ф.* Фортификация // Там же.— Соч.— 2-е изд.— Т. 14.— С. 326—351.
7. *Маркс К.* Капитал.— М.: Госполитиздат, 1960.— Т. 1.— (Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 23).
8. *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044—1430 гг. // Архит. наследство.— 1962.— № 14.— С. 3—26.
9. *Антонович В.* Змиевы валы в пределах Киевской земли // КС.— 1884.— № 8.— С. 355—370.
10. *Антонович В. Б.* Археологическая карта Киевской губернии.— М.: Моск. археол. об-во, 1895.— 139 с.
11. *Антонович В. Б.* Археологическая карта Волынской губернии.— М.: Лиссиер и Гешель, 1900.— 130 с.
12. *Артамонов М. И.* История хазар.— Л.: Гос. Эрмитаж, 1962.— 524 с.
13. *Багалій Д. І.* Історія Слободської України.— Х.: Союз, 1918.— 308 с.
14. *Багалій Д. І.* Заселення Південної України (Запорожжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку.— Х.: Союз, 1920.— 110 с.
15. *Багрянородний К.* Об управлении государством // ИГАИМК.— 1934.— Вып. 91.— С. 5—48.
16. *Боплан.* Описание Украины // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси.— Киев: Корчак-Новицкий, 1896.— Вып. 2.— С. 289—388.
17. *Брайчевський М. Ю.* Антський період в історії східних слов'ян: // Археологія.— 1952.— Т. 7.— С. 21—42.
18. *Брайчевський М. Ю.* Слов'янські пам'ятки Середнього Поросья // АП.— 1952.— Вып. 3.— С. 57—64.
19. *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності.— К.: Наук. думка, 1964.— 355 с.
20. *Брайчевський М.* Змієві вали: легенди і гіпотези // Наука і суспільство.— 1971.— № 8.— С. 58—59.
21. *Бугай А. С.* Звіт розвідувальної групи Київського педінституту про дослідження Змієвих валів Київщини у 1969 р.— К., 1969.— 6 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1969/60а.
22. *Бугай А. С.* Змієви вали Київщини // УІЖ.— 1970.— № 6. С. 74—83.
23. *Бугай А. С.* Звіт про роботу експедиції «По Змієвих валах Київщини» групи дослідників Київського педінституту в 1971 р.— К., 1971.— 5 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1971/36.
24. *Бугай А. С.* Один із стародавніх оборонних рубежів на території Київщини // УІЖ.— 1971.— № 7.— С. 113—120.
25. *Бугай А. С.* Дослідження Змієвих валів на Київщині // АДУ в 1969 р.— 1972.— Вып. 4.— С. 336—341.
26. *Бугай А. С.* Змієві вали // УРЕ.— 2-ге вид.— К., 1979.— Т. 4.— С. 281.
27. *Бугай А. С.* Змиевы валы // УСЭ.— Киев, 1980.— Т. 4.— С. 163.
28. *Будовици И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина // ИЗ.— 1947.— Вып. 22.— С. 42—100.
29. *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги // ЖМНП.— 1872.— № 11.— С. 116—165.
30. *Виженер Б.* Извлечение из записок (1573) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси.— Киев: Корчак-Новицкий, 1890.— Вып. 1.— С. 59—88.
31. *Висоцький С. О.* Вал Ярослава Мудрого у Києві // Археологія Києва: Дослідження і матеріали.— К.: Наук. думка, 1979.— С. 22—38.
32. *Воронин Н. Н.* Крепостные сооружения // История культуры Древней Руси.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.— Т. 1.— С. 439—470.
33. *Гильфердинг А.* Неизданное свидетельство современника о Владимире Святославиче и Болеславе Храбром // Русская беседа.— М., 1856.— Т. 1.— С. 1—34.
34. *Гольцева Н. В.* Опыт картографирования Траяновых и Змиевых валов на юге Днестровско-Прутского междуречья // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф.— Киев: Наук. думка, 1975.— С. 160—161.
35. *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар.— Киев, 1884.— 254 с.
36. *Гончаров В. К.* Райковское городище.— Киев: Изд-во АН УССР, 1950.— 149 с.
37. *Гораций В. А.* Майданы // Древности. Тр. МАО.— 1904.— Т. 20, вып. 2.— С. 29—39.
38. *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— М.: Госполитиздат, 1953.— 566 с.
39. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.— С. 55—113.
40. *Добровольский Л.* Забуті межі давньої Київщини // Зап. укр. наук. т-ва в Києві.— 1908.— Кн. 3.— С. 54—78.
41. *Добровольский Л.* Змиевы валы вблизи Киева // ЧИОНЛ.— 1909.— Кн. 21, вып. 1/2. Отд. 3.— С. 1—30.

42. Добровольский Л. Водораздел Ирпеня и Стугны // ЧИОНЛ.— 1910.— Кн. 21, вып. 3. Отд. 2.— С. 31—62.
43. Добровольский Л. Городище у д. Почтовой Виты.— Киев, 1912.— 42 с.
44. Добровольский Л. К вопросу о древних укреплениях в окрестностях Киева // ВИБ.— 1912.— Кн. 1.— С. 165—183.
45. Довженко В. И., Линка Н. В. Розвідки давньоруських городищ на нижній Росі в 1949 р. // АП.— 1955.— Вип. 5.— С. 151—157.
46. Довженко В. И. Військова справа в Київській Русі.— К.: Вид-во АН УРСР, 1950.— 86 с.
47. Довженко В. И., Кучера М. П. Отчет о работе древнерусской экспедиции 1956 г. на Роси.— Киев, 1956.— 56 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1956 / 12 в.
48. Довженко В. И. Археологический комментарий к сведениям литературных источников о смердах и закупах // КСИА АН УССР.— 1962.— Вып. 12.— С. 28—36.
49. Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь.— К.: Наук. думка, 1966.— 146 с.
50. Загорудский Э. М. Возникновение Минска.— Минск: Изд-во БГУ, 1982.— 357 с.
51. ЗОИД.— 1844.— Т. 1.— разд. 2.— С. 593—635.
52. Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.— С. 57—117.
53. Ілліньська В. А. Басівське городище // Археологія.— 1965.— Т. 18.— С. 48—76.
54. Инвентарь староств Киевского воеводства 1789 г. // АЮЗР.— Киев, 1905.— Ч. 7, т. 3.— С. 199—596.
55. Каргалов В. Оборона южной границы Русского государства в первой половине XVI в. // История СССР.— 1973.— № 6.— С. 140—148.
56. Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской украин» Русского государства в первой половине XVI ст.— М.: Наука, 1974.— 182 с.
57. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— М.; Л.: Наука, 1966.— Вып. 2.— 146 с. (САИ; Вып. Е 1-86).
58. Киянин Д. Вывод о том, что в древней Руси поросско-украинские и дунайские трояновы валы построены были не римским, а русским Трояном.— Киев: Унив. тип., 1845.— 36 с.
59. Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища // АИУ в 1967 г.— 1968.— Вып. 2.— С. 103—111.
60. Копилов Ф. Звіт про роботу Посульської археологічної експедиції 1946 р.— К., 1946.— 42 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1946 / 22.
61. Копилов Ф. Б. Звіт про роботу Посульської археологічної експедиції 1947 р.— К., 1947.— 28 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1947 // 31.— 28 с.
62. Копилов Ф. Б. Попередній звіт про роботу по розвідці археологічних пам'яток у верхів'ях р. Стугни від с. Велика Бугайка до с. Борова в 1947 р.— К., 1947.— 3 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1947 / 27.
63. Копилов Ф. Б. Посульська експедиція // АП.— 1952.— Т. 3.— С. 307—311.
64. Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Є. Л. Нові пам'ятки І тис. н. е. в Київському Подніпров'ї // Археологія.— 1975.— Вип. 15.— С. 87—98.
65. Кудряшов К. В. Половецкая степь.— М.: Географгиз, 1948.— 160 с.
66. Кузнецов М. Розвідувальні розкопки в Лубнах // Археологія.— 1948.— Т. 2.— С. 145—151.
67. Кучера М. П. Отчет о раскопках древнерусских городищ у хут. Кизивер Полтавской обл. в 1960 г.— Киев, 1960.— 20 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1960 / 4.
68. Кучера М. П. Давньоруське городище в хут. Миклашевському // Археологія.— 1962.— Т. 14.— С. 89—108.
69. Кучера М. П. Отчет о раскопках древнерусского городища у с. Городище на Днепре в 1963 г.— Киев, 1963.— 21 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1963 / 3.
70. Кучера М. П. Древньоруські городища біля хутора Кизивер // Археологія.— 1964.— Т. 16.— С. 103—118.
71. Кучера М. П. Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї // Археологія.— 1969.— Т. 22.— С. 180—195.
72. Кучера М. П. Про одну групу середньовічної кераміки на території УРСР // Слов'яно-руські старожитності.— К.: Наук. думка, 1969.— С. 174—181.
73. Кучера М. П. Давньоруське городище біля с. Городище під Переяславом-Хмельницьким // Археологія.— 1970.— Т. 24.— С. 217—225.
74. Кучера М. П. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини у 1973 р.— К., 1973.— 7 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1973 / 18а.
75. Кучера М. П. Загальна характеристика городищ // Археологія Української РСР.— К.: Наук. думка, 1975.— Т. 3.— С. 289—294.
76. Кучера М. П. Звіт про розвідку городищ у 1975 р.— К., 1975.— 21 с.— НА ИА АН УРСР, ф. 1975 / 27.
77. Кучера М. П. Звіт про роботу експедиції по дослідженню Змієвих валів у 1976 р.— К., 1976.— 8 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1976 / 37 а.
78. Кучера М. П. Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології.— К.: Наук. думка, 1976.— С. 176—197.
79. Кучера М. П. Давньоруські городища в західній частині Переяславщини // Археологія.— 1978.— Вип. 25.— С. 21—31.
80. Кучера М. П. Отчет о работе экспедиции по исследованию Змиевых валов в 1979 г.— Киев, 1979.— 32 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1979 / 24.
81. Кучера М. П. Дослідження городищ на Волині й Поділлі // Археологія.— 1979.— Вип. 29.— С. 62—72.
82. Кучера М. П. Отчет о работе экспедиции «Змиевы валы» в 1980 г.— Киев, 1980.— 45 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1980 / 34.
83. Кучера М. П. Отчет о работе экспедиции по исследованию Змиевых валов Среднего Поднепровья в 1981 г.— Киев, 1981.— 52 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1981 / 16.
84. Кучера М. П. Отчет об исследовании Змиевых валов в 1982 г.— Киев, 1982.— 50 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1982 / 32.
85. Кучера М. П. Неві дані про городища Житомирщини // Археологія.— 1982.— Вип. 41.— С. 72—82.
86. Кучера М. П. Исследование Змиевых валов в Среднем Поднепровье // АО 1981 г.— 1983.— С. 280—281.

87. Кучера М. П. Отчет о работе экспедиции по исследованию Змиевых валов в 1983 г.— Киев, 1983.— 50 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1983/39.
88. Кучера М. П. Исследование Змиевых валов по Роси и Стугне // АО 1982 г.— 1984.— С. 285.
89. Кучера М. П. Отчет о работе экспедиции по исследованию Змиевых валов в 1984 г.— Киев, 1984.— 26 с.— // НА ИА АН УССР, ф. 1984/37.
90. Кучера М. П. Раскопки Змиевых валов Киевщины // АО 1983 г.— 1985.— С. 302—303.
91. Кучера М. П. Отчет о работе экспедиции по исследованию Змиевых валов в 1985 г.— Киев, 1985.— 27 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1985/30.
92. Кучера М. П., Сухобоков О. В. Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону ІА АН УРСР за 1971 р.— К., 1971.— 74 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1971/176.
93. Кучера М. П., Юра Р. О. Обстеження городищ і замків на Поділлі // АД У в 1969 р.— 1972.— Вип. 4.— С. 382—383.
94. Кучера М. П., Юра Р. О. Звіт про роботу експедиції по дослідженню Змиєвих валів у 1974 р.— К., 1974.— 21 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1974/14а.
95. Кучера М. П., Юра Р. О. Звіт про роботу експедиції по дослідженню Змиєвих валів у 1975 р.— К., 1975.— 11 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1975/27.
96. Кучера М. П., Юра Р. О. Новые данные о Змиевых валах Среднего Поднепровья // Новейшие открытия советских археологов. Тез. конф.— Киев: Наук. думка.— Ч. 3.— С. 90—91.
97. Кучера М. П., Юра Р. А. Исследование Змиевых валов // АО 1974 г.— 1975.— С. 309—310.
98. Кучера М. П., Юра Р. О. Дослідження Змиєвих валів у Середньому Подніпров'ї // Дослідження з слов'яно-руської археології.— К.: Наук. думка, 1976.— С. 198—216.
99. Кучера М. П., Кравченко Н. М., Юра Р. О., Гопак В. Д. Знахідка в Змиєвому валу // Археологія.— 1975.— Вип. 18.— С. 108—110.
100. Кучера М. П., Приходнюк О. М. Исследование Змиевых валов на р. Здвиж // АО 1976 г.— 1977.— С. 321—322.
101. Кучера М. П., Гориний П. А. Раскопки городища XII—XIII вв. у с. Старая Ушица // Археологические памятники Среднего Поднепровья.— Киев: Наук. думка, 1983.— С. 62—96.
102. Кучера М. П., Сухобоков О. В., Белая С. А., Блажевич Н. В. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археол. карта).— Киев: Наук. думка, 1984.— 196 с.
103. Леким. Опыт военно-исторического исследования древнерусских укреплённых пунктов // ВИБ.— 1909.— № 3/4.— С. 21—42.
104. Линка Н. В. Роботи експедиції «Великий Київ» за 1947 р. // АП.— 1952.— Т. 3.— С. 39—53.
105. Лисий І. А. Звіт про обстеження курганів, городищ і оборонних валів Конотопщини 1975 р.— К., 1975.— 32 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1975/61.
106. Литвин М. Извлечение из сочинения (1550 г.) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси.— Киев: Корчак-Новицкий, 1890.— Вып. 1.— С. 1—58.
107. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— 383 с.— (МИА; № 104).
108. Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII в.— Киев, 1897.— 486 с.
109. Ляскоронский В. Г. Прошлое м. Триполья и окрестные о нем предания.— Киев: Унив. тип. Корчак-Новицкий.— 1900.— 24 с.
110. Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (Змиевые) валы в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС.— М., 1901.— Т. 1.— С. 404—459.
111. Ляскоронский В. Г. К вопросу о переяславльских торках.— СПб.: Сенат. тип., 1905.— 27 с.
112. Ляскоронский В. Г. Змиевы валы в пределах Южной России, их соотношение к курганам-майданам и близительная эпоха их возникновения // Тр. XIII АС.— М., 1907.— Т. 1.— С. 199—210.
113. Ляскоронский В. Г. К вопросу о курганах—городищах—майданах // Тр. XIII АС.— М., 1907.— Т. 1.— С. 419—434.
114. Ляскоронский В. Г. Городища, курганы, майданы и Змиевы валы в области Днепровского Левобережья // Тр. XIV АС.— М., 1911.— Т. 3.— С. 1—82.
115. Ляскоронский В. Г. К вопросу о местоположении в пределах Южной России района, в котором проповедывал епископ Брунон в начале XI века.— Пг.: Сенат. тип., 1916.— 25 с.
116. Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. // ИАК.— 1907.— Вып. 22.— С. 38—90.
117. Максимович М. А. О древнем вале, бывшем еще при Владимире Св. южнее Киева на границе земель печенегов // Собр. соч.— Киев, 1877.— Т. 2.— С. 340—342.
118. Малеев Ю. М. Охоронні розкопки м. Васи́лева // Археологія.— 1984.— Вип. 48.— С. 106—107.
119. Молчановский Н. Очерки известий о Подольской земле до 1434 г.— Киев, 1885.— 388 с.
120. Моргунов Ю. Ю. Разведки на Сумщине // АО 1972 г.— 1973.— С. 315—316.
121. Моргунов Ю. Ю. Три древнерусских городища верхнего Посулья // КСИА АН СССР.— 1977.— Вып. 150.— С. 74—79.
122. Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульской разведывательной группы ИА АН СССР в 1978 г. на территории Сумской и Полтавской областей УССР.— М., 1978.— 22 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1978/31.
123. Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульской разведывательной группы ИА АН СССР в 1979 г. на территории Сумской, Черниговской и Черкасской областей УССР.— М., 1979.— 24 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1979/39.
124. Моргунов Ю. Ю. Разведки по Суле // АО 1979 г.— 1980.— С. 310.
125. Моргунов Ю. Ю. Работы Посульской разведочной группы // АО 1980 г.— 1981.— С. 286—287.
126. Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. по данным погребальных памятников: Автореф. дис. канд. ист. наук.— Киев, 1980.— 19 с.
127. Моця А. П., Иванченко Л. И. Отчет об исследованиях

- летописного Богуслава в 1982 г.— Киев, 1982.— 7 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1982 / 336.
128. Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI—XVII вв.— М.: Изд-во АН СССР, 1955.— С. 116—213.— (МИА; № 44).
 129. Оглоблин Н. Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II // Унив. изв.— Киев, 1873.— № 8.— С. 1—15.
 130. Орлов А. С. Владимир Мономах.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.— 190 с.
 131. Падалка Л. В. Древние земляные сооружения в пределах Полтавской губернии. Ч. 1. О древних городках, городищах и насыпных валах.— Полтава: Дохман, 1905.— 60 с.
 132. Падалка Л. В. Прошлое Полтавской губернии и ее население.— Полтава: Полт. учен. арх. комис., 1914.— 237 с.
 133. Пассек Т. С. Отчет о работах Поросской археологической экспедиции в 1945 г.— Л., 1945.— 66 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1945 / 4.
 134. Пассек Т. С. Пороська археологічна експедиція 1945 р. // АП.— 1949.— Т. 1.— С. 209—222.
 135. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.— С. 151—226.— (МИА; № 62).
 136. Плетнева С. А. Древности Черных клобуков.— М.: Наука, 1973.— 95 с. (САИ; Вып. Е 1—36).
 137. Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М.: Наука, 1975.— С. 260—300.
 138. Плетнева С. А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ.— 1981.— № 6.— С. 50—63.
 139. Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Понски исторических закономерностей.— М.: Наука, 1982.— 188 с.
 140. Плетнева С. А., Макарова Т. И. Южное городище у с. Витачева // КСИА АН СССР.— 1965.— Вып. 104.— С. 54—61.
 141. ПСРЛ. Лаврентьевская и Троицкая летописи.— СПб., 1846.— Т. 1.— С. 1—XIX. Лаврентьевская летопись.— Ч. 1.— С. 1—209; Троицкая летопись.— Ч. 2.— С. 210—269.
 142. ПСРЛ. Ипатьевская летопись.— М., 1962.— Т. 2.— XVI с.+938 стб.+87 с.
 143. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись.— Вып. 3. Приложение: продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. 2-е изд.— Л., 1928.— Т. 1.— С. 488—580.
 144. ПСРЛ. Львовская летопись.— Ч. 1.— СПб., 1910.— Т. 20.— 418 с.
 145. ПСРЛ. Типографская летопись.— Пг., 1921.— Т. 24.— 271 с.
 146. ПСРЛ. Вологодско-Пермская летопись.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— 412 с.
 147. Покровская Е. Ф. Отчет о работе группы экспедиции «Большой Киев» ИА АН УССР в 1947 г.— Киев, 1947.— 6 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1947 / 27.
 148. Полонская Н. Д. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 годов в м. Белгородке // Тр. Моск. пред-варит. Комитета по устройству XV АС.— М., 1911.— С. 47—66.
 149. Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии.— Киев: Тип. Киево-Печер. Лавры, 1864.— 763 с.
 150. Похилевич Л. Уезды Киевский и Радомысльский.— Киев: Оглоблин, 1887.— 284 с.
 151. Приходнюк О. М. Археологічні розвідки в Поросці // Археологія.— 1979.— Вып. 31.— С. 83—96.
 152. Приходнюк О. М. Городища Халеп'є і Григорівка на Середньому Дніпрі // Археологія.— 1980.— Вып. 33.— С. 87—96.
 153. Приходнюк О. М., Гороховский Е. Л. Отчет о работе Сушковского отряда экспедиции «Зиневы валы» в 1980 г.— Киев, 1980.— 21 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1980 / 34а.
 154. Раппопорт П. А. Оборонительные сооружения на городище в с. Старые Безрадицы // КСИИМК.— 1951.— Вып. 41.— С. 114—118.
 155. Раппопорт П. А. Обстеження городищ в районі Києва // Археологія.— 1952.— Т. 7.— С. 142—149.
 156. Раппопорт П. А. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья // КСИИМК.— 1952.— Вып. 48.— С. 107—115.
 157. Раппопорт П. А. Древнейшие оборонительные конструкции с применением сырьевой кладки // КСИИМК.— 1953.— Вып. 52.— С. 17—24.
 158. Раппопорт П. А. К вопросу о системе обороны Киевской земли // КСИА АН УССР.— 1954.— Вып. 3.— С. 21—26.
 159. Раппопорт П. А. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века // КСИИМК.— 1954.— Вып. 54.— С. 180—186.
 160. Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— М.: Изд-во АН СССР, 1956.— 183 с.— (МИА; № 52).
 161. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.— 246 с.— (МИА; № 105).
 162. Раппопорт П. А. Из истории Южной Руси // История СССР.— 1966.— № 5.— С. 113—117.
 163. Раппопорт П. А. Военное зодчество западно-русских земель X—XIV вв.— М.: Наука, 1967.— 240 с.— (МИА; № 140).
 164. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище.— Л., 1975.— 179 с.
 165. Раскопки могильника у с. Нежилович, Радомысльского уезда Киевской губернии // АЛЮР.— 1900.— Т. 2.— С. 201—203.
 166. Ратич О. О. Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня, Львівської області в 1957—1959 рр. // МДАПВ.— 1962.— Вып. 4.— С. 106—119.
 167. Рыбаков Б. О. Розкопки в Переяслав-Хмельницькому в 1945 р. // АП.— 1949.— Т. 1.— С. 21—25.
 168. Рыбаков Б. А. Уличы // КСИИМК.— 1950.— Вып. 35.— С. 3—17.
 169. Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК.— 1952.— Вып. 43.— С. 3—44.

170. Рыбаков Б. А. Исторический взгляд на русские былины // История СССР.— 1961.— № 5.— С. 141—166; № 6.— С. 80—96.
171. Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII веков // ВИ.— 1962.— № 4.— С. 34—57.
172. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 361 с.
173. Рыбаков Б. А. Владимировы крепости на Стугне // КСИА АН СССР.— 1965.— Вып. 100.— С. 126—129.
174. Рыбаков Б. А. Торческ—город Черных клобуков // АО 1966 г.— 1967.— С. 243—245.
175. Рыбаков Б. А. Любеч и Витичев—ворота «внутренней Руси» // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej.— Wrocław etc., 1970.— Т. 3.— S. 1—15.
176. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники.— М.: Наука, 1971.— 293 с.
177. Рыбаков Б. А. Смерды // История СССР.— 1979.— № 1.— С. 41—58; № 2.— С. 36—57.
178. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М.: Наука, 1979.— 246 с.
179. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М.: Наука, 1981.— 606 с.
180. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М.: Наука, 1982.— 589 с.
181. Самойловский И. М. Переяславські Зміїві вали // УІЖ.— 1971.— № 3.— С. 101—102.
182. Середонин С. М. Историческая география.— Пг.: Тип. Главн. Упр. Уделов, 1916.— 240 с.
183. Сібілюв М. В. Цареборисівська заслонна смуга і сліди її на Ізюмщині.— Ізюм, 1930.— С. 23—30.— Окрема відб. із зб. Ізюм. краєзн. музею «Ізюмщина».
184. Слицин А. А. Майданы // ЗРАО.— 1906.— Т. 8, Вып. 1.— С. 1—28.
185. Слицин А. А. Разведки памятников материнской культуры: Пособие для краеведов.— Л.: Центр. бюро краеведения, 1927.— 142 с.
186. Статистическая опись Киевского округа от устья р. Ирпень до Василькова и Стаек, составленная по распоряжению киевских воевод 1686, июля 28 // АОЗР.— 1886.— Ч. 7, т. 1.— С. 513—549.
187. Стеллецкий Б. С. Общая схема древних укреплений и путей вокруг Киева // ВИБ.— Киев, 1911.— № 7/8.— С. 164—165.
188. Стороженко А. Где жили Переяславские торки? // КС.— 1899.— Т. 64.— С. 283—290.
189. Строков А. А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество.— М.: Воениздат, 1955.— 662 с.
190. Сухобоков О. В. Исследования Левобережной славяно-русской экспедиции // АО 1981 г.— М., 1983.— С. 323.
191. Телегин Д. Я., Юра Р. А., Кучера М. П., Максимов Е. В., Митрофанова В. Н. Отчет о разведке археологических памятников в зоне затопления Кременчугского водохранилища в 1958 г.— Киев, 1958.— 45 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1958/1 е.
192. Телегин Д. Я., Соболев Э. В., Ковалюх Н. Н. Отчет о датировании памятников археологии методом С¹⁴ в 1977—1980 гг.— Киев, 1980, 24 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1977—1980/35.
193. Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина (X—перша половина XIV ст.).— К.: Наук. думка, 1982.— 206 с.
194. Третьяков П. Н. Средневековые городища ЧАССР // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.— 1932.— № 5/6.— С. 62—66.
195. Третьяков П. Звіт про археологічні дослідження у 1946 р. в басейні річок Росі і Тясміну // АП.— 1949.— Т. 1.— С. 223—236.
196. Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М.: Наука, 1975.— С. 5—56.
197. Толочко П. П. Киев и Киевская земля XII—XIII вв.— Киев: Наук. думка, 1980.— 222 с.
198. Труды I АС.— 1871.— С. СХХV.
199. Успенский Ф. Образование Второго Болгарского царства.— Одесса, 1879.— 256, 91 с.
200. Успенский Ф. И. История Византийской империи.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.— Т. 3.— 860 с.
201. Устенко М. Г. Вірші про Уласа (Звідки взявся Зміїв вал) // Краєзнавство.— 1930.— № 1/5.— С. 62—63.
202. Фабрициус И. Отчет о рекогносцировочной поездке в сс. Хотов и Ходосовка по заданию экспедиции «Большой Киев» в 1947 г.— Киев, 1947.— 6 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1947/27.
203. Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии.— М.: Наука, 1984.— 216 с.
204. Федоров—Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М.: Изд-во МГУ, 1966.— 274 с.
205. Федоровский О. Майдани Харківщини та майданові теорії // ЗВУАК.— 1930.— Т. 1.— С. 61—90.
206. Фундуклей И. Н. Обзорные могил, валов и городищ Киевской губернии.— Киев: Гликсберг, 1848.— 124 с.
207. Хавлюк П. І. Древньоруські городища на Південному Бузі // Слов'яно-руські старожитності.— К.: Наук. думка, 1969.— С. 156—174.
208. Хатемкин А. Г. Предания о Змиевом вале // КС.— 1898.— Т. 63, отд. 2.— С. 13—18.
209. Членов А. Вали, остановившие гуинов // Ветер странствий: Альманах.— М.: Физкультура и спорт, 1976.— С. 40—46.
210. Шрамко Б. А. Отчет о раскопках и разведках скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1966 г.— Харьков, 1966.— 60 с.— НА ИА АН УССР, ф. 1966/66.
211. Шрамко Б. А. Исследование лесостепной полосы УССР // АО 1966 г.— 1967.— С. 199—201.
212. Юра Р. О. Древний Колодяжия // АП.— 1962.— Т. 12.— С. 57—130.
213. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства.— М.: Госюриздат, 1949.— 544 с.
214. Grabowski M. Ukraina dawna i teraźniejsza.— Kijów. Teofil Grücksberg, 1850.— Т. 1.— 172 s.
215. Hensel W. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej.— Wyd. 3. Warszawa, 1965.— 619 s.
216. Hensel W. Archeologia i prahistoria. Studia i szkice.— Wrocław etc.: PAN, 1971.— 619 s.

217. *Herrmann J.* Tornow und Vorberg — Berlin: Akademie Verlag, 1966.— 199 S. (Deutsche Akad. Wiss. Schriften. Sekt. Vor- und Frühgesch.; Bd. 21).
218. *Herrmann J.* Gemeinsamkeiten und Unterschiede in Burgenbau der slawischen Stämme westlich der Oder // *Z. Archäol.*— 1967.— Jahrg. 1, Bd 2.— S. 206—258.
219. *Kapischewski H.* Najdalszy zasięg władztwa pierwszych Piastów na południe od Karpat // *AAC.*— 1961.— N 3, fasc. 1/2.— S. 135—156.
220. *Kowalczyk E.* Wały Zmijowe. Ze studiów nad obroną stałą ziem ruskich we wcześniejszym średniowieczu // *KHKM.*— 1969.— N 2.— S. 141—179.
221. *Lowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich.— Warszawa, 1953.— 399 s.
222. *Nowakowski A.* Górne Pobuże w wiekach VIII—XI.— Łódź, 1972.— 159 s.
223. *Rajewski Z.* Die Hakenkonstruktion im frühmittelalterlichen Schutzwälen // *Z. Archäol.*— 1967.— Jahrg. 1, Bd. 2.— S. 200—205.
224. *Rappoport P.* Die altrussischen Burgwälle // *Z. Archäol.*— 1967.— Jahrg. 1, Bd 1.— S. 61—86.
225. *Ratič A. A.* Les anciens ensembles fortifiés russes de Soudovaja Višnja // I Medzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej.— Wrocław etc., 1970.— T. 3.— S. 41—50.
226. *Rashes P.* Валовете в Добруджа (към въпроса за хронологията и предназначението им) // *Археология.*— София, 1979.— Кн. 1.— С. 11—20.
227. *Rashes P.* Землената укрепителна система на Първото Българско царство. Плиска — Преслав. Прабългарската култура: Материали от бълг.-съв. среща. Юнен, 1976.— София, 1981.— Т. 2.— С. 99—103.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	— Археологічні дослідження на Україні	КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
АИУ	— Археологические исследования на Украине	АН СССР	АН СССР
АЛИОР	— Археологическая летопись Южной России	КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
АО	— Археологические открытия	АН УССР	АН УССР
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР	КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
АС	— Археологический съезд	МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
АЮЗР	— Архив Юго-Западной России	МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
БГУ	— Белорусский государственный университет	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ВИ	— Вопросы истории	НА ИА	— Научный архив Института археологии
ВИВ	— Военно-исторический вестник	АН УССР	АН УССР
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения	ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ЗВУАК	— Звідомлення Всеукраїнського археологічного Комітету	САИ	— Свод археологических источников
ЗООИД	— Записки Одесского Общества истории и древностей	УІЖ	— Український історичний журнал
ЗРАО	— Записки отделения Русской и Славянской археологии императорского Русского Археологического общества	УРЕ	— Українська Радянська Енциклопедія
ИАК	— Известия Археологической комиссии	УСЭ	— Украинская Советская Энциклопедия
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры	ЧИОНЛ	— Чтения в историческом обществе Нестора летописца
ИЗ	— Исторические записки	ААС	— Acta archaeologica carpathica
КС	— Киевская старина	КНKM	— Kwartalnik historii kultury materialnej

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3	в) Сравнительные данные о валах срубной и перекладной конструкций	161
Глава I		2. Земляные валы	164
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	5	Глава V	
Глава II		РОЛЬ ЗМИЕВЫХ ВАЛОВ В ИСТОРИИ КИЕВ-СКОЙ РУСИ	169
МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И СОХРАННОСТЬ ЗМИЕ-ВЫХ ВАЛОВ, ИХ ПРИЗНАКИ И ОТЛИЧИЯ ОТ ДРУГИХ ТИПОВ ЗЕМЛЯНЫХ СООРУЖЕНИЙ	19	1. Змиевы валы — специфический тип оборонительных сооружений против кочевников	169
1. Размещение и сохранность валов	19	2. Роль Змиевых валов в защите Среднего Поднепр-ровья от печенегов	174
а) Правобережье Среднего Поднепрровья	19	а) Вторжение печенегов в Причерноморье и взаимоотношения их с Русью	174
б) Левобережье Среднего Поднепрровья	53	б) Ведущее место Змиевых валов в системе обороны Среднего Поднепрровья конца X — первой половины XI в.	176
2. Характерные особенности Змиевых валов, их отличия от других типов земляных сооружений	60	3. Защита Южной Руси от половцев	180
а) Гидро- и топографическое положение Змиевых валов. Их планировка, форма и протяженность	60	а) Создание оборонительного заслона из торков	180
б) Позднесредневековые заграждения в линии Змиевых валов. Их типологические и функциональные особенности	64	б) Борьба против половцев. Возобновление строительства Змиевых валов	182
Глава III		4. Историческое значение Змиевых валов и обстоятельства их возникновения	184
ХРОНОЛОГИЯ ЗМИЕВЫХ ВАЛОВ	66	5. Змиевы валы — памятники древнерусской государственности, трудовых и ратных будней населения Киевской Руси	190
1. Датировка валов методами естественных наук	66	а) Строительство Змиевых валов — мероприятие общегосударственного характера	190
2. Датировка валов по археологическим данным	68	б) Примерная продолжительность строительных работ. Объем трудовых затрат	192
Глава IV		ЗАКЛЮЧЕНИЕ	197
УСТРОЙСТВО ВАЛОВ, ИХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	83	Список литературы	200
1 Конструктивные типы деревоземляных Змиевых валов	83	Список сокращений	206
а) Валы со срубной конструкцией	83		
б) Валы с перекладной конструкцией	130		

Монография

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ КУЧЕРА

ЗМИЕВЫ ВАЛЫ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

*Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР*

Редактор *Т. Н. Телиженко*

Оформление художника *Е. И. Муштенко*

Художественный редактор *И. М. Галушка*

Технический редактор *Н. А. Ратнер*

Корректоры *Э. В. Гкала, Е. А. Михалец, Л. Н. Творковская*

ИБ № 8013

Сдано в набор 16.02.87. Подп. в печ. 28.07.87. БФ 25628. Формат 84X90¹⁴. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 18,2. Усл. кр.-отт. 18,55. Уч.-изд. л. 21,09. Тираж 1440 экз. Заказ № 7—468. Цена 3 р. 30 к.

Издательство «Наукова думка». 252601, Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкинг», 252057, Киев, ул. Довженко, 3 в Нестеровской городской типографии. 292310. Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8. Зак. 4712